

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Научный центр гуманитарных исследований «ЕВРАЗИЯ»

**ВОЕННОЕ ДЕЛО
КОЧЕВНИКОВ КАЗАХСТАНА
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН
ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
И НОВОГО ВРЕМЕНИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Астана-2013

УДК 355/359
ББК 68
В 63

Ответственный редактор:
доктор исторических наук А.К. Кушкумбаев

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук З.С. Самашев
доктор исторических наук, профессор Ю.С. Худяков
доктор исторических наук Л.А. Бобров
магистр истории Д.А. Каусылов (технический секретарь)

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор В.Ф. Зайберт
доктор исторических наук, профессор Ж.О. Артыкбаев

Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи
В 63 средневековья и нового времени: сборник научных статей /
Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. – Астана: ИП «BG-print», 2013. – 180 с.: 32 ил.

ISBN 978-601-7376-13-0

В данном издании публикуются исследовательские материалы специалистов из Казахстана и России, а также Венгрии и Украины по военному делу кочевников Казахстана и сопредельных стран Евразии эпохи средневековья и нового времени. Книга предназначена как для ученых, специализирующихся в области военной истории народов обширного евразийского историко-культурного региона, так и преподавателей, докторантов, магистрантов и студентов вузов. Научное издание подготовлено в рамках реализации исследовательского проекта: «Военное дело Улуса Джучи (Дешт-и Кыпчак) XIII-XV веков». 2012. 2. № 0112PK02300, «Грантовое финансирование научных исследований» МОН РК.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-601-7376-13-0

© Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева, 2013
© ИП «BG-print», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Военное дело как отдельный объект научного исследования имеет три главные составляющие: военная организация, военное искусство и комплекс боевых средств. Авторы подготовленного сборника в основном специализируются на изучении военной истории кочевых народов и государств прошлого. Именно поэтому особое внимание в работах исследователей занимает чингизидский период истории огромного Евро-Азиатского континента. Монгольская эпоха в истории Евразии – один из самых знаковых и поворотных этапов всемирной истории восточных стран, начиная от Дальнего Востока и до Переднеазиатского и Восточно-Европейского региона включительно. Несмотря на обильный исторический материал и постоянный интерес научного сообщества к этому переломному периоду мировой истории, ускорившему развитие многосторонних связей между Западом и Востоком, эта тематика недостаточно осмыслена теоретически в контексте равномерного исследования истории военного дела евразийских кочевников средневековья. Образование гигантской империи Чингизхана и его преемников, считавшейся по праву самым большим государством в истории человечества, было тесно связано с этническими предками ряда современных народов, населявших Казахстан, государства Средней Азии и автономные российские республики, в частности Поволжья и Кавказа. Для истории казахов и Казахстана монгольская эпоха – это тот исторический фундамент, на основе которого и появилась традиционная казахская государственность позднего средневековья, и его многостороннее постижение поможет понять многие неразрешенные проблемы исторического прошлого.

В общественном сознании и широких кругах интеллигенции конца XX – начала XXI веков сразу после распада СССР началась и идет острая дискуссия и полемика о евразийском наследии Золотой Орды – державы, образовавшейся в результате распада Монгольской империи на территории Дешт-и Кыпчака, Хорезма, Кавказа и Руси, в том числе включая земли современного Казахстана, Западной Сибири, поволжско-уральского района и Крыма. Причем этот спор не только не утратил остроты, но и разгорелся с новой силой в наши дни. В этой связи представляет немалый интерес обращение специалистов к проблеме золотоордынского военного наследия по отношению к другим народам Восточной Европы и Евразии в целом, не только к тюркским и монгольским, но и остальным этнокультурным общностям, входившим в состав Улуса Джучи.

Оружие как одно из ведущих технических достижений было и остается основным средством ведения вооруженной борьбы на протяжении всей истории человечества. Комплекс вооружения в империи чингизидов и их преемников, вне всяких сомнений, это итоговое достижение материальной культуры кочевых и оседлых народов евразийского региона, и особенно военных традиций кочевников Центральной Азии, которая очень тесно была связана с вооружением более раннего периода – тюркского в восточной части континента, кыпчакского – на территории степного Дешт-и Кыпчака, дальневосточной оружейной культурой (Китай) и, несомненно, среднеазиатского региона.

Например, по оценкам некоторых специалистов, большинство наконечников стрел золотоордынского времени были культурно-генетически связаны в некоторых регионах с прежней кыпчакской традицией их изготовления, что видно по форме изготовления пера и других признаков. Конструкция ручных металлических средств с одной фронтальной накладкой, именуемой в специальной литературе «монгольским луком», появилась в начале II тысячелетия нашей эры в Южной Сибири и Центральной Азии, а затем в связи с монгольскими завоеваниями распространилась повсеместно. Появление в западных районах Улуса Джучи длинноклинковых копий ближнего боя (так называемых «пальм»), сочетающих режущие и рубящие функции, восходит к чжурчжэньским традициям империи Цзинь до монгольского времени. Кроме того, вхождение в состав золотоордынской империи Кавказа, поволжских народов, славянских земель, соседство с Передней Азией, среднеазиатским регионом, торговые и военные контакты с Египтом, странами и народами Западной Европы творчески обогатили джучидскую военно-ремесленную культуру, привнесли сюда массу новаций и новинок, способствовали в целом материальному и экономическому прогрессу золотоордынского общества. Мир как тогда, так и сейчас испытывал глобализацию, которая выражалась в том, что любые достижения в военной области быстро распространялись на огромной территории, населенной номадами.

Поэтому появление новых исследований по военному делу актуально как с точки зрения изучения военной истории тюрко-монгольских государств, так и применительно к этнокультурной истории стран нашего региона, средневековый период которых напрямую объединен с золотоордынской историей.

В подготовке данного научного сборника приняли участие как признанные специалисты, так и молодые исследователи различных стран (Казахстан, Россия, Венгрия и Украина), научные работы которых охватывают различные вопросы военной истории номадов средневекового периода и нового времени. От имени редакционной коллегии и всех, кто готовил книгу к печати, выражаю искреннюю признательность и благодарность всем коллегам, приславшим свои работы для публикации. Желаю им дальнейшей плодотворной работы и творческих успехов в познании военно-культурного наследия нашего прошлого.

***Председатель редакционной коллегии,
д.и.н. Айболат Кушкумбаев***

А.К. Кушкумбаев
Л.А. Бобров

МОНГОЛЬСКАЯ ТАКТИКА ВЕДЕНИЯ СТЕПНОГО БОЯ¹

Военное искусство монголов и чингизидов эпохи Великих завоеваний вот уже несколько столетий привлекает к себе пристальное внимание ученых многих стран мира. Однако данная тема изучена крайне неравномерно. Если военная история, вооружение и военная организация монголов XIII в. исследуются давно и плодотворно, то тактика ведения боя армии Чингизхана и его преемников изучена значительно хуже.² Достаточно часто вместо описания боевых построений и тактических приемов современные авторы ограничиваются лишь упоминанием роли дистанционного боя и атак тяжелой конницы в тактическом искусстве монголов.

К числу немногочисленных исключений относятся труды выдающихся российских исследователей – М.В. Горелика (Горелик, 1990, 2002) и Ю.С. Худякова (1991, 1997), статьи И.Л. Измайлова, И.М. Миргалеева (Измайлов, 2009, с. 424-428; Измайлов, 2011, с. 28-29, 21-32; Миргалеев, 2011, с. 170-181), а также соответствующие разделы книг Р.П. Храпачевского (Храпачевский, 2004, с. 196-206; Храпачевский, 2011, с. 75-85) и работы А.К. Кушкумбаева (Кушкумбаев, 2009, с. 81-115, Кушкумбаев, 2012 а, с. 181-192).

В общем спектре интереса к тактическим приемам монголов в бою для нас очень важным является исследование тактико-технических возможностей монгольских войск в полевом сражении на равнинной (открытой) местности, т. к. именно здесь проявлялись типологически-характерные черты формы ведения военных действий. На этой основе также можно понять и, соответственно, правильно интерпретировать не только достижения и особенности оперативно-тактического мышления их командного состава, но и, используя методику диахронно-синхронного исследования, разработать в дальнейшем типологию военного искусства евразийских кочевников в целом.

Слабая изученность тактики ведения боя монголами XIII в. в значительной степени обусловлена спецификой письменных источников. Средневековые хронисты обычно акцентируют внимание современников на последствиях сокрушительной атаки кочевников, в то время как построение монгольских войск в начале боя, а также применяемые ими тактические приемы часто выпадают из поля зрения авторов сочинения. Реконструировать применяемые монголами боевые построения и тактические приемы представляется возможным на основе комплексного анализа письменных, изобразительных и вещественных источников³. Сопоставление данных, относящихся к XIII в. и XIV-XVIII вв., позволяет проследить эволюцию построений и тактических приемов номадов на протяжении эпохи развитого, позднего Средневековья и раннего Нового времени.

В настоящей статье рассмотрим основные тактические приемы и построения монгольских войск в военных кампаниях XIII в., а также эволюцию данных приемов и построений в военном искусстве кочевников Великой степи на протяжении эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Однако, прежде чем перейти к основной теме настоящей работы, следует кратко остановиться на феномене зарождения и появления той тактики, о которой современники будут с восхищением и ужасом писать: «...нет в мире народа, который был бы так искусен в военном деле, который бы так же мог побеждать врагов будь то стойкостью или военной хитростью, *особенно в сражениях на открытой местности*» (здесь и далее курсив. – Авт.) (Фома Сплитский, 1997, с. 46).

1 Работа выполнена в рамках реализации научно-исследовательского проекта: «Военное дело Улуса Джучи (Дешт-и Кыпчак) XIII-XV веков». 2012. 2. № 0112РК02300, «Грантовое финансирование научных исследований» МОН РК, а также при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации МК-4281. 2012. 6.

2 Под тактикой мы понимаем составную часть военного искусства, включающую теорию и практику подготовки и ведения боя. Основными компонентами тактики являются боевой строй и тактические приемы ведения сражения. Дополнительными элементами тактики являются подготовка сражения, развертывание войск (переход от походного строя в боевой), тактическая разведка, военные хитрости и др.

3 В недавно изданной книге историка Тимоти Мэя одна из глав как раз посвящена «реальным действиям» монгольских войск на поле боя. При этом тактика монголов охарактеризована им в контексте контактов степных народов с другими культурами (May, 2007). Естественно, признавая взаимодействие различных культурных традиций военного дела, все-таки более целесообразно рассматривать оригинальные истоки тактических элементов военного искусства средневековых монголов.

К моменту выхода Чингизхана на историческую арену военное искусство кочевников давно завоевало уважение со стороны их оседлых соседей. Великолепный конский парк обеспечивалномадам важнейшее конкурентное преимущество – мобильность, как на тактическом, так и на стратегическом уровне (на поле битвы и в ходе военной кампании соответственно). Как показывает наш предыдущий опыт изучения проблем и особенностей формирования военного дела номадов Центральной Азии, в становлении основных составных частей их военного искусства ведущее значение имел своеобразный милитаризованный институт облавных охот, выполнявший многофункциональную роль в военной подготовке вооруженных сил древних и средневековых кочевых обществ и государств (об этом более подроб. см.: Кушкумбаев, 2009). Сочетание мобильности и массового применения мощного оружия дистанционного боя (сложносоставных луков) приносилономадам победы в десятках и сотнях сражений с армиями оседло-земледельческих народов. Искусство лучной стрельбы и оригинальной кавалерийской тактики органично проистекало из традиций массовой облавной охоты и перманентной «малой войны» между степными родами и племенами.

Однако наивно также полагать, что успех Чингизхана и его преемников являлся лишь следствием политической консолидации степных сообществ. Важнейшим фактором успехов монголов стали исключительные по масштабам и эффективности преобразования в военной сфере. Наиболее наглядное из них – это освоение номадами осадного искусства, которое привело к взрывному расширению границ традиционной экспансии кочевников, которая теперь резко сдвинулась от степных окраин вглубь оседло-земледельческих государств. Менее заметным (но отнюдь не менее важным!) фактором были изменения в других отраслях военного искусства: вооружении, военной организации и тактике монгольских полевых армий, которые, собственно, и обеспечили доминирование Монгольской империи на большей части Евразийского континента. Важнейшим условием данных изменений была способность монгольских вооруженных сил к творческому осмыслению собственно кочевых военных традиций и кооптации наиболее полезных элементов военного искусства оседло-земледельческих народов. Некоторые нововведения вводились в военную практику монголов стихийно, другие, напротив, настойчиво и последовательно внедрялись военным командованием. Уникальная по своим боевым характеристикам чингизидская «военная машина» сложилась далеко не сразу. Ее появление стало результатом как многолетнего опыта военных походов, так и целенаправленных изменений, вносившихся в военную организацию и тактику ведения боя непосредственно Чингизханом и его полководцами.

Доступные материалы позволяют сделать вывод, что монгольским войскам до военных реформ Чингизхана были присущи многие проблемы, характерные для армий кочевых народов, находящихся на данном уровне общественного развития. Монгольские воины были в бытовом отношении неприхотливы, физически выносливы, отважны в бою. Участие в массовых степных охотах и межродовых столкновениях превратило их в великолепных конных лучников. Однако низкий уровень дисциплины, отсутствие эффективной системы боевого слаживания различных родовых подразделений, неумение держать строй и совершать перестроения в меняющейся боевой обстановке, некомпетентность военачальников снижали боевой потенциал монгольских отрядов. В случае неожиданной атаки противника монгольские воины нередко смешивали свои боевые порядки, восстановить которые вновь было весьма непросто. Весьма независимо вели себя и командиры отдельных отрядов, которые могли прямо в ходе сражения увести свои войска с поля боя (Рашид-ад Дин, 1952, с. 147, 148).

Со всеми этими проблемами столкнулся и будущий «Потрясатель Вселенной». В сражении с бывшим побратимом-андой Джамухой и тайчиутами в урочище Койтен отряды Чингизхана попали под обстрел лучников противника, укрывшихся на горном кряже. Попытка перестроиться привела к неразберихе, причем сам Чингизхан при этом был опасно ранен стрелой в шею. Описывая этот бой, автор «Сокровенного сказания» дважды упоминает, что воины, перестраиваясь, теснили (мешали) «друг друга». Причем один раз эта фраза вложена в уста самого Чингизхана (Сокровенное сказание, 1990, с. 55, 57). В монгольской военной практике XII – начала XIII вв. (и даже позднее) выстраивание войск считалось настоящим военно-организационным искусством и требовало необходимого времени, опыта и подготовки. В сражении с найманским полководцем Коксеу-Сабрахом воины Чингизхана и Ван-хана, чтобы не тратить утром время на построение и держать в боевой готовности войско, были вынуждены даже ночевать, не покидая строя (Сокровенное сказание, 1990, с. 64; Рашид ад-Дин, 1952, Кн. 2, с. 113).

Неудивительно, что проведенные Чингизханом военные преобразования в первую очередь затронули вопросы поддержания дисциплины и соблюдения воинского строя.

Монгольские полководцы совершенно справедливо полагали, что для успешного ведения сражения требовалось отработать слаженность действий различных воинских подразделений. Способность каждого отряда выполнять поставленную командованием боевую задачу являлась одним из ключевых условий победы в битве в целом. Для этой цели Чингизхану требовалось добиться трех важных условий:

А) Соблюдение воинами тактического строя в канун и в начале сражения.

Б) Четкое и своевременное выполнение воинскими подразделениями маневров в ходе сражения.

В) Сохранение управляемости войсками на завершающих этапах сражения для решающего удара по противнику и последующего преследования.

Особое внимание уделялось сохранению боевых порядков при неблагоприятном развитии ситуации в ходе битвы. Так, например, перед сражением с буир-нурскими татарами в урочище Далан-нэмургэс Чингизхан грозил смертной казнью всем, кто при отступлении не займет своего места в строю: *«В случае же отступления все мы обязаны немедленно возвращаться в строй и занимать свое прежнее место. Голову с плеч долой тому, кто не вернется в строй и не займет своего первоначального места!»* (Сокровенное сказание, 1990, с. 62).

Для повышения управляемости войсками Чингизхан насаждал в своей армии суровую дисциплину и жесткую вертикальную систему подчинения. Органичная для Монголии XII в. родо-племенная структура организации вооруженных сил была принесена в жертву стройной десятичной системе. При этом лояльные роды и племена были распределены по десяткам, сотням и тысячам «щадящим» образом (консолидированно, без разрыва традиционных родо-племенных связей), зато другие были безжалостно раскассированы по разнородным (полиэтническим) частям и подразделениям.

Особую роль в повышении управляемости войсками сыграла специальная селекционная политика подбора командного состава армии, в рамках которой на руководящие посты попадали наиболее подготовленные, талантливые и компетентные командиры. Так, например, тот же Чингизхан дал такое типичное наставление: *«Каждого эмира десятка, который не в состоянии построить к бою своего десятка, мы обвиним вместе с женой и детьми, а из его десятка выберем кого-нибудь в качестве эмира, и таким же образом мы [поступим с эмирами] сотен и тысяч и эмиром-темником!»* (Рашид ад-Дин, 1952, Кн. 2, с. 260).

Если дисциплинарные и организационные нововведения, произведенные Чингизханом, широко известны, то тактические новинки, внедренные великим завоевателем, привлекали внимание исследователей значительно меньше. Однако они не только имели место, но и производили на современников и потомков не меньшее впечатление, чем другие военные преобразования. В сражении с найманами в 1204 г. «...Джамукэ-сэчэн издал и увидел боевой порядок войска Чингиз-хана, он обернулся [к своим] нукерам и сказал: *«Знайте, что приемы и боевой порядок войск [моего] побратима, т.е. Чингиз-хана стали иными»*, после чего увел свои отряды с поля боя (Рашид ад-Дин, 1952, Кн. 2, с. 147, 148).⁴

Показательно, что даже через 350 лет после Чингизхана традиционное построение тюркских войск Средней Азии увязывалось современниками с требованиями, введенными «Потрясателем Вселенной» на заре эпохи Великих завоеваний (Бобров, 2013, с. 248). Иностранцы наблюдатели еще в XIX веке отмечали, что «имея хороших офицеров, киргизы [т. е. казахи – А.К., Л.Б.] могли бы составить лучшую кавалерию в мире. Им присущи все качества, прославившие в истории полчища Чингис-хана» (Аткинсон, 1972, с. 43).

Тактические приемы ведения боя монголами XIII века

Рассмотрим основные тактические приемы ведения полевого сражения, применяемые монгольскими воинами XIII в., а также их эволюцию на протяжении эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

1. «Хоровод». Оригинальный кольцевидный строй кочевников для ведения лучного боя на средней и малой дистанции (рис. 1; 2 а).⁵

Данный военно-исторический феномен был впервые подробно проанализирован М.В. Гореликом в статье, посвященной военному делу татаро-монголов (Горелик, 1990, с. 156, 157). Он же предложил два варианта названия построения – «хоровод» или «карусель» (там же). Исследователь обратил внимание на интересную фразу Марко Поло (в версии Рамузио), связанную с действиями конных мон-

⁴ Характерно, что в данной битве Чингизхан «сам лично устанавливал войско».

⁵ Специфика «хоровода» заключается в том, что он представляет собой как разновидность построения войск номадов, так и особый тактический прием, предназначенный для ведения дистанционного боя.

гольских лучников в бою: «Татары, когда сражаются с врагом, так не смешиваются, а все скачут кругом да стреляют» (Горелик, 1990, с. 156; Марко Поло, 1990, с. 256). М.В. Горелик совершенно справедливо соотнес кольцевидный строй монгольских конных лучников XIII в. с описаниями аналогичного строя кочевников Восточной Европы XVI в. (там же, с. 157, 158). По мнению исследователя, обстрел противника велся стрелами с большими тяжелыми наконечниками с дистанции 20-40 м, причем «...точность его была такой, что стрелы то и дело поражали лица и руки воинов противника и даже перерезали тетивы его луков» (Горелик, 2002, с. 30).

Позднесредневековые материалы позволяют уточнить особенности данного боевого построения, а также его сильные и слабые стороны.

Подробное описание кольцевидного построения конных лучников (сделанное со слов русских воинов) оставил имперский посол в Московии С. Герберштейн: «Когда им [татарам – А.К., Л.Б.] приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а *изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага*. Среди таким образом (по кругу) наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок. Правда для этого у них есть опытные в сих делах вожатые, за которыми они следуют. Но если эти вожатые или падут от вражеских стрел, или вдруг от страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладевает такое замешательство, что они не в состоянии более вернуться к порядку и стрелять во врага. Такой способ боя из-за сходства называют «пляской» [т. е. русс. «хоровод» – А.К., Л.Б.]... они заводят «пляску», как называют ее московиты; командир или вожатый приближается со своим отрядом к вражескому войску и, пустив стрелы, отъезжает; за ним – другой отряд, и таким образом один отряд за другим, пока первый снова не вернется вслед за последним. Если они сумеют устроить дело так, то преимущество на их стороне, но если командиры, едущие впереди отрядов, погибнут или обречут, то они быстро приходят в замешательство» (Герберштейн С., 1988, с. 168).

Вероятно, этот же тактический прием в исполнении номадов Дешт-и Кыпчака в начале XVI в. описан и З. Бабуром: «Вот еще один [способ нападения]: передние и задние, беки и нукеры, все вместе мчатся во весь дух, пуская стрелы; они тоже не отступают в беспорядке и скачут назад во весь опор» (Бабур-наме, 1992, с. 107).

Таким образом, «хоровод» представлял собой замкнутое (вероятно, вытянутое вдоль вражеского строя) кольцо конных лучников, поражающих врагов стрелами на полном скаку (рис. 1, 2 а). Учитывая скорость стрельбы из лука, можно с большой долей уверенности утверждать, что воин-степняк, проносясь вдоль строя противника, выпускал по врагу не одну, а 2-3 и более стрел. Особое значение имел тот факт, что каждый лучник мог выбрать для себя максимально удобное расстояние и положение для стрельбы: «влево-вперед» (рис. 1, 1), «влево-вбок» (рис. 1, 2), «влево-назад» (рис. 1, 3). По этой же причине вращающееся кольцо всадников не могло быть широким. Чтобы не мешать друг другу прицеливаться и стрелять, конники должны были двигаться в один или, максимум, в два ряда.⁶

Несмотря на кажущуюся простоту, данный тактический прием был достаточно сложен в исполнении, требовал от лучников высокой точности движений, координации и дисциплины, поэтому воины, участвующие в «хороводе», были разделены на отдельные небольшие отряды (десятки?) во главе с «вожатыми», точно знающими положение своего подразделения в строю.

Наряду с основным вариантом «хоровода», когда кольцо лучников раскручивалось непосредственно перед строем противника, можно предполагать и наличие в военной практике номадов большого (внешнего) «хоровода», когда цепь конных лучников охватывала построение противника со всех сторон, заключая его в кольцо. Такой вариант «хоровода» позволял еще более усилить эффективность лучного боя, так как всадники не делали вынужденную паузу в стрельбе при прохождении внешней дуги кольца (рис. 1, 5). Однако данный вариант «хоровода» нес и дополнительные риски, так как воины на одной его стороне не могли знать, что происходит на другой стороне построения, закрытого от их глаз вражескими рядами. Судя по данным китайских авторов первой половины XIII в., в столкновении с пехотой противника, вооруженной длиннодревковым оружием, внешний «хоровод» мог использоваться и для блокирования вражеского отряда: «...если частокол алебард выставлен из строя [противника] и конница, получив сопротивление, прекращает свою атаку, то [черные татары] устанавливают кольцо всадников [вокруг противника], которые на отдалении патрулируют и время от времени пускают стрелы, вынуждая противника тратить силы на передвижения, через некоторое время такого напряженного противостояния у противника обязательно кончится продовольствие» (Золотая Орда, 2009, с. 70).

⁶ В противном случае стрельба из внутренних рядов «хоровода» могла быть только навесной.

Главная задача «хоровода» заключалась в нанесении максимального урона противнику в дистанционном бою. Оригинальный строй из пронсящих конных лучников позволял обеспечить непрерывный «дождь стрел», о котором с содроганием писали хронисты оседло-земледельческих народов. Благодаря тому, что степные военачальники раскручивали кольцо конных лучников в непосредственной близости от вражеского строя, стрельба велась с минимальной (или средней) дистанции и приводила к чудовищным потерям среди обороняющихся воинов и их боевых коней.⁷ Смертоносный «ливень» буквально выкашивал построения противника, заставлял паниковать, провоцировал на неподготовленную атаку или обращал в бегство.

Чем пассивней вели себя вражеские войска, чем больше было в их рядах пехоты, снабженной только оружием ближнего боя, тем большую опасность представлял для них «хоровод» (рис. 1). Однако даже наличие в пехотном строю некоторого количества лучников и арбалетчиков не решало проблемы, так как частота стрельбы пронсящих вдоль строя и быстро сменяющих друг друга конных лучников была значительно выше, чем пеших стрелков, которые должны были еще перезаряжать свои арбалеты. В случае контратаки тяжелой конницы противника составлявшие «хоровод» лучники могли резко повернуть коней и, пользуясь преимуществом в скорости, уходить от противника (рис. 2 б). При этом они продолжали поражать преследующих латников и их коней стрелами из положения «влево назад» (рис. 2 б) и, нередко, наводили их под удар засадных отрядов (см. ниже).

Вопрос о времени появления «хоровода» в военном искусстве кочевников Евразии остается открытым. Так, например, М.В. Горелик предполагает, что он мог применяться степными военачальниками уже в эпоху Древности (Горелик, 1990, с. 155-158). Не оспаривая эту точку зрения, отметим, что упоминания современников о данном тактическом приеме относятся к периодам развитого и позднего Средневековья. Вероятно, на это время и приходится расцвет тактики «хоровода» конных лучников. В пользу данной версии свидетельствуют и археологические материалы. Одновременно с завоевательными походами монголов среди кочевников Евразии стремительно растет популярность луков с центральной веслообразной накладкой и стрел с плоским широким пером. Это оружие является оптимальным для ведения интенсивного лучного боя на малой и средней дистанции. Луки с центральной накладкой были более надежны при частой и быстрой стрельбе, кроме того, их можно было хранить в налuche с натянутой тетивой (то есть в постоянной боевой готовности). Стрелы с большими плоскими наконечниками были менее устойчивы в полете, чем их раннесредневековые трехлопастные аналоги, а значит, менее эффективны при прицельной стрельбе на дальней дистанции. Зато они были исключительно полезны при стрельбе на малой и средней дистанции (то есть дистанции «хоровода»), более компактны (что позволяло увеличить колчаный боекомплект лучника) и просты в изготовлении (Худяков, 1997, с. 124, 126).⁸ Сочетание этого оружия с тактическим приемом «хоровод», применяемым дисциплинированными отрядами конных стрелков, создавало потрясающий боевой эффект, позволявший монголам нанести противнику огромные потери, не вступая в ближний бой: «У них заведено, чтобы каждый воин в сражении имел шестьдесят стрел, тридцать маленьких – метать [на дальней дистанции – А.К., Л.Б.] и тридцать больших, с железными широкими наконечниками; они их бросают вблизи, в лицо, в руки, перерезывают ими тетивы и много вреда наносят ими друг другу...» (Марко Поло, 1990, с. 193).

Современные исследователи, как правило, отзываются о данном строе кочевников исключительно в превосходной степени. Однако, отмечая несомненную эффективность «хоровода», необходимо указать и слабые стороны данного построения. К их числу следует отнести уязвимость «хоровода» перед неожиданной и быстрой контратакой противника, проводимой большими массами конницы, а также неуправляемость кольца лучников в случае гибели или ошибки «вожатых». Последний фактор особенно подчеркивал С. Герберштейн: «...если эти вожатые или падут от вражеских стрел, или вдруг от страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладевает такое замешательство, что они не в состоянии более вернуться к порядку и стрелять во врага» (Герберштейн, 1988, с. 168).

Как свидетельствуют письменные источники, «хоровод» продолжал применяться кочевниками Дешт-и Кыпчака вплоть до XVI в. включительно. Снижение популярности данного строя было связано

7 Характерно, что рост популярности «хоровода» в эпоху Великих Монгольских завоеваний совпал по времени со стремительным распространением луков с центральной веслообразной накладкой и стрел с плоским широким пером. Такие стрелы были менее устойчивы в полете, чем их трехлопастные аналоги, а, значит, менее эффективны при прицельной стрельбе на дальней дистанции. Зато более простые в изготовлении стрелы с плоским пером идеально подходили для стрельбы на малой дистанции, которая практиковалась в рамках «хоровода» (Худяков, 1997, с. 124, 126). Интересно, что среди наконечников стрел кочевников Дешт-и Кыпчака XV-XVI вв. данный тип стрел продолжает преобладать, что свидетельствует о сохранении некоторых тактических приемов, характерных для эпохи развитого Средневековья.

8 Интересно, что среди наконечников стрел кочевников Дешт-и Кыпчака XV-XVI вв. данный тип стрел продолжает преобладать. Это в точности соответствует данным письменных источников о сохранении «хоровода» в тактическом арсенале кочевников Дешт-и Кыпчака в начальный период позднего Средневековья. В более поздний период стрелковый арсенал номадов претерпевает значительные изменения.

с изменением тактики ведения боя в эпоху «Малого монгольского (ойратского) нашествия» и распространения огнестрельного оружия. Настоящим «убийцей хороводов» стал стремительный ойратский «копийный напуск» XVII в., проводившийся силами панцирной и легкой конницы, вооруженной длинными кавалерийскими пиками (Бобров, 2013, с. 237, 254).

2. «Цепи» конных лучников и «Воронья стая». Тактический прием, предусматривавший обстрел построений противника группами конных лучников, действующих в рассыпном строю и проводящих атаку небольшими отрядами с разных направлений.

Если при выполнении «Хоровода» кочевники осыпали противника стрелами с минимальной дистанции и в общем строю, то при атаке «цепями» вражеские войска подвергались нападению небольших групп конных лучников (по 4-5 всадников), действовавших в рассыпном строю. Такие группы приближались к вражеским полкам с разных направлений, постепенно охватывая его строй: «Обычно, при столкновении с противником, боевой строй [черных татар] таков: рассыпной, по 4-5 [человек в группе], так чтобы [они] никоим образом не скапливались в толпы, которые смогут быть охвачены противником. Вообще же, если [черные татары применяют] пеший порядок, то в регулярном [строю], а если конницу – то в рассыпном [строе]... Сотня всадников окружает и может охватить десяти тысячное войско, а тысяча всадников, разделившись и растянувшись, может заполнить пространство на сотню ли...» (Золотая Орда, 2009, с. 67, 68).

Таким образом, в результате реализации данного маневра вражеский строй был постепенно охвачен тактической «цепью» конных лучников, каждое «звено» которой составляло подразделение из 4-5 всадников. Можно предполагать, что лучники, входившие в состав кавалерийских «цепей», вели стрельбу по вражескому строю (настильную и навесную) преимущественно с большой дистанции, превышающей дальность стрельбы вражеских воинов. Рассыпной строй и малая численность группы позволяла всадникам свободно маневрировать, приближаться или отдаляться от вражеского строя в зависимости от боевой обстановки, не мешая при этом своим соседям. Выбрав оптимальную дистанцию стрельбы, воины могли удерживать коней на месте, сберегая их силы для последующих маневров и атак (рис. 3 б).⁹

Ведение дистанционного боя силами небольших отрядов, представлявших собой огромную разомкнутую цепь, позволяло не только избежать окружения, но и существенно облегчало контролируемый отвод войск в случае массированного контрнаступления противника. Можно предполагать, что атака цепями конных лучников могла осуществляться как самостоятельно, так и в составе более сложных тактических приемов, таких как «Тулгама», притворное бегство и т. д. (см. ниже). Вероятно, в ходе большого сражения на конные стрелковые цепи могли возлагаться и функции застрельщиков, призванных «прощупать» боевые порядки противника.

Если вражеские военачальники начинали контрнаступление всей массой своих войск, помешать которому небольшие группы конных лучников не могли, то по сигналу барабана «гугуй» монгольские всадники могли оттягиваться назад и соединяться в более крупные воинские подразделения. Прием стремительного разделения войск на малые отряды и их последующего объединения назывался «вороньей стаей»: «Если противник рассеивается, то и [черные татары] рассеиваются, если противник соединяется, то и [черные татары соединяются] соединяются, поскольку их конница действует стремительно. Близко или далеко, много или мало, собрались или рассеялись, выступили или еще нет [войска противника], [черные татары] движутся подобно падающему небу и проходят подобно молнии. Это называется «войска [как] стая ворон, рассыпающихся во все стороны». Они [черные татары] соединяются и [затем] расходятся, глядя по тому направлению, которое (задает их предводитель) своей плетью. Они расходятся и [затем] соединяются, услышав звуки [барабана] «гугуй» в качестве сигнала» (Золотая Орда, 2009, с. 68).

Атака противника силами конных лучников, действующих в рассыпном строю и ведущих дистанционный бой на максимальной дистанции, является одним из древнейших тактических приемов кочевников Центральной Азии. Его активно применяли еще воины державы Хунну. Суровая дисциплина и стройная военная организация монгольской армии, вероятно, способствовали повышению эффективности реализации данного тактического приема. Свою актуальность он сохранил и в последующие исторические периоды. Так, например, цепь тюркских конных лучников из армии Токтамыша изображена на гератской миниатюре 20-40-х гг. XIV в. (рис. 3 б). Воины ведут стрельбу по противнику,

⁹ По данным современников: «Монголы стреляют из луков дальше, чем другие народы» (Храпачевский, 2004, с. 197). Для повышения дальноточности и точности стрельбы на большой дистанции монголы применяли стрелы с наконечниками малых размеров (Марко Поло, 1990, с. 193). Такие дальноточные наконечники, снабженные небольшим трехлопастным или Z-образным в сечении пером, представлены в археологических памятниках Монголии и Южной Сибири эпохи развитого Средневековья (Худяков Ю.С., 1997, с. 30, рис. 16, 9, с. 31, рис. 17, 3, 4, с. 124-129). Выбрав оптимальную дистанцию для стрельбы по противнику, монгольские всадники поражали противника стрелами, сами оставаясь в недосягаемости для вражеского оружия. В случае контратаки противника небольшие отряды и «цепи» легких лучников на практически свежих конях могли легко оторваться от преследователей.

забросив щиты за спину и удерживая коней на месте. Вслед за цепью застрельщиков располагаются основные силы конницы Токтамыша, состоящие из всадников, вооруженных саблями, булавами и щитами (рис. 3 б).

Популярность данного тактического приема начала постепенно снижаться по мере распространения в регионе ручного огнестрельного оружия. Значительную опасность для небольших групп конных стрелков представлял и массированный «копийный напуск», характерный для ойратской конницы XVII-XVIII вв. Тем не менее, тактика конных стрелковых цепей продолжала сохраняться в военном искусстве кочевников Центральной и Средней Азии вплоть до первой половины XIX в. Когда средняя дальность настильной стрельбы сложносоставных луков и гладкоствольных ружей сравнялась, кочевники продолжили вести дистанционный бой с маломаневренным противником, вооруженным огнестрельным оружием, применяя навесную стрельбу (Бобров, 2012 б, с. 322). Цепи конных лучников окончательно вышли из военной практики кочевников Казахстана и Монголии после начала широкого внедрения в российский и китайский войсках нарезного оружия.

3. Колонны спешенных лучников. Нанесение концентрированного лучного удара по построениям противника силами отрядов пеших стрелков, действующих в плотных колоннообразных построениях.¹⁰

Данный тактический прием обычно ускользает от внимания современных исследователей, хотя в военной практике монголов XIII в. он занимал весьма заметное место. О его использовании военачальниками Чингизхана и его преемников свидетельствуют как европейские (Марко Поло), так и азиатские авторы (Пэн Да-я, Сюй Тин, составители «Юань ши» и др.).

Монгольские пешие лучники не формировали постоянных подразделений, а представляли собой временно сошедших с коней всадников. В походе они передвигались на лошадях и сходили с них непосредственно перед битвой или даже в ходе самого сражения. При этом боевые скакуны оставались на попечении специальных коневодов, находившихся за основной линией войск, или привязывались к веткам и стволам деревьев. В случае необходимости монголы могли вернуться к своим лошадям и продолжить бой в качестве конных стрелков. Решение о спешивании принималось полководцем в зависимости от особенностей боевой обстановки. Число таких воинов могло быть весьма значительно. Так, например, в сражении Мухали с войсками Чжанчжи монгольский военачальник спешил половину своей армии (Золотая Орда, 2009, с. 98).

Пешие лучники применялись для нанесения концентрированного лучного удара по противнику. Акцент делался на массированной высокоточной стрельбе с дальней дистанции. Характерно, в данной связи, что если в конном строю монгольские лучники предпочитали разряженные построения, то при ведении боя в пеших порядках применялся плотный (возможно, шереножный) строй. Китайские авторы XIII в. именовали его «регулярным»: «Вообще же, если [черные татары применяют] пеший порядок, то в регулярном [строю], а если конницу – то в рассыпном [строе]» (Золотая Орда, 2009, с. 68). В военной практике XII-XIII вв. армий Сунского Китая пехотные подразделения выстраивались в виде вытянутых поперек поля сражения колонн, состоящих из нескольких шеренг. Скорее всего, спешенные монгольские стрелки также формировали колонновидные построения. Находящиеся впереди лучники были снабжены круглыми плетеными щитами, которые они удерживали на локтевом сгибе левой руки: «Есть еще круглые плетеные щиты специально [для воинов] передовой линии атаки, носящих их на локте. Их используют, когда [черные татары] спешиваются и только лишь стреляют [из лука], чтобы сокрушить противника» (Золотая Орда, 2009, с. 62). Щит на сгибе руки предназначался для защиты головы и корпуса лучника от стрел противника. При пешей стрельбе применялась особая стойка, позволявшая метать стрелы с особой силой: «Что касается их стрельбы в пешем положении, то они становятся широко раздвинув ноги, делают широкий шаг и изгибаются в пояснице, полусогнув ноги. Поэтому [они] обладают способностью пробивать панцирь [своей стрельбой из лука]» (Золотая Орда, 2009, с. 58).

Китайские военные специалисты оценивали боевой потенциал спешенных монгольских стрелковых подразделений очень высоко: «...если [черные татары] сходят с коня, держа на руке круглый плетеный щит, на ходу пуская стрелы с каждым шагом прямо в цель, то на обоих флангов [они] непременно разгромят [строй противника], и тогда обязательно смешают [его], преследуют смешавшегося [противника] и быстро врываются [в ряды] врага» (Золотая Орда, 2009, с. 70). С высокой оценкой, данной китайцами пешим монгольским лучникам, был вполне солидарен и Плано Карпини: «...будучи на земле [т. е. пешими – А.К., Л.Б.], они сильно стреляют, ранят и убивают лошадей и людей» (Плано Карпини, 1957, с. 65).

¹⁰ Особо подчеркнем, что речь в данном случае идет об использовании стрелков не при осаде вражеских крепостей, а в полевых сражениях.

Как правило, спешенные лучники применялись при отражении вражеской атаки. Концентрированный лучной удар останавливал порыв вражеских войск и создавал предпосылки для осуществления контратаки, проводившейся силами кавалерийских монгольских подразделений. С другой стороны, в случае необходимости строй пеших лучников мог передвигаться по полю сражения, продолжая поражать противника стрелами (Золотая Орда, 2009, с. 70). Объектом массированной стрельбы пеших лучников могла быть как конница, так и пехота противника. Причем в ходе сражения пешие и конные монгольские лучники взаимодействовали друг с другом: «Мухали глубокой ночью вывел войска и двинулся с огромной скоростью. [Они] встретили [войско Чжаньчжи] на востоке уезда Шэньшуйсянь, зажали с двух сторон и ударили по нему. [Мухали] выделил из подчиненных ему войск половину, ссадил с коней и отправил сражаться пешими. [Он] отобрал несколько тысяч лучших стрелков и приказал (им): «Пехотинцы разбойников без лат, быстро расстреляйте их!». Тогда «подчиненные [Мухали] всадники и [спешенные] воины одновременно друг с другом двинулись и нанесли тяжелое поражение ему [войску Чжаньчжи]» (Золотая Орда, 2009, с. 98).

Весьма эффективно оказалось применение спешенных лучников и против вражеских слонов: «Выступили они [татары] против врага стройно, в порядке. Сошлись и, как нужно уже было начинать схватку, увидели кони татар слонов, да испугались до того, что не смогли татары вести их на врага, и повернули назад. А царь со своими воинами идет себе вперед. Увидели этот татары, взбесились и не знают, что им делать; было им ясно, что коли не смогут повести своих коней вперед, так все погибнут. Умно, однако же, распорядились, сделали вот что: видят они, что лошади испугались, спешили, попрятали коней в лесу, привязали их к деревьям, потом взялись за луки, насадили стрелы да и стали стрелять в слонов. Царские ратники не переставали также стрелять и сильно на них нападали, да и татары лучше врага умели биться и храбро защищались. И что вам сказать? Израненные слоны повернули назад да и побежали на своих... А татары увидели, что слоны бегут, тотчас на коней да и помчались на царскую рать; началась тут жестокая перестрелка...» (Марко Поло, 1990, с. 130, 131).

Практика спешивания части лучников в ходе сражения периодически использовалась степными полководцами уже в эпоху Древности и раннего Средневековья. В частности, ее применяли хунны, сяньби, древние тюрки, енисейские кыргызы, уйгуры и др. Особое место спешенные лучники играли в военном деле телесов-сеяньтосцев первой половины VII в. Судя по данным китайских источников, в войнах с древними тюрками сеяньтосцы добивались успеха в сражениях, применяя массы стрелков, действовавших в пешем строю. Эту же тактику сеяньтосский полководец Даду Ше попытался применить против объединенной тюрко-китайской армии в сражении на р. Ночжень в 641 г.: «...перешел [Даду Ше], через речку Ночжень и поставил войско в боевой порядок. Прежде всего сеяньтосцы в войне с Шаболо и Ашиною Шежи одерживали победы пехотой; почему и теперь, спешив конников, поставили по пяти человек, из которых пятый держал четырех лошадей, а четверо впереди сражались» (Худяков, 2000, с. 104). В начале битвы массированная стрельба сеяньтосцев остановила натиск тюркской конницы, а затем и кавалерии табгачей. Интересно, что для отражения атаки имперцев применялась стрельба по лошадям: «При открытии сражения тукюеское войско было потеснено. Сеяньтосцы в восторге преследовали. Цзи [имперский полководец Ли Цзи] подкрепил тукюесцев. Сеяньтосцы начали стрелять в лошадей и они погибали» (там же). Остановить сеяньтосцев смогла лишь китайская пехота, построенная в «сотенные колонны», удар которых пришелся в «промежутки» между сеяньтосскими отрядами, а исход сражения решил рейд тюркской конницы, атаковавшей телеских коневодов: «Цзи выстроил пехоту в сотенные колонны и ударил в промежутки. Неприятель пришел в замешательство. Тукюеский предводитель Се Вань-че с отборной конницей прежде устремился на держащих лошадей: почему с сеяньтосцы не могли уйти. Они потеряли несколько тысяч убитыми и до 15000 лошадей отбитыми. Даду Ше бежал» (там же).

Сражение на р. Ночжень свидетельствует, что применение масс спешенных стрелков создавало серьезную угрозу даже для хорошо подготовленной и вооруженной конницы (которой, без сомнения, являлась кавалерия тюрков и империи Тан). Можно с уверенностью предполагать, что эффективность действий дисциплинированных и опытных спешенных лучников монгольской армии XIII в. была еще более высокой. Кроме того, в отличие от сеяньтосцев монгольские стрелки имели надежного партнера, в роли которого выступали многочисленные конные отряды, которые страховали своих пеших соратников от ситуаций, подобных сражению на р. Ночжень.

Практика спешивания стрелков на поле боя (особенно в ходе оборонительного сражения) получила развитие в военном искусстве Тимура, что нашло свое отражение как в многочисленных письменных свидетельствах, так и в изобразительных материалах. На упомянутой выше гератской миниатюре,

изображающей битву войск Тимура и Токтамыша, среднеазиатские лучники ведут стрельбу в пешем строю, встав на левое колено. При этом их щиты и булавы лежат на земле, а оседланные кони располагаются за спиной стрелков (рис. 3 а). Партнером лучников выступает отряд конных копейщико-панцирников, находящийся во второй линии боевого построения (рис. 3 а).

Однако настоящий расцвет пешего стрелкового боя (в том числе и в плотных шереножных построениях) у кочевников Средней и Центральной Азии пришелся на эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени и был связан с распространением в войсках номадов ручного огнестрельного оружия. Наибольшую популярность такой тактический прием получил в джунгарских и казахских армиях. Примечательно, что вплоть до XIX в. ружейные стрелки могли дополняться и усиливаться подразделениями спешенных лучников (Бобров, Худяков, 2008, с. 576-577; Бобров, 2012 а, с. 113, 116; Бобров, 2012 б, с. 322). Как и в армиях монголов XIII в., главным партнером джунгарских и казахских пеших стрелков были отряды легкой и панцирной конницы (там же). Массированная стрельба из ружей и луков должна была остановить вражескую атаку и создать предпосылки для контратаки собственной конницы. Главное отличие от монгольского прототипа заключалось в том, что наряду с конницей для защиты стрелков применялись спешенные копейщико-панцирники (воинов, вооруженных ружьями) и лучников усиливались различными видами полевых укреплений (Бобров, Худяков, 2008, с. 576-579; Бобров, 2012 а). Кроме того, наряду с плотными шереножными построениями степными полководцами XVIII-XIX вв. применялся рассыпной строй спешенных стрелков-снайперов, действия которых отдаленно напоминали боевые приемы европейских егерей этого же периода (Бобров, 2012 а, с. 119).

4. «Тулгама» («Тулгамыш»).¹¹ Охват фланга (флангов) противника, с выходом в тыл, сопровождаемый массированной лучной стрельбой (рис. 3).

Один из основных тактических приемов, применявшихся монгольскими полководцами в ходе военных кампаний XIII в. Этот способ представлял собой практически обязательный компонент знаменитой монгольской тактики окружения войск противника. Эффективность тактического приема была обусловлена тем фактом, что в условиях превосходства монголов в мобильности (великолепный конский парк) и дистанционном бою (массовое применение мощных сложносоставных луков) «тулгама» был практически неотразим для обороняющихся войск противника. Исключительная боевая эффективность обусловила длительность бытования «тулгама» в качестве важнейшего тактического приема кочевников Великой Степи.

Данный тактический прием получил в современной военно-исторической литературе весьма разнообразные толкования, вплоть до самых экзотических.¹² Это тем более удивительно, что содержание и смысл этого маневра подробно изложены авторами эпохи позднего Средневековья. В том числе и З. Бабуром, который столкнулся с «тулгама» в ходе войны с кочевниками Дешт-и Кыпчака в начале XVI в.: «Когда ряды сблизались, враги стали заходить краем правого фланга нам в тыл; тут я повернулся к ним фронтом и наш авангард, куда были записаны все наличные йигиты, выдавшие битвы и рубившиеся мечом, оказались на правой руке; перед ним не осталось ни одного человека. Все же мы отбили и оттеснили врагов, вышедших вперед, и прижали их к центру... Правый фланг врага, потеснив наш левый фланг, зашел нам в тыл. Так как наш авангард тоже остался на правой руке, то наш фронт оказался оголенным. Люди неприятеля напали на нас спереди и сзади и начали пускать стрелы... Мы несколько раз нападали на противника и с боем оттесняли его; наши передовые тоже ходили в наступление. Люди, которые зашли нам в тыл, также приблизились и начали пускать стрелы прямо в наше знамя [т.е. в сторону ставки командования]; они напали спереди и сзади и наши люди дрогнули. Великое искусство в бою узбеков эта самая «тулгама». Ни одного боя не бывает без тулгамы» (Бабурнаме, 1992, с. 107).

Таким образом, «тулгама» представлял собой особый тактический прием, который предусматривал охват фланга противника с выходом в тыл и нанесением массированного лучного удара по его построениям (рис. 4). Это подтверждается и самим происхождением термина, который образован от тюркского глагола «тулгамак», то есть «окружить, обвернуть, обратить, кружить, крутить» (Кляшторный, Султанов, 1992, с. 344).

Охват фланга вынуждал вражеских военачальников начать спешный разворот своих воинских подразделений лицом к атакующим (рис. 4 а), что приводило к нарушению боевых порядков, но не решало тактической задачи, так как кочевники продолжали осыпать перестраивающихся вражеских

¹¹ Термин «тулгама» к воинскому приему применял З. Бабур, а «тулгамыш» – Абд ал-Гаффар. Оба термина имеют тюркское происхождение.

Оригинальное монгольское название приема не сохранилось. Возможно, двойная «тулгама» (охват двух флангов противника) была известна у монголов под каким-то собственным названием.

¹² Так, например, некоторые авторы определяют его как «таранный» (?) удар, сокрушающий фланг противника.

воинов стрелами как с фронта, так и с фланга и с тыла (рис. 4 б). В случае необходимости кочевники повторно обходили войска противника с фланга, что еще более усиливало неразбериху в его рядах (рис. 4 в). Контратаки обороняющихся не приводили к желаемому результату, так как легкие степные лучники уходили из-под удара конницы противника, а затем снова возвращались на поле боя (рис. 4 б, в). При этом вражеские войска, вынужденные совершать не предусмотренные планом боя развороты и перестроения, под ливнем стрел неизбежно нарушали строй. В конечном счете это приводило к смешению рядов и отступлению войск противника (рис. 4 г).

Главная роль при выполнении «тулгاما» (как и в «хороводе») отводилась массированной лучной стрельбе. Ни о каком «таранном» ударе, упоминаемом некоторыми современными авторами, речь в источниках не идет. Рукопашная схватка не исключалась при выполнении маневра, но не являлась его обязательным элементом. Главное отличие «тулгاما» от «хоровода» заключалось в том, что в первом случае приоритет отдавался маневру, а обстрел противника велся не только с фронта, но и с фланга и с тыла. Однако нельзя исключать, что «тулгاما» могла включать в себя (как составные части атаки) и «хороводы» (см. ниже). При выполнении «тулгاما» кочевники обычно атаквали левое крыло противника своим правым флангом. Это вполне объяснимо, так как в этом случае атакующие лучники могли беспрепятственно вести стрельбу влево-вперед, влево и влево-назад. Иногда, чтобы маневр был неожиданностью для противника, он осуществлялся левым флангом или двумя флангами одновременно: «Храбрые мужи, воины опытные в сражениях и испытанные в битвах, напали [на врага] с левого и правого флангов, и, подобно воинственным львам, сцепились между собой, и покрыли прах поля брани кровью» (Материалы по истории казахов..., 1969, с. 147, 148). Следует подчеркнуть, что «тулгاما» могла исполняться как фланговыми отрядами, так и всей армией целиком (рис. 4).

Данный тактический прием активно использовался кочевниками Средней Азии и Восточной Европы на протяжении XIV-XVI вв. Так, например, его применял хан Токтамыш против войск Тимура в битвах у р. Кондурча (1391 г.) и у р. Терек (1395 г.) (Миргалеев, 2011, с. 174-179).¹³ Интересно, что в обоих случаях «тулгاما» ставила чагатайские войска на грань поражения, и только полководческий гений Тимура, высокий уровень дисциплины и эффективная военная организация его армии позволяли великому завоевателю в конечном счете одерживать победы над степными воинствами. А вот его наследники так и не смогли найти эффективных способов борьбы с «тулгاما». Хваленые «кованые рати» Тимуридских владык, щитоносная пехота и арбалетчики городских ополчений Мавераннахра не выдерживали ливня стрел легкой и маневренной степной конницы (Бобров, 2013, с. 239-241).

В XIV-XVI вв. «тулгاما» являлся одним из самых эффективных приемов ведения боя тюркских кочевников Средней Азии и Казахстана. Подобрать «противоядие» в рамках традиционной региональной тактики было крайне сложно. Опираясь на превосходство в мобильности и дистанционном бою, номады могли раз за разом безнаказанно повторять маневр, ускользая из-под контрударов противника и обрушивая на него ливень стрел. По выражению З. Бабура: «*Великое искусство в бою узбеков эта самая «тулгاما». Ни одного боя не бывает без тулгамы»* (Бабур-наме, 1992, с. 107). Эффективное применение «тулгاما» в ходе кампаний начала XVI вв. стало одним из ключевых военных факторов, позволивших «кочевым узбекам» одержать победы над тимуридскими армиями и установить свой контроль над Мавераннахром. Как показали дальнейшие события, главную опасность для «тулгاما» представляли не сабли «среднеазиатских рыцарей» – йигитов, а длинные пики ойратской конницы и слаженная ружейная стрельба российских казаков и узбекских туфакандазов (Бобров, 2013, с. 239-241, 254, 255).

5. «Шиучи». Концентрированная атака ключевой позиции противника для прорыва его строя, проводимая силами сменяющих друг друга отрядов.

По данным составителей «Хэй-да ши люэ» (1237 г.), этот прием являлся одним из основных в тактическом искусстве монголов. Степные военачальники определяли во вражеском строе место («главный пункт»), на которое обрушивали концентрированный удар своих кавалерийских отрядов. Целью атаки было смешать и разорвать вражеский строй. Если это удавалось, то в наступление переходила вся монгольская армия: «*Всякий раз сначала [черные татары] используют отряд всадников – атаковать напрямик главный пункт строя противника. И едва лишь [противник] поддается, то [черные татары], не раздумывая много или мало [противника], наступают широким фронтом и преследуют по пятам врага. И хотя и было бы [противника] 100 000, но [он] не в состоянии удержаться»* (Золотая Орда, 2009, с. 69).

¹³ В сражении у р. Кондурча Токтамыш использовал парную «тулгаму», когда его конные отряды охватили оба фланга армии Тимура (Миргалеев, 2011, с. 174, 175). В первый день битвы у р. Терек Токтамыш пытался охватить армию Тимура своим правым, а во второй день своим левым флангом (Миргалеев, 2011, с. 178, 179).

В случае, если атакующему отряду не удавалось выполнить поставленную задачу, то его сменял следующий отряд и т. д.: «Если [противник] не поддается, то первоначальный отряд отходит вбок, следующий по очереди отряд снова нападает. Если опять не вышло проникнуть [в строй противника] то последующие отряды берут пример с того, как [действовали] они [предыдущие отряды]» (Золотая Орда, 2009, с. 69).

Пэн Да-я и Сюй Тин не приводят аутентичного монгольского названия данного тактического приема. На наш взгляд, принцип концентрированного удара сменяющих друг друга отрядов в одно и то же место вражеского строя может быть соотнесен с атакой «*Шиучи*» («долото»), упомянутой в тексте «Сокровенного сказания».¹⁴

К сожалению, китайские авторы не уточняют, каким конкретно образом монголы пытались прорвать вражеский строй. Скорее всего, в большинстве случаев применялся интенсивный дистанционный бой («хоровод»?). Хотя, на наш взгляд, нельзя полностью исключать и возможность рукопашной схватки с участием как представителей покоренных народов, так и самих монголов.¹⁵

Одним из способов прорыва сильных вражеских построений было увеличение в атакующих отрядах числа всадников, снабженных защитным вооружением. По данным составителей «Хэй-да ши люэ», монголы могли доводить численность панцирников в подобных «штурмовых» подразделениях до 30 % от общего числа воинов: «*При сокрушении сильного построения (войск противника) и взятии позиции сполна применяют на острие атаки воинов в доспехе из скрепленных кож. Должны быть впереди, как правило, из [каждых] десяти [атакующих] таких трое*» (Золотая Орда, 2009, с. 68). Такие латники в рамках тактического приема «*Шиучи*» могли быть востребованы как в дистанционном, так и в ближнем бою.

В случае, если строй противника нельзя было пробить обычными атаками, то на него гнали стада крупного рогатого скота и табуны диких лошадей, которые должны были смешать вражеские ряды: «... если крепкие позиции [противника] не поддаются прорыву всеми тактическими приемами, то непременно гонят [на них] крупный рогатый скот... или [черные татары] плетьюми [гонят] диких лошадей [на противника], чтобы создать помеху вражескому построению в совершенно непреодолимую позицию» (Золотая Орда, 2009, с. 70).

Интересно, что в некоторых случаях массированная фронтальная атака «*Шиучи*» могла применяться не в качестве главного удара, а в виде отвлекающего маневра, призванного скрыть обходные движения монгольских фланговых подразделений (двойная «*Тулгама*»). Сочетание тактических приемов «*Шиучи*» и «*Тулгама*» позволяло провести окружение войск противника и создать условия для атаки на его позиции с разных сторон: «Поэтому то время, пока они прорывают (позицию) противника – это *выигрыш темпа для тактического приема (черных татар) сосредоточить войска слева, справа и сзади (противника)*. И как только войска замкнут (окружение) со всех четырех сторон, то те, которые выполнили (маневр) самыми последними, дают (сигнальный) звук (барабана) «*гузуй*». (Черные татары) с четырех сторон и восьми направлений откликаются (на него), одновременно объединяют силы и все вместе наносят удар» (Золотая Орда, 2009, с. 69, 70).

Вопрос времени появления тактики концентрированного удара, проводимого силами сменяющих друг друга конных отрядов, в военном искусстве кочевников Центральной Азии остается открытым. Можно уверенно говорить о том, что данный прием (в комбинации с окружением войск противника с четырех сторон) применялся киданями X-XI вв. (Золотая Орда, 2009, с. 71). Однако из текста «Ляо ши» не очень понятно, наносился ли удар в одно место строя противника или киданские отряды атаковали врага с разных сторон (там же). Кроме того, судя по тому же описанию, кидани сначала окружали противника и лишь потом начинали свои повторяющиеся атаки. Подобный подход приводил к тому, что противник успевал подготовиться к нападениям и сражение могло затянуться (там же, с. 71, 72). В военном искусстве монголов повторяющаяся фронтальная атака отвлекала внимание противника и позволяла провести окружение незаметно. В таком варианте удар с флангов и тыла был неожиданным для врага, что позволяло разгромить его войска в более короткие сроки.

14 Дословный перевод оборота (в версии Б.И. Панкратова), характеризующий план предстоящего сражения монгольских войск, может звучать как «битву «долота» будем биться» (Сокровенное сказание, 1990, с. 88; Крель, 1998, с. 62). В военном искусстве монголов периода позднего Средневековья применялся многочастный строй «бычий рог», предназначенный для прорыва развернутых построений противника (см. ниже). Возможно, что прием «Шиучи» выполнялся в рамках этого строя и являлся аналогом «Удара бычьего рога» XV в. (Бобров, Худяков, 2008, с. 536). Однако в XV-XVIII вв. прорыв осуществлялся 1-2 массированными атаками, а не серией нападений сменяющих друг друга отрядов (Бобров, Худяков, 2008, с. 536). Поэтому не исключено, что «Шиучи» и «Удар бычьего рога» – это два различных тактических приема, решающих единую задачу – прорыв построений противника. В противном случае «Удар бычьего рога» – это дальнейшее развитие идеи «Шиучи», но уже в рамках военных реалий периода позднего Средневековья.

15 Если предположить, что атака «*Шиучи*» проводилась силами покоренных народов, то становится понятным, каким образом военачальники Чингизхана и его преемники кооптировали в монгольское военное искусство иноэтнические кавалерийские и пехотные отряды, использующие альтернативную (не степную) тактику ведения боя.

В последующие столетия «*Шиучи*» сохранялся в военном искусстве тюркских и монгольских кочевников Великой Степи, хотя и уступал по популярности приему «*Тулгама*». Вероятно, именно «*Шиучи*» был применен Мамаем в битве с войсками Дмитрия Донского на Куликовом поле в 1380 г., а также в сражениях Токтамыша и Тимура в 90-х гг. XIV в.¹⁶ Во второй половине XV-XVI вв. популярность данного тактического приема в военном искусстве тюркских номадов Средней Азии и Восточной Европы постепенно снижается. Приоритет отдается маневру и охвату флангов противника.

Изменившаяся в эпоху «Малого монгольского (ойратского) нашествия» тактика ведения боя оставляла все меньше места для проведения последовательных концентрированных кавалерийских атак с акцентом на применение луков и стрел. Приоритет переходит к первому мощному удару, главную роль в котором начинает играть массовая панцирная и легкая копейная конница. Если противник мог отразить первый удар копейщиков, то последующие атаки были значительно менее сильными. В сражении на р. Урхуй (Олгой) фронтальная «*Шиучи*», проводимая силами монгольской и цинской конницы, была остановлена интенсивным огнем спешенных джунгарских ружейных стрелков. А двойная джунгарская «*Тулгама*» заставила союзников стремительно покинуть поле сражения (Бобров, Худяков, 2008, с. 574). В военных кампаниях XVIII-XIX вв. «*Шиучи*» применялся все реже. Последние атаки казахской и узбекской конницы, проводившиеся в стиле «*Шиучи*», захлебнулись в пороховом дыму российской регулярной пехоты середины XIX в.

6. Атака с притворным отступлением и засады. Данный тактический прием представлял собой провоцирующую атаку с последующим контролируемым (притворным) отступлением (сопровождаемым лучной стрельбой по преследователям), завершающимся массированным контрударом (рис. 2 б, в).

Вероятно, самый известный тактический прием монголов эпохи Великих монгольских завоеваний. Многократно и с успехом применялся военачальниками Чингизхана и его преемников на протяжении военных кампаний в Центральной, Западной и Восточной Азии, а также Кавказе, Восточной и Центральной Европе.

Суть данного тактического приема заключалась в том, чтобы расстроить боевые порядки противника лучной стрельбой, спровоцировать его на неподготовленную атаку, нанести ему максимальные потери в ходе «контролируемого бегства» (поражая противника стрелами из положения влево-назад) и, наконец, опрокинуть потерявших строй и растянувшихся преследователей. Для эффективного применения подобного приема степняки должны были атаковать врага в растянутом неглубоком строю, чтобы не мешать друг другу в ходе последующего «бегства».¹⁷

Достаточно часто составной частью притворного отступления являлись засады, представлявшие собой укрытый от глаз противника резерв, служивший для усиления эффекта неожиданного контрудара по преследователям отступающих лучников (рис. 2).

Интересно, что данный тактический прием монголов описан у азиатских и европейских авторов весьма схожим образом.

Авторы «Хэй-да ши люэ» (1237 г.): «... [когда черные татары] делают такой вид, что действительно терпят поражение, а их преследуют, не прекращая атаковать, их [черных татар] засадная конница выступает и никого не оставляет [из противника]» (Золотая Орда, 2009, с. 71).

Плано Карпини (1246 г.): «Надо знать, что всякий раз как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и если их враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают» (Плано Карпини, 1957, с. 52).

Марко Поло (вторая половина 70-х – первая половина 90-х гг. XIII в.): «В битвах с врагом берут верх вот как: убежать от врага не стыдятся, убегая, поворачиваются и стреляют. Коней своих приучили, как собак, ворочать во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся славно да сильно, так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит и назад поворачивается, стреляет метко, бьет и вражьи коней, и людей; а враг думает, что они расстроены и побеждены, и сам проигрывает, оттого, что кони у него перестреляны, да и людей изрядно перебито. Татары, как увидят, что перебили и вражьи коней, и людей много, поворачивают назад и бьются славно, храбро, разоряют и побеждают врага. Вот так-то они во многих битвах и покоряли многие народы» (Марко Поло, 1990, с. 82).

¹⁶ В битве на Куликовом поле прием «*Шиучи*» был применен в ходе атаки на Большой полк русской рати. Удар по левому флангу русских, начавшийся как «*Шиучи*», привел к разгрому крыла армии Дмитрия Донского и создал условия для окружения русских войск. Однако контратака засадного полка не позволила золотоордынцам развить тактический успех и в конечном счете решила участь сражения. В битве на р. Кондурча (1391 г.) и в первый день сражения на р. Терек (1395 г.) Токтамыш дополнял «*Тулгаму*» приемом «*Шиучи*». В третий день битвы на Тереке «*Тулгаму*» и «*Шиучи*» против левого фланга ордынской армии сочетал уже Тимур, что в конечном счете принесло ему победу в сражении.

¹⁷ О стрелковых цепях монгольских кочевников см. выше.

Масштабы тактического приема существенно варьировались. Так, например, притворное отступление могло не ограничиваться полем сражения и окрестностями, а продолжалось на протяжении нескольких дней: «Точно так же если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее; при этом они убивают людей и разрушают и опустошают землю. А если они видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на десять или на двенадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают всю землю» (Плано Карпини, 1957, с. 52). Именно такое оперативно-тактическое отступление было применено монгольскими военачальниками Субэдэй-бахадуром и Джэбэ-нойоном перед знаменитой битвой на р. Калка. Оно продолжалось около 12 дней и закончилось неожиданным массированным контрударом по растянувшейся русско-половецкой армии (Астайкин, 2012, с. 27).

Притворное отступление и засады относятся к числу традиционных тактических приемов кочевников. Они были исключительно популярны уже в эпоху Древности, раннего и развитого Средневековья. Особенно часто и с потрясающим эффектом его применяли степные военачальники времен Великого Монгольского нашествия (Горелик, 1990). На наш взгляд, в основе тактического приема лежит многовековая практика больших коллективных охот, а также малой степной войны, важнейшими элементами которой были набеги и контрнабеги с целью захвата имущества, скота и пленных с последующим преследованием и засадами. Отточенный в междоусобных столкновениях кочевников тактический прием был эффективен сам по себе, однако, применяемый дисциплинированным, высокоорганизованным и хорошо вооруженным монгольским войском, он был поднят на новую высоту исполнения.

Притворное отступление и засады продолжали активно применяться кочевниками Восточной Европы, Средней и Центральной Азии на протяжении всей эпохи развитого, позднего Средневековья, а также раннего Нового времени. Его наиболее подробное описание в первой половине XVI в. выполнено С. Герберштейном: «Сражение с врагом они [татары – А.К., Л.Б.] начинают издали (пуская стрелы) и очень храбро [сражаются], хотя долго не выдерживают, а (пуская стрелы) обращаются в притворное бегство. Когда враг начинает их преследовать, то (при первой возможности) татары пускают назад в них стрелы (причиняя этим большой урон...); затем, внезапно повернув лошадей, снова бросаются на расстроенные ряды врагов» (Герберштейн, 1988, с. 168).

В XVI-XVIII вв. данный тактический прием использовали татары, ногаи, башкиры, «кочевые узбеки», казахи, ойраты, монголы, а также кочевники Южной Сибири. Существовало несколько вариантов притворного отступления, которые различались по своим масштабам, продолжительности, особенностям исполнения, отсутствием засады или, напротив, превращением ее в главный компонент тактического приема¹⁸ и т. д.

В военном искусстве башкир, калмыков, монголов и казахов притворное отступление в комбинации с контратакой и засадой сохранилось вплоть до XIX в. включительно (Бобров, 2013, с. 241-243). Вариант данного тактического приема вошел в военную практику российских казаков, где за ним закрепилось название «вентерь».

Столь длительное бытование тактического приема в военном искусстве различных народов степной полосы Евразии свидетельствует в пользу его высокой военной эффективности. Наиболее часто на уловки степняков попадались войска оседло-земледельческих народов. Значительно сложнее было обмануть и подвести под удар свежих сил своих соседей-кочевников, искушенных в искусстве степной войны. Кроме того, не следует забывать, что тактика контролируемого отступления и засад имела и свои слабые стороны. Если противник начинал массированное преследование большими силами свежей конницы, то притворное отступление могло перерасти в настоящее бегство. Что касается засад, то эффект от их применения мог быть нивелирован при наличии у противника сильного конного резерва, способного переломить ход сражения (Бобров, 2013, с. 242, 243).

7. «Напуск» с холодным оружием и «съемный бой». Атака противника с применением оружия ближнего боя с целью прорыва его построений.

Если большинство описанных выше тактических приемов базировалось на массовом применении лука и стрел, то главным содержанием «копийного и сабельного напуска» была рукопашная схватка («съемный бой»).

Насколько широко применялся монголами XIII в. рукопашный бой? Данный вопрос остается предметом оживленной научной дискуссии. Ясно лишь, что по своему значению в военном искусстве монголов эпохи Великих завоеваний он уступал дистанционному бою с применением лука и стрел.

¹⁸ В этом случае в засаду помещалась основная часть войск кочевников, а малый отряд (авангард) провоцировал нападение противника, подводя его под удар главных сил степняков (Бобров, 2013, с. 242, 243).

В военной практике монголов XIII в., а также тюркских кочевников Дешт-и Кыпчака XIV-XVI вв. атака с холодным оружием представляла собой логическое завершение массированного лучного удара, проводимого в рамках «хоровода», «тулгама» или притворного отступления. После того, как противник понес существенные потери, а ряды вражеских воинов смешались под градом стрел, на них обрушивались всадники, вооруженные холодным оружием.

Главным оружием ближнего боя воинов армии Чингизхана и его преемников была сабля. Ее упоминают практически все современники Монгольского нашествия. Наиболее образно приоритетное положение сабли в комплексе монгольского холодного оружия обозначили китайские авторы «Хэй-да ши люэ» (1237 г.): «[Черные татары] имеют также изогнутые клинки, сделанные по образцу мусульманских. [Они] легкие, прочные и очень острые, а рукояти маленькие и узкие, поэтому [сабли черных татар] такие удобные для движения и размаха... Если перейти к самому главному из их [видов вооружения], то лук со стрелами будет на первом месте, а сабля – на следующем после них» (Золотая Орда, 2009, с. 61, 62).

Большую роль в комплексе монгольского оружия ближнего боя играли топоры, палицы и булавы, что подтверждается как вещественными, так и изобразительными и письменными источниками (Горелик, 2002, с. 20; Кушкумбаев, 2012 б, с. 199-210). В сочинении Марко Поло несколько раз повторяется клишированное описание рукопашной схватки с применением длиннокликового оружия и палиц: «Вышли все стрелы, попрятали они свои луки в колчаны, схватились за мечи и палицы и бросились друг на друга... а когда та и другая стороны израсходовали все стрелы и много людей и много коней было побито, схватились за мечи и палицы и побежали друг на друга... А как поистратили они все свои стрелы, то схватились за мечи и палицы и яро бросились друг на друга... А как растратили стрелы и не было ничего пускать, схватились за мечи и палицы, бросились друг на друга, раздавая удары сильные...» и т. д. (Марко Поло, 1990, с. 194, 202, 212, 217).

Некоторая часть воинов монгольских армий XIII в. применяла копьё и дротики различных типов. Судя по упоминаниям современников, часть копий чжурчжэньского образца (снабженные крюками для стаскивания воинов противника с коней и дополнительными клинками на наконечнике) была предназначена для участия в рукопашной схватке (Плано Карпини, 1957, с. 51; Золотая Орда, 2009, с. 62). Применялись и ударные копьё, предназначенные для поражения противника, одетого в доспех. Так, например, авторы «Хэй-да ши люэ» отмечают наличие у монголов «длинных пик», которые «могут пробивать крепкие пластины [доспеха]» (Золотая Орда, 2009, с. 62). Наконечники пик встречаются в археологических памятниках Монголии и Южной Сибири рассматриваемого периода. Однако в целом число копеечников в армиях Чингизхана и его преемников было, вероятно, не велико. Большинство авторов упоминают о монгольских копьях и копеечниках очень кратко или вообще не упоминают.¹⁹ На наш взгляд, это объясняется спецификой монгольской тактики XIII в., где приоритет отдавался дистанционному бою, а атака с холодным оружием отводилась роль «второго» (дополнительного, а также финального) удара по деморализованному противнику. В данной ситуации более востребованным оказывалось длиннокликовое и ударное оружие, которое можно было использовать как в ходе рукопашной схватки, так и в дальнейшем преследовании противника.

В то же время, конечно, полностью исключать активное применение в монгольской конной атаке, собственно на второй стадии боя, такого наступательного оружия, как копьё и пики, нельзя. Например, на персидских средневековых миниатюрах популярным сюжетом являются монгольские воины, атакующие противника именно длинными копьями.

Известный исследователь военной истории азиатских кочевников Ю.С. Худяков относительно давно акцентировал взгляд на том обстоятельстве, что в монгольской тактике тяжеловооруженные конные отряды вступали в бой тогда, когда исход сражения был уже предрешен на предыдущем этапе. Тяжелая монгольская конница начинала атаку только после того, как плотность построения войск противника нарушалась. Основная задача наступления панцирной конницы – сломать очаги организованного неприятельского отпора. Причем предпринятая атака должна вестись в сомкнутом порядке с применением копий, пик и сабель (Худяков, 1991, с. 162).

Эта же тактическая схема продолжала действовать в военном искусстве номадов Дешт-и Кыпчака вплоть до XVI в. включительно (Бобров, 2013). С темой рукопашной схватки тесно связан вопрос тактического применения конных панцирников. Если в дистанционном бою участвовали как легковоору-

¹⁹ В данной связи интересно сравнение материалов о монголах XIII в. и ойратах XVII – первой половины XVIII в. Если сведения о монгольских копеечниках единичны, то копеечная конница калмыков и джунгар описана практически всеми их соседями и иностранными наблюдателями (европейцами, русскими, украинцами, турками, татарами, узбеками, маньчжурами) исключительно подробно. На наш взгляд, это отражает принципиальные изменения, произошедшие в вооружении монголоязычных номадов в период позднего Средневековья и раннего Нового времени (Бобров, Худяков, 2008, с. 295, 296).

женные, так и панцирные воины, то в заключительной атаке с холодным оружием вплоть до середины XVI в. участвовали почти исключительно латники, которые для этой цели сводились в специальные ударные отряды (Бобров, 2013, с. 243-245).²⁰

По всей видимости, пик популярности тяжеловооруженных кавалерийских корпусов в золотоордынских войсках пришелся на конец XIV в. и был связан с поставками защитного вооружения из оседло-земледельческих центров, подконтрольных хану Токтамышу. В письменных источниках данного периода фигурируют тяжеловооруженные ордынские отряды, насчитывавшие более десяти тысяч всадников (см. ниже). После разгрома Тимуром поволжских городов и дезинтеграции Золотой Орды число панцирников в войсках кочевников Дешт-и Кыпчака стало стремительно сокращаться.²¹

В связи с тем, что в «сабельном напуске» участвовали представители степной военной и политической элиты, среднеазиатские хронисты уделяли данному тактическому приему в своих произведениях несоразмерно большое внимание. Атакующий отряд панцирников сравнивался (из-за блеска доспехов) с рекой Нил, «железным морем» или «железной горой», а под копытами коней латников якобы прогибалась земля: «От скопления одетых в железо всадников земля приобрела свойство магнита. Волны пошли по воздуху, отраженному от брони, подалась земля под грузом железа... Затем, когда устремился вперед сахибкиран, неприятель пустился в бегство пред его острым мечом. Разбегались, как муравьи под ногами слона, они стали соломой на поверхности реки Нил» (Материалы по истории казахских ханств, 1969, с. 55, 56).

Подобные пышные описания не должны вводить современного читателя в заблуждение. Воинов, снабженных металлическим защитным вооружением, в войсках кочевников Дешт-и Кыпчака конца XV-XVI вв. было немного, поэтому численность ударных панцирных отрядов редко превышала несколько сотен всадников. Самостоятельно разгромить многочисленных конных лучников противника такой отряд, скорее всего, не мог, но он вполне подходил для нанесения последнего удара по деморализованному врагу. В ходе атаки применялись как плотные шереножные, так и разряженные построения, а во время «съемного боя» сражение нередко распадалось на множество поединков. Отметим, что «напуск» с холодным оружием применялся монголами XIII в. и воинами Восточного Дешт-и Кыпчака XV-XVI вв. в основном против армий других кочевников. В то время как в столкновениях с чжурчжэнями, русскими, поляками, венграми, а позднее с войсками тимуридов, хорошо обеспеченных защитным вооружением, степные полководцы нередко ограничивались лишь дистанционным боем.

Ситуация принципиально изменилась в эпоху «Малого монгольского нашествия». В XVI-XVII вв. монгольские и ойратские полководцы, стремясь усилить атакующую мощь своих конных армий, начали массово снабжать копьями и пиками не только латников, но и бездоспешных лучников. В конечном счете это привело к появлению новой разновидности конницы, составленной из легковооруженных копейщиков (Бобров, Худяков, 2008, с. 538, 567; Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 126-129, 166). Слитный натиск сотен и тысяч копейщиков буквально «выносил» противника с поля боя. Другими словами, если тюркскую атаку с холодным оружием конца XV-XVI вв. можно уподобить завершающему уколу кинжала-стилета, то ее ойратский аналог представлял собой всепокрушающий удар боевой секиры.

Как показали военные конфликты XVII-XVIII вв., решение снабдить конных стрелков длиннодревковым оружием при всей своей простоте оказалось весьма эффективным. Легкие пиконосцы были мобильны, устойчивы в ближнем бою, могли стремительно атаковать, опрокидывать и преследовать конных лучников противника. Неудивительно, что многие степные народы, испытав на себе мощь копейных ойратских атак, поспешили последовать примеру своих монголоязычных соседей. Одними из первых, кто воспринял новый тактический прием, были кочевники Казахстана. За ними последовали киргизы, башкиры и другие воины Великой Степи (включая российских казаков). Заимствование казаками ойратской тактики «копейного напуска» произошло, вероятно, еще до начала эпохи «Малого монгольского нашествия», то есть во второй половине XVI в. Во всяком случае в начале XVII в. казахи уже не испытывали суеверного страха перед ойратской копейной атакой, которая вызывала неподдельный ужас у крымских татар и ногаев. Последние, столкнувшись с ойратами на поле боя, в панике жаловались своим российским союзникам, что: «...нагайским людям они, калмыцкие люди, страшны гораздо и *против них не ставвали они, нигде и биться с ними не умеют*» (История Казахстана в русских источниках, 2005, с. 325).

²⁰ Вполне вероятно, что схожим образом обстояло дело и в монгольской военной практике XIII в. Характерно, в данной связи, что Плано Карпини выделяет комплексы вооружения легких воинов (с луком) и «богатых» монголов, использующих доспехи, сабли и копыя (Плано Карпини, 1957, с. 50, 51).

²¹ Рост значения тяжеловооруженной конницы был общим трендом развития кавалерийских подразделений чингизидских и постчингизидских государств Западной и Средней Азии XIV в. Причем в Мавераннахре, а также в Турции он продолжался вплоть до конца XV в., а в Иране тяжеловооруженная латная конница оставалась главной ударной силой армии на протяжении большей части XVI в.

Необходимо отметить, что, заимствуя тактические приемы ойратов, казахи не пытались копировать их до мельчайших деталей, а изменяли с учетом местных военных реалий. Главное отличие казахской атаки с холодным оружием от классического западно-монгольского прототипа заключалось в том, что наряду с перевооружением легких лучников пиками ойратские правители целенаправленно наращивали численность панцирников в войсках (Бобров, Худяков, 2008, с. 327-366, 567-603). В столкновении двух лавин копейной конницы преимущество имела та сторона, которая могла выставить большее число воинов, оснащенных защитным вооружением. В силу целого ряда причин (политического и экономического характера) принять аналогичные меры казахские правители не могли, что вынудило их ограничиться лишь заимствованием идеи легкой копейной конницы. Небольшим отрядам тюркских панцирников было сложно противостоять массовой «куяшной» кавалерии ойратов, что со временем привело к отказу от практики сведения казахских воинов в доспехах в отдельные подразделения. Теперь «окольчуженные» батыры включались в состав отрядов легкой копейной и лучшей конницы, повышая ее устойчивость в ближнем бою. Необходимость борьбы с ойратскими «куяшниками» подвигло казахских полководцев искать асимметричный ответ, которым стало массовое применение ручного огнестрельного оружия (Бобров, 2012 а). Вплоть до середины XIX в. массированная атака копейщиков оставалась одним из основных тактических приемов кочевников Средней Азии проведения боя в конном строю (Бобров, 2013).

Монгольский строй XIII века и его эволюция на протяжении XIV-XVIII веков

Анализ письменных источников XIII в. позволяет выделить две основные разновидности боевого построения монгольских войск при ведении полевого сражения:

Развернутый строй с мощными флангами, предназначенными для охвата и окружения армии противника.

Глубоко эшелонированный строй с мощным центром и ослабленными или вовсе отсутствующими фланговыми отрядами.

Эти разновидности построения монгольских войск олицетворяют две базовые идеи монгольского тактического искусства: охвата (окружения) и прорыва (сокрушения) войск противника. Рассмотрим их более подробно.

1. Развернутый строй («Лук-ключ»/«Номон тулхикур байри», «Гусиные крылья», «Хилял»)

Он считается традиционным видом боевого построения войск кочевников Центральной Азии, эпохи поздней Древности и Средневековья, однако вопрос о времени его появления и ранних этапах эволюции остается открытым.

Основную линию построения формируют центр («гол») и мощные фланги («гар»). К трем частям основной линии построения часто добавлялись авангард («манкыла», «туму») и арьергард (резерв и/или засада). Подобный пяти-шестичастный строй является классическим для военного искусства кочевников XIII-XVI вв. (см. например, рис. 5). Интересно, что тюркские правители, военачальники и историки Средней Азии второй половины XVI в. возводили данное построение к воинской практике эпохи Чингизхана: *«В соответствии с тем, как это было принято у Чингиз [-хана], выделили правое крыло, левое крыло, центр, арьергард и [часть], которая должна быть в засаде»* (Хафиз-и Таныш, 1983, с. 235). Будущий завоеватель Индии – Бабур, описывая боевой строй кочевников Моголистана начала XVI в., отмечал, что они не только сохраняли тактические порядки эпохи Чингизхана, но даже место каждого степного рода в этом строю: *«Среди моголов установления Чингиз хана до сих пор таковы, как их учредил Чингиз хан. [Бойцы] правого крыла стоят на правом крыле, левого крыла – на левом крыле, середины – в середине; все из рода в род стоят на местах, указанных в ярлыке [Чингиза]»* (Бабур-наме, 1992, с. 116).

Каждая часть монгольского боевого построения состояла из более мелких отрядов во главе со своими командирами. Так, например, Марко Поло приводит сведения, что строй армии Хулагу, Берке, Токты и Ногая формировался, соответственно, из 30, 35, 20 и 15 отрядов (Марко Поло, 1990, с. 201, 202, 211, 212, 216). Уже в ходе первых заграничных военных кампаний монголы стали пополнять свои войска иноэтническими контингентами: тюрками, чжурчжэнями, киданями, китайцами и т. д. По данным Плано Карпини, центр монгольской армии в первой половине XIII в. мог состоять из пленных и представителей покоренных народов, усиленных некоторым количеством собственно монголов, в

то время как ударные фланги, совершавшие охват построений противника, составлялись из «более храбрых людей» (Плано Карпини, 1957, с. 53).

Роль элитных «штурмовых» подразделений армии Чингизхана и его преемников выполняли так называемые «войска батуров»²². В их состав отбирались наиболее сильные и опытные воины, а во время правления Чингизхана и Угэдэя «батыры» получали повышенный продовольственный паек.²³ В состав «свирепого войска батуров» включались не только монголы, но и представители других народов. Так, например, кыпчак Жалчек-батур, входивший в состав корпуса Субэдэя, сражался во главе отряда «батуров» с цзиньскими войсками в провинции Хэнань (Золотая Орда, 2009, с. 243, 290). Под контролем «войска батуров» находились мобилизованные для штурма вражеских укреплений пленные («хашар») и «штрафные отряды», составленные из провинившихся воинов монгольской армии (Золотая Орда, 2009, с. 56). В ходе штурма вражеских городов «батыры» гнали в бой рабов и пленных, выполняя роль своеобразных «заградотрядов»: «Захваченные [в рабство] рубили деревья на фашины для свирепого войска батуров. Войско батуров посылало всех приговоренных к смерти в атаку на укрепления. Тем самым [за счет смертников] замещалось [использование] латников и заграждений от стрел, которые [иначе пришлось бы] сооружать в виде плоских щитов из десятка с лишним слоев бычьих шкур» (Золотая Орда, 2009, с. 56, 57). Можно предполагать, что в полевых сражениях воины «свирепого войска батуров» могли располагаться как в центре армии (позади упомянутых Плано Карпини «пленных» и войск покоренных народов), так и в ударных отрядах на флангах армии.

Ставка военачальника и главное знамя обычно находились в центре построения на возвышенности, чтобы полководец мог контролировать ход сражения и управлять войсками. Согласно Плано Карпини: «Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов...» (Плано Карпини, 1957, с. 52). «Великий хан... стоял на возвышении, в теремце на четырех слонах; высоко поднялось его знамя, отовсюду было видно...» (Марко Поло, 1990, с. 92). Охрану хана нес тумен гвардейцев – «кешиктенов».²⁴ Вероятно, именно он составлял резерв монгольской армии в случае, если ею командовал лично хан.

Характерной особенностью монгольского строя являлись выдвинутые вперед фланговые группы, благодаря которым основная линия построения войск представляла собой полумесяц, обращенный рогами к противнику. Эту особенность развернутого монгольского строя, ориентированного на охват и окружение войск противника, очень точно подметил Ц. де Бридиа (1247 г.): «Ядро войска располагают вокруг триумфального знамени в центре в великом множестве [воинов], а на флангах помещают два меньших [войска], с каждой стороны по одному на малом расстоянии [от центра] и сильно выступающие вперед» (Христианский мир, 2002, с. 124).

Такой месяцевидный строй напоминал по форме лук, что нашло отражение в позднейшей военной терминологии монголов. Так, например, в период позднего Средневековья подобный строй носил название «*Номон тулхикур байри*» («Лук-ключ»). Использовался ли данный термин в XIII в., неизвестно, однако авторы XIV в. применяли подобные сравнительные параллели. Так, например, Рашид ад-Дин, описывая бой Чингизхана с Джалал ад-Дином на р. Синд в 1221 г., отмечал, что: «Монгольские войска со (всех) сторон окружили султана; они встали несколькими полукружьями друг за другом наподобие лука, а река Синд была как бы тетива...» (Рашид ад-Дин, 1952, Кн. 2, с. 223).

Другим термином, который, возможно, применялся для обозначения развернутого строя в форме полумесяца, был «гусиные крылья». Так, по Ган-му, в сражении с цзиньской армией монголы «выстроились наподобие гусиных крыльев» и, действуя тремя «колоннами» (центр и два фланга?), зашли в тыл и окружили чжурчжэней (Бичурин, 1996, с. 250).

В ходе сражения с применением развернутого месяцевидного строя главная роль отводилась флангам, которые, выполняя маневр «*Тулгама*», должны были обойти вражескую армию и замкнуть ее в кольцо. Этот отработанный и отточенный в бесконечных военных кампаниях прием, заключающийся в охвате и окружении войск противника, являлся ключевым элементом тактического военного искусства монголов эпохи Великих завоеваний. Его практически идентичные описания оставили китайские, мусульманские и европейские авторы XIII в.

Пэн Да-я и Сюй Тин: «... выигрыш темпа для тактического приема [черных татар] сосредоточить войска слева, справа и сзади [противника]. И как только войска замкнут [окружение] со всех четырех

²² Китайский аналог данного термина – «бесстрашные воины» (Золотая Орда, 2009, с. 56, 243, 290).

²³ Согласно сведениям китайских авторов первой половины XIII в.: «Воинственные вожаки и (их) крепкие слуги собираются в подразделения, которые находятся в особом подчинении у старших военачальников. Их называют войсками батуров» (Золотая Орда, 2009, с. 61). В эпоху Юань продовольственный паек двух «батуров» равнялся пайку, выделяемому десяти обычным монгольским воинам (Золотая Орда, 2009, с. 97).

²⁴ Первоначально гвардейский тумен состоял из 8 тыс. «*турхаутов*» (воинов дневной стражи) и 2 тыс. «*кебтеулов*» (воинов ночной стражи). Однако уже при преемниках Чингизхана численный состав гвардии вырос в несколько раз. Среди монгольской знати служба в гвардии считалась не только престижной привилегией, но и рассматривалась как прохождение специализированной «военно-академической школы» (Кушкумбаев, 2013).

сторон, то те, которые выполнили [маневр] самыми последними, дают [сигнальный] звук [барабана] «гугуй». [Черные татары] с четырех сторон и восьми направлений откликаются (на него), одновременно объединяют силы и все вместе наносят удар» (Золотая Орда, 2009, с. 69, 70).

Плано Карпини: «Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться... Пред лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь татары. Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видели их противники, и таким образом они начинают сражаться со всех сторон... они всегда стараются замкнуть своих неприятелей в середине; отсюда должно сильно остерегаться, чтобы они не имели возможности сделать это, потому что в таком случае войско легче всего терпит поражение» (Плано Карпини, 1957, с. 52-53, 63).

Ц. де Бридиа: «...если же они застают врагов неготовыми [к сражению], то неожиданно окружают их, словно венцом [то есть со всех сторон]» (Христианский мир, 2002, с. 97).

После завершения окружения монголы засыпали врага стрелами, разрывали его построения и уничтожали. Если же противник упорно сопротивлялся, то полководцы намеренно открывали проход в рядах своих войск. Окруженные, увидев «спасительный путь» к отступлению, смешивали свои боевые порядки и устремлялись в этот ложный «коридор». После этого монгольские воины беспрепятственно убивали бегущих: «...гонят их по одному [специально оставленному] пути, с тем чтобы они побежали, и как бы обрушиваются на них, метая без меры [стрелы]. Так что если кто-либо в середине [не продолжает] сражаться, то погибает, спасаясь бегством» (Христианский мир, 2002, с. 97). Тот же прием описан Плано Карпини: «А если случайно противники удачно сражаются, то татары устраивают им дорогу для бегства, и сразу, как те начнут бежать и отделяться друг от друга, он их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне» (Плано Карпини, 1957, с. 53).²⁵

Месяцевидное построение позволяло максимально эффективно использовать главные оружейные и военно-тактические преимущества кочевников: мобильность и превосходство в дистанционном бою. Развернутые и выдвинутые вперед фланги минимализировали возможность охвата армии противником и в то же время создавали условия для проведения приема «Тулгана» с последующим окружением вражеской армии. Наконец, данное построение было актуально при ведении как наступательного, так и оборонительного сражения. Все эти факторы обусловили исключительно длительное существование данного строя в военном искусстве тюркских и монгольских кочевников, несмотря на все меняющиеся военно-политические условия эпохи позднего Средневековья и Нового времени.

Эволюция месяцевидного боевого строя кочевников на протяжении XIV-XVIII вв. шла по нескольким направлениям. В армиях Золотой Орды, Юаньской империи, чингизидских государств Передней и Средней Азии XIV в. развивалась практика сочетания кавалерийских соединений кочевников и пехотных отрядов, набранных из представителей оседло-земледельческих народов. В ходе сражений пешие стрелки и копейщики обычно составляли центр, а конница – авангард, фланги и резерв. Каждый элемент основной линии построения (центр, фланги) мог выстраиваться в несколько эшелонов, а ударный фланг мог быть асимметрично усилен дополнительными подразделениями. Так, например, из «Канз ад-дурар» Ибн ад-Давадари известно, что войско хана Токты в сражении с Хулагуидами в 1313 г. состояло из центра и двух флангов, но при этом отряды были построены в три линии. Численность каждого эшелона составляла 20 тыс. «бахадуров» (История Казахстана в арабских источниках, 2006, с. 98-99). Судя по количеству военачальников на флангах (17 на правом и 25 на левом), левый фланг был целенаправленно укреплен.²⁶

Акцент на идею тактического охвата и окружения армии противника стимулировал степных военачальников на усиление фланговых групп своей армии, даже за счет ослабления других элементов построения. Радикальным вариантом этой идеи стал «двухчленный» (т. е. имевший только два крыла) боевой строй. В источниках тимуридского круга приведены сведения о боевых порядках могульского войска, из которых известно, что в конце XIV в. могулы строились в двухфланговое тактическое построение: «Вражеское войско [т.е. войско могулов – К.П.], которое находилось в Таш-Ариги, было таким образом разделено на два фланга (кул), тюрки их называют барунгар и джувангар... Левым флангом (майсара) командовали Ильяс-Ходжа-хан и эмир Хамид, правым флангом (маймана) – эмир Туктимур и эмир Бекчик» (Цит. по: Пищулина, 1977, с. 204). При описании некоторых сражений XIV-XV вв. авторами

25 В битве при р. Шайо 11 апреля 1241 г. монголы, окружив и изнував атаками венгерских воинов, принудили их к беспорядочному бегству. При этом татары «как бы открыли им некий проход и позволили выйти, но не нападали на них, а следовали за ними с обеих сторон, не давая сворачивать ни туда, ни сюда», а затем напали со всех сторон и уничтожили почти все венгерское войско (Фома Сплитский, 1997, с. 107-109); По Рогерию: «Татары по собственной воле чуть отступили и предоставили им необстреливаемый выход, многие венгры, привлеченные этой дорогой, покинули войско» (Magister Rogerius, 1979, s. 54-55; Магистр Рогерий, 2012, с. 38-39).

26 См.: История Казахстана в арабских источниках, 2006, с. 98-99.

упомянуты только фланговые отряды, образующие «вытянутые» построения, в то время как о наличии в войсках авангарда и центра хронисты умалчивают. Так, например, по сообщению Низам ад-дина Шами, осенью 1388 г. на территории Средней Азии в сражении между войском Токтамыша и отрядами тимуридских бахадуров «с обеих сторон выстроили ряды, построили правое и левое крыло, напали друг на друга и завязали бой» (История Казахстана в персидских источниках, 2007, с. 217). Эти сведения подтверждает и дополняет Шараф ад-дин Йазди следующим образом: «Вытянув свои боевые линии и устроив правое и левое крыло, они устремились друг на друга и завязалась битва» (История Казахстана в персидских источниках, 2007, с. 300). По всей вероятности, противостоящие друг другу войска, специально растянув «боевые линии», пытались охватить своими крыльями фланги противника. Однако не исключено, что это не совсем стандартное тактическое построение было связано с экстремально (неожиданной) складывающейся боевой ситуацией, диктовавшей именно такое оперативное решение.

Другим направлением эволюции месяцевидного строя было сочетание мощных флангов и сильного активно действующего авангарда, на который теперь часто возлагалась задача первой массовой атаки и прикрытия основных сил от нападения противника. Это привело к росту численности авангарда и его разделения на несколько частей («караул», «манкыла» и др.).

В правление Узбек-хана многочисленное джучидское войско имело в своем построении правое и левое крыло, авангард (*манкыла*²⁷ – монг.), арьергард (*кечка* – монг.) (История Казахстана в персидских источниках, 2006, с. 173). В середине строя концентрировался главный центр – *Улуг кул*²⁸ («Великий Центр» или Большой полк), с приданным ему резервом. Авангард выдвигался на определенное расстояние впереди главных сил для прикрытия центра и по численности мог достигать до ¼ или более всего войска (рис. 7). На авангард возлагалась задача разыграть бой и, если необходимо, дать возможность и время основным силам развернуть тактический порядок. В центре или сзади него находилась орда-ставка главнокомандующего и приданный ему резерв. В походе арьергард находился в тылу и прикрывал войска от внезапного нападения, а при отступлении он удерживал наступающего противника, играя роль заслона для отходящих главных сил. В арьергарде размещались наиболее проверенные боеспособные части во главе с испытанным военачальником (Кушкумбаев, 2013).

Известны случаи, когда в организационном построении войска имелись два усиленных крыла и авангард, но не было центра (Рис. 6, 8). При отсутствии центральной группировки построенного войска, обычно концентрировавшейся в глубине, его функции, по всей видимости, выполнял авангард, специально выставленный для этого далеко вперед. Как правило, авангард, завязывая бой, обстреливал неприятельские ряды на контролируемой дистанции, заставляя реагировать их наступательной атакой. В этом случае, начиная сражение, авангард исполнял роль застрельщика, который постепенно должен был отходить назад, увлекая за собой противника вовнутрь или в середину тактического строя основных сил. В условленный момент мощные левое и правое крылья войска могли провести губительный обстрел вражеских флангов, а затем наносили массированный удар с двух противоположных сторон и при удаче окружали и сжимали противника в кольцо.

В условиях, когда государства-наследники Великой Монгольской империи и их соседи начали использовать схожую тактику, военные хитрости и тактические приемы ведения боя, осуществлять классическое окружение войск противника становилось все сложнее. По данной причине вместо двойной «Тулгамы» (проводимой двумя флангами одновременно) все чаще стала применяться одинарная «Тулгама», когда охват войска противника производился только с одного фланга, а на другом крыле решающая атака лишь имитировалась (см. раздел «Тулгама»). Параллельно возросла роль авангарда, на который теперь часто возлагалась задача первой массовой атаки и прикрытия основных сил от нападения противника. Это привело к росту численности авангарда и его разделения на несколько частей («караул», «манкыла» и др.).

Для повышения ударной мощи засад и резервов их стали составлять из сводных отрядов конных панцирников. Численность таких кавалерийских соединений могла составлять несколько тысяч человек. Так, например, в канун битвы на Кондурче 1391 г. Токтамыш располагал ударным отрядом из «30 кошунов, одетых в латы, устроивших боевые ряды и засевших в засаду в ущелье» (История Казахстана в персидских источниках, 2006, с. 227). В версии Йазди: «30 кошунов всадников в полном вооружении и латах, выстроившихся в овраге, готовых к бою и выжидавших удобного случая» (История Казахстана в персидских источниках, 2006, с. 317). Таким образом, численность засадного золотоордынского корпуса могла составлять около 12-15 тыс. конных панцирников (Кушкумбаев, 2013).

27 В других источниках монгольский авангард назван похожим термином «*manlai*» (*манлай*, *манг(ы)лай*), буквально означающий лоб, лобную сторону.
28 Букв. «Кул» переводится как рука. Поэтому «Улуг кул» или «кол» – это большая или главная «рука».

Иллюстрацией эволюционного развития «месяцевидного» монгольского строя и тактики XIII в. в военном искусстве кочевников Дешт-и Кыпчака могут служить построения и тактические приемы армии Токтамыша в его битвах с Тимуром в конце XIV в. Здесь мы видим мощные вытянутые в сторону противника и активно действующие фланги, а также засадные «полки», составленные из конных панцирников. Тактика ведения боя включала в себя одинарные²⁹ и двойные «Тулгама»³⁰, «Шуучи»³¹, приторное бегство³². Упорство, с которым шли эти сражения, свидетельствует о сохранении эффективности модернизированных золотоордынцами тактических приемов монголов XIII в. Тем не менее победу в обеих битвах одержал Тимур. И дело здесь не только в военном гении этого полководца и правителя, но и в тех изменениях организации и тактики, которые были проведены им в ходе реформирования вооруженных сил Мавераннахра.

Строй Тимура представлял собой все тот же «Полумесяц», но с рядом важных дополнений и нововведений. Великий завоеватель прекрасно осознавал опасность, грозившую его войскам вследствие применения кочевниками обходного маневра «Тулгама». Поэтому он снабдил фланги своей армии дополнительными автономными корпусами – «канбулами», которые фактически выполняли роль фланговых авангардов. «Канбулы» должны были помешать степнякам, охватить фланги чагатайской армии или хотя бы уменьшить разрушительные последствия «Тулгама», не допустив окружения среднеазиатских войск. Впереди канбулов были рассыпаны цепи «караулов», воины которых должны были своевременно предупредить чагатайских военачальников о попытке врага скрытно обойти крылья армии Тимура. Ослабив центр своих войск, великий завоеватель усилил авангард и арьергард. Последний выполнял в армии Тимура роль стратегического резерва, охраны полководца и одновременно прикрывал тыл армии (на случай прорыва противника). Чагатайский арьергард состоял из нескольких десятков автономных конных корпусов («кошун»). Если враг окружал чагатайские войска, то эти корпуса продолжали самостоятельно вести бой. Подобный строй позволял Тимуру вести сражение со степными армиями «от обороны». Остановив «Тулгаму» золотоордынцев, среднеазиатские войска переходили в контрнаступление и довершали разгром противника серией фланговых и фронтальных ударов.

Победы над Токтамышем стоили Тимуру больших усилий и огромных людских потерь. Наследники великого завоевателя существенно упростили его тактику, понадеявшись на «кованную конницу» наемников-«йигитов» и укрытых щитами пеших арбалетчиков. В «Хилялах» Тимуридов XV в. важнейшая роль отводилась авангарду, в пользу которого были ослаблены фланги и резерв.³³ Кочевники Дешт-и Кыпчака, в свою очередь, извлекли уроки из понесенных поражений и взяли реванш над потомками Тимура в конце XV – начале XVI вв. Легкая конница кочевых узбеков легко обходила мощный тимуридский авангард и левый фланг (а иногда оба фланга) чагатайской армии и выходила ей в тыл, осыпая среднеазиатских латников и арбалетчиков ливнем стрел. Попытки контратаковать не приводили к желаемому результату, так как кочевники легко уходили из-под удара тяжеловооруженных «йегитов» и продолжали вести дистанционный бой. Так, например, в сражении хана Барака и Тимурида Улугбека в 1427 г. кочевники совершили двойную «тулгаму», окружили и разгромили более многочисленные чагатайские войска: «Правое и левое крыло мирзы Улугбека смешались, и неприятели стали напирать на центр, который также расстроился. Наконец, на войске Мавераннахрском стали видны знаки бегства и признаки поражения» (История Казахстана в персидских источниках, 2006, с. 376-377). В упомянутом выше сражении у Ходжа Кардзана в 1501 г. степняки совершили одинарную «Тулгаму», охватив левый фланг армии Бабура и вынудили чагатаев в спешке разворачивать войска. Повторная «Тулгама» позволила кочевым узбекам выйти в тыл среднеазиатской армии. Под ливнем стрел чагатайские отряды смешались и обратились в бегство (рис. 4).

Ранее одним из авторов настоящей статьи были рассмотрены особенности тактики кочевников Дешт-и Кыпчака XV-XVI вв. (Бобров, 2013). Поэтому ограничимся основными выводами.

Основным видом построения в XV-XVI вв. продолжал оставаться месяцевидный «Хилял», состоявший из нескольких частей («полков»). Самым простым развернутым построением был трехчастный строй, состоящий из «центра» и пары «крыльев» (рис. 9 а). Судя по описаниям, он обычно применялся в тех случаях, когда число воинов не превышало нескольких сотен всадников (Бобров, 2013, с. 248).

29 Первый и второй день битвы на р. Терек (1395 г.).

30 Битва на Кондурче (1391 г.), третий день битвы на р. Терек (1395 г.).

31 Первый день битвы на р. Терек (1395 г.).

32 Первый день битвы на р. Терек (1395 г.).

33 З. Бабур честно признавался потомкам, что к авангарду его войск в битве с кочевниками Дешт-и Кыпчака у Ходжа Кардзана в 1501 г. были приписаны лучшие бойцы его армии («все наличные йигиты, выдавшие битвы и рубившиеся мечом»), что привело к известным сложностям в ходе сражения (Бабур-наме, 1992, с. 107).

Во втором варианте построения к центру и крыльям добавлялся арьергард. На практике он представлял собой резерв, который мог быть скрыт от глаз противника (засада), но мог и располагаться открыто, сразу за центром армии (рис. 9 б). В некоторых случаях арьергард мог быть двухчастным и делиться на резерв и засаду (Бобров, 2013, с. 248).

В третьем варианте построения к центру, флангам и резерву добавлялся авангард (рис. 9 в). Наконец, при самом дробном построении степных армий каждый фланг состоял из двух частей – «руки» и «крыла». Скорее всего, речь идет о наличии в построении упомянутого выше «канбула» – специального отряда, представлявшего собой фланговое охранение и служившего для предотвращения охвата крыла армии противником. Его появление в составе армии кочевников, вероятно, связано с осмыслением военного опыта, полученного в ходе войн с Тимуром и Тимуридами в конце XIV-XV вв. (Бобров, 2013, с. 250, 251). Согласно данным, собранным Қ. Ахметжаном, в боевом построении казахской армии из двух частей мог состояться не только фланг, но и авангард, делившийся на «караул» и «ертаул» (Ахметжан, 2004, с. 34-37).

Нахождение того или иного родового отряда в строю (в центре, на флангах и т. д.) было закреплено устоявшейся традицией. Наиболее почетными считались воинские ряды на переднем краю фланга армии, который в ходе сражения начинал маневр «Тулгана». По словам Бабуря: «На правом и на левом крыле [могулов] постоянно происходили раздоры между родами Чарас и Бекчик из-за того, кому выходить на край... Из-за того, кому выходить на край, они [беки родов] дрались, обнажали друг на друга сабли. В конце концов, кажется, решили, что в кругу для облавы выше будет стоять один, и в боевом строю на край будет выходить другой» (Бабур-наме, 1992, с. 116).

Особой спецификой отличалась эволюция месяцевидного строя «*Номон тулхикур байри*» в военном искусстве монголов и ойратов XV-XVIII вв. Если у тюркских народов Восточной Европы и Средней Азии «*Хиллал*» доминировал тотально, то в тактическом арсенале монголоязычных номадов существовал особый строй, предназначенный для борьбы с «*Номон тулхикур байри*», что естественным образом ограничивало применение последнего (см. ниже). Тем не менее он продолжал использоваться монгольскими, калмыцкими и джунгарскими военачальниками вплоть до XVIII в. включительно (Бобров, Худяков, 2008, с. 537, 574, 578, 579, 617).

Однако у джунгар строй «Лук-ключ» перестал быть чисто кавалерийским, а основные тактические приемы претерпели существенные изменения. В частности, в конце XVII в. вогнутый центр построения стали часто формировать из спешенных ружейных стрелков и лучников, в то время как конница прикрывала фланги и составляла вторую линию войск. Джунгарский «лук-ключ», в отличие от своего монгольского прототипа XIII в., был ориентирован на ведение боя «от обороны». После того, как огонь ружейных стрелков останавливал атаку противника, джунгарская конница переходила в контратаку и охватывала с двух сторон вражескую армию (Бобров, Худяков, 2008, с. 574-604).³⁴

Развитие огнестрельного оружия диктовало новые правила ведения кавалерийских сражений. «Месяцевидный» строй дожил в военном искусстве номадов Великой степи вплоть до середины XIX в., но в этот период он уже мало напоминал свой монгольский прототип и его дериваты XIV-XVI вв. Большие «полки», авангарды и арьергарды ушли в прошлое. У монголов и казахов их заменили одинарные и двойные месяцевидные цепи конных воинов (напоминавшие «лавы» российских казаков). Альтернативой цепям были так называемые «скопища» и «лавины», представлявшие собой не выровненную по фронту кавалерийскую колонну с вытянутыми в сторону противника флангами.

2. Глубокий эшелонированный строй, предназначенный для прорыва построений противника («Бычий рог»)

Глубокое эшелонированное построение войск с ослабленными флангами (или вообще без них) применялось монгольскими военачальниками значительно реже развернутого месяцевидного строя. Не получило оно сколько-нибудь подробного освещения и в работах современных исследователей. Тем не менее без анализа данного построения изучение тактического искусства кочевников Великой степи не может быть признано всесторонним.

Сведения о применении монголами глубоких эшелонированных построений относятся еще к периоду междоусобных войн. Так, например, строй керейтов Ван-хана представлял собой глубокую колонну, состоящую из четырех эшелонов. Причем за тремя первыми линиями войск, расположенных «в затылок» друг другу, стоял еще и «Ван-ханов Великий средний полк». О флангах керейтов в тексте

³⁴ При этом главным оружием джунгарских всадников (как панцирных, так и легких) в данный период были уже не луки, а длинные кавалерийские пики (Бобров, Худяков, 2008, с. 574-604).

«Сокровенного сказания» ничего не сообщается (Сокровенное сказание, 1990, с. 70-72). Чингизхану удалось разбить многочисленных кереитов и даже ранить Сангума (сына Ван-хана). Сложно сказать, что стало главной причиной поражения кереитов – неудачное построение или тот факт, что их диспозиция была тайно передана Чингизхану его побратимом и бывшим другом Джамухой (там же).

Последнее предположение представляется более правдоподобным, так как в сражении с найманами в 1204 г. глубокий строй применил уже сам Чингизхан. В этой битве общая тактическая схема атакующего монгольского войска была следующая: 1) передовой отряд – *алгинчи*³⁵ (Чингизхан), 2) главные силы в центре – *гол* (Хасар), 3) тыл «с заводными конями» (Тэмугэ-Отчигин) (Сокровенное сказание, 1990, с. 88)³⁶. Фланги в построении вновь не упомянуты. Учитывая, что Чингизхан лично выстраивал и возглавил авангард, а Хасар проделал то же самое с центральным полком³⁷, можно предполагать, что именно этим частям армии (а не флангам) предстояло нанести по противнику главный удар. Последний мог представлять прорыв построений противника. Характерно, что применительно к этой битве атака монгольских войск впервые названа – «*Шуучи*», уподобленная «удару долота».

Битва с найманами, по всей видимости, была первой, где Чингизхан применил подобное построение. Так как для его давнего друга, а затем соперника Джамухи его строй стал тактической новинкой. Интересна и реакция Джамухи на этот эксперимент. Убедившись в том, что: «...*приемы и боевой порядок войск [моего] побратима, т.е. Чингиз-хана стали иными*», он увел свои отряды с поля боя (Рашид ад-Дин, 1952, Кн. 2, с. 147, 148).

В условиях войн с оседло-земледельческими народами, которые сами эффективно применяли глубокие эшелонированные построения (в том числе из тяжелой конницы и пехоты), в тактическом искусстве монголов в наибольшей степени оказались востребованы развернутые месяцевидные построения, ориентированные на охват и окружение армии противника. Однако тактика сокрушения также не была забыта. Более того, в военном искусстве позднесредневековых монголов и ойратов существовал специальный строй, предназначенный для борьбы с «*Номон тулхикур байри*». Он назывался «Бычий рог» и в канун атаки предусматривал построение «61 позиции». Главная задача данного строя заключалась в прорыве растянутого вражеского войска до того, как оно сумеет совершить окружение. Судя по данным монгольских письменных источников, мощные фронтальные удары «бычьего рога» могли совмещаться с другими тактическими приемами, как отвлекающие атаки, притворное бегство, засады и т. д. (Бобров, Худяков, 2008, с. 536). В военном искусстве монголов и ойратов глубокие эшелонированные построения продолжали применяться вплоть до XVIII в. включительно.

Завершая описание боевого строя монгольских войск, нельзя не отметить такой важный компонент, как караулы, выполнявшие роль тактической разведки. Тема монгольской тактической разведки при совершении переходов, охране военных лагерей и ведении боевых действий подробно рассмотрена Р.П. Храпачевским (Храпачевский, 2004, с. 206-209). Здесь же отметим, что в задачи караулов в ходе самого сражения входило уточнение особенностей построения противника, наблюдение за вражескими войсками, предупреждение внезапного нападения, захват «языков» и др. Усиленные караулы могли выполнять роль застрельщиков в начале сражения.

Управление войсками в бою

Одной из ключевых причин эффективности тактических действий монгольских армий эпохи Великих завоеваний была совершенная система руководства войсками в бою. Ее обеспечивали строгая вертикальная структура подчинения, десятичная организация армии и наличие хорошо подготовленного и опытного командного состава. «Цементом», скрепляющим систему управления монгольской армии, была жесткая (а подчас и жестокая) дисциплина, включавшая элементы коллективной ответственности.

Общее руководство войсками в сражении находилось в руках командующего, которому подчинялись командиры отдельных отрядов. Последние должны были выполнять определенные им перед сражением тактические задачи и/или оперативные указания вышестоящего военачальника. Однако частная инициатива командиров частей и соединений также не исключалась. Командующий, как правило, не вступал в бой, а обзирал поле сражения с возвышенности (см. выше). В это же время командиры более низкого ранга при определенных обстоятельствах участвовали в схватке.

Динамичность кавалерийского сражения и стремительное изменение боевой обстановки требовали быстрых тактических решений. Поэтому система оперативного управления войсками осуществлялась не только путем устного отдания приказаний командующим (непосредственно или через

³⁵ В каз. языке для срав.: *алға* – идти вперед, быть впереди.

³⁶ См. для сравнения также «Юань ши» («Юань ши», 2005, с. 455).

³⁷ В «Джами-ат-таварих» сообщается, что Чингизхан, приказав Хасару командовать центром, а «сам лично устанавливал войско» (Кушкумбаев, 2013).

посыльных), но и иными способами. Важнейшими из них были сигналы, подаваемые знаменами³⁸ и военной музыкой. На уровне подразделений управление осуществлялось с помощью команд, уранов и свистящих стрел.

В монгольской военной практике, наряду с устными командами, согласно китайским источникам, зафиксирована передача необходимой информации с помощью специальных символических знаков. «[Когда они] [татары – А.К., Л.Б.] *передвигают войска, то связывают узелки из травы в качестве условных [знаков].* Гонец с быстротой искры передает [их] или переломленные дощечки³⁹, на которых вырезаны насечки, соответствующие числу [воинов]. Каждый [гонец], получивший такую половинку, встречается с передвигаемым войском и совмещает [половинки] бирок для доказательства [полномочий]» (Золотая Орда, 2009, с. 42).

В монгольских войсках, как правило, выдвигались два или три военачальника, причем одному из них подчинялись остальные (Плано Карпини, 1957, с. 49). В данном случае назначением из руководящего состава главнокомандующего сохранялся принцип единоначалия, являвшийся ключевым в любой военной организации. С другой стороны, остальные подчиненные могли в конкретный критический момент заменить убитого или раненого командующего войском. Как подчеркивает Плано Карпини, монгольские «начальники не вступают в бой, но стоят вдаль против войска врагов и имеют рядом с собой на конях отроков...» (Плано Карпини, 1957, с. 52). Указанные молодые люди («отроки») составляли не просто свиту или охрану военачальника, а использовались в качестве вестовых гонцов для быстрой передачи приказов и распоряжений командирам войсковых частей в боевой обстановке.

Р.П. Храпачевский отмечает, что еще одним способом оперативного управления в бою у монголов были «свистящие стрелы» (Храпачевский, 2004, с. 164). Снабженные специальными «свистунками» стрелы вошли в арсенал кочевников Центральной Азии еще в эпоху Древности. Легенда гласит, что честь изобретения «свистящих стрел» принадлежит знаменитому хуннскому шаньюю Маодуню. Эта «свистунка» представляла собой костяную насадку округлой формы, которая насаживалась на стрелу непосредственно под наконечником. В «свистунке» проделывались специальные сквозные отверстия, благодаря которым стрела издавала в полете резкий свистящий звук. Одним из назначений «поющих стрел», применяемых командиром войскового подразделения, было указание направления грядущей атаки. Эту функцию стрелы со «свистунками» сохранили в военной практике кочевников Центральной Азии вплоть до эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени (Бобров, Худяков, 2008, с. 105, 107).

Кроме того, использовались и другие средства передачи приказов и команд. «Они [черные татары] соединяются и [затем] расходятся, глядя по тому направлению, которое [задает их предводитель своей плетью]» (Золотая орда, 2009, с. 68). По всей вероятности, по устремлению курса «плети» военачальника определялись тактические действия монгольских воинов: направление атаки, концентрация, рассредоточение, нападение и т. д.

В ночное время монгольские воины использовали сигнальные костры. «Еще до заката в своих биваках они [патрули] разводят костры. Их называют 'кострами эстафеты'. И пока длится ночь, [патрули] перемещаются туда, где их не увидят, для того, чтобы предупредить о ночном нападении. При этом костры эстафеты следуют друг за другом, от находящегося в самом начале до тех биваков, которые до утра не двигаются»; «Если они собираются на ночевку, то наблюдают за сигнальными огнями, так что знают [куда двигаться]» (Золотая Орда, 2009, с. 67, 68). В темное время суток передвижение маневренно-мобильных конных частей управлялось их командирами при помощи специальных ярких флажков-значков (наподобие поздних вымпелов), а также использовались факелы или особые цветные фонари.

У монголов была отработанная система управления и координации действий войск во время сражения. Тактическое управление осуществлялось при помощи знамен (*туг*), флагов (*йалау*), штандартов, бунчуков, барабанов (*накар*), духовых инструментов (*труб*), воинских кличей (*уран*, *сурен*), светодымовых эффектов.

Управление знаменами. Тема воинских знамен, флагов, бунчуков монголов XIII в. и их политических наследников весьма обширна и будет рассмотрена в специальной работе. Здесь же отметим, что в монгольской армии эпохи Великих завоеваний правом на большое знамя обладали только коман-

³⁸ Наскальные изображения разнообразных воинских знамен и штандартов эпохи древности и средневековья постоянно встречаются на территории евразийских степей. Как следует из исследования монгольского ученого Э.-О. Насан-Очир, уже в памятниках «позднего бронзового века Монголии найдено изображение копий со знаменами на оленнем камне и наскальных рисунках. Это – важное доказательство появления средств управления и сигнализации для военных действий в позднем бронзовом веке» (Насан-Очир, 2008, с. 11).

³⁹ Они представляли собой две половинки сломанной дощечки и являлись по сути верительными бирками. В другом месте этого сочинения о них сообщается следующее: «После того как командир [лагеря] расположится в центре, вокруг него занимают места войска. [Командир лагеря] *передает в дальние концы дощечки с надрезами для сменных ночных патрулей* (это то же самое, что в китайской армии система передачи [вестовых] стрел). ...» (Золотая Орда, 2009, с. 67).

дующие и тысячники («тоусян»). В бою войсковое знамя обычно находилось рядом с командующим, а после сражения являлось ориентиром для сбора воинов. Эту особенность управления монгольскими отрядами подчеркивали китайские авторы «Хэй-да ши-люэ» (1237 г.): «У каждого большого начальника или военного предводителя (тоусян) имеется по одному боевому стягу⁴⁰. И только один он [имеет на то право] (людям низкого ранга нельзя ставить стяги), вот и все! Обычно свернутые и убранные [стяги], всякий раз при встрече [с противником], то разворачивают, то сворачивают, [чтобы] управлять сражением» (Золотая Орда, 2009, с. 62).

Как видно, этот источник четко говорит о том, что стяги (т. е. развернутые или свернутые знамена) применялись для управления сражением. Из этой краткой характеристики использования полководческих знамен, по всей вероятности, следует, что развернутый и свернутый стяги⁴¹ означали какие-то действия с ними, символизирующие начало сражения, атаку, отход, завершения маневра или боя в целом. Таким образом, сворачивая или разворачивая знамя, военачальники Чингизхана и его преемников отдавали приказы войскам в ходе боевого столкновения.

Во время битвы главный ханский штандарт «с изображением солнца и луны», находившийся в центре тактического расположения войск, специально располагался или водружался на возвышенности (холм, бугор), чтобы сражающиеся воины видели его. В битве между великим ханом Хубилаем и Наяном, потомком младшего брата Чингизхана – Тэмугэ-Отчигина, «высоко поднялось его [Хубилая – А.К., Л.Б.] знамя, отовсюду было видно» (Марко Поло, 1990, с. 92). В сражении для войсковых подразделений знамя командующего было главным ориентиром и ключевым средством подачи основных сигналов.

Перед битвой при Парване 1221 г. Шики-Кутуку-нойон (сводный брат Чингизхана) дал такое важнейшее наставление своему войску: «Когда мы [начнем] сражаться, следите внимательно за вращением моего бунчука [тук]» (Рашид ад-Дин, 1952, Кн. 2, с. 222). Совершенно очевидно, что манипуляционные движения «бунчука» личного знаменосца-тугчи монгольского полководца выполняли практическую функцию управления ходом боя, т. е. сигнализировали воинам о наступлении, отходе или иных тактических маневрах и приравнивались к приказу командующего войском⁴². Причем эти знаменные сигналы были понятны войскам и отработаны ранее на учениях.

Конечно, возникает вопрос: что это были за визуально воспринимаемые со стороны «вращательные» действия со знаменем? Сведений таких мало, но они есть. К числу таких редких средневековых свидетельств, почерпнутых, по-видимому, со слов воспоминаний очевидцев, относится эпизод битвы при Лигнице 1241 г., описанный в «Истории» Яна Длугоша: «Татары же, когда поредели их шеренги, начали уже думать о бегстве. Была в татарском войске среди иных хоругвей одна гигантская, на которой виднелся такой знак: Х. На древке же той хоругви было подобие отвратительной черной головы с подбородком, укрытым порослью. Когда татары отступили и склоняясь уже к побегу, знаменосец при том штандарте как можно сильнее потрясал той головой, торчащей высоко на древке. ... И вот татарское войско, полагая, что уже почти победивших поляков под воздействием дыма, тумана и смрада охватил великий страх и словно бы какое-то одеревенение, подымает ужасный крик, обращается против поляков и разбивает их ряды, которые до того были сомкнуты, и там, в великой резне, славно погиб сын моравского маркграфа Дипольда, князь Болеслав, прозванный Шепёлка, с многими иными знаменитыми рыцарями, а магистр тевтонцев из Пруссии, Поппо, вместе со своими претерпел страшное поражение, и обращены оставшиеся поляки в бегство»⁴³ (Dlugos J.). При всей фантастичности этого сюжета польского хрониста («дым, туман, смрад» – применение химического оружия?), нас в этом пассаже интересует «потрясение» знаменным древком, т. е. какие-то манипуляции со знаменем, которые, скорее всего, давали войскам команду начать новую атаку или показывали направление удара.

Еще одно указание на подаваемые знаменные сигналы содержится в «Великой хронике» Матфея Парижского. По его данным, монголы «...отступают под ударом лишь тогда, когда увидят, что знамя их вождя движется вспять» (Матузова, 1979, с. 150). Несмотря на такую лаконичность известия, можно

40 Из «Мэн-да Бэй-лу» известно, что у монголов «надо быть непременно командующим, чтобы иметь знамя» (Мэн-да Бэй-лу, 1975, с. 77).

41 О разворачивании знамен накануне войны сообщают и другие смежные источники. По «Мэн-да Бэй-лу»: «Когда [монголы – А.К., Л.Б.] выступают с войсками, то разворачивают его [знамя – А.К., Л.Б.]» (Мэн-да Бэй-лу, 1975, с. 77). Чингизхан, разъярясь своим полководцам высокий военный статус Мухали, сказал: «Когда Мухали будет ставить это знамя, чтобы давать приказы и назначения, то это все равно как если бы мы лично прибыли [сделать это]» (Храпачевский, 2011, с. 162).

42 На эту особенность обратил внимание Э. Хара-Даван, который отметил, что монгольская «конница на поле сражения маневрировала обыкновенно "в немую", т. е. не по командам, а по условным знакам, подаваемым значком (флагом) начальника» (Хара-Даван, 1992, с. 99).

43 У Матфея Меховского это событие описано также: «Когда татары уже в большей части были перебиты и готовы бежать, какой-то их знаменосец с громадным знаменем, на котором была греческая буква хи (так: Х), а на верхушке древка изображено мрачное черное лицо с длинной бородой, начал с пением потрясать головой этого изображения. Тут из нее тучей пошел на поляков ужасный дым с нестерпимой вонью, так что они стали задыхаться, обессилели и не могли больше биться. Татарское войско, повернув со страшным криком на поляков, прорвало до тех пор крепкий их строй и нанесло им великое поражение» (Меховский, 1936, с. 53).

предварительно отметить, что сигналом отхода для войска было передвижение знамени военачальника назад или, наоборот, в случае наступления, его перемещали вперед, сообщая об атаке.

Культ воинского знамени и система управления отрядами с помощью флагов и бунчуков сохранилась в военном искусстве кочевников Центральной и Средней Азии вплоть до Нового времени. Значительное развитие получила иерархия воинских знамен. Так, например, в военном искусстве казахов XVIII – первой половины XIX вв. применялись большие (войсковые), родовые знамена, а также копейные значки различных типов. Последние были представлены копейными бунчуками («*шашак*»⁴⁴, «*байрак*») и флажками («*жалау*»). Матерчатый флажок на пике батыра являлся отличительным признаком командира воинского отряда, на который ориентировались воины в ходе сражения (Бобров, 2012 в, с. 105-107). Согласно данным Я.П. Гавердовского (1803 г.), в военном искусстве казахов цветные знамена служили важнейшим ориентиром для войск в ходе атаки и сражения: «Прежде, когда в ордах господствовал порядок, каждый род на случай войны имел особенного цвета знамя или кусок бумажной материи, навязанный на пику. В отделениях, или аймаках, и тюрках были также распределены значки, цветом соответствующие родовому знамени. Они во время битвы служили вместо кормила для ратоборствующих. Толпы следовали всегда около своих знамен; где они видимы были, там более теснились воины и производили жестокою сечу. Как скоро воинство теряло их из глаз, то рассеивалось в беспорядке, считая себя побежденным. Нередко отважная храбрость и искусство от управления таковыми знаменами давала случай выигрывать сражение над сильными неприятелями» (История Казахстана в русских источниках, 2007, с. 433, 434).

Барабанные сигналы. Важную роль в управлении монгольскими войсками путем подачи звуковых сигналов играла военная музыка и в первую очередь большие барабаны. Согласно Марко Поло, сигнал начать сражение подавался большим барабаном – «накаром»: «*У татар вот такой обычай: когда их приведут и расставят биться, пока не прозвучит накар⁴⁵ начальника, они не начинают брани и все то время играют на инструментах и поют; вот поэтому-то обе стороны так много играли и пели. Изготовились обе стороны, и забил большой накар великого хана; как забил он, тут уже не мешкают, друг на друга бегут с луками, мечами, палицами, копьями, а пешие с самострелами и другими вооружениями;* «*Татары не смеют начинать битвы, пока не забьет накар их предводителя; как только он забьет, тут они и начинают битву.* Есть у татар и такой обычай: когда они изготавливаются и ждут битвы, прежде, нежели накар забьет, поют они и тихо играют на двухструнных инструментах; поют, играют и веселятся, поджидая схватки. *И вот изготовились обе стороны и ждут по обычаю ударов накара и битвы; и просто удивительно, как хорошо они пели и играли. Вот так-то стояли и поджидали ударов накара. Что же вам сказать? Забил накар, и люди, не медля, бросились друг на друга;*» (Марко Поло, 1990, с. 92, 194, 197, 212).

Наряду с «накаром предводителя» применялись и другие (малые?) барабаны, находившиеся в составе отрядов, действующих на поле битвы. С их помощью поддерживалась «обратная связь» с другими воинскими подразделениями и частями для координации и синхронизации тактических приемов. Так, например, по данным китайских авторов первой половины XIII в. барабаны «*гугуй*» (монг. «*кэуэргэ*») служили для подачи сигнала о завершении окружения противника и начала атаки: «Они расходятся и [затем] соединяются, услышав звуки [барабана] «*гугуй*» в качестве сигнала... *И как только войска замкнут [окружение] со всех четырех сторон, то те, которые выполнили [маневр] самыми последними, дают [сигнальный] звук [барабана] «гугуй».* [Черные татары] с четырех сторон и восьми направлений откликаются (на него), одновременно объединяют силы и все вместе наносят удар» (Золотая Орда, 2009, с. 68, 69, 70).

Определенное развитие в период позднего Средневековья получила и военная музыка. Главное нововведение заключалось в том, что к большим и малым барабанам добавились духовые инструменты, а наряду с сигнальной функцией музыка начала применяться для поднятия боевого духа воинов в момент атаки и в ходе сражения. Судя по изобразительным материалам XIV-XVI вв. военные «оркестры» армий Передней и Средней Азии были представлены барабанщиками (с большими и малыми барабанами), флейтистами и музыкантами с огромными трубами («карнаями»). Весьма заметную роль военная музыка играла в золотоордынских и чагатайских войсках второй половины XIV в. Так, например, среднеазиатские авторы регулярно упоминают о барабанах, бубнах и литаврах в войсках хана Токтамыша (История Казахстана в персидских источниках, 2006, с. 321-322). На миниатюрах, изображающих войска Токтамыша, золотоордынский конный военный «оркестр» располагается позади основной линии войск. В его состав входят многочисленные барабанщики (малые барабаны попарно

44 «*Шашак*» переводится букв. с каз. – как украшенный яркими разноцветными лентами (кисточками) или бахромой.

45 Слово «*накар*» персидского происхождения и означает барабан.

приторочены к передней луке седла), а также воины с рогами и карнями (рис. 3 б). Изображенные на той же миниатюре воины военного оркестра Тимура применяют те же музыкальные инструменты, за исключением рогов (рис. 3 а). Интересно, что в обоих случаях знаменные группы расположены за рядами войск и военных оркестров (рис. 3).

В военном искусстве кочевников Дешт-и Кыпчака военные «оркестры» применялись вплоть до XVI в. включительно. Восточные авторы, высокопарно и красочно обрисовывавшие военные баталии, всегда шаблонно отмечают: «Звуки барабанов, труб и литавр, раздававшиеся с обеих сторон, достигали до высшей небесной точки...»; «Звуки труб и литавр обеих войск начали достигать до вращающегося небесного свода»; «[С наступлением утра] воины противников стали лицом к лицу. С каждой стороны ударили в литавры, в барабаны, заиграли в трубы и рожки»; «Когда войска противников встретились и звуки труб и литавр достигли высшей точки расписанного золотом неба, витязи обеих войск начали проливать кровь»; «С каждой стороны ударили в литавры, в барабаны, заиграли в трубы и рожки»; «Когда... оба войска достигли друг друга, звуки литавр и труб, [исходившие] от каждого войска, достигли до высшей точки высочайшего неба и местопребывания Луны и Плеяд...» (Материалы по истории казахских ханств, с. 147, 157, 165, 162, 165, 169).

Наиболее часто в письменных источниках упомянуты барабаны, в том числе «большие барабаны», вероятно, являвшиеся наследниками знаменитых монгольских «наккаров», а также трубы, флейты и литавры (Бобров, 2013, с. 252). Безусловно, сигнал общей атаки, сопровождавшийся впечатляющей музыкально-оркестровой поддержкой, поднимал боевой дух воителей. Все эти заранее отрежиссированные демонстративные действия должны были возбудить ратную «дерзость» (смелость) сражающихся воинов и одновременно деморализовать неприятеля и подавить его волю к сопротивлению.

Боевые пароли и кличи (ураны, сурены). Особое место в системе управления войсками в сражении занимали боевые кличи: ураны и сурены. Они применялись для обозначения начала атаки на противника, а также в качестве паролей для определения соратников, союзников и противников в ходе сражения.

В войсках древних и средневековых кочевников Евразии воинские подразделения, комплектовавшиеся, как правило, из одних и тех же родов и племен, группировались и выделялись по своим боевым кличам (уранам). Кроме того, армии чингизидских и тюркских государств Средневековья имели общевойсковой уран – единый боевой клич всего воинства. Знание военных уранов родов и племен, боевых частей, общевойсковых кличей было обязательным для воинов⁴⁶, в противном случае могли происходить довольно опасные казусы.

Наиболее раннее упоминание голосовых позывных сигналов у монголов встречается в записках Пэн Да-я и Сюй Тина. По словам последнего, когда монголы разбивали походный стан, то «имя командира лагеря – это как раз ночной пароль» [Золотая Орда, 2009, с. 67]. В монгольскую эпоху военные кличи были введены для военачальников и войск, возглавляемых ими в период правления Чингизхана. Рашид ад-Дин в специальном разделе о биликах Чингизхана сообщает, что монгольский владыка однажды повелел: «Старшие эмиры, кои суть начальники, и все воины должны, когда они выступают в поход, каждый установить свое имя и военный клич [āwāz], подобно тому как они назначают свои имена, когда выезжают на охоту, всегда молясь всевышнему господу, привязавшись к нему [всем] сердцем, да просят устройства восьми сторон, дабы силою извечного господина охватить [все] четыре стороны [света] сразу» (Рашид ад-Дин, 1952, Кн. 2, с. 261). Данный факт можно понимать так, что в монгольском войске присвоение боевых кличей было поставлено на строго системную основу, т. е. имело четкий военно-организационный порядок. Вместе с тем следует обратить внимание также на то, что «назначение» имен и кличей (уранов) для каждого командира и подчиненных им воинов уподоблено отработанной до этого практике, принятой у кочевников на охоте.

В XIV-XV вв. совместный боевой клич, выполненный с дополнением в форме музыкальной поддержки со стороны военного оркестра, очень часто использовался в качестве сигнала к общей атаке по противнику и создавал потрясающий фоновый эффект. В 828 г.х./ 1424/25 г. армия Улугбека (внука Тимура) в бою против могулов, укрепив свои ряды и выстроив правый, левый фланг и центр, перешло к решительному удару по противнику. При этом «мирза Улугбек повелел, чтобы сыграли боевой призыв [сурен]. Поднялся рев больших и треск малых барабанов. От рева боевого барабана и стонов карняя

⁴⁶ По данным Бабур, среди тюркских племен ураны бывают двух родов (видов): «Один уран – особый у каждого племени; так, например, у одного племени уран – «дурдана», у другого – «туккай», у третьего – «лулу», а другой уран один для всего войска. На войне ураном устанавливают два слова; во время битвы при встрече один человек говорит одно слово, а другой говорит второе назначенное слово, чтобы таким путем отличить друзей от врагов и распознать своего от чужого» (Бабур-наме, 1992, с. 120).

*затряслись горы, а люди пришли в смятение. Победоносные войска разом ударили»*⁴⁷ (Материалы по истории киргизов и Киргизии, 1973, с. 167).

В ходе атаки боевой клич также выполнял функцию единения и сплочения воинского коллектива, воодушевлял бойцов стойко выполнять свой долг, совершить смелый героический поступок. В грандиозной битве на р. Кондурча (Кундузча) 18 июня 1391 г. между золотоордынской армией хана Токтамышша и военной армией Тимура воины с двух сторон кричали боевые сурены. «Смельчаки и храбрецы, разрывающие (неприятельские) ряды войска, огласили свод небес криками своих благочестивых воззваний и подняли знамя могущества и стяги ислама до высшей точки созвездия Козла. С обеих сторон били в барабаны, бубны и литавры и заглушали слух времени воинственными криками (сурен)» (История Казахстана в персидских источниках, 2006, с. 321-322). Тем самым воины при сближении боевого строя войск двигались навстречу друг к другу со своими боевыми кличами. Выкрикивание групповых уранов и суренов было важнейшей частью психологического противостояния двух сторон и напоминало со стороны «рев бушующего моря» войск, грозно надвигающихся друг на друга. Перекрикивание (буквально голосовое подавление) издаваемых звуков противника давало дополнительное (а иногда решающее) военно-моральное преимущество той или иной из сторон.

В битве на реке Терек весной 1395 г., приблизительно в середине ночи, «Токтамыш-хан вознамерился произвести ночное нападение, (думая) что может быть сможет вызвать замешательство в высочайшей орде [Тимура – А.К., Л.Б.]. Когда он подошел близко, то ударил в барабаны и литавры, затрубил в рога и поднял военный клич (сурен). Войска, подобные судьбе, согласно приказанию, совершенно не обратили на них внимания и ни от кого не слышалось ни звука. Те, когда не ощутили никакой перемены, тревожно задумались об этом самообладании, не смели подойти и поневоле ушли назад» (История Казахстана в персидских источниках, 2006, с. 332). Такая внешне эффектная громогласная военно-тактическая демонстрация отрядов Токтамышша должна была оказать мощное психологическое воздействие на противника (т. е., прямо говоря, напугать его) и вызвать панику среди неприятельских солдат, но не получила ожидаемой реакции, т. к. противник заранее предвидел такую атаку и заблаговременно приготовился к ней.

Вполне очевидно, что ураны и сурены в тюркских и монгольских войсках в период войны выполняли важнейшие визуально-опознавательные функции. С помощью боевых кличей степные военачальники получали необходимую текущую информацию о месте или изменении расположений отрядов в период схватки, могли определить направление хода и ситуацию проходившего боя, давали сигнал главной атаки, оповещали в целом воинские подразделения во время военных действий. Заранее установленные боевые пароли становились средством распознавания своих действующих частей от чужих, особенно в ночных операциях. Эффективность применения боевых кличей в качестве психологического оружия могло при некоторых обстоятельствах серьезно воздействовать как на собственных бойцов, так и на неприятеля и перетянуть чашу весов в свою пользу.

На протяжении эпохи позднего Средневековья значение боевых кличей только возрастало. Пожалуй, наибольшее развитие система уранов и суренов получила в военной практике казахов XVI – первой половины XIX вв. Каждый род имел свой боевой клич (как правило, имя героического предка), кроме того, существовали общеармейские ураны («Алаш!»), а чингизиды обладали правом на особый уран «Аркар!» (Кушкумбаев, 2001, с. 87).

В ходе атаки родовые ураны сливались в оглушительный рев, который производил исключительно неприятное впечатление на противника: «Зеленые, голубые и фиолетовые знамена от движения стали сверкать золотом. Стремительно взлетел боевой клич с обеих сторон, так что задрожала невольно от страха перед ними гора... В воздухе реют знамена. На штандарте [слова] – «истинно, мы верно победили». Поднялся к небосводу грохот от кожи онагра, от страха дракон стал похож на муравья, такой клич поднялся с обеих сторон, что земля и время содрогнулись» (Материалы по истории казахских ханств, 1969, с. 72, 87, 88). Через 300 лет после этих сражений оценить эффект, производимый боевыми уранами, смогли российские офицеры, которые сразу же окрестили их «ужасным криком», «ужасным шумом», «чудовищным визгом» (История Казахстана в русских источниках, 2007, с. 134, 135, 137-139, 244, 245). Еще в XIX столетии участник боевых действий в Средней Азии генерал М.Г. Черняев отмечал: «Кому не приходилось выдерживать атаку азиатских полчищ, тот не может даже себе представить того действия, которое производят на нервы эти нечеловеческие звуки» (Михайлов, 2003, с. 367).

⁴⁷ Военное дело монгольских и тюркских кочевников Евразии оказало большое влияние на традиции военной организации стран Восточной Европы. «...У них [русских – А.К., Л.Б.] – пишет Дж. Флетчер, – есть барабаны большого размера, которые возят на доске, положенной на четырех лошадях. Этих лошадей связывают цепями, и к каждому барабану приставляется по восьми барабанщиков. Есть у них также трубы, которые издадут дикие звуки, совершенно различные от наших труб. Когда они начинают дело или наступают на неприятеля, то вскрикивают при этом все за один раз так громко, как только могут, что вместе со звуком труб и барабанов производит дикий, страшный шум» (Флетчер, 2002, с. 93).

Военные хитрости

Военное искусство монголов XIII в. невозможно представить себе без разнообразных оригинальных военных ухищрений, призванных облегчить выполнение основных тактических задач. Общеизвестно, что тактические хитрости и уловки, предназначенные для ввода в заблуждение противника, в монгольской и тюркской военной практике средневековой эпохи нашли самое широкое применение.

Если среди европейских военачальников эпохи Средневековья неожиданное нападение на противника часто считалось «плохим тоном» и «коварством», то для полководцев монголов, а позднее могулов, казахов, ногаев, «кочевых узбеков» и др. искусство неожиданного (часто ночного) нападения на вражескую армию, а также умение обмануть (ввести в заблуждение) противника, напротив, считалось особым проявлением воинского мастерства.⁴⁸

Ночные нападения и скрытные тактические маневры.

Важным элементом монгольской тактики было нанесение мощного неожиданного удара по противнику. Основным способом достижения данной цели была скрытая передислокация войск накануне и в ходе сражения, а также атака противника на отдыхе, на марше и т. д.

Выше уже отмечалось использование монголами скрытых ударных отрядов (засад) и скрытое передвижение фланговых отрядов в ходе реализации тактического приема «Тулгама». Для обеспечения скрытности при передвижении войск использовался рельеф местности (холмы, лес и т. д.), темное время суток и т. д. Большой популярностью среди монгольских военачальников пользовалась ночная атака, об опасности которой настойчиво предупреждал своих соотечественников Плано Карпини (Плано Карпини, 1957, с. 63). Все эти приемы кочевники продолжали применять и позднее.

Как повествует старое даштское предание, четыре *эля* (племена) – ранее принадлежавшие Токтамыш-оглану – *ширин, барин, аргун* и *кыпчак*, испытывая постоянные насилия со стороны Урус-хана и его приближенных, решили тайно отделиться от его улуса и бежать. Заранее сговорившись с Токтамышем, «каждый глава семьи заложил в телегу пару коней, посадил своих детей» и бежал в направлении реки Идиль (Утемиш-хаджи, 1992, с. 115-116). Урус-хан, узнав об откочевке мятежных элей только через два дня, приказал немедленно организовать погоню и настичь беглецов. Это «была пора, когда кони разжирили», а кочевые *эли* были рассеяны по летним кочевьям. В рассказе особо подчеркивается, что «войско дальних элей не успело к хану, а у ближних элей кони их также разжирили» и Урус-хану удалось собрать не более двухсот или трехсот воинов. С этими незначительными силами глава улуса сумел настигнуть уже ближе к ночи бежавшие *эли*, о чем немедленно последним сообщили их караулы, двигавшиеся позади. На совете руководители взбунтовавшихся племен договорились принять неизбежный бой, предварительно отделив мальчиков, привыкших «уже к жизни в седле», чтобы они двигались вблизи предстоящего столкновения. В случае, «если врага одолеем мы, они узнают [это] по нашему урану и нагонят нас. Если враг одолеет нас, то это станет ясным из их урана. [И] пусть они попытаются [тогда] без промедления спастись бегством!» (Утемиш-хаджи, 1992, с. 116). В свою очередь Урус-хан принял решение незамедлительно, смело и рискованно атаковать противника, не дожидаясь рассвета, и тем самым скрыть малочисленность своего отряда. Хан сказал: «*Так ночью же давайте и нападём [на них] с криком. Они не поймут, сколько нас, и побегут*». И они напали с боевым кличем» (Утемиш-хаджи, 1992, с. 116). Ночной бой использовался преследующей стороной прежде всего как тактический прием по скрытию своей численности и, соответственно, собственной боеспособности. Начавшаяся атака, предпринятая воинами Урус-хана, была настолько сильной и ошеломительной, что ряды их более многочисленного врага были поколеблены и отошли назад. В ночной тьме раздался крик одного из сторонников Токтамыша – Урик-Тимура о помощи. Началась самая настоящая ночная неразбериха и суматоха. Сын Токтамыша – Джалал ад-дин и другие сыновья племенных вождей, внимательно прислушавшись к шуму боя, решили, что их отцы потерпели поражение, а некоторые попали в плен. Один из них – сын Урик-Тимура – Йахшы-Ходжа предложил поддержать отчаянной атакой своих и «умереть заодно» с ними. Отряд мальчиков подскакал «к основному отряду, каждый из них как отважный витязь выкрикнул боевой клич, [и все они] разом погнались коней в карьер (на врага)». Эта безрассудно дерзкая ночная контратака молодых подростков и решила в итоге исход этого психологически напряженного боя. Малочисленный отряд Урус-хана был разбит наголову, а сам он погиб случайно в сражении от шальной стрелы, выпущенной Джалал ад-дином или его сподвижниками. Очевидно, воины Урус-хана обманулись «с перепуга», услышав новые неприятельские *сурены*

⁴⁸ Здесь встает вопрос об особенностях военной «ментальности» кочевых народов Великой Степи, получивший отражение в тактических установках проведения боевых действий. Впрочем, как нам представляется, это может стать предметом отдельного рассмотрения.

(боевые кличи), что к ним подошло серьезное подкрепление, и бежали без оглядки. В ночной суете и беспорядочном бегстве джигиты кок-ордынского властителя даже не заметили отсутствие Урус-хана. Только утром они обнаружили, что его нет среди них, и вернулись на поле брани, чтобы забрать его тело (Утемиш-хаджи, 1992, с. 116-117).

Как видно из этого описания, и «атакующие, и обороняющиеся в бою выкрикивали свои «ураны», что сигнализировало о складывающейся ситуации и было формой связи», – справедливо замечает В.П. Юдин, анализируя это произведение степной устной историологии кочевников (Юдин, 1992, с. 81). Из этого не придуманного степными сказителями Восточного Дешт-и Кыпчака исторического пассажа о полном драматизма ночном бое следует, что отряд мальчиков во главе с Джалал ад-дином получил информацию «на расстоянии голоса» о «поражении» своих отцов. Прежде всего по раздающимся в ночной темноте вражеским боевым кличам, которые, скорее всего, сумели «погасить» ураны с их стороны. Неожиданное нападение, произведенное «зелеными юнцами» с одного из флангов, сопровождалось громким выкрикиванием боевых кличей, что в конечном счете и привело к поражению их противника.

В качестве примера скрытного тактического маневра можно привести сражение в Сыгнакской области между войсками Барака (внука Урус-хана) и Тимурида Улугбека в 1427 г. Армия самаркандского властителя многократно превосходила отряды Джучида Барак-оглана⁴⁹, поэтому тимуридские военачальники и не предполагали, что он «в состоянии биться и вздумает воевать и сражаться» с ними. Но «случайно место битвы было холмистое и войско неприятельское не все было видно. Когда оба войска выстроили свои ряды друг против друга, а армия мирзы Улугбека была больше войска неприятельского, то Борак-оглан, сообразив, что (человек), бьющий прямо, не есть человек битвы, *прибегнул к хитрости и уловке, собрал своих людей и разом сделал нападение*». В разгоревшемся сражении погибло огромное количество людей. «Войско мирзы Улугбека обманывалось своей многочисленностью и, ... не обращало никакого внимания на неприятельскую армию, которая была крайне малочисленна, и упустило из виду, что *«как часто малой ратью побеждалась рать многочисленная»*. Враги самоотверженно разом кинулись в бой и занесли руку силы и мощи. Правое и левое крыло мирзы Улугбека смешались, и неприятели стали напирать на центр, который также расстроился. Наконец, на войске Мавараннахрском стали видны знаки бегства и признаки поражения» и самаркандские рати потерпели поражение (История Казахстана в персидских источниках, 2006, с. 376-377). Из рассказа Абд ар-Раззака Самарканди можно понять, что войско Барака значительно уступало в численности неприятелю и единственный шанс на военный успех в будущем сражении оно могло реализовать, только используя неровный рельеф местности (холмы). В начавшемся бою отряды степняков скрытно обошли фланги чагатайских войск и неожиданно атаковали армию Улугбека, что и послужило главной причиной победы кочевников Дешт-и Кыпчака.

Ложный маневр. Целью ложного тактического маневра было отвлечение внимания противника от действий основных сил монгольской армии.

Чингизхан послал дорбетского полководца Дорбо-Докшина с наказом покарать туматское племя за непокорность. «Дорбо отрядил часть войска к той самой охранявшейся Туматским караулом тропе, по которой хотел пройти перед тем отряд Борохула, и, *обманув неприятеля ложным движением*, сам направил войска по тропе, проложенной дикими буйволами». Даже наиболее подготовленные из монгольских ратников, идя по этой тропинке, «стали колебаться», и пришлось дать приказ отборным воинам применить прутья «для понукания отстающих». Бойцы, вооруженные «топорами, тесаками пилами и долотами» и другими инструментами, пилили и рубили деревья и прорубили просеку в глухой лесной чаще, по следам прошедших буйволов. Затем, «поднявшись на гору», Дорбо «*внезапным ударом обрушился* на пировавших беспечно Туматов и полонил их» (Сокровенное сказание, 1990, с. 119). Из этих сведений следует, что оставление части отряда якобы для прохода по тропе ввело туматов в явное заблуждение относительно настоящих намерений монголов, а тем временем отборные монгольские воины обошли позиции противника и нанесли сокрушительный удар там, где их не ждали.

В очередном походе на Золотую Орду армия Тимура весной 1395 г. подошла к р. Терек, переправы через которую уже заранее сторожили отряды Токтамышша. Попытка усыпить бдительность золотоордынского хана с помощью специально высланного посланца не удалось. Тимур, чтобы перехитрить своего противника, решил прибегнуть к обманному маневру и двинулся вверх по реке, но параллельно ему по другую сторону Терека шло, наблюдая за ним, золотоордынское войско. По прошествии трех дней «*Тамурбек приказал в войске, чтобы женщины надели шлемы [и стали похожи] на мужчин, а всем мужчинам велел скакать как можно скорее [обратно] и каждому взять двух лошадей, на одной ехать [самому], а другую вести на поводу. Оставив свой стан [на месте], то есть женщин, похожих на мужчин,*

⁴⁹ Барак-оглан был предком будущей династии казахских ханов.

пленников и рабов с ними, сам [Тамурбек] вернулся назад к переправе; и все пройденное за три дня расстояние он преодолел за одну ночь и переправился через реку» (Клавихо, 1990, с. 143-144). Токтамыш, полностью дезориентированный и введенный в глубокое заблуждение таким неожиданным тактическим приемом Тимура, вынужден был принять бой и проиграл.

«Лжетрофеи» и использование вражеских знамен.

Интересным приемом монголов было разбрасывание драгоценностей и поклажи при отступлении с целью отвлечь внимание воинов противника на грабеж имущества: «...как только [черные татары] скрестят клинки [с противником], то стимулируют поражение и бегут, для обмана бросая поклажу, вот почему враг [отвлекается] на подборание золота и серебра» (Золотая Орда, 2009, с. 71). После того, как вражеские воины смешивали свои ряды и начинали грабить брошенное имущество, на них обрушивался удар свежих монгольских отрядов.

Позднее эту уловку использовали военачальники чингизидских и позднечингизидских государств, в том числе и знаменитый эмир Едигей, который в 1412 г. столкнулся с многочисленными войсками Каджулай-багатура: «Получив (об этом) известие, эмир Идигу выступил навстречу и, так как у него войска было меньше, *прибегнул к хитрости и уловке, ночью делал переходы, а днем скрывался*. Когда они сошлись близко, то эмир Идигу разделил свое войско на две части. Одному отряду он приказал, подойдя к неприятелю, вступить в бой и, обратившись в бегство, рассыпаться (во все стороны), *причем сказано было, чтобы они связали в виде тюков старые войлоки, конские попоны и торбы и во время бегства разбросали их во все стороны*. Когда эмир Каджулай прибыл, то люди эмира Идигу, вступив в бой, обратились в бегство. Войско Каджулайя, в том предположении, что враг весь (налицо), *стремясь к добыче, погналось за бегущими*. (Тогда) с другой стороны появился эмир Идигу-бахадур со сверкающими мечами и блистающими копьями. Каджулай, несмотря на то, что войско преследовало врага, не видел другого средства, кроме боя. Сделав геройские усилия и храбрые нападения, он, наконец, был убит. Эмир Идигу, отправив его голову в Хорезм, приказал поднять его знамя (тук) и барабанщикам его (велел) бить в литавры. Неприятель, погнавшийся за добычей, видя свое знамя, приходили отряд за отрядом, попадали в силки несчастья и подставляли шею под ярмо унижения, а руки в оковы плена. Таким способом тысяча человек была взята в плен» (История Казахстана в персидских источниках, 2006, с. 369-370). Тактическая задумка Едигея была рассчитана на разделение и распыление направленных против него войск через посылку легких передовых отрядов. Неприятельский военачальник Каджулай-бахадур, уверенный в том, что перед ним находится все войско Едигея, увлекся погоней и раздробил имеющиеся силы в ходе предпринятой им второстепенной погони за «убегавшими» врагами. Основное, хорошо вооруженное войско Едигея внезапно для противника подошло к месту сражения и ударило по ослабленному неприятелю своими более боеспособными частями и добилось успеха. Вернувшиеся из преследования воины Каджулая, не зная о разгроме главных сил, легко попали в плен, ориентируясь на боевой стяг своего полководца, но уже захваченный людьми Едигея.

Прием с использованием трофейного вражеского знамени или схожего с ним по цвету флага использовался и монгольскими военачальниками периода позднего Средневековья (Бобров, Худяков, 2008, с. 313, 314).

Ночные костры. В известном найманском походе Чингизхана (1204 г.) монголы после продолжительного марша встали боевым станом в саарикеерской степи. На военном совете Додай-черби внес на рассмотрение предложение: исходя из того, что монгольское войско уступало врагу в живой силе и к тому же оно изрядно утомилось в пути, следует широко развернуться в степи Саари-кеере, для того чтобы боевые кони были откормлены и «вошли в тело». В то же время «пусть по ночам у нас, у каждой живой души, у каждого ратника, зажигается по пяти костров сразу в различных местах. Будем наводить на неприятеля страх множеством костров! Найманов-то, как слышно, много. Но для хана их, который еще никуда из дому не выходил, для хана их и малого довольно. Так мы и Найманов вгоним в пот кострами да и коней своих откормим. А как откормим коней, то сразу же обратим в бегство их караул, разобьем его, прижмём к главному среднему полку и в этой-то суматохе ударим на них. Что скажете на это?» Чингизхан одобрил это предложение и тотчас отдал по войску приказ зажигать костры. Тотчас армия широко развернулась по степи Саари-кеере, и каждый человек зажёл костры в пяти различных местах. Ночью, с высоты у истоков Канхархи, найманские дозорные увидели множество огней и говорят: «Не сказывали ль нам, что Монголов мало? А костров-то у них больше, чем звёзд!» Представили они тогда к Таян-хану пегую лошаденку с плохоньким седлом и докладывают: «*Монгольское войско запрудило уже всю степь Саари-кеере. Не прибывает ли их с каждым днем? Огней у них больше звёзд!*» (Сокровенное сказание, 1990, с. 85-86). Подобная военная хитрость с использованием множества ложных

ночных костров удалась, и противник поверил, что монгольское войско по численности было очень внушительным. Это породило определенную тактическую неуверенность в предстоящем сражении в среде найманских военачальников и привело в конечном итоге к военному разгрому превосходящей и относительно сильной армии найманов.

Разведение ночью ложных костров, чтобы обмануть противника, применялось монголами постоянно. После первого боевого столкновения хорезмийского и монгольского войска, произошедшего в начале лета 1216⁵⁰ г. (или 1218⁵¹ г.) на территории Казахстана в междуречье рек Кумак и Джарлы, юго-восточнее отрогов уральских гор, монголы применили тактическую хитрость. В течение целого дня противостоящие войска стойко сражались до вечера. Монгольские воины *«ночью развели множество огней, показывая, будто они твердо стоят [на своих позициях] и проводят ночь с намерением сразиться, а [тем временем] они, подгоняя коней, под покровом ночи проделали за эту ночь расстояние двух дней пути»* [ан-Насави, 1996, с. 49; Джувайни, 2004, с. 44-45; Рашид ад-Дин, 1952, Кн. 2, с. 189-190; «Юань ши», 2005, с. 498-499; Ахинжанов, 1989, с. 326-335]. В среднеазиатской кампании военную хитрость с ночными кострами еще раз применили монголы, преследуя уходящего от погони хорезмшаха Мухаммада. Настигнув его у «реки Хуйли (?), Чжэбэ сразился, но безрезультатно. Субэтай поставил войско к востоку от реки, предписал всем своим людям зажечь по три факела, чтобы увеличить силу войска. Пресловутый владетель ночью сбежал», устранившись от силы монголов (Юань ши, 2005, с. 499).

Использование ночных костров в качестве средства по дезориентации неприятеля было действенным тактическим приемом по запугиванию врага и даже нашло отражение позднее в исторических преданиях. Золотоордынский беклербек Едигей, в годы противостояния с Токтамышем, переправился через Идиль (Волгу) с сыном и подошел к городу хана, но, так как воинов у него было мало, он решил пойти на хитрость. Едигей заставил своих воинов ночью зажечь костры во многих местах, а спины коней накрыть бязью и гонять всю ночь вокруг курганов, производя тем самым большой шум. Караульные противника, увидев это ночное происшествие, срочно доложили Токтамышу о появлении врага с большим войском. Это донесение привело его в растерянность, да так, что он принял торопливое решение бежать, даже не собрав войска. К тому же сын Едигея – Нур ад-дин с небольшим отрядом напал на ханские караулы и перебил их. Токтамыш получив тревожные известия о гибели караульных, собрал приближенных на совет и поспешно ретировался из города (Жирмунский).

Ложное «резервное» войско. Плано Карпини настойчиво подчеркивал в своем сочинении, что монголы «в войнах... весьма хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более». Для того чтобы напугать противника и внушить ему неуверенность в своих силах, монгольские военачальники выстраивали на отдаленном, но видимом расстоянии крупное бутафорское (по сути маскарадное) «резервное» войско. Так, татарские вожди «имеют рядом с собой на конях отроков, а также женщин и лошадей. Иногда они делают изображения людей и помещают их на лошадей; *это они делают для того, чтобы заставить думать о большом количестве воюющих»*; «А в особенности бывает это тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как сказано выше, которых они считают за воителей, и вследствие этого приходят в страх и замешательство» (Плано Карпини, 1957, с. 52-53). Об этом же приеме пишет и Рашид ад-Дин, повествуя о битве при Парване, в которой монголы впервые в среднеазиатской кампании понесли поражение. Монгольский командующий Шики-Кутуку, настигнув в быстрой погоне хорезмского султана Джала ад-дина, зная о многочисленности войска своего противника, решил обмануть его. «На следующий день монголы отдали [по войскам] приказ [йаса], чтобы каждый всадник укрепил на своем коне чучело человека из войлока и прочего и держал бы за спиной. В течение ночи они смастерили [эти чучела] и на следующий день построили ряды. Когда войско султана увидело эту тьму [войск], оно вообразило, что к монголам подоспело подкрепление, и сделало попытку к бегству». Но войско султана Джала ад-дина благодаря своему смелому полководцу не поддавалось на эту уловку и добилось в битве решительной победы над монголами (Рашид ад-Дин, 1952, Кн. 2, с. 221-222).

Умело имитируемое монгольскими военачальниками численное превосходство своих войск действовало на неприятеля и его воинов иногда буквально магически и принимало среди них порой массовый панический характер. Магистр Рогерий, очевидец монгольского погрома Венгерского королевства, дал подробное описание этого хитрого тактического хода: «Поскольку у них [татар – А.К., Л.Б.] было множество коней, а самих татар было немного, они задумали следующее. *Приготовив как можно больше чудовищ и страшилищ, они усадили их на свободных лошадей так, как будто бы это были воины.*

50 Такую вероятную дату предложил В.В. Бартольд, исходя из произведения ан-Насави (Бартольд, 1963, Т. 1. с. 436).

51 Академик З.М. Буниятов склонен думать, что битва произошла в конце 1218 г. (Буниятов, 1999, с. 140).

Этих лошадей они отвели за некий холм с небольшим числом своих прислужников, приказав им, чтобы, когда они сойдутся в бою с венграми, те вышли и, построившись в боевые порядки, медленно проследовали бы к ним. Сами же татары ожидали венгров на равнине. Когда они появились, комит Бох с другими воинами, которые пришли с епископом и считались лучшими в Венгрии, опустив поводья и решительно устремившись вперед, учинили самое жестокое столкновение с татарами. Поскольку татар было меньше, подставив венграм спины, они притворились, что начали отступать к холму. И тогда те, со страшлищами, построившись в боевой порядок, вышли из-за горы, чтобы сделать, как было уговорено. Венгры, видя это и думая, что против них замышлены козни, показали спины и немедленно обратились в бегство. Татары же, быстро на них набросившись, рубя и убивая, причиняли им какие только могли жестокости» (Magister Rogerius, 1979, s. 52-53; Магистр Рогерий, 2012, с. 36-37).

Такие военные способы с применением ложного маскировочного войска сохраняли позднее и крымские татары. «Когда они [татары – А.К., Л.Б.] делают набег с небольшим числом войска, то сажают на лошадей чучел в виде людей, чтоб их казалось более», – указывает английский автор XVI в. Джильс Флетчер (Флетчер, 2002, с. 105). Подобная военная хитрость могла основательно дезинформировать их врагов, которые наглядно видели перед собой «несметные силы» противника, готовящегося в любой момент двинуться в атаку. Внушаемая мысль о многочисленности монголов заставляло вражеское командование принимать порой неверное тактическое решение. А, как известно, нерешительность среди командного состава порождала соответствующее чувство неуверенности в собственных силах и в войсках.

«Пыльный табун». Еще одним способом создать у противника впечатление о многочисленности монгольской армии была практика привязывания к хвостам лошадей веток деревьев. При движении коней, волочащиеся по земле ветки вызывали столбы пыли, которые в обычной ситуации поднимало бы войско огромных размеров. Введенный в заблуждение противник начинал паниковать и становился жертвой стремительной монгольской атаки: «...если войск мало, то сначала [черные татары] покидают [данную] местность, волоча за собой деревья и вызывая пыль, поднимающуюся до небес, [так что] противник подозревает, что войско [черных татар] велико и всякий раз оказывается в расстройности, а [черные татары] не теряются – наступают на него и всегда могут разбить» (Золотая Орда, 2009, с. 70, 71).

Судя по данным письменных и фольклорных источников, подобную военную хитрость тюркские кочевники Средней Азии продолжали применять вплоть до середины XIX в.

Походно-полевые хитрости. В 1213 г. (датировка по Юань ши) добить сбежавший на далекий запад ослабленный обок (племя) меркитов вызвался подающий большие надежды монгольский военачальник Субэдэй-бахадур. Хочется здесь отдельно выделить, что именно Субэдэй был мастером и разработчиком изощренной военной хитрости, о которой столь часто упоминают летописцы монгольской эпохи. Перед военной кампанией он «выбрал помощником полководца Аличу и назначил [его] в авангард с сотней людей, чтобы высмотреть их [меркитов] положение. Субэтай двинулся вослед. Субэтай дал наставление Аличу, сказав так: «Ты когда будешь останавливаться на ночлег, обязательно держи детскую утварь наготове, чтобы уходя, оставить ее – пусть будет похоже на то, как будто [вы] убегаете, захватив с собой семьи». Меркиты увидели это дело и в самом деле решили, что тот убегает, поэтому оказались не готовыми [к нападению]» («Юань ши», 2005, с. 498). Именно в таких военных кампаниях оттачивалось тактическое мастерство монгольских полководцев, которое впоследствии потрясло окружавших их мир своей необычностью или, говоря современным языком, неординарным подходом. Здесь же можно отметить, что монгольские военачальники в походе пользовались военно-оперативной самостоятельностью как в выборе средств, так и в подборе кадров. Такие походы были наглядной тактической практикой (уроком) для начинающих военную карьеру командиров, как говорится, своеобразное обучение «без отрыва от производства».

Военные хитрости делали тактическое искусство монголов гибким и исключительно эффективным. В отличие от многих своих современников монгольские командиры ставили во главу угла не «военную красоту», а результат решения поставленной боевой задачи. Европейские, мусульманские, китайские и японские полководцы, не желавшие поступиться «благородными правилами войны», возмущенно обвиняли степняков в «коварстве», «жестокости», «бесстыдстве», «варварстве» и... раз за разом терпели поражения от гораздо более малочисленных армий кочевников.

В результате противникам монголов приходилось с горечью констатировать безрадостный для них факт: «... когда [монголы] терпят поражение, то в результате удачи и при наличии искусной тактики, добывают [в итоге] победу» (Золотая Орда, 2009, с. 71).

Выводы

Военные преобразования Чингизхана затронули не только сферу военной организации монгольской армии, но и тактику ведения боя. «Потрясатель Вселенной» активно экспериментировал с боевыми построениями, применяя наряду с развернутым строем его глубоко эшелонированные аналоги. С именем Чингизхана потомки связывали и ставший классическим развернутый строй, состоящий из центра («гол»), флангов («гар»), арьергарда и засады.

1. Тотально доминирующей разновидностью ведения сражения монголами XIII в. был дистанционный бой с применением лука и стрел. Символом монгольской армии эпохи Великих завоеваний может по праву считаться легковооруженный или панцирный лучник, способный вести перестрелку с противником как на максимальной, так и на малой и средней дистанции (рис. 10). Способность буквально засыпать противника «ливнем стрел» с минимальной дистанции существенно отличало дистанционный бой монголов от военной практики их предшественников. Атака с холодным оружием в военном искусстве монголов XIII в. играла подчиненное положение по отношению к массированному обстрелу противника из луков. Она осуществлялась силами отрядов, набранных из покоренных народов, либо собственно монгольской панцирной конницей. В последнем случае атака совершалась только после того, как построения противника были «размягчены» массированной стрельбой лучников. При возможности монгольские военачальники XIII в. старались избегать подобных атак, чреватых значительными потерями личного состава.

2. В большинстве случаев тактика монголов носила активный наступательный характер. Главными компонентами тактического военного искусства были идеи окружения и сокрушения противника. Идея окружения реализовывалась путем обхода вражеских флангов («Тулгама», цепи конных лучников), завлечения противника в засаду (притворное бегство). Идея сокрушения осуществлялась путем прорыва построений противника, достигаемого концентрированным лучным ударом конных и пеших лучников (соответственно «Хоровод» и колонны пеших стрелков), повторяющейся атакой сменяющих друг друга отрядов, бьющих в одно место вражеского строя («Шиучи»). В условиях военных реалий XIII в. окружение или прорыв построения противника почти неизбежно приводил к его разгрому и уничтожению монгольскими войсками.

3. Тактические приемы монголов можно разделить на «большие» и «малые». К первым относятся «Тулгама», «Шиучи» и притворное бегство. Ко вторым: «хороводы» и «цепи» конных лучников, колонны пеших лучников, засады, атаки с холодным оружием. «Малые» тактические приемы могли входить в состав «больших». Так, например, «Шиучи» мог представлять собой сочетание «хоровода» и атак с холодным оружием, притворное отступление – цепи конных лучников и засады и т. д. Высокой эффективностью отличалось совмещение тактики сокрушения и окружения, когда войска подвластных народов, выполняя прием «Шиучи», атаковали противника с фронта, а отборные монгольские части, реализуя маневр «Тулгама», незаметно обходили фланги противника, заключая его в кольцо.

4. Идее окружения максимально соответствовал развернутый месяцевидный строй с мощными флангами, выдвинутыми в сторону противника. Реализации идеи сокрушения оптимально отвечал глубокий эшелонированный строй. Универсальность месяцевидного строя, а также наметившееся доминирование идеи окружения над идеей сокрушения предопределило его преобладание в военном искусстве чингизидских и позднечингизидских государств XIII-XIV вв.

5. Огромный запас прочности тактического искусства монголов XIII в. позволил ему сохраняться (с некоторыми изменениями) на протяжении почти 300 лет. Основные нововведения этого периода носили эволюционный характер и были связаны с появлением «канбулов» (дополнительных фланговых охранений), усилением роли авангарда и резерва армии.

6. Важные изменения в тактике степных народов Евразии произошли в XVII-XVIII вв. и были связаны с трансформацией военного искусства ойратов и распространением в регионе огнестрельного оружия. Пик доспешного производства в Ойратии и Монголии, а также перевооружение легкой конницы копьями и пиками создали условия для роста значения ближнего боя. Столкновения ногаев и татар с реформированными ойратскими армиями показали, что в конном бою исповедующим старую тактику лучникам нечего противопоставить такой же мобильной коннице, но снабженной помимо луков пиками и широко использующей защитное вооружение. Наиболее ярко это правило подтвердили

события начального периода «Малого монгольского нашествия», когда «копийные и куяшные» лавины ойратской (калмыцкой и джунгарской) конницы раз за разом сминали «хороводы» тюркских конных лучников. Крымские и ногайские стрелки не успевали набрать разбег и выпустить первые стрелы, как им уже приходилось разворачивать коней и спасаться бегством, чтобы не оказаться жертвой длинных калмыцких пик. Ойратские кони были не хуже татарских, и оторваться от свирепых «косоплетов» было очень сложно, не говоря уже о том, чтобы перестроиться и повторить атаку. В тактическом плане ойратский «копейный напуск» стал «убийцей хороводов» конных лучников и существенно сократил возможности применения классического (лучного) варианта маневра «тулгاما». Второй удар по старым тактическим схемам нанесло ручное огнестрельное оружие. Его внедрение в казахских и ойратских войсках постепенно меняло рисунок степных сражений, вынуждая кочевников все чаще спешиваться для ведения «огненного боя». Как и «копейный напуск», залповая ружейная стрельба в первую очередь ударила по тактическим приемам, рассчитанным на ведение дистанционного конного боя на малых и средних дистанциях.

7. Результатом нововведений эпохи «Малого монгольского (ойратского) нашествия» XVII в. стал постепенный отказ от некоторых тактических приемов и построений периода развитого Средневековья. Так, например, из военной практики Центральной и Средней Азии были вытеснены «хороводы» конных и колонны пеших лучников, снизилась популярность цепей конных лучников. Зато «второе дыхание» в военном искусстве джунгар конца XVII – первой половины XVIII вв. приобрел обновленный месяцевидный строй «Лук-ключ» с ружейными стрелками в центре и конными копейщиками на флангах. А в военном искусстве казахов и монголов некоторые модернизированные приемы эпохи Великих Завоеваний («тулгاما», цепи конных лучников, притворное бегство) сохранились вплоть до середины XIX в., то есть до завершения существования военного искусства кочевников как самостоятельного военно-исторического феномена.

8. В тактическом искусстве монгольской армии выделяется система управления военными действиями и отдельными войсковыми операциями, непосредственно исходящая от военачальников различного ранга и являющаяся проявлением их умения, опыта и воинского мастерства. Тем самым успешное завершение тактической операции, от планирования до окончательного практического выполнения, зависело от военной компетенции и знаний командиров принимать решение и отдавать приказы, качественно, своевременно и неукоснительно выполнять поставленные боевые задачи. Командный состав монгольских и чингизидских армий использовал отработанные в течение продолжительного времени порядок и правила управления тактических действий войск, которые имели собственные многовековые степные традиции.

9. Потрясающий боевой эффект реализации и без того весьма совершенных тактических схем достигался монголами XIII в. за счет грамотной системы управления войсками в бою. Последняя обеспечивалась вертикальной структурой подчинения, стройной десятичной организацией армии, наличием компетентного командного состава и уникальной, для своего времени, военной дисциплиной. Своевременность и синхронность совершения тактических маневров достигались на общевойсковом уровне с помощью сигналов, подаваемых знаменами и барабанами, а на уровне подразделений голосовыми приказами, «свистящими стрелами» и боевыми кличами (уранами и суренами).

10. Большое значение в тактическом искусстве монголов и их военно-политических наследников играли различные воинские хитрости. Большинство таких хитростей преследовали две основные цели:

А) Ввести противника в заблуждение, преувеличив или преуменьшив численность своих войск («ложные резервы», «пыльный табун», «ночные костры» и т. д.).

Б) Осуществить неожиданное нападение на противника (ночные атаки, скрытные передвижения, диверсии и т. д.).

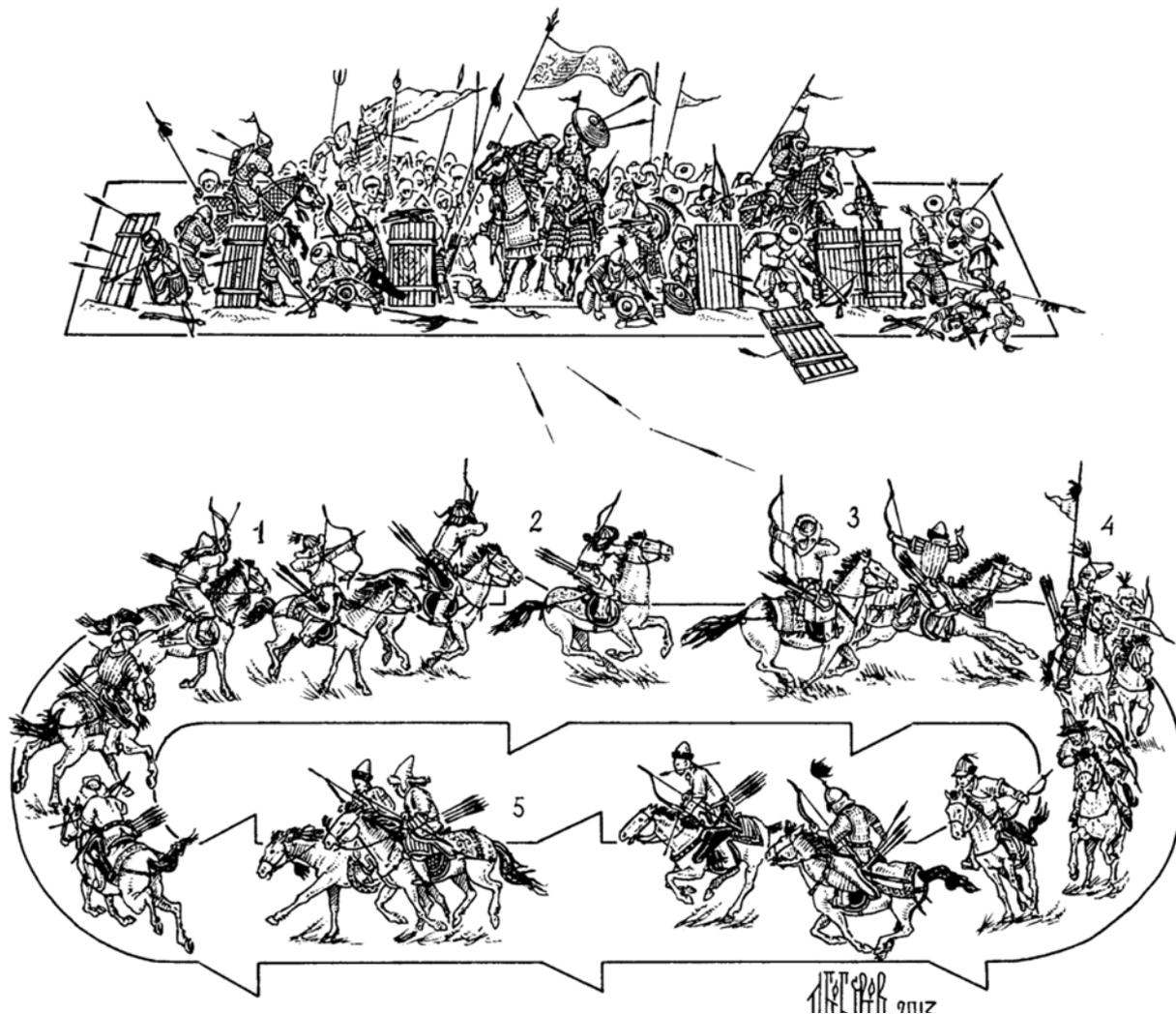
Комплексный анализ собранных материалов свидетельствует, что эффективная, гибкая, отточенная во множестве военных кампаний тактика ведения полевых сражений сыграла важнейшую роль в военных успехах монголов XIII в. Она оказала существенное влияние на развитие военного искусства кочевников Великой Степи и их оседлых соседей на протяжении последующих исторических эпох.

Литература

1. Астайкин А.А. «Не успеша бо исполчитися противу имь...»: русские и монголы в походе и битве на Калке (апрель-июнь 1223 г.) / Военное дело Улуса Джучи и его наследников. – Астана: Фолиант, 2012.
2. (ан-Насави) Шихаб ад-дин ан-Насави. «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны» (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). – М.: Восточная литература, 1996.
3. Аткинсон Т. Путешествие в казахские степи / Простор. 1972. № 3.
4. Ахинжанов С.М. Хорезм и Дешт-и Кыпчак в начале XIII в. (о месте первого сражения армии хорезмшаха с монголами) / Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989.
5. Ахметжан Қ. Көшпелі халықтардың шайқас алдында ұрыс шебін құру әдістері / Рух-Мирас. Казахстанский культурологический альманах, № 3 (3). 2004.
6. Бабур-наме. Записки Бабура. – Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1992.
7. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Сочинения. Т. I. – М.: Восточная литература, 1963.
8. Бичурин Н.Я. (Иакинф). История первых четырех ханов дома Чингисова / Абуль-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков. Иакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. – М.-Ташкент-Бишкек, 1996.
9. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2008.
10. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в позднее Средневековье и Новое время. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2010.
11. Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в пешем строю в последней трети XVI – середине XIX вв. / Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. I. – СПб: «ВИМАИВиВС», 2012 а.
12. Бобров Л.А. Луки казахских воинов эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. Вопросы производства, конструкции и боевого применения / Военное дело Улуса Джучи и его наследников. – Астана: Фолиант, 2012 б.
13. Бобров Л.А. Казахские копейные значки эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени / История и культура средневековых народов степной Евразии. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2012 в.
14. Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV-XVI вв. / Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. I. – СПб: «ВИМАИВиВС», 2013.
15. Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097-1231 гг.) / Избранные сочинения в трех томах. Т. 3. – Баку: Элм, 1999.
16. Горелик М.В. Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов) / Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990.
17. Горелик М.В. Армии монголо-татар X-XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. – М: ООО «Восточный горизонт», 2002.
18. (Джувайни) Ата-Мелик Джувейни Ала-ад-Дин. Чингис-хан: История Завоевателя Мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни. – М: Магистр-пресс, 2004.
19. Жирмунский В.М. Сказание об Идиге / Половецкая луна, № 3/7/93 / <http://turkolog.narod.ru>
20. Золотая Орда в источниках. Китайские и монгольские источники. Т. 3. – М: Наука, 2009.
21. Измайлов И.Л. Военное дело Улуса Джучи / История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009.
22. Измайлов И.Л. Войско Улуса Джучи во второй половине XIII-XV вв.: структура командования, способ комплектования, численность и рода войск / Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011.
23. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
24. История Казахстана в арабских источниках. Т. III. Извлечения из сочинений XII-XVI веков. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006.
25. История Казахстана в персидских источниках. Т. IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006.
26. История Казахстана в русских источниках. Т. I. Посольские материалы Русского государства (XV-XVII вв.). – Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
27. История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Т. V. Первые историко-географические описания казахских земель. Первая половина XIX века. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007.
28. Клавихо Руи Гонсалес де. Дневник путешествия ко двору Тимура (1403-1406). – М.: Наука, 1990.

29. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992.
30. Кроль Ю.Л. О работе Б.И. Панкратова над «Юань-чао би-ши» / Страны и народы Востока. Вып. XXIX. – СПб: Петербургское востоковедение, 1998.
31. Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов XVII-XVIII вв. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001.
32. Кушкумбаев А.К. Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Сравнительно-историческое исследование. – Кокшетау: Келешек – 2030, 2009.
33. Кушкумбаев А.К. Значение засады в монгольской стратегии и тактике ведения боевых действий / Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012 а.
34. Кушкумбаев А.К. Комплекс ударного оружия (палицы, булавы, кистени) воинов Улуса Джучи / Военное дело Улуса Джучи и его наследников. – Астана: Фолиант, 2012 б.
35. Кушкумбаев А.К. Тактическое построение войск в монгольскую эпоху / В печати. 2013.
36. Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2012.
37. Марко Поло. Книга Марко Поло. – Алма-Ата: Наука, 1990.
38. Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1969.
39. Материалы по истории киргизов и Киргизии. – М: Наука ГРВЛ, 1973.
40. Матузова В.И. Английские средневековые источники IX-XIII вв. – М.: Наука, 1979.
41. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
42. Миргалеев И.М. Битвы Токтамыш-хана с Аксак Тимуром / Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011.
43. Михайлов А.А. Первый бросок на юг. – М: АСТ, Северо-Запад Пресс, 2003.
44. Мэн-да Бэй-лу. «Полное описание монголо-татар». – М.: Наука, 1975.
45. Насан-Очир Э.-О. Военное дело древних кочевников Монголии (II тыс. до н.э. – III век до н.э.). Автореф. дисс... к.и.н. – Новосибирск, 2008.
46. Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1977.
47. Плано Карпини. Джiovанни дель Плано Карпини. «История монгалов» // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.
48. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. – М.-Л.: АН СССР, 1952.
49. Сокровенное сказание монголов. – Улан-Удэ: Бурядайд номон хэблэл, 1990.
50. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата: Гылым, 1992.
51. Флетчер Дж. О государстве русском. – М: Захаров, 2002.
52. Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. – М: «Индрик», 1997.
53. Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV веков. – Алма-Ата: КРАМДС-Ахмед Яссауи, 1992.
54. Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Ч. 1. – М: Наука ГРВЛ, 1983.
55. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. – М: АСТ: ЛЮКС, 2004.
56. Храпачевский Р.П. Армия монголов периода завоевания Древней Руси. – М: Квадрига, 2011.
57. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». – СПб: Евразия, 2002.
58. Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991.
59. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1997.
60. Худяков Ю.С. К вопросу о коннице, пехоте и характере войск древних тюрок / Российская археология. № 4. 2000.
61. «Юань ши». (Официальная хроника династии Юань). Основные записи / Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. – М: АСТ: ЛЮКС, 2005.
62. Юдин В.П. Неизвестная версия гибели Урус-хана (из политической истории Восточного Дашт-и Кыпчака XIV в.) / Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата: Гылым, 1992.
63. Dlugos J. Historia Polonicae. Электронный режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Dlugos/fragm1241.phtml?id=462>
64. Magister Rogerius. Carmen iserabile super destructione regni Hungariae temporibus Belae IV, regis per Tartaros facta. (E Truroczii edition Augustana ann.1488). Eisenstadt, 1979.
65. May T. The Mongol Art of War: Chinggis Khan and the Mongol Military System. Yardley, Westholme, 2007.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. «Хоровод конных лучников», XVI в.
Схема-реконструкция выполнена Бобровым Л.А.

1. Стрельба из положения влево-вперед.
2. Стрельба из положения влево-вбок.
3. Стрельба из положения влево-назад.
4. Командир отряда конных лучников («вожатый» по С. Герберштейну) пресекает попытку нарушить строй.
5. Во время движения по внешней стороне кольца «хоровода» всадники поправляют снаряжение и достают из колчана стрелы.

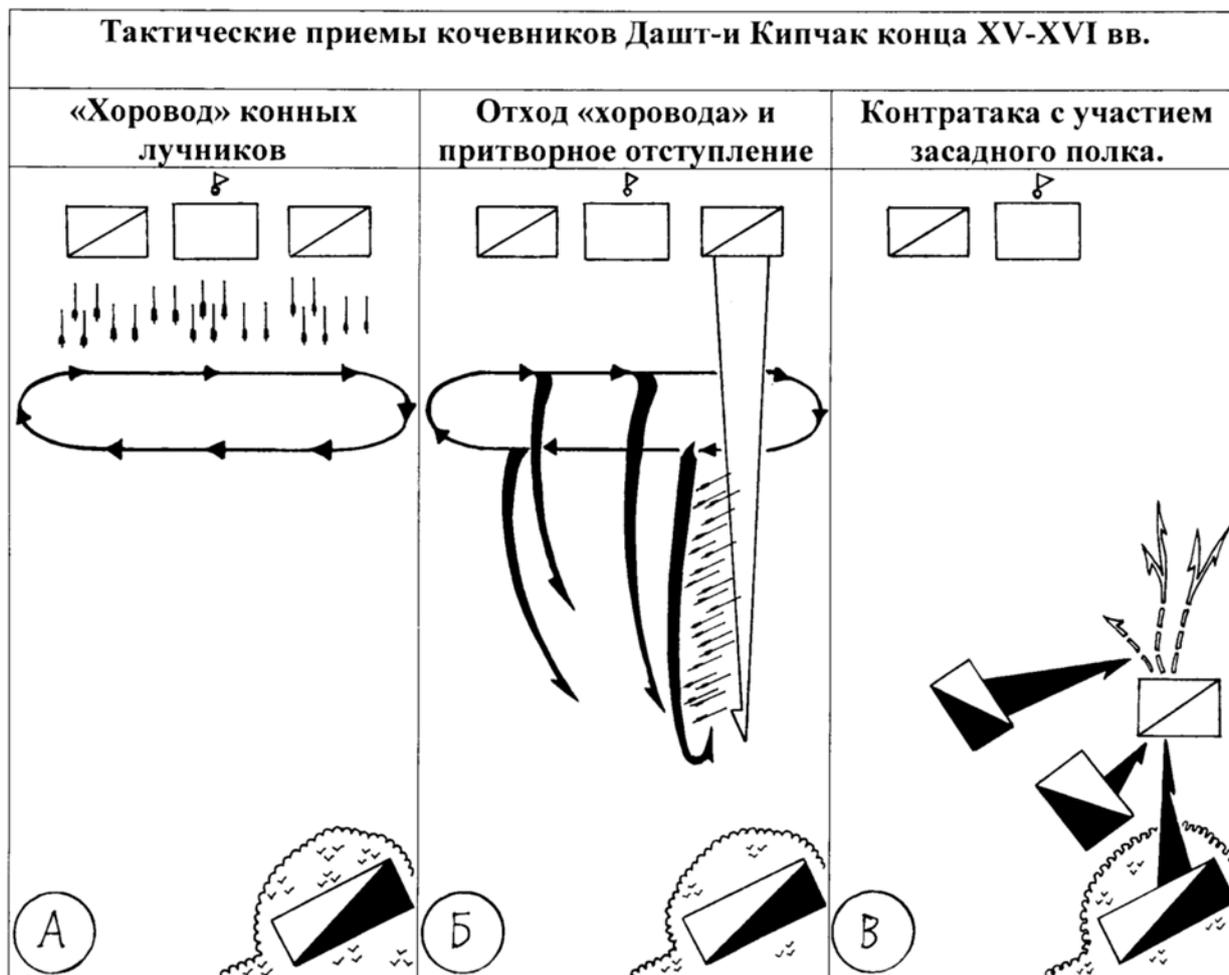

Рис. 2. Тактические приемы кочевников Дашт-и Кыпчака конца XV-XVI вв.

Рисунок Боброва Л.А.

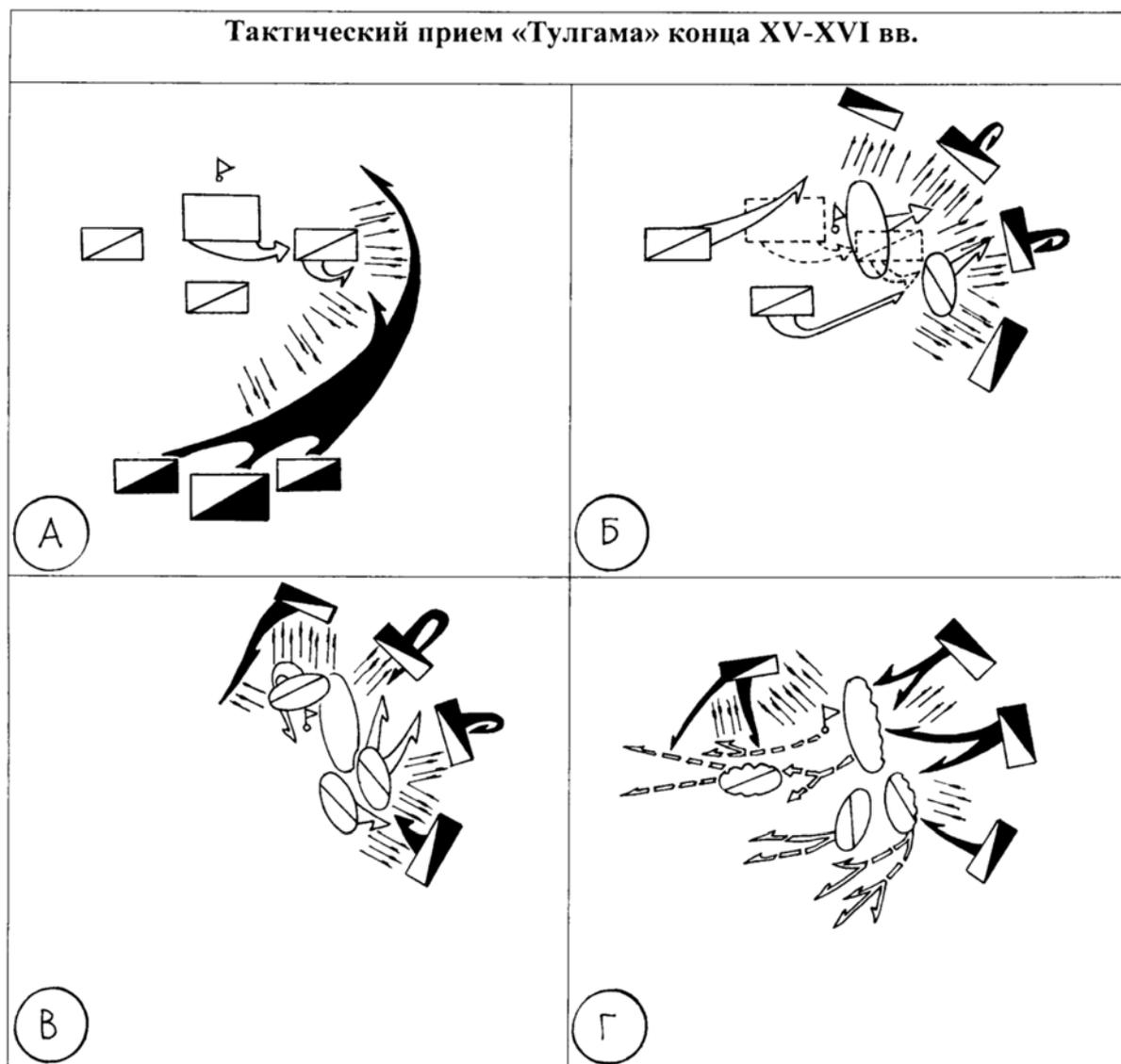
А. «Хоровод» конных лучников. Обстрел вражеских построений.

Б. Атака конницы противника, притворное отступление всадников «хоровода» с ведением лучного обстрела преследователей.

В. Контратака кочевников с участием засадного полка.

Рис. 3 а. Миниатюра «Битва Тимура с Токтамышем». Герат, 20-40-е гг. XV в. Музей Толкапы (г. Стамбул, Турция).

Рис. 4. Тактический прием «тулгама» на примере сражения у Ходжа Кардзана (1501 г.). Рисунок Боброва Л.А.

- А) Войска кочевников Дешт-и Кыпчака совершают охват левого фланга тимуридских войск, вынуждая их начать спешное перестроение. В результате боевой порядок нарушается. Отборные тимуридские войска авангарда оказываются на правом фланге и не участвуют в схватке.
 «Когда ряды сблизались, враги стали заходить краем правого фланга нам в тыл; тут я [Бабур - Л.Б.] повернулся к ним фронтом и наш авангард, куда были записаны все наличные йигиты, выдавшие битвы и рубившиеся мечом, оказались на правой руке; перед ним не осталось ни одного человека».
- Б) Попытки тимуридских войск контратаковать.
 «Все же мы отбили и оттеснили врагов, вышедших вперед, и прижали их к центру...»
- В) Повторный охват кочевниками левого фланга тимуридских войск с выходом в тыл. Лучная атака с фронта и с тыла. Попытки тимуридских войск (включая авангард на правом фланге) контратаковать не приводят к желаемому результату.
 «Правый фланг врага, потеснив наш левый фланг, зашел нам в тыл. Так как наш авангард тоже остался на правой руке, то наш фронт оказался оголенным. Люди неприятеля напали на нас спереди и сзади и начали пускать стрелы... Мы несколько раз нападали на противника и с боем оттесняли его; наши передовые тоже ходили в наступление».
- Г) Лучная атака кочевников с тыла на ставку Бабура, атака на тимуридские войска с фронта и с тыла. Бегство тимуридских войск.
 «Люди, которые зашли нам в тыл, также приблизились и начали пускать стрелы прямо в наше знамя [т.е. в сторону ставки командования]; они напали спереди и сзади и наши люди дрогнули. Великое искусство в бою узбеков эта самая «тулгама». Ни одного боя не бывает без тулгамы».

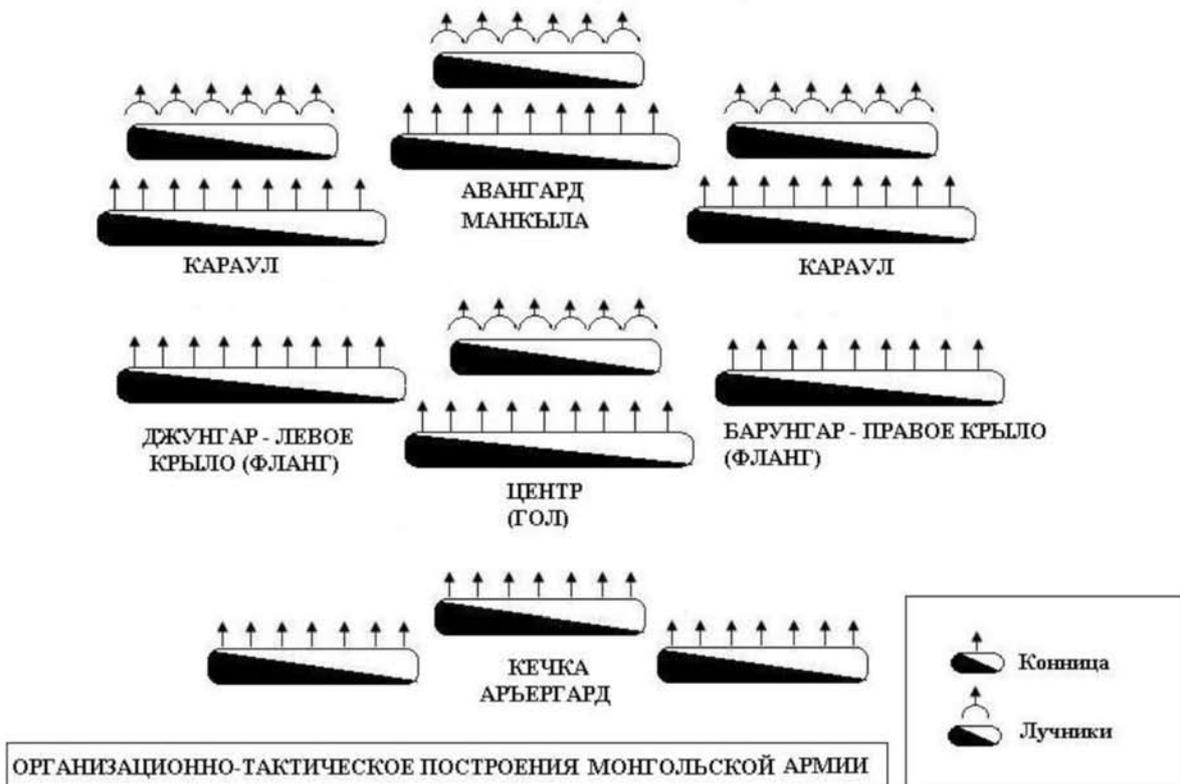

Рис. 5. Организационно-тактическое построение монгольской армии.

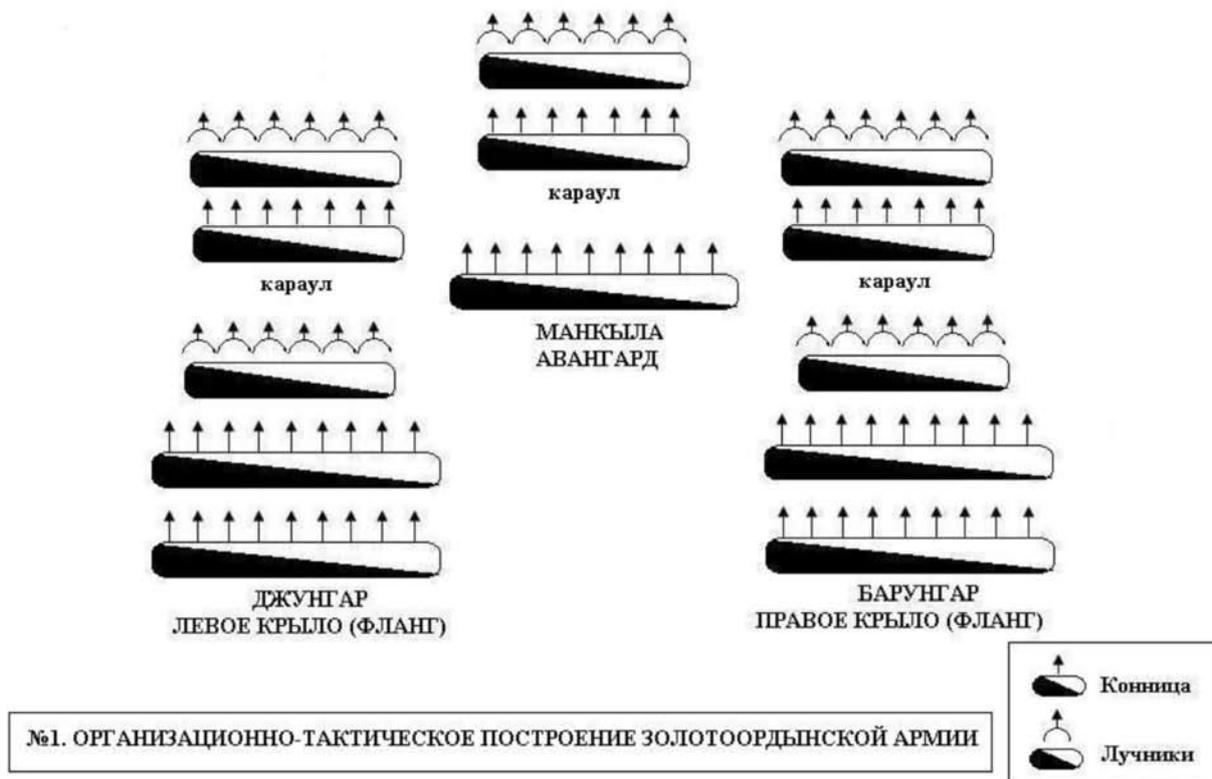

Рис. 6. Организационно-тактическое построение золотоордынской армии.

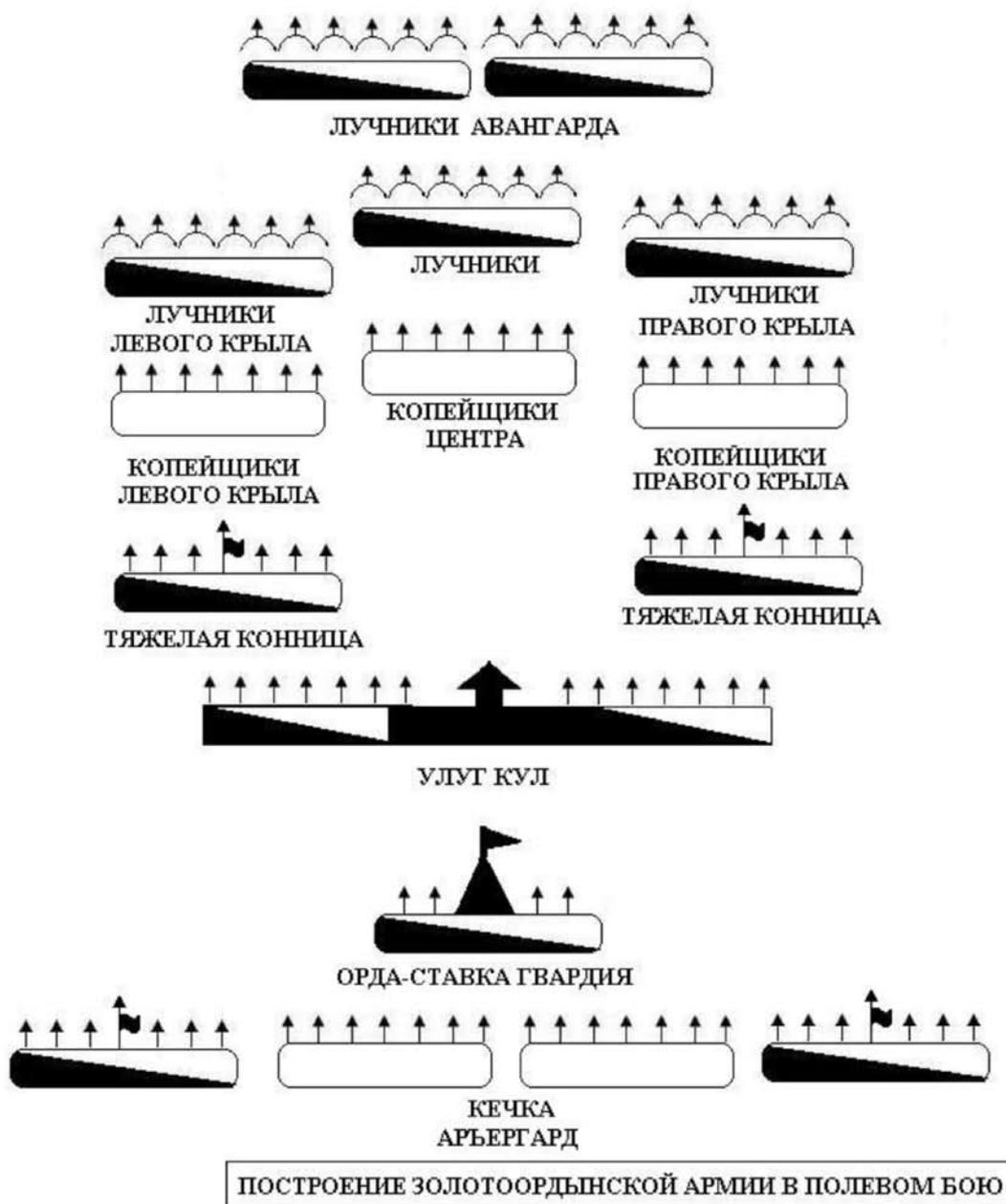

Рис. 7. Построение золотоордынской армии в полевым бою.

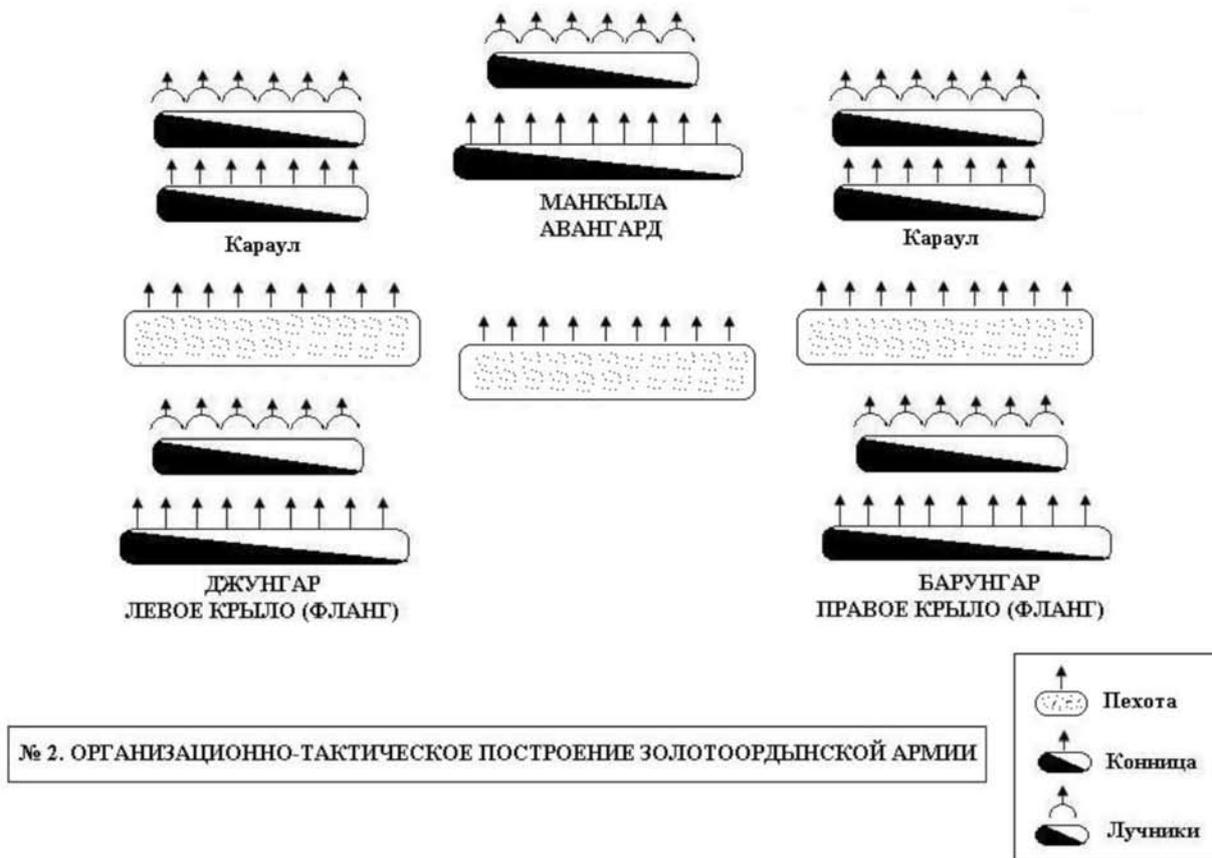

Рис. 8. Организационное построение золотоордынской армии.

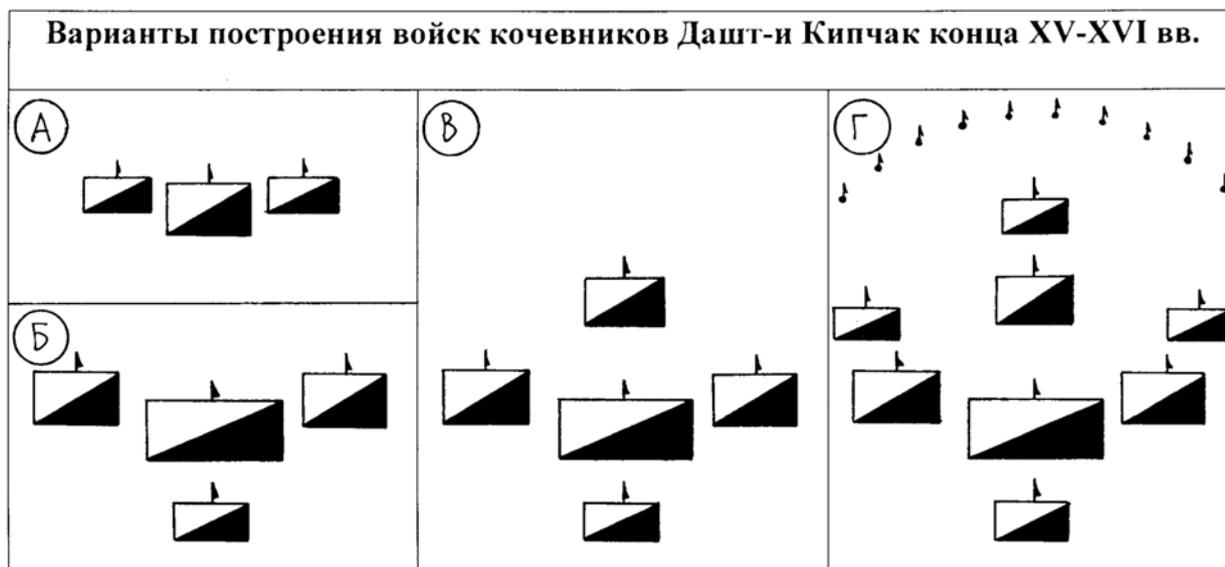

Рис. 9. Варианты построения войск кочевников Дешт-и Кыпчака XVI в. Рисунок Боброва Л.А.

- А. Построение из центра («орта»), левого («сол кол», «майсара») и правого фланга («он кол», «майманэ»).
- Б. Построение из центра («орта»), левого («сол кол») и правого фланга («он кол»), резерва/засады («буктырма»).
- В. Построение из центра («орта»), левого («сол кол») и правого фланга («он кол»), резерва/засады («буктырма») и авангарда («алгыншы», «мангалай»).
- Г. Построение из центра («орта»), левого («сол кол») и правого фланга («он кол»), резерва/засады («буктырма»), левофлангового и правофлангового охранения («сол канат», «он канат»), двухчастного авангарда («караул» и «ертаул»), застрельщиков.

ТЮРКСКИЕ КОРНИ ЭТИМОЛОГИИ ВЕНГЕРСКИХ СЛОВ *SEB, SEBES, SEBESEN*

Наше исследование было посвящено культурным и языковым контактам Волжского бассейна, в котором возникли многосторонние контакты русских с тюркскими и финно-угорскими народами. Проблемы культурных контактов данного региона тщательно рассматривались в работах Н. С. Трубецкого (1925, 1927). Мы считали необходимым изучение следов языковых контактов, предлагаемое Н. А. Баскаковым (1979). Баскаков обратил внимание на исследование тюркской фразеологии, в том числе парных слов тюркских языков, проникших в русский народный язык. Результаты нашего исследования суммируются в трех книгах и многих статьях. Мы считаем большим успехом нашего исследования, что в историко-этимологическом словаре *Русская фразеология* (2005) были зачислены несколько данных наших монографий, которые доказывают языковые контакты Волжского бассейна.

При изучении фразеологии и лексики языков упомянутого региона обнаружили языковые факты, которые связаны и с венгерским языком.

Потомки куманов, переселившиеся в Венгрию в XIII веке, уже не используют родной язык своих предков, а говорят на венгерском языке. После смены языка следы куманского языка сохранились в географических названиях *Karcag / Карцаг, Kadarcs / Кадрч, Törtel / Термел, Tülkele / Тюлкеле* и в именах (фамилиях) *Botka / Ботка, Bolmas / Болмас, Csertán / Чертан, Kargoly / Карголь, Kongor / Конгор* (Bartha, 2012). Упомянутые собственные имена свидетельствуют о пребывании данного этноса на территории Венгрии и отражают пережитки древних традиций.

В исторической топонимии Венгрии географическое название *Kolbász-szék* в области Солнок, в регионе Малой Кумании, тоже свидетельствует о кипчакских традициях. В окрестностях города Карцаг сохранил данное название до наших дней Топоним *Kolbász-szék* (региональный центр предводителя куманов), который имеет этимологическую связь с казахским словом **колбасшы** < 'полководец'.

Кроме общих элементов лексики тюркских и венгерского языков *арпа / árpa, балта / balta, бака / béka, кендир / kender, пышак / bicsak, сакал / szakál* мы обнаружили венгерские фамилии, которые связаны с казахскими словами. Фамилия **Batiz** /Батиз/ (Будапешт), **Batizi** /Батизи/ (область Саболч-Сатмар) < **батыс** (КаРС 72) 'запад', **Bazsa** /Бажа/ (область Хайду-Бихар) < **бажа** (КаРС 59) 'свояк', **Baksa** /Бакша/ (область Саболч-Сатмар) < **бакша** 'сад', **Balku** /Балку/ (область Саболч-Сатмар) < **балку** (КаРС 65) 'быть нежным, сиять' / тат балку (ТаРС 65) 'сиять', **Bede** (фамилия героини рассказа К. Миксата) < **беде** 'клевер (туркменское **беде** 'сено)', **Béldi** /Белди/ (дворянская семья в Трансильвании) < **белди** (КаРС 79) 'сильный', **Bilek** (фамилия мастера по шахматам) < **билек** (КаРС 100) 'часть руки между локтем и пястью', **Botka** (фамилия известного дирижера) < **ботка** (КаРС 89) 'каша', **Buka** /Бука < тат 'буга' (диал) бык'; **Karakas** /Каракаш (обл Бекеш, обл Хайду-бихар) < тат 'чернобровый' *ТаРС 228); **Kodály** /Кодай/ (фамилия известного композитора *Золтана Кодай*) < **құдай** (КаРС 225) 'бог', **Zsonda** /Жонда/ (область Хайду-Бихар) < **жону** (КаРС 152) 'тесать, стругать' отражают древние контакты.

Во фразеологии тюркских народов обнаружили многие параллельные структуры, соответствующие по своим метафорическим картинам венгерским фразеологическим единицам.

Казахские фразеологические единицы **ауыздан ауызда** (КаРС 48) 'из уст в уста', **от салу** (КаРС 270) 'поджигать, поджечь (буквально: класть огонь)', **тіл әкелу** (КаРС 362) 'доставить языка', **үйлі** (КаРС 372) 'женатый, семейный' < **үй** 'жилище, дом, юрта' (КаРС 372), **үйлену** (КаРС 372) 'жениться' < **үй** имеют параллели в венгерской фразеологии. Фразеологические единицы **szájrol szájra** 'из уст в уста' (száj 'уста'), **tüzet rak** 'зажигать огонь' (буквально: 'класть, положить огонь'), **nyelvet fog** 'древнее венгерское военное выражение: доставить пленника, от которого можно получить информацию о врагах (букв: взять язык)', **házas** 'женатый, семейный' < **ház** 'дом', **házasodik** 'жениться' < **ház**.

Параллели фразеологизмов в калькированной форме свидетельствуют о сходстве языковой картины казахского и венгерского языков. Не менее были интересны сходные элементы венгерских и тюркских волшебных сказок. Заслуживают пристального внимания использование общих морфологи-

ческих элементов сюжета и общие корни имен героев в казахской и венгерской сказках *Эр-Тостик* и *Fehérlófia* (Сын белой Кабылы), отражающих следы древних верований кочевников Средней Азии.

При изучении данного сложного круга вопросов мы обнаружили лексические единицы в тюркских языках, которые могут иметь этимологическую связь с венгерскими словами, которые до наших дней не обладают этимологией.

Настоящая статья посвящена изучению слов венгерского языка, не имеющих ясной этимологии. В историко-этимологическом словаре венгерского языка зафиксированы слова *seb* (TESz III. 505) 'рана', *sebes* (TESz III. 505) 'быстрый, скорый', не обладающие этимологией. Исследование этимологии затрудняет тот факт, что первые источники не дают нужную информацию о семантике этих слов.

Большую помощь оказала нам теория лингвокультурологии, которая учитывает и внеязыковые факты, кроме лингвистических данных. Важными фактами служат для этимологического исследования языковые и культурные контакты, формирующие характер определенного языка. Этимологическое исследование имеет особое значение в случае венгерского языка, так как в составе его лексики установили большое количество слов, не обладающих ясной этимологией.

При изучении этимологии данных слов формировалась наша гипотеза, что эти слова могут иметь связь с денотатом «стрела». Работа венгерского этнографа Szekeres Gyula (2004) служила важной опорой нашей гипотезы. В его статье рассматриваются термины профессиональной лексики венгерских кузнецов-коновалов. Мы обратили внимание на термин, который обозначает ранение копыта лошади при скреплении подковы. Выражение *megnyilal* 'ранить копыто лошади' непосредственно связано с денотатом *nyil* 'стрела'. Значение слова *megnyilal* 'ранить гвоздями' образует семантическую связь с лексической единицей *seb* 'рана', что подтверждает нашу гипотезу.

По нашему предположению ключевым элементом семантической реляции является денотат «стрела», обладающий следующими семантическими признаками:

- 1) остроконечный предмет, служащий оружием для человека;
- 2) данное оружие может оказать глубокую, нередко смертельную рану;
- 3) стрела долгое время считалась самым быстрым предметом на свете.

Обнаружив важное звено семантической цепочки, соединяющее разнородные понятия, обозначаемые словами *seb* 'рана', *sebez* 'ранить', *sebes* 'раненый' и *sebes* 'быстрый', *sebesen* 'быстро', возникает новая семантическая реляция между омонимами *sebes* 'раненый' и *sebes* 'быстрый'. Учитывая значений денотата «стрела», обрисовываются черты полисемии.

Каталин Хорват (1999), занимаясь вопросами возникновения **омонимов**, определил вид дивергентных омонимов. Дивергентные омонимы возникают изменением полисемической реляции. Бывшие значения членов многозначной реляции постепенно расходятся друг с другом вследствие исторического развития языка, потом отрываются друг от друга, наконец возникает полная изоляция их значений.

Упомянутые семантические проблемы привели к более углубленному анализу слов, обладающих значением «стрела» в языках, имеющих контакты с венгерским языком.

В тюркских лингвистических работах мы обнаружили слова, которые могут иметь связь с этимологией венгерских слов *seb* 'рана' и *sebes* 'быстрый'. Казахское слово *жебе* / *žebe* (КЯ 200) 'стрела' и киргизское *жебе* / *žebe* (КиРС 242) 'стрела' этимологически связаны между собой. По их фонетическим и семантическим признакам можно предполагать, что эти слова имеют этимологическую связь с изучаемыми венгерскими словами.

Киргизское слово *жебе* обладает следующими значениями: 1) стрела: *жаа менен жебе* 'лук и стрела'; 2) *жебе мылтык* 'лук (оружие)'; 3) наконечник, жало стрелы. От слова *жебе* образовано слово *жебекана* (КиРС 242) 'сторожевая вышка, сторожевое место'. Слово *жебекана* этимологически связано с турецким словом *cebhane* / джебхане / (ТуРС 146), которое имеет вариант *cep(h)ane* (ТуРС 149) 1) боеприпасы; 2) арсенал, склад оружия. Турецкие слова образованы от слова персидского происхождения *cebe* / джеб-бе / (ТуРС 146) 1) броня, кираса, латы, панцирь; 2) оружие, которое, по данным турецко-русского словаря, было заимствовано из персидского языка. В киргизском словаре при толковании слова *жебекана* тоже установлено персидское происхождение. Это слово имеет исторический и военный характер.

В тюркских языках мы обнаружили дальнейшие данные для этимологического анализа. Башкирское слово *шәп* (БРС 780) 1) 'быстрый' / *шәп ат* 'быстрая лошадь'; 2) 'быстро: *шәп сабыу* 'быстро скакать'. Слова *шәплек* (БРС 780) 'проворство' *шәпләу* (БРС 780) 1) 'ускорять, убыстрять // ускорение'; *шәпләтеу* (БРС 780) 1) 'заставить ускорять, убыстрять' образованы от слова *шәп*.

С точки зрения этимологии венгерского слова башкирское слова *шәпләу* и *шәбәйеу* (БРС 779) 1) ускоряться; 2) 'ускорение' *шәбәйтеу* (БРС 779) 1) 'ускорять'; 2) 'ускорение' важны, так как они служат

примерами для фонетической корреляции лабиальных согласных п – б, которая выступает в случае тюркских *жебе* / *cebe cebhane* / *cep(h)ane* и венгерского *sebes*.

Заслуживает пристального внимания, что в аспекте морфологии тоже обнаруживаются параллели, так как слово *seb*, имеющее отношение со словом *sebes* 'быстрый', по толкованию обладает глагольными и именными признаками. Слова данного типа обозначаются термином *nomenverbum* в лингвистической терминологии.

Данный морфологический признак наблюдается и в случае тюркских языков, о чем свидетельствуют слова *шәпләү*, *шәбәйеү*, *шәбәйтөү*.

В татарском языке тоже употребляется слово *шәп* (ТаРС 768) '1) быстрый'; '2) быстро': *шәп агым* 'быстрое течение' és а *шәп йөрү* 'быстро ходить' и образованное от него *шәплек* 'ускорение'. Морфологическая бинарность и фонетическая корреляция тоже свойственны татарским словам *шәп*, *шәплек* 'ускорение', *шәбәю* (ТаРС 767) '1) ускоряться; 2) ускорение'.

Обнаруженные нами слова тюркских языков интересны тем, что историко-этимологический словарь венгерского языка указывает на необходимость дальнейшего исследования этимологии слова *sebes* 'быстрый' в тюркских языках.

В историческом романе В. Яна *Чингиз-хан*, который славится использованием исторических данных восточных летописцев, мы обнаружили важные для нас замечания писателя. Мы обратили внимание на толкование имени *Джебе-нойона*, который был полководцем монгольских каганов. В сноске писатель дает следующую информацию: «*Джебе* – стрела (*по-монгольски*)». Это толкование освещает прозвище полководца. Писатель указал на то, что полководец получил свое прозвище за проворность и решительность в сражениях.

Заслуживает пристального внимания, что полководец монгольской армии носил прозвище *Джебе* 'стрела', которое должно иметь соотношение со словами *жебе* 'стрела' киргизского и казахского языков. В работе Ц.Б. Будаева и Н.Г. Данчиновой (1968) рассматриваются слова монгольских языков, обозначающие «стрелу»: монг.: *сумун*; ордос.: *суму*; калм.: *сумн*; бур.: *гомон* 'стрела' (Б-Д 55). Представленные слова монгольских языков не могут иметь этимологической связи со словом *Джебе* / *жебе*, обладающим другой звуковой оболочкой.

С точки зрения семантики заслуживает внимания киргизское выражение *жебелүү ок* (КиРС 242) 'наложенная на тетиву стрела', в котором используются слова-синонимы. О синонимическом признаке слов *жебе* и *ок* свидетельствуют выражения киргизского языка: *жебе тарт* (КиРС 242) 'пустить стрелу'; *окко учуп кетиптир* (КиРС 563) 'его сразила пуля или стрела'; *октой түз* (КиРС 563) 'прямой как стрела'. В киргизском языке денотат «стрела» обозначается двумя словами. Слово *жебе* (КиРС 242) '1) стрела'; связано с оружием стрела. Общетюркское слово *ок* (КиРС 563) 'стрела, пуля, снаряд' кроме с денотатом стрела связана и с огнестрельным оружием. О первоначальном значении слова *ок* свидетельствуют слова *ок*, *ук* тюркских языков и выражение киргизского языка, связанное с древним обычаем степных кочевников „*ок тиштешип, ант калып*” (КиРС 563) 'фольк.: поцеловав стрелу целялись друг в друга'.

В казахском языке наблюдается сходная семантическая корреляция между словами, обозначающие стрелковое оружие. Слово *жебе* обозначает лишь денотат «стрела», а слово *ок* (КаРС 264) обладает значениями 'пуля и стрела'.

В башкирском языке слово *ук* (БРС 673) 'стрела' обладает лишь первоначальным значением.

В словацком языке тоже наблюдается семантическое изменение бывших синонимов, обозначавших денотат «стрела». В историко-этимологическом словаре словацкого языка (*Historický slovník slovenského jazyka*) обнаружилось толкование о синонимическом отношении слов *strela* и *šíp*. Данная работа трактует семантику этих слов в XVII веке. При изучении значений слов *strela* и *šíp* исследователи указывают на то, что они обладали общим значением: „*sagitta.: ssyp, strela GrP 1771*” (HS 614). Данный семантический анализ доказывает синонимический статус словацких слов.

Словацкое слово сейчас *strela* обладает значением 'снаряд, пуля', о чем свидетельствуют структуры *delova strela* 'снаряд пушки', *dymová strela* 'дымовой снаряд'. Мы установили, что в словацком языке тоже произошло изменение семантики слова *strela*, которое раньше было синонимом слова *šíp*.

В этимологическом словаре М. Фасмера установлено, что глагол *стрелять* первоначально был связан с денотатом «стрела» и обладал значением «пускать стрелы» (Фасмер III/774).

При трактовке этимологии слов *шуп* и *шубать* М. Фасмер указывает на то, что праславянский *šipъ не получил удовлетворительной этимологии. Он говорит о том, что сближали это слово с древнеиндийским *ksipāti* 'бросает, метает', *ksiprás* 'быстрый', *ksēpas* 'бросок', которые являются родственными словами *шубать*, *шубкий* (Фасмер IV/ 440). По мнению М. Фасмера, слово *шубать* тоже родственно с упомянутыми древнеиндийскими словами и с авест. *xšviwra-*, *xšōiwra* 'быстрый'.

Изменение семантики слов, обозначающих раньше денотат «стрела», непосредственно связано с использованием огнестрельных оружий. Эпоха смены семантики легко датируется историческими фактами, так как известно, что огнестрельные оружия распространились с XIV века. В основе изменения значения данного слова лежит необходимость обозначения нового элемента действительности. По нашему предположению и в венгерском языке тоже использовались синонимы для обозначения стрелы. Наряду со словом *nyíl* финно-угорского происхождения использовали тюркское слово *žebe* (жебе), которое превратилось в **šebe* (шебе). О борьбе синонимов говорится в работах, изучающих проблемы семантики. Из венгерского языка слово *verő* 'молоток' было вытеснено славянским *kleráč*, из которого развилось слово *kalapács* 'молоток', а слово *verő* 'кузнец' было заменено тоже славянским словом *kovács* 'кузнец' < *ковать*.

Об исторических обстоятельствах заимствования слова **šebe* (шебе) мы получаем важную информацию при помощи работы словацкого историка Милоша Марека (2003). В своей статье *Pečenehovia a uzi na Slovensku* он рассматривает пребывание кипчакских племен печенегов и огузов на территории нынешней Словакии, которая явилась северной частью Венгрии до 1920 года.

В работе М. Марека рассматриваются географические названия, которые доказывают пребывание печенегов и огузов на территории Словакии. О научных ценностях данной статьи свидетельствуют исторические данные, взятые из важнейших работ, трактующих историю печенегов и огузов.

При помощи данной статьи мы получаем важную информацию о культурных и языковых контактах венгров с кипчакскими племенами. Печенеги и огузы, поселившиеся на территории Венгрии, выполнили важную задачу, так как они служили пограничниками в эпоху династии Арпадов. Они охраняли границы венгерского королевства и защищали важнейшие торговые пути того времени.

В XIII веке на территории Венгрии поселились куманы, бежавшие от монголо-татарского нашествия. Куманы тоже служили в войсках венгерских королей. Куманские войска приняли участие в сражении в 1278 году и сыграли решающую роль в том, что венгерский король Ладислав IV (Куманский) одержал победу над войсками чешского короля Отокара.

Этноним *«palóc»* тоже имеет соотношение с названием кипчаков *«половцы»*, которое используется в древних русских хрониках. Потомки половцев живут в северных областях Венгрии. Они сохранили свои древние традиции и говорят на своеобразном диалекте.

Необходимо подчеркнуть, что самые значительные тюркские племена, заселившиеся в Венгрии, относились к кипчакской ветви. Ассимиляция упомянутых тюркоязычных народов произошла быстро и более интенсивно, чем ассимиляция саксонов, заселившихся в Венгрии тоже в XIII веке. Саксоны, живущие в городах в Северной Венгрии и Трансильвании, сохранили свою идентичность до середины XX века. Особенно важно было сохранение родного языка и древних германских традиций.

В историческом романе В. Яна *Чингис-хан* часто говорится о **кипчаках**. Писатель делал важные для нас замечания в сносках романа, которые могут освещать изученную этимологическую проблему: „особенно много было кипчаков (в войсках Чингис-хана). Под этим общим именем надо понимать, по-видимому, предков **казахов, киргизов** и других кочевых племен тюркского корня.” (Ян, 351)

По данным монголоведов, трактующих названия «стрелы» в монгольских языках, и по толкованию этнонима *«кипчак»* мы можем предполагать, что полководец *Джебе-нойон* носил кипчакское имя. Общие корни слов *джебе* и *жебе* доказывают их общие семантические и фонетические признаки.

В. Ян указывает на дальнейшие важные исторические факты с точки зрения данного вопроса: „**Кипчаки** – большое племя тюркского народа, занимавшее огромную территорию от Аральского моря до Днепра. В русских древних источниках кипчаки именуются **половцами**. Европейские путешественники называли их **куманами**. Страну кипчаков восточные писатели называли Дешт-и Кипчак (Кипчакская степь), европейские – Куманией” (Ян, 356).

В романе В. Яна мы читали замечания писателя, имеющие соотношение с венграми. Писатель ссылается в своей сноске на венгерские географические названия: „В Венгрии имеются области «Великая Кумания» и «Малая Кумания», населенные потомками половцев, бежавших в XIII веке от нашествия монголо-татар” (Ян, 15).

По данным монголоведов, трактующих названия «стрелы» в монгольских языках, и по толкованию этнонима *«кипчак»* мы можем предполагать, что полководец *Джебе-нойн* носил кипчакское имя, что подтверждается общей этимологией слов *джебе* и *жебе*, которые относятся к лексике казахского и киргизского языков.

Для нашего этимологического исследования географические названия Венгрии служили важным материалом, так как в них сохранились древние словоформы *zsebe* (žebe), *sebe* (šebe) в разных областях Венгрии:

Область Бараня: **Sebes** – Sebes 1330; 2) Область Добока (Румыния): **Sebes** – Sebus 1319; 3) Область Шарош (Словакия): **Sebes** – Sebus 1307, **Zsebefalva** – Zebefalua (деревня **Жебе**) 1319; 4) Область Шопрон: **Sebes** – Sebus 1263, **Zsebeháza** – Sebe (очаг рода **Жебе**) 1346; 5) Область Шомодь: **Zsebe**-fia laka – **Zebefalaka** (очаг сына **Жебе**) 1376, 6) Область Зала: **Sebe**-hadnagy földje – Sebe – hadnagy – földi (земля полководца **Шебе**) 1353, Sebes – Sebes 1382; 7) Область Ваш: **Zsebeháza** – Sebefeuldu (очаг / земля рода **Жебе**) 1339, **Zsebetelke** – Sebetheleky (участок рода **Жебе**) 1392

При изучении географических названий Венгрии, связанных с именами **Sebe**-, **Sebes**-, **Zsebe**-, наблюдается тот факт, что они находятся в бывших пограничных областях страны. Необходимо указать и на большое расстояние, отделяющее данные области. Топонимы **Zsebefalva** (обл. Шопрон); **Zsebeháza** – Sebefeuldu (обл. Ваш) 1339, **Zsebetelke** – Sebetheleky (обл. Ваш) 1392 находятся в Задунайском крае, на австрийской границе, а поселок **Zsebefalva** лежит на территории Словакии, недалеко от польской границы.

Данные, представленные в статье М. Марека, свидетельствуют о пребывании печенегов и огузов в долинах рек, в которых лежали важные торговые пути и которые явились важными стратегическими пунктами. На карте, приложенной к статье словацкого исследователя, обозначены поселки, обитаемые когда-то печенегами. В долине реки Моравы, на самой чешской границе, тоже сохранились следы печенегов в топониме **Beščene**.

С точки зрения нашего этимологического исследования имеет особое значение тот факт, что в соседстве поселков, названных топонимами **Sebe**-, **Sebes**-, **Zsebe**-, обнаруживаются топонимы, отражающие связь с этнонимом **печенег** и **огуз**. Для археологов также чрезвычайно важно изучение окружающей среды находки, дающей важную информацию.

На территории бывшей области **Шопрон**, на нынешней территории Австрии, в области Бургерланд лежит поселок **Pecsenyéd**. Этот топоним связана с этнонимом «печенег». В соседстве лежат села **Sebes** – Sebus, **Zsebefalva**. В области **Ваш** на австрийской границе расположены поселки, названные **Besenyő** / Bessenew (1479), **Besefalva** / Besefalua (1437), которые тоже связаны с этнонимом **печенег**. Недалеко находятся села **Zsebeháza** / Жебехаза/, **Zsebetelke** (участок рода **Жебе**).

В области **Шарош** в соседстве деревни **Zsebefalva** находятся села **Úzfalva**, **Úzpeklény**, **Úzsalgó**, в названиях которых обнаруживается этноним **úz** (огуз). В северо-восточной Венгрии пограничниками были огузы. В окрестностях города Прешов вели важные торговые пути в Польшу. В данной области топоним **Majdán** (Майдан) < майдан 'площадь, поле сражения' тоже сохранил памяти тюркских обитателей региона.

Заслуживают внимания названия крепостей **Sebesvár**, защищающих важнейшие стратегические пути. Крепость **Sebesvár** /Шебешвар, букв.: Крепость Шебеш/ (Словакия), защищала пути, ведущие в Польшу. Важный стратегический путь, ведущий через перевал **Királyhágó** (Королевский перевал), соединяющий Трансильванию с центральными частями Венгрии, тоже защищала крепость **Sebesvár**. На месте каменной крепости стояла фортификация лимеса Римской Империи, позже, во время нашествия германских народов, там тоже находилось военное сторожевое сооружение.

Функция стратегического сооружения, которое в киргизском языке называется **жебекана** 'сторожевая вышка, сторожевое место', соответствует упомянутым крепостям **Sebesvár**.

По перечисленным данным можно установить, что связь между топонимами и этнонимами является не случайной, а соответствует историческим фактам, трактуемым словацким историком. С точки зрения этимологического исследования имеют особое значение топонимы, в которых сохранились следы древних языковых и культурных контактов.

Топонимы часто связаны с именами, что подтверждают представленные нами географические названия **Zsebeháza** – Sebe (очаг рода **Жебе**) 1346; **Zsebe**-fia laka – **Zebefalaka** (очаг сына **Жебе**) 1376, **Sebe**-hadnagy földje – Sebe – hadnagy – földi (земля полководца **Шебе**) 1353, Область Ваш: **Zsebeháza** – Sebefeuldu (очаг / земля рода **Жебе**) 1339.

Фамилии свидетельствуют об исторических отношениях, о культурных и языковых контактах. Важной работой этого характера является книга А.Н. Баскакова (1979), в которой рассматриваются русские фамилии тюркского происхождения. Такой работы в венгерском языкознании не имеется, несмотря на то, что в научных работах постоянно говорится о длительных и многогранных контактах с тюркскими народами. Венгерские фамилии, имеющие этимологические связи с казахскими словами, служат вескими доказательствами для нашей гипотезы. По упомянутым этимологическим фактам можно предполагать, что собственные имена **Zsebe** / **Жебе** и вариант **Sebe** / **Шебе**, сохранившиеся в топонимах, тоже восходят к кипчакским словам **жебе** / **джебе**.

Необходимо указать на то, что историко-этимологический словарь венгерского языка при толковании слова **sebes** (TESz III. 505) 'быстрый, резвый' тоже пользуется собственными именами. Первыми письменными данными являются собственные имена: **Sebis** marchio Ungariae szn. (MNy. 25: 36); **Sebus** hn. (PRT. 1: 794)), обозначающие имя человека и название поселка (TESz III/ 505). По этим данным трудно установить значение собственного имени, так как оно может иметь связь со словом **sebes** 'быстрый, резвый' и **sebes** 'раненый', которые одинаково являются прилагательными и могут обозначать как состояние, так и движение человека. Имена собственные не указывают на значение исходного имени нарицательного.

Учитывая семантические и этимологические реляции, мы можем предполагать, что отождествление фамилии **Sebe** (1493), **Sebes** (1427), **Sebesi** (1450), **Sebők** (1450) с именем **Sebestyén**, восходящим к латинскому **Sebastian**, не является совсем обоснованным. Параллельное явление наблюдается в случае ошибочной этимологии собственных имен **Gyula** и **Július**. При трактовке этимологии данного венгерского мужского имени указывают на то, что с 1795-го ошибочно использовали эквивалентом латинского имени **Július** венгерское имя древнетюркского происхождения. Венгерское слово первоначально обозначало чин предводителя венгров, который до возникновения королевства соответствовал рангу наместника короля. О последовательном использовании ошибочно отождествленной формы свидетельствуют имена римских пап I. **Gyula**, II. **Gyula**, III **Gyula** и перевод имени французского писателя Verne **Gyula** < **Jules Verne**.

Значение топонимов в этимологическом исследовании играет особую роль в случае неизвестных слов, так как о языковом наследии печенегов, огузов сохранились очень скудные данные. По нашему предположению в языке печенегов могло использоваться слово **жебе** для обозначения денотата стрелы, которая была важнейшим оружием кочевников.

Заключение

Учитывая лингвистические и исторические факты, связанные с языковыми и культурными контактами удалось оформить гипотезу о возможных семантических и этимологических реляциях, освещающих происхождение венгерских слов, не имеющих ясной этимологии. При изучении семантических вопросов, связанных с данными словами, формировалась наша гипотеза о том, что эти слова являются дивергентными омонимами, семантической связью между ними была полисемия. Обнаружение ключевого элемента семантической реляции содействовало определению корней изученных слов.

Мы обнаружили в казахском и киргизском языке слова, которые могли иметь этимологическую связь с венгерскими словами. Древние географические названия Венгрии служили важными данными для этимологического анализа, так как они сохранили следы языковых и культурных контактов, которые лежали в основе заимствования тюркских лексических единиц. Историческая работа М. Марека обрисовала исторический фон контактов с печенегами и огузами, поселившимися на территории Венгрии. Исторические и географические данные служили важными ориентирами для нашего этимологического исследования.

Литература

1. Bartha, J. 2012. A népi kultúra nyelvi öröksége – nyelvjárási gyűjtések a Nagyunságon. *Jászkunság*. 2012. 1-4 159-178. Szolnok
2. Herman Ottó 1900. A nyelv. I. *Magyar Nyelv* II. évf. 6. sz. 199-209
3. *Historický slovník slovenského jazyka*. 2000. Ved. red. Milán Majtán. VEDA. Vydv. slov. akad. vied. Bratislava
4. Horváth Katalin 1999. Poliszémia és homonímia aaz etimológiai kutatásban. *Poliszémia és homonímia*. 91-97. Tinta Könyvkiadó. Budapest
5. Marek, Miloš 2003. Pečenehovia a uzi na Slovensku. *Historický časopis Ročník*. 51, č. 2 / 193-222.
6. Nyomárkay István 2000 A világ nyelvi képe az idegen szavak tükrében egy horvát drámában. *Magyar Nyelvőr* 124: 487-494.
7. Szekeres Gyula 2004. Ló- és patabetegségek, illetve azok gyógy módjai Hajdúböszörményben *Ethnica* VI. / 2. 47-56. Szerkeszti: Ujváry Zoltán
8. Апресян Ю. 1957. Проблематика синонима, *Вопросы языкознания* 1957. 6/ 84-88
9. А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. *Русская фразеология*. Историко-этимологический словарь. – М: Астрель, 2005.
10. Будаев Ц.Б., Данчинова Н.Г. Интересное исследование о стрелах. *О зарубежных монголоведных исследованиях по языку*. 54-60. – Бурятское книжное издательство Улан-Удэ, 1968.

11. Пачаи, Имре. *Специфика русской культурной зоны в русской народной речи и фольклоре.* – «Stúdium» Ньиредь-хаза, 2002.
12. Ян В. *Чингис-хан.* – М.: Издательство «Правда», 1989.

Источники и их временные сокращения

- БРС** – *Башкирско-русский словарь.* – М.: Русский язык, 1996.
КаРС – *Казахско-русский словарь.* – М.: Русский язык, 1981.
КиРС – *Киргизско-русский словарь.* – М.: Русский язык, 1965.
КЯ – Х. Кожаметова: *40 уроков казахского языка.* – Алма-Ата: Жалын, 1990.
ТаРС – *Татарско-русский словарь.* – М.: Русский язык, 1966.
TESz – *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára.* – Akadémiai Kiadó. Budapest. Főszerkesztő Benkő Loránd, 1976.
ТуРС – *Турецко-русский словарь.* – М.: Русский язык, 1977.
ТуркРС – *Туркменско-русский словарь.* – М.: Сов. Энциклопедия, 1968.
Фасмер – М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка.* В четырех томах. – М., 1986.

А.К. Кушкумбаев

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ ВОИНОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: МЕЧИ, ПАЛАШИ, САБЛИ, КИНЖАЛЫ, НОЖИ (ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ)

К основному клинковому оружию ближнего боя средневековых монголов и тюрков относятся палаши, сабли, мечи.

Мечи. В специальной оружейведческой историографии и среди любителей военных древностей бытует мнение о том, что мечи не получили заметного распространения в монгольском вооружении. Но, судя по различным близким наименованиям в средневековых письменных источниках этого вида боевого оружия, он пользовался популярностью и известностью среди монгольских и золотоордынских воинов. В средневековых словарях можно встретить следующие названия мечей: «*hildü*» (тюрк. «*qılıç*»¹), варианты – «*üldü*», «*yüldü*», «*yüldüt*»² (во множест. числе – мечи), «*üldüyan*» – мечик (небольшой меч). Каждая деталь меча имела соответствующее название: «*hildüyin bariür*» – рукоятка³ меча, «*hildüyin gewher*» – гемма меча (имеется в виду клеймо, печать), «*hildüyin keltegei*» – зазубрина меча, «*hildüyin niür*» – лезвие меча, «*hildüyin qui*» – ножны меча, «*hildüyin uyäsar*» – ремень меча и т. д. Воин, вооруженный мечом, назывался «*hildütü ere*» – мужчина с мечом. Отдельно выделены специальные мечи для фехтования (тренировки) – «*modun hildü*» – деревянный меч, «*moqadaq hildü*» – тупой меч (Поппе, 1938, с. 184-185, 237-238, 449-450). Последние мечи использовались для учебных целей. Под понятием («*hildü*», «*üldü*», «*yüldü*») у монголов по всей вероятности имелось в виду длинное клинковое оружие вообще, включая мечи, сабли и палаши, т. е. это обобщенное название, выраженное одним термином.

О вооружении вторгнувшихся в Европу монголов есть сообщения в западных источниках, в том числе и мечами, «отточенными с одной стороны», которыми «они... храбро сражаются» (Матузова, 1979, с. 137-138, 150; см. также Аннинский, 1940, с. 87). Если исходить из представленных общих свидетельств, с односторонней отточкой клинков, то здесь, возможно, дано описание палашей или сабель (?). Средневековые авторы не вдавались в подробные физико-технические характеристики клинкового оружия завоевателей, и интерпретировать эти известия можно довольно широко. С другой стороны, вооруженные силы стран Запада не знали массового применения сабель до XV-XVI вв. В этой связи, возможно, что и Плато Карпини, Марко Поло, венгерский монах Юлиан пишут о «мечах» монголов, подразумевая под ними сабли, палаши и обращая внимание на особенность таких клинков («кривизна»). Длинное клинковое оружие (включая мечи, сабли и палаши) – органичный компонент оружейного набора полиэтничного золотоордынского воинства. Воинские подразделения, сформированные из народов Восточной Европы (например, русские или болгары) и служившие в армиях джучидов, могли пользоваться как мечами, так и саблями.

В то же время следует все же указать, что мечи не относятся к числу предметов вооружения, которые часто встречаются в погребениях позднесредневековых воинов-кочевников. Г.А. Федоров-Давыдов отметил, что в археологическом материале мечей сохранилось очень мало по сравнению с саблями. В его работе при описании мечей использован один экземпляр из погребения Пришиб, сближаемый с распространенными в Европе IX-XI вв. и на Руси образцами с характерной двулезвийной полосой и острием, прямым перекрестием, шаровидным навершием и прямой рукоятью⁴ (Федоров-Давыдов,

1 В словаре Махмуда Кашгари «*килиж*» – меч (Махмуд, 2005, с. 342). В Тюркско-арабском словаре «*қылыч*» – это вообще и меч, шашка, сабля (Курышжанов, 1970, с. 161). Позднее в тюркских языках «*қылыч*» или «*қылыш*» прочно закрепилось за саблей. Слово «сабля» встречается во всех славянских языках. Существуют версии, что это слово происходит от камско-булгарского *Sabja* или от финского корня *Sab* – резать. В немецкий язык данный термин попал около 1500 г. из западно-славянских языков (польс. – *Szbel*). В древнерусском языке слово сабля, скорее всего, появилось в X в., а укоренилось к XII в., о чем свидетельствует «Слово о полку Игореве». Возможно, что сабля происходит от тюрк. *Sab* 'ручка', *сабль* 'с ручкой' (Махмудов, 1989, с. 34-35). Есть и другие версии. В конце XIX в. предполагали, что сабля – производное от арабского *сейф*, санскритского *шубра*, что значит «сияющий», бактрийского *суфра* (*суфра*) – сабля или греческого «согнутый» (Военное дело, 2006, с. 507).

2 У Киракоса Гандзакци приведено похожее слова названия меча – «*шолту*» (Киракос, 1976, с. 1730). Есть и другие названия, например, «*мэсэ*» – прямой меч [Артак]. Интересно, что в адыгском фольклоре XIX в. упоминаются мечи – *маисэ* (Панеш, 1989, с. 68).

3 По сообщению Матвея Меховского, в «Татарии» и «Турции» используют клыки моржей «для выделки рукоятей мечей сабель и ножей, так как своим весом эта кость увеличивает силу и тяжесть нажима, к выгоде ударяющих, работающих, сражающихся и убивающих», добываемых в странах Севера – «Югра», «Корела» (Меховский, 1936, с. 118, 83-84). Насколько это соответствовало историческим реалиям, сказать трудно.

4 Более подробная характеристика о бытовавших формах средневековых мечей имеется в специальной оружейведческой литературе: Западная Европа (Бехайм, 1995, с. 177-202); на Руси (Винклер, 1992, с. 283-284); о фехтовании на мечах (Асмолов, 1993, с. 196-210) и мн. др. Практические и теоретические проблемы применения клинкового оружия освещены в статье А.И. Соловьева (Соловьев, 1985) и специальной работе А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной (Евглевский, Потемкина, 2000) и др.

1966, с. 24, рис. 3, 2). В чингизидской столице Каракоруме был найден один обломок округлого острия двулезвийного меча предположительно китайского или тибетского производства (Худяков, 1991, с. 129-130, рис. 72, 1). В.Ф. Немеров отмечал у монголов наличие двух типов мечей: 1) прямой двулезвийный клинок с округленным концом и 2) клинок с массивной полосой с заостренным концом (Немеров, 1987, с. 221). На золотоордынском клинковом оружии видно сильное влияние соседних регионов и их оружейных традиций. И.А. Воронцов, в частности, атрибутировал меч, найденный вблизи города Ленинска, в качестве древнерусского образца (Воронцов, 2006, с. 19). Вместе с тем меч нельзя назвать и редким оружейным раритетом в золотоордынской паноплии.

М.В. Горелик предполагает применение монголами двулезвийных мечей китайского и мусульманского происхождения, среди которых могли встречаться рубящие клинки, имевшие в конце закругление. В западных улусах Монгольской империи – Хулагуидском Иране и в Золотой Орде – длинное клинковое оружие испытывало сильное влияние местной традиции. В частности, специфическое арабо-испанское перекрестие «ромбической формы, с пущенными вниз и расплюснутыми концами привело к появлению самого характерного для золотоордынских и хулагуидских клинков и более нигде не встречающегося элемента меча и сабли»⁵ (Горелик, 2002, с. 19, 62, рис. 1-12). Действительно, такое видение эволюции клинка, сочетавшего в себе составные части – звенья сабли и меча, находит подтверждение и в археологических, но пока единичных находках.

В этой связи большой интерес вызывает такое клинковое оружие, получившее в оружейведении название «фальшон» или «фальчион»⁶. После выхода статьи А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной по позднеочечевическим саблям, в которой при анализе и типологии использовался прямой клинок, найденный у с. Каирка 3/1 (из Присивашья), из-за отсутствия кривизны выделенный ими в самостоятельную разновидность (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 123, 125, рис. 2, 0,], он привлек внимание М.В. Горелика. Этот уникальный экземпляр датируется по монетам правлением хана Узбека первой половиной XIV в. (Горелик, 2003, с. 240) или второй половиной этого столетия (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 142). По аргументированной оценке М.В. Горелика рассматриваемый клинок не относится к сабельным формам и по своим конструктивным особенностям совпадает с известными в Западной Европе конца XIII в. клинками – фальшьонами. Следует дать авторскую характеристику этому оружию: «Это – массивные клинки с прямым обухом; со стороны лезвия клинок сильно расширяется к концу и плавно закругляется, сходясь острием к обуху. Такой клинок, подвластный лишь очень сильной и тренированной руке, исключительно эффективен в рубяще-режущем действии, превосходя и меч, и даже саблю. Его распространение было ограничено лишь тяжестью такого клинка, которую пытались компенсировать его укорачиванием, отчего страдала эффективность». Отличительной чертой данного клинка была сабельная рукоять, «т.е. поставленную под углом к клинку», а между тем как его европейские аналоги сделаны как рукояти мечей. Такая важнейшая деталь, как прямое брусковидное перекрестие с треугольным мыском, направленным вниз, позволяет уверенно говорить о связи этого клинка с Западной Европой. Но клинок, по сравнению с европейскими образцами, «значительно изящнее, тоньше и длиннее» (вытянутый). Вполне вероятно, что такой клинок мог быть сделан в юго-западной части Улуса Джучи (Крым, Азак или Тана) и свидетельствует о тесных контактах западно-европейских и золотоордынских оружейников (Горелик, 2003, с. 240-242). Тут можно добавить, что данный тип оружия имеет сильное сходство с однолезвийными мечами, размещенными на изображениях из восточных рукописей. В частности, в миниатюре к произведению Амир Хисроу Дехлеви из Хорасана, относящемуся к XV в., представлен такой меч (Ахметжан, 2003, 103 б., сур. 72, 5). Меч, как на Востоке, так и на Западе, считался грозным боевым средством, пугающим врагов.

Поэты степного Дешт-и Кыпчака, эпохи поздней Золотой Орды, отразили в своем творчестве личное отношение к мечу так: «Есть ли оружие лучше, чем меч, если снимает он голову с плеч?» или «Ты – мой меч, в бою разящий, рукоятка с вязью золотой». Как видно, рукояти таких дорогих мечей украшались золотой вязью. Неоднократно говорится о большом весе мечей: «И тяжелый острый меч на бедре

5 Как анахронизм звучит точка зрения о том, что сабли у монголов «были в основном не свои, а снятые с уже убитых противников» (Асмолов, 1993, с.211).

6 Например, К.В. Асмолов характеризует это оружие так: «Некоторые рыцари и пехотинцы могли быть вооружены коротким мечом широкого типа. Назывался он фальчион и до появления сабли в XVI-XVII вв. был практически единственно известным в Европе мечом с односторонней заточкой. Он мог иметь прямую спинку, переходящую в елмань, и несколько расширяющееся и закругляющееся к острию лезвие. Наибольшую известность фальчион получил как дополнительное оружие английских лучников, но в середине XIV в. его стала использовать и конница благодаря его способности наносить разваливающие рубяще-режущие удары. Иногда фальчион крепился к короткому древку длиной 45-60 см». С XV в. фальчион с S-образной гардой стал оружием западно-европейского пехотинца-ландскнехта (Асмолов, 1993, с. 200, 202). Его выводы кратко повторил и Б.Г. Трубников (Трубников, 2002 а, с. 126; Трубников, 2002 б, с. 155). В. Бехайм в своей книге отмечал, что это были короткие мечи «с клинками сабельной формы» (Бехайм, 1995, с. 196). Изображения фальшьонов встречаются в средневековых рукописных миниатюрах около 1300 г., например, во Франции (Oakeshott, 1960, p. 235-238, Fig. 116, 117, 118). Фальшьоны с изогнутыми (выпуклыми) краями и вогнутой задней частью использовались английскими стрелками (Leape, 2004, p. 100).

его висит». О степном вооруженном батыре сказано так: «Тяжкий меч его в руке» (Поэты, 1993, с. 40, 50). Вес меча имел существенное значение при рубке. Массивные клинки таких мечей были страшным оружием в руках опытного и физически сильного фехтовальщика. Чтобы проверить качество клинка, средневековые бойцы проводили специальные пробы, так сказать, в «живой практике». Однажды «король-султан [видимо, мамлюкский султан Захир Баркук – А.К.], услышав о необыкновенной силе Абу-Бакра [внук Тимура и сын Миран шаха – А.К.], послал ему меч весом в 12 фунтов и стоимостью до тысячи золотых гульденов. Получив этот меч, он велел привести трехлетнего быка, чтобы испытать долбротность оружия и одним ударом разрубил животное на две части» (Шильтбергер, 1984, с. 33). Такая жестокая «шутка» произошла еще в период правления Тимура. В эпосе очень часто можно встретить сюжет с рассеканием мечом или саблей противника напополам, что, скорее всего, являлось правдой.

Возможно, что дальнейшее развитие «фальшьонов» на Востоке XV-XVI вв. привело к появлению тяжелых мечей, соединявших в клинке одновременно и саблю, и меч, с удлиненной елманью, массивным кривым концом и определенного типа рукоятью (черен). Со временем они могли трансформироваться по своей форме в саблю (?). Такими саблями (*алдаспан* каз.), отличавшимися значительной тяжестью за счет утяжеленного конца полосы (елмани), владели только испытанные батыры, носившие во время схватки такой клинок на плече (Ахметжан, 1996, 73, 72, 78 б., сур. 26, 5, 30, 1, 2; Ахметжан, 2003, 105, 107 б., сур. 77, 1, 2, 3). Думается, такие модификации (варианты, подтипы) были вполне вероятны и еще раз подтверждают творческое взаимовлияние (взаимодополнение) устоявшихся традиций изготовления предметов вооружения Востока и Запада.

Со странами Ближнего Востока Золотая Орда наладила интенсивные и тесные военно-дипломатические и торговые контакты, что закономерно приводило к взаимообмену в оружейной сфере. Так, в числе подарков, отправленных султаном Байбарсом Берке в 661 г.х. 1262-1263 гг., были: «Калджурские мечи с серебряной насечкой» (Абд аз-Захир, 2005, с. 73; Байбарс, 2005, с. 90; ан-Нувайри, 2005, с. 123).

Знакомы были монголы и со знаменитыми во всем мире индийскими клинками, о чем свидетельствует выражение «*hindustānu hildū*» – индийский меч (Поппе, 1938, с. 185). Монгольские войска в XIII и до начала XIV вв. совершали многочисленные походы на территорию современного Пакистана и северо-западной Индии. Сама практика военных действий, разнообразная торговля, политико-дипломатические взаимоотношения различного уровня позволяли преодолевать любые преграды территориального или политического порядка и способствовали самой обширной инфильтрации фактически любого современного для того времени оружия.

Палаши. По всей вероятности, приблизительно около середины I тыс. н. э. в восточной части Евразии произошла качественная модификация в длинном клинковом оружии – кардинальная трансформация меча в узкий однолезвийный палаш⁷, порожденная революцией в снаряжении кавалерии – изобретением жесткого седла и твердых стремян. Это привело к коренному изменению в тактической модели боя, напрямую обусловленному «упрочением» позиции всадника на лошади, а легкий палаш (затем и сабля) обеспечили более лучшие боевые качества кавалериста в конной рубке.

В состав оружия ближнего боя разноэтничного золотоордынского воинства входили как однолезвийные палаши, так и сабли. Археологические находки последних десятилетий предполагают отказать от широко бытовавшего среди археологов взгляда о «неординарности» этого оружия, их «нетипичности» в золотоордынской паноплии, «высокой ценности», связанной с трудностью изготовления и дороговизной. По южно-уральским материалам В.А. Иванов и В.А. Кригер выделили по боевым качествам клинков (степень кривизны) два типа палашей: тип А I (короткий, 1 экз.), длиной клинка не более 70 см с прямым перекрестием и круглым навершием, тип Б I (клинок, превышающий 100 см без навершия и перекрестия 3 экз.) (Иванов, Кригер, 1988, с. 10, Рис. 16, 15, 26). Единичны находки палашей и на территории Монголии. Из сохранившегося обломка палаша определено, что это были однолезвийные клинки со скошенным острием шириной 2-3 см (Немеров, 1987, С. 221; Худяков, 1991,

⁷ В оружейведении существуют различные определения понятия «палаш». По мнению Э. Аствацатурян, меч и палаш, являясь разными видами оружия, имеют сходную конструкцию и считаются длинным клинковым оружием. К отличительным чертам палаша он относит как одностороннюю, так и двухстороннюю отточку лезвия, а рукоять может быть как прямой, так и отогнутой к лезвию. Исходя из конструктивных особенностей и сходств с мечом, автор полагает, что палаши могли существовать как «совершенно идентичные мечу, так и отличные от него по конструкции». Понятие «меч» применялось до XVII в., а затем оружие с длинным прямым клинком стали называть палашом (Аствацатурян, 1995, с. 8). Исходя из этих и других данных, Б.Г. Трубников дал такую обобщенную формулировку: «палаш – рубяще-колющее клинковое холодное оружие с клинком полуторной заточки (реже обоюдоострым), широким к концу и со сложным эфесом. Сочетает в себе свойства меча и сабли» (Трубников, 2002 а, с. 88; Трубников, 2002 б, с. 158). Палаш имеет сходство в некоторых деталях и с мечом, и с саблей, но является отдельным видом клинкового оружия. Можно ли считать однолезвийные прямые клинки, существовавшие ранее XVII в., палашами? Этот вопрос остается открытым среди исследовательского корпуса. «Однолезвийное оружие с прямой полосой, очевидно, следует рассматривать как палаши», – полагает А.И. Соловьев (Соловьев, 1985, с.153). Палаш появился как разновидность меча не только на Западе, но и намного ранее на Востоке, возможно, в раннем средневековье. В этой связи применение термина «палаш» к клинкам с однолезвийной прямой полосой вполне оправданно.

с. 130, рис. 75, 5). По М.В. Горелику монгольские традиционные палаши были с прямой или слегка изогнутой по отношению к лезвию длинной рукоятью (рис. 1). Палаши имели длинный неширокий клинок, узкоромбовидное перекрестие и навершие «в виде сплюснутого стаканчика», железную (или серебряную) обойму с т. н. «языком», охватывавшим небольшой участок лезвия под перекрестием, обеспечивающим безопасный хват (Горелик, 2002, с. 19).

Сабли. Самым известным видом клинкового оружия золотоордынских воинов считаются, конечно, сабли с различной степенью кривизны (рис. 2), вошедшие в боевой арсенал номадов с эпохи раннего средневековья. В оружейведении существуют различные точки зрения о появлении и распространении сабель. Называются различные регионы Востока, где могли возникнуть такие клинки. Например, А.Н. Кирпичников в свое время считал, что сабли впервые появляются в евразийских степях на огромной территории от Алтая до Центральной Европы, а их формирование он связывал с азиатскими кочевниками. Это оружие могло «родиться только в среде воинов-всадников, действовавших на просторе; по своему назначению сабля – оружие маневренной конной борьбы». Сабля, как восточное явление в военном деле, появляется на Руси в X в., что можно объяснить характерным свойством его клинка (имевшего изгиб полосы и наклон рукояти в сторону лезвия) выполнять рубяще-режущее действие, наносить удар кругового характера, скользить и захватывать «большую поверхность тела»⁸ (Кирпичников, 1966, с. 61-62) по сравнению с мечом. «Родиной» сабли называют также Иран (Асмолов, 1993, с. 210), что вряд ли было вероятно.

По мнению Л.А. Боброва, «находки с территории Китая I-VI вв. н. э. указывают на то, что изобретателями изогнутых клинков (сабель) были мастера Поднебесной империи, а не кочевники, как считалось ранее», но в то же время заметного распространения они не получили, т. к. в этот период стремени только стали использовать и они стали лишь входить в употребление. Видимо, в сянбийскую эпоху была заложена традиция эволюции изогнутых клинков, «положив начало формированию внешнего облика сабли классического типа» (Бобров, Худяков, 2005, с. 120-121). Чтобы прояснить этот вопрос, скорее всего, нужны будут новые материалы и исследования.

Процесс зарождения и эволюции первоначальных сабель был, скорее всего, достаточно продолжительным и разновариантным. В процессе усиления конно-рукопашной схватки стало необходимым такое оружие, которое позволяло бы вести маневренный фехтовальный бой. Развитие длинного клинкового оружия пошло по пути облегчения клинка (полосы) и отказа от второго лезвия. Главной задачей стало создание такого клинка, который давал бы возможность быстро нанести стремительный («летающий») удар в условиях молниеносно разворачивающегося боя. Повышение рубящего эффекта через создание выгиба (изгиба) полосы, приходящегося на последнюю треть клинка, было найдено путем практического поиска, который привел к тому, что при соприкосновении этого места (центра тяжести у острия) клинка с рабочей поверхностью эффективность удара сразу возросла. При сопоставлении с аналогичным действием меча усилилась глубина проникновения, за счет величины приложенной силы и временного импульса. Преимущество сабли было также в том, что один нанесенный удар позволял произвести сразу две фазы (поражение и извлечение) в один прием. Кривизна сабли и наклон рукояти в сторону лезвия, появление елмани дали возможность увеличить КПД этого рубяще-режущего оружия (Соловьев, 1985, с. 151-152), а легкость клинка позволяло задействовать кисть руки и сделать более точный удар, произвести отвлекающие (обманные) движения и финты.

К конструктивным элементам сабли по исследованию А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной относятся: клинок, полоса, лезвие, спинка, острие, стержень рукояти, навершие, перекрестие, ножны (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 119, Рис. 1, 1). К утяжеленным вариантам сабель причисляют такую часть, как елмань – расширение на конце клинка.

Распространение и закрепление сабли в арсенале средневековых воинов вкпе с появлением жесткого седла и стремян, дающих устойчивость, подвижность, безопасность наезднику, а главное – необходимую опору всаднику при скачке коня и одновременном фехтовании клинком, прямо повлияли на тактику боя. Внедрение в комплекс вооружения легких сабель детерминировало необходимую скорость и увеличило темп маневренного конно-рукопашного боя по сравнению с менее мобильными тяжелыми мечами.

В раннем средневековье центрально-азиатские кочевники эпохи Тюркских каганатов распространили использование сабли на всем евразийском пространстве, и уже в IX в. она попало в Центральную

⁸ О характерных свойствах сабли писали оружейеды и в дореволюционной литературе. «Рукоять, в особенности более древних сабель, часто отогнута к лезвию с тем расчетом, чтобы в момент удара сабельная полоса не образовывала тупого угла к оси протянутой руки, а лежала бы в одной с нею горизонтальной плоскости». Более того, «сравнительная легкость сабельной полосы допускает быстрые движения руки, нежели тяжелый меч, и, несмотря на разницу в весе, кривой клинок немногим уступает прямому в силе удара, если только изгиб его рассчитан правильно и с соблюдением надлежащего распределения центров тяжести и удара» (Ленц, 1908, с. 42).

Европу с одной из последних волн «Великого переселения народов» – венграми-мадьярами, заимствовавшими ее изготовление у степных народов (Эрдели, 1985, с. 15). Тем не менее, сабля в Европе долгое время не была в достаточной мере востребованной, по-видимому, из-за господства рыцарских подразделений, оснащенных тяжелыми доспехами и вооруженных длинными мечами и копьями. Примечательно, что сами венгры в последующем быстро перешли к европейскому «стандартному» военно-техническому арсеналу, включая и мечи, что, видимо, связано прежде всего с культурным окружением.

В монгольскую эпоху сабля – «хэлмэ» оставалась одним из любимых видов клинкового оружия воинов в ближнем бою. Упоминания сабель в письменных источниках указанного периода довольно лапидарны и скупы. Так, в «Мэн-да бэй-лу» монгольские «сабли очень легки, тонки и изогнуты» (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 78). Несмотря на краткость этого известия, можно заключить, что по сравнению с мечами сабли были значительно легче, с не широкой полосой клинка⁹ и кривизной. Европейские источники эти сведения дополняют незначительно. У Фомы Сплитского мечи монголов названы «серповидными» (Фома Сплитский, 1997, с. 114). Плано Карпини особо подчеркивает, что только состоятельные монголы «имеют мечи, острые в конце, **режущие только с одной стороны и несколько кривые**» (Плано Карпини, 1957, с. 50). Только последний автор обратил внимание на главное техническое свойство такого клинка – режущий эффект, наблюдая, видимо, это на практике.

Привлекательный археологический материал позволяет с полным основанием считать, что сабли доминировали в комплексе длинноклинкового оружия поздних кочевников. Первая систематизация сабель кочевников Восточной Европы проведена Г.А. Федоровым-Давыдовым. Из введенной им в научный оборот и полученной информации следует, что классификация проводилась на основе разделения известных к тому времени сабель «на отделы – по форме клинков и на типы – по форме рукояти». Всего определено два отдела: А – широкие малоизогнутые, двух типов – тип I «с прямым брусковидным перекрестьем¹⁰ и с рукояткой более узкой, чем клинок» (7 экз.) и тип II, аналогичная первой, но без перекрестия (3 экз.); Б – более узкие и сильно изогнутые из трех типов: тип I с брусковидным перекрестием (7 экз.), тип II с перекрестьем, имеющим расплющенные и опущенные вниз концы (3 экз.), тип III без перекрестья (7 экз.) с шириной рукояти такой же, как у клинка. Таким образом, всего было учтено 27 экземпляров сабель. Все клинки, за исключением Б III, имеют аналогии в других восточно-европейских кочевнических памятниках развитого средневековья. Сабельные ножны делались из дерева и обтягивались кожей, располагали двумя антабками для крепления сабли к ремню и боковыми оковками на конце, иногда украшались плетеными серебряными полосами, пластинами со сложным растительным орнаментом. Также отделялись серебром рукояти, от которых остались следы (Федоров-Давыдов, 1966, с. 22-23).

В южно-уральских погребениях встречены сабли, не имеющие аналогии в классификации Г.А. Федорова-Давыдова: тип В I без навершия и перекрестья, с кривизной клинка до 30 мм (2 экз.), В II с прямым перекрестием и навершием в виде усеченного конуса (1 экз.), Д I без навершия и перекрестья с кривизной до 50 мм (1 экз.), Д II с прямым перекрестием и круглым навершием с аналогичной кривизной клинка (1 экз.). Такая классификация (по степени кривизны клинка) проводилась исследователями, исходя из боевых качеств сабель. В захоронениях сабли помещались около бедра, как справа, так и слева от усопшего (Иванов, Кригер, 1988, с. 10-11, рис. 16, 7, 9; Бисембаев, 2000, с. 98).

Остатки сабель, найденные в чингизидской столице Каракоруме, – «слабоизогнутые стальные полосы с коротким острием и узким концом, длиной около 1 м и шириной 3,0 – 3,5 см» (Немеров, 1987, с. 221). В кочевнических памятниках на территории Сибири и Монголии сабли встречаются очень редко. Из байкальского региона известно всего три экз. однолезвийных сабель, относящихся к одной группе (трехгранные) и одному типу – слабоизогнутые, с пластинчатым перекрестьем, имеющие высо-

⁹ В художественных фильмах, посвященных этой исторической эпохе, монгольские воины иногда используют массивные и широкие клинки сабель, что является ошибкой сценаристов или консультантов.

¹⁰ В погребении знатного воина у с. Куйбышево в южной части Донецкой области найдена сабля с брусковидным перекрестием. «Сабля имеет слабоизогнутый (кривизна 1,6 см) узкий (3 см) клинок, общая длина которого была не менее 100 см. Конец клинка обломан в древности, после чего не затачивался. Не сохранилось навершие рукояти. В целом длина сабли вместе с рукоятью достигала не менее 108-110 см. Рукоять имеет наклон (около 10°) в сторону лезвия. Брусковидное перекрестие с мысовидным выступом в центральной части и с суживающимися концами. С левой стороны от него отходит узкая пластина, примыкающая к стержню рукояти, через которую проходит заклепка. Деревянные обкладки рукояти сабли крепились на плоском черешке при помощи заклепок. Острие клинка (16-20 см) имело обоюдоострую заточку. Сабли находились в ножнах, от которых сохранились слабо заметные остатки пережарившей обоймы и изготовленный из тонкой железной пластины наконечник. Наконечник уплощенно-цилиндрической формы размерами: 9,6х3,7 см». Автор публикации Э.Е. Кравченко склонен датировать погребение и саблю домонгольским периодом. «Сабля, сочетает в себе такие признаки, как слабая кривизна и небольшая ширина клинка, наклон в сторону лезвия рукояти и средняя длина клинка. В целом по совокупности этих признаков калкинская сабля относится к разновидности № 5 (К₁У₂П₁), которая датируется 2-ой – 1 пол. XII-XIV вв.» (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с. 121, 145). «Большинство сабель этой разновидности относится к золотоордынскому времени. Тем не менее, есть и ранние, домонгольские экземпляры» (Кравченко, 2003, с. 125, 128, рис. 3, 1, 2, 3). Более всего вероятно, что эта сабля и по размерам и техническим данным относилась к раннезолотоордынскому периоду.

кий и узкий черен рукояти с отклонением в сторону лезвия или спинки. В качестве примера приведены параметры: «длина клинка – 74 см, ширина – 4, высота рукояти – 9 см» (Худяков, 1991, с. 130-131, рис. 72, 2-4). Накануне создания империи монгольские сабли имели две разновидности «с не широким слегка изогнутым и сужающимся к концу клинком, и с клинком более коротким и широким, чуть расширяющимся в последней трети» (Горелик, 2002, с. 20). Между тем, по сведениям А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной, отмечено от 12 в XII в. до 19 в XIII в. разновидностей клинков. В XIV в. количество разновидностей уменьшается до 9 (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 155). К характерным центрально-азиатским элементам оформления клинка И.А. Воронцов относит наклонение рукоятей «в сторону тупья клинка», видя в этом центральноазиатский «технологический прием», не характерный для Восточной Европы. К ним же он относит и сабельные перекрестия овальной формы. В то же время отмечается на клинках наличие четко выраженных ближневосточных конструктивных особенностей в таких деталях, как рукоять и гарды (Воронцов, 2006, с. 18-19).

Масштабные вторжения монголов в страны Востока привели к знакомству и широкому употреблению различных типов сабельных клинков местных производителей, которые очень заметно обогатили оружейные традиции изготовления сабель, взаимодополняя достижения в этой сфере военно-оружейной культуры.

Очень часто сабли наряду с другими предметами вооружения встречаются в богатых по содержанию позднекочевнических погребениях на Кубани. В 1997 г. Ю.В. Зеленским был опубликован частично материал позднекочевнического захоронения у хут. Пролетарского из Прикубанья, в числе которых была и слабоизогнутая сабля длиной 1,05 м. Исходя из длины и кривизны клинка, автор сближает ее с саблями Д II в типологии В.А. Иванова и В.А. Кригера, предположительно относя их к половецким и чернокоблицким древностям XII – начала XIII вв. (Зеленский, 1997, с. 89-90). По данным исследования В.Г. Блохина, А.Г. Дьяченко, А.С. Скрипкина, в п. 1. Одиночного кургана «Северный» – 1981 с левой стороны ног находилась железная сабля, не имевшая перекрестия, обращенная рукоятью к ступням, по всем признакам, лежавшая в деревянных ножнах, от которых сохранился только «железный наконечник прямоугольной формы» на конце острия. Общая длина клинка сабли составляла 100 см, ширина – 3,4 см, а длина рукояти – 14 см (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003, с. 184, рис. 2, 1, 5). Подобная сабля слабоизогнутой формы с ножным наконечником была обнаружена в п. 2 к. 1 курганной группы I «Дмитриевская» – 1982. Сабля располагалась слева от туловища захороненного воина. Параметры сабли следующие: «длина клинка – 123 см, ширина лезвия – 4,5 см, длина рукояти – 15,6 см» (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003, с. 185-186, рис. 3, 1, 9). В п. 1 к. 5 Дмитриевского могильника сабля похожей формы, но с перекрестием и наконечником ножен лежала, как в выше приведенном случае, слева вдоль туловища. «Длина сабли с наконечником ножен – 110 см, ширина клинка – 3,7 см». В п. 2 на покойном лежала сабля без перекрестия с железным наконечником ножен длиной 112 см и шириной клинка – 3,9 см (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003, с. 188, рис. 5, 1, 11, рис. 6, 1, 3). В курганной группе «Южный – 84» в п. 1 к. 2 опять же слева от захороненного обнаружена сабля, лежавшая рукоятью к черепу с остатками тлена от «деревянных ножен с прямоугольным наконечником и двумя железными обоями для подвешивания сабли», общей длиной 106,5 см, шириной лезвия – 4,5 см и длиной рукояти – 7,2 см. У сабли имелось асимметричное перекрестие с прямоугольным полым внутри навершием (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003, с. 189-190, рис. 8, 10). В деревянном гробовище п. 1 к. 1 могильника «Кривуша – 84» в левом боку погребенного вдоль тела располагалась достаточно длинная сабля со слабо изогнутой полосой и асимметричным перекрестием, овальным навершием, крепившимся «к рукояти с помощью стержня, на конце которого имелось колечко». Общая длина клинка – 118 см, ширина лезвия – 4 см, длина рукояти с навершием – 10 см. Как и во всех предыдущих случаях, от ножен сохранился только прямоугольный наконечник (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003, с. 191, рис. 9, 1, 7).

Аналогичная находка слабоизогнутой железной сабли в деревянных ножнах с наконечником зафиксирована в погребении знатного кочевника из Северного Приазовья на р. Молочной, предположительно датируется сер. – концом XIII – началом первой половиной XIV вв. Совпадает и длина этой сабли – 1,17 м, а рукояти – 12 см. Кроме того, на верху рукояти был железный колпачок-навершие «с двумя выступами в основании. Один из этих выступов представлял собой небольшое кольцо с отверстием». Стержневидное перекрестие имело утолщение на концах, а «выступы перекрестия отходили от пластинчатой обоймы, крепившейся к основанию деревянной рукояти и имевшей прямоугольное отверстие для черенка сабли» (Рассамакин, 2003, с. 215, рис. 5, 1). Возможно, эти кольца были приспособлением, к которому крепился ремень (шнур) для ношения.

При интерпретации публикаторы кубанских находок датировали обнаруженные сабли очень широко – от X-XIV вв., привлекая для анализа специальные оружейведческие типологии из работ А.Н. Кирпичникова, статью А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной, определяя их как разновидности «восточноевропейских средневековых клинков № 13 (1 экз.) и № 14 (5 экз.)», по данным последних авторов (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003, с. 192). С такими выводами недавно категорически не согласился М.В. Горелик, который датирует их по типичным специфическим деталям воинского снаряжения и защитного костюма золотоордынских латников второй половиной XIII-XIV вв., т. е. монгольско-золотордынским временем. В частности, «сабли с асимметричными перекрестиями характерны именно для «монгольского» периода» (Горелик, 2008 а, с. 140-144). Археолог Е.И. Нарожный ранее заметил в связи с рассматриваемым вопросом, что сабельные клинки и перекрестия, наряду с другими признаками, находят аналогии в саблях Келлийского могильника горной Ингушетии XIII-XIV вв., а сами «сабли из всех сравниваемых захоронений, если и имеют хронологическую разницу, то она вряд ли была значительной» (Нарожный, 2005, с. 104). В курганах Северного Кавказа второй половины XIII-XIV вв. часто находят сабли с асимметричным перекрестием. В то же время клинки с таким перекрестием выявлены на мече из культурного слоя городища Нового Сарая и сабле из Волгоградской области. По мнению М.В. Горелика, такие перекрестия меча пришли с запада из Испании (ал-Андалуз) на Ближний Восток и в Хулагуидский Иран, а также в Англию (Горелик, 2004, с. 294, рис. 2).

На территории степного Алтая и Верхнего Приобья в инвентаре могильников Сухие Гривы и Кармацкий обнаружены две сабли. Первая имела слабоизогнутый клинок и обоюдоострое острие с прямым напускным перекрестьем и слабо изогнутым череном рукояти в сторону лезвия. Другой экземпляр имел более сложную конструкцию. У сабли имелся плавно изогнутый клинок в сторону лезвия и трехгранное обоюдоострое острие. Причем «при подходе к перекрестью клинок изогнут в сторону лезвия», а прямой черен имел небольшое кольцевое (окружное?) перекрестье, образуя «изгиб в сторону лезвия». Сабля была вложена в деревянные ножны. Такая форма клинка очень не обычна (не характерна) для этого региона с преобладанием слабоизогнутых центральноазиатских сабель с присущим им плавным изгибом полосы и изогнутостью черена в сторону лезвия. Вероятно, такой клинок был подражанием (опытным образцом?) местных мастеров привозным аналогам – сильноизогнутым саблям (Худяков, 2009, с. 175, рис. 1, 18). По-видимому, в алтайском регионе в развитом средневековье XIII-XIV вв. начинают полностью господствовать сабли двух разновидностей: сильноизогнутые (горный и лесостепной Алтай), слабоизогнутые (лесостепь). Длина клинка – 62-76 см. На сабельных клинках появляются елмань, долы, а на несущей части – гарды и обойма, что связано с монгольской военной традицией, восходящей к дальневосточной и китайской оружейной культуре (Горбунов, 2006, с. 29).

Монгольские завоевания принесли много новаций в вооружении, в том числе это отразилось и на клинковой оружейной. Наиболее колоритным образцом монгольского клинка является прямой однолезвийный палаш с остатками богатого декора на рукояти. Палаш имел серебряное перекрестье узкоромбического типа, со слегка оттянутыми ассиметричными усами, а под ним – обойму с язычком. Такой язычок защищал устье ножен от порезов, предохранял указательный палец и оберегал от поломок уязвимое место сабли. Такая форма перекрестия оказала влияние на дальнейшее развитие и нашло продолжение в оформлении северокавказских черкесских сабель. Археологические данные подтвердили широкое распространение данного типа перекрестия сабель с типичной деталью («ассиметричные, оттянутые книзу усы») в Улусе Джучи и Хулагуидском Иране. В золотоордынский период сабельные клинки становятся длиннее – от 100 до 120 см (см., например, выше размеры кубанских сабель), с постоянной тенденцией увеличения кривизны клинка. Концы плоских клинков стали затачиваться с обеих сторон для усиления колющего удара. Такая часть, как елмань, достигает четверти длины клинка. Другим интересным вариантом становятся т. н. граненые клинки, «чье сечение по всей длине имеет форму несколько уплощенного ромба», более узкие изогнутые или широкие со слабым изгибом и елманью. Клинки, совмещавшие в себе вышеназванные общие признаки: «от елмани конец его откован в виде длинного граненого штыка, обладающего мощной колющей функцией». Специальные исследования, проведенные по качеству некоторых прикубанских клинков, хранящихся в ГИМе, показали, что они были сделаны методомковки из дорогого дамасского булата (стали) (Горелик, 2008 б, с. 160-164, рис. 1, 2, 3, 4, 5; Горелик, 2002, с. 20), что говорит о заметном влиянии ремесленно-оружейной традиции восточных стран в Золотой Орде.

В средние века турки называли булатное¹¹ железо «*bulad temür*», а клинок, выкованный из него, – «*fulād qılıç*» – булатный меч (сабля) (Поппе, 1938, с. 403, 404). О саблях с характерным перекрестием, «концы которых загнуты в сторону клинка», в частности, экземпляре, «приписываемом» хану Узбеку писал Г.А. Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов, 1981, с. 235).

На Золотаревском городище, взятом монголами штурмом в 1237 г., были найдены две хорошо сохранившиеся сабли с типичными прямыми перекрестиями и ромбическим расширением и примечательной деталью в виде обкладки (обоймы) с длинным язычком вдоль режущей части. На обеих золотаревских саблях обоймы представляли собой тонкую железную пластину, обвернутую «вокруг клинка, повторяющую его форму», а в сторону лезвия был протянут вытянутый язычок для предохранения руки от порезов (Белорыбкин, 2001, с. 140-142, рис. 83, 1, 2, рис. 85, 3, 4). Такие же металлические обоймы с характерным язычком имелись и на болгарских саблях предмонгольского времени. Впоследствии «эта деталь становится неотъемлемой частью практически всех клинков в Улусе Джучи» (Измайлов, 2008, с. 33). Данный элемент может рассматриваться в качестве одного из маркирующих признаков золотоордынских сабель.

В специальной работе А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной, посвященной исследованию позднекочевнических сабель, бытовавших в Восточной Европе, проведена классификация клинков и предпринята попытка установить их хронологическую датировку. Типологический и хронологический анализ проводился на основе 135 экз. целых сабельных клинков. Из них только 134 относятся к изогнутым (сабля из Каирки 3/1, как отмечено выше, отнесена М.В. Гореликом к фальшьонам). В основу типологического анализа авторов был положен наиболее адекватный и объективный показатель – полоса клинка, а в качестве дополнительного признака использовались тип перекрестия, навершия, наконечники ножен, наклон стержня рукояти, острие. Было выявлено 26 разновидностей клинков (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 117-125; рис. 2, 3).

Изученные сабли были распределены на 3 группы по периодам: 1) 2-я половина X-XI вв. (6 экз. – 5%), 2) XII – 1-я половина XIII вв. (76 экз. – 59%), 3) 2-я половина XIII-XIV вв. (47 экз. – 36%). По степени кривизны пик распространения слабоизогнутых – 70,4%, среднеизогнутых сабель – 55% падает на XII – 1-ю половину XIII вв. Причем сильноизогнутые клинки – 62,5% приходятся на золотоордынский период, хотя в это время преобладают численно среднеизогнутые – 52%, но доля первых значительно увеличивается с 8% до 22%, а количество слабоизогнутых падает почти вдвое с 50% до 26%. По такому параметру, как длина, в XII – 1-ой половине XIII вв. падает количество клинков средней длины до 51%, зато увеличивается доля длинных до 37%. Во второй половине XIII-XIV вв. начинают превалировать длинные клинки (51%), а сабли средней длины уменьшаются незначительно до 47%, короткие составили всего 2%. По ширине в золотоордынское время доминируют широкие сабли – 62%, а клинки средней ширины составляют 30%, узкие клинки – 8%. Основным выводом, к которому приходят исследователи: «эволюция сабельного клинка происходила в сторону удлинения, большего изгиба и увеличения веса», но этот процесс шел «скачкообразно и с отклонениями» (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 146-147) – и подтверждает ранее выдвинутые положения.

Чрезвычайно интересен разобранный А.В. Евглевским и Т.М. Потемкиной вопрос о характеристике обрядовых черт, связанных с саблями. Их анализ показал, что чаще всего сабли встречаются со снаряжением лучника – наконечники стрел (204), колчан (147), лук (98). Далее идут кольчуга (60), шлем (31), копьё (19). Более редки такие детали защитного вооружения, как пластинчатый доспех (3), щит (2), ударное оружие: кистень, булава, топор (все по 2), шестопер, кинжал (1). Высокий уровень сочетаемости выявлен в следующих парных комбинациях: сабля – колчан и стрелы (50 раз), сабля – стрела, колчан и лук (49), сабля – стрелы (46), сабля – лук и стрелы (11). Тем самым, по мысли авторов, это свидетельствует о преобладании среди поздних кочевников легковооруженных воинов-всадников. Что касается золотоордынского периода, «наоборот, копьё с саблями встречаются в тех комплексах, где находится полный набор защитного и наступательного вооружения (шлем, кольчуга, колчан, лук, стрелы, кистень (или булава) и т.д.». Примечательно, что сабли почти не встречены в женских и детских погребениях, что говорит о данном оружии как атрибуте воина-мужчины. Сабли были выявлены в 16% позднекочевнических погребений восточно-европейского региона, большой процент которых приходится на XIII в. По статистике сабля в захоронениях различных социальных групп по имущественному принципу («условно по характеру инвентаря») составила: «богатые» – 35 (9,45%), «средние» – 131

¹¹ В русском языке ранее использовалось понятие *харалугь* для обозначения особого сорта доброкачественной стали (с особым черным отливом), впоследствии в новом русском языке был заменен более понятным термином – *булат*, *булатный*. Слово *булат* – широко известный тюркизм – один из видов доброкачественной стали (Махмудов, 1989, с. 36, 42). У В.И. Даля *харалугь* – цветистая сталь, булат. *Харалужный* значит стальной (Даль, 1999, Т. 4, с. 542). Для булата присущи такие качества, как высокая твердость, упругость, вязкость с примечательным узором, образованным при обработке металла. Булат получается в результате сплава железной руды с графитом или чугуном.

(35,2%) и «бедные» – 206 (55,4%). Таким образом, данные исследования показали, «что сабля – это специфический атрибут кочевника-воина вне его социального положения» (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 152-153). Золотоордынское (в широком смысле кочевническое) клинковое оружие оказало сильное воздействие на развитие вооружения как в пределах, включенных в состав Улуса Джучи, так и на сопредельные районы.

На южном «фронте» русских земель XIV и отчасти в XV вв., по данным А.Н. Кирпичникова, укореняются сабли, что было вызвано борьбой против кочевников, использовавших такие клинки. Влияние это связано с тем, что «постоянное давление Золотой Орды способствовало распространению сабель и подорвало очевидное для домонгольской Руси преобладание меча». Тем самым зона действия сабель значительно расширилась в северном направлении, полагает А.Н. Кирпичников (Кирпичников, 1976, с. 23, 26).

Кинжалы. Определенное место в арсенале боевых средств рукопашного боя занимало коротко-клинковое оружие – кинжалы («*ḡanjar*» (Поппе, 1938, с. 384)), ножи. Как отмечают археологи, кинжалы являются редкостью в погребениях. Так, Г.А. Федоров-Давыдов использовал при анализе два экземпляра «со сравнительно широким, острым с одной стороны, треугольным в сечении лезвием и бронзовым перекрестием, концы которого слегка опущены вниз, наподобие перекрестий сабель типа Б II (Федоров-Давыдов, 1966, с. 24). В приуральском регионе выявлено 12 кинжалов, распределенных по типам: А I (2 экз.) – прямой клинок, без навершия и перекрестия, В I (2 экз.) – искривленный (вогнутый) клинок без навершия и перекрестия, Б II (4 экз.) – похожие, «но с перекрестием из двух прямых пластин с расплюснутыми концами, без навершия», В I (2 экз.) – вогнутый клинок, «с горбатой спинкой, рукоять костяная, иногда украшенная циркулярным орнаментом, или деревянная». Обычно кинжалы лежали с правой стороны у пояса погребенного (Иванов, Кригер, 1988, с. 11, рис. 2, 2, 7, 16, 8, 16, 13, 11).

В монгольских памятниках Центральной Азии кинжалы представлены двумя группами: I группа – линзовидные, тип 1 – удлинено-ромбические без перекрестья, насчитывают 2 экз. Кинжалы данного типа представляли собой прямой двулезвийный клинок «с остроугольным острием и покатыми плечиками». II группа – трехгранные, также одного типа, удлинено-треугольные, без перекрестья (7 экз.). Данные кинжалы, которых большинство, относятся Ю.С. Худяковым к однолезвийным прямым клинкам¹², «со скошенной спинкой и плавно сужающимся лезвием при подходе к острию, остроугольным острием, покатыми плечиками» (Худяков, 1991, с. 131-132, рис. 73). Идентичный клинок первого типа обнаружен в материалах некрополя Бозок в погребении женщины, лежавший острием к ногам (Акишев, Хасенова, Мотов, 2008, с. 59-60, рис. 3, 4). Однолезвийный трехгранный в сечении кинжал, «прямой или с вогнутой спинкой, клинок, с прямым черешком, без перекрестья» был в ходу у золотоордынских воинов Верхнего Приобья и степного Алтая (Худяков, 2009, с. 176, рис. 1, 15).

Ножи. Популярностью у монгольских воинов пользовались боевые ножи. Они назывались «*qituyā*» (тюрк. «*pīčaq*») или «*kituyā*» – нож, «*kituyat*» во множ. – ножи. Отдельные детали: «*qituyayin niši*» («*pīčaq sarī*») – черенок (рукоять) ножа, «*qituyayin qui*» («*pīčaq qīnī*») – ножны ножа. Мастер – «*qituyāčī*» («*pīčaqčī*») – ножевец, т. е. специалист, изготавливающий нож (Поппе, 1938, с. 299, 440). У Рашид ад-Дина нож по-монгольски – «китуга», «хотуга», «хотага» (Рашид ад-Дин, 1952, Т. 1, Кн. 1, с. 118). Такие ножи, судя по их исторически достоверным образцам, достигали в длину 40 см, как правило, имели рукоять «в виде бруска с обоймой внизу и навершием сверху» и ложились в деревянные ножны «*[modun]* «*qui*» (Поппе, 1938, с. 445) или «*гэрд*», покрытые кожей с металлической оковкой и декором (Горелик, 2002, с. 20). В золотоордынском Прикубанье применялись обоюдоострые клинки – длинные кинжалы, стилеты с граненым узким клинком, перекрестьем, богато украшенными гравированным узором ножнами.

Весь комплекс клинкового оружия хранился в деревянных ножнах, обычно с деревянным железным наконечником, и крепился к специальному поясу-портуpee («*būse*» или «*qur*» – пояс (Поппе, 1938, с. 434, 310)), «застегивавшемуся на рамочную пряжку с иглой», и носился на правом или левом боку.

12 На самом деле, по мнению М.В. Горелика, короткие однолезвийные клинки относятся к боевым ножам, но никак не к кинжалам (Горелик, 2008 б, с.164). Исследователь в данном случае прав, т. к. кинжал является клинком с обоюдоострым лезвием. Диаметрально противоположную точку зрения на кинжалы высказал Ю.С. Худяков. Согласно его видению, понятием «кинжал» в традиционной культуре «называются предметы колющего действия, применяемые в рукопашном бою, имеющие как прямой, так и изогнутый, как двулезвийный, так и однолезвийный клинок. В то же время «ножами» нередко именуются не только однолезвийные, но и двулезвийные клинки. Поэтому термин «кинжал» можно применять и к оружию с коротким однолезвийным клинком» (Худяков, 2009, с. 176). Ю.А. Мотов посвятил специальную работу кинжалам и ножам в боевом снаряжении кочевников раннего средневековья и особо обратил внимание на т. н. «коленчатые ножи» и «ножи с изогнутой спинкой». В его понимании такая форма ножей была связана с появлением стремян во всадническом снаряжении коня. «Воину уже меньше угрожало падение с коня, однако на скаку, при сильном фронтальном ударе, будь то попадание стрелы или удар клинка, тело всадника откидывается назад, нога при этом выбрасывается вперед и вверх и – проскальзывает в стремя. Использование кочевниками мягкой, бескаблучной обуви имело, вероятно, довольно часто подобные последствия. Раненый воин, выбитый из седла, был обречен, когда его нога западала в стремя и конь волочил его по земле. Удобное стремя превращалось для него в капкан. Вытащить ногу на скаку он уже не мог, не мог и спасти свою жизнь иначе, как обрезав стремянный ремень, а для этого, пожалуй, более всего подходил именно серповидный нож». Затем, уже в развитое средневековье в конце XIV в., стали появляться и носить высокие «кавалерийские» каблуки, пришедшие на смену бескаблучной обуви (Мотов, 1998, с. 122-123).

Кинжалы и боевые ножи монгольские и тюркские воины употребляли при одиночной борьбе для добивания поверженного (раненого) противника (Горелик, 2008 б, с. 164-165).

Перед походом или накануне боя мечи, палаши, сабли проверялись, и в случае необходимости лезвия клинков затачивались напильником или точильным камнем до нужной остроты.

Очень важен вопрос о непосредственном боевом применении клинкового оружия. Венгерский монах Юлиан, вероятно, ошибочно заметил в своем отчете, что монголы мечами «по слухам, бьются менее искусно» (Аннинский, 1940, с. 87). Это известие не соответствовало тем историческим реалиям. На самом деле, как убедительно свидетельствует разобранный материал, монгольские и золотоордынские ратники хорошо знали разнообразное клинковое оружие и умело дрались этими средствами на поле брани.

Рассмотренные клинки были эффективны в одиночных поединках и массовой рубке и становились одним из первостепенных боевых средств золотоордынского воина. По словам Шараф ад-дин Йазди, в ходе встречного столкновения войска Токтамыша и армии Тимура «обе стороны сцепились и обрушили друг на друга удары беспощадных мечей» и другое оружие или «разом ударили на неприятельское войско и ударами сверкающих мечей и огненосных копий» погнали врага (Йазди, 2006, с. 334, 333).

Армейские части монгольских улусов-государств действовали в бою крупными конными отрядами и, в отличие от западно-европейских рыцарей, предпочитавших частный поединок, атаковали и рубились в сражениях коллективно. Естественно, это не означает, что они не знали индивидуального противоборства. Монгольские и тюркские бахадурь показывали в битвах такие же чудеса храбрости, мужества и отваги и разнообразную технику владения личным оружием.

Сравнительно редко в средневековых источниках сообщается о способах и характерных приемах применения оружия ближнего боя. Так, Бабур в своих записях вспоминал о своем родном дяде как смелом человеке, который крепко разил врагов клинком. «Из оружия он больше всего полагался на саблю и говаривал: «Шестопер, палица, кистень, секира, топор раз ударив, поражают в одно место, а сабля, как ударит – рассечет с головы до ног». Он никогда не расставался со своим острым клинком; клинок либо висел у него на поясе, либо находился в руке» (Бабур, 1992, с. 119). Оценка действенности сабельных клинков отчаянных героев-рубак, можно сказать, практиковавшихся ежедневно в военно-бытовых условиях той эпохи, вполне реальна. Нередки были случаи, когда в яростных сражениях у воинов ломались клинки, как это случилось с Кунгур-бай кушчи из войска Абу-л-Хайр-хана узбекского XV в., который «сделал такое количество ударов, что поломал два меча» (Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани, 1969, с. 155). В одной из битв Махмуд-султан (сын Шах-Будаг-хана, внук Абу-л-Хайр-хана) так сильно ударил мечом сына Джанибек-султана – Махмуд-султана (своего тезку), что «одним взмахом отсек ему нос и губу» (Бахр ал-асрар, 1969, с. 367). Имеющиеся данные позволяют сделать предположение о значительном распространении сабель, палашей в войсках джучидов. В структуре войска существовали отдельные специализированные отряды – «бахадурь-меченосцы», вооруженные преимущественно мечами, тяжелыми саблями (Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани, 1969, с. 157) и предназначенные для выполнения конкретных боевых или заранее поставленных тактических задач. В рассматриваемое время среди батыров были такие искусные ратники, которые «работали» в бою двумя клинками одновременно, наводя ужас на врагов.

Мечи, сабли, палаши в большей мере считались сугубо личным оружием по сравнению с другими видами вооружения и требовали со стороны собственника индивидуализированного подхода к ним. Воин настолько свыкался с оружием, что личное отношение к клинку самого хозяина пропитано близкими (можно сказать, своеобразными «родственными») чувствами, отраженными в эпосе, исторических сказаниях, песнях. Клинковое оружие (белое холодное оружие) являлось основным боевым средством рукопашной ближней схватки, и воины должны продемонстрировать свое умение и мастерство владения им. Эффективное маневрирование (фехтование) клинком достигалось через специальную индивидуальную подготовку бойца с юного возраста. Для того чтобы научиться правильно и профессионально использовать меч, палаш или саблю в бою, следовало пройти систематическую (постоянную) тренировку в мирное время. Начинающие фехтовальщики пользовались деревянными («тупыми») или учебными мечами, а затем постепенно переходили к применению полноценных железных клинков. Обучали молодых воинов, каждого в отдельности, конечно, опытные специалисты клинкового боя. Как правило, для сабель и палашей свойственен кривой рубяще-режущий удар с потягом, эффективность которого зависела от знания распределения тяжести по полосе (да и любого клинка) и умения толково применить приложенную силу. Чтобы выиграть поединок в конно-сабельной рубке, необходимо знать не только основы фехтования (например, рука должна быть всегда свобод-

ной для замаха; умение легко держать рукоять и т. д.), но и обладать сформированными навыками и секретами управления конем: подход, маневр, момент удара, отход. Быстротечный конный бой сводил эти операционные элементы к минимуму времени и побуждал мгновенно реагировать на контрвыпад соперника. В случае первой неудачи надо располагать возможностью не только отбить встречный удар, но и повторить вновь заход. Вся совокупность таких тактико-технических комбинаций абсолютно персональна и зависела от физической подготовленности, фехтовального искусства воина, а также в немалой степени от согласованности (слаженности) действий его подразделения.

Литература

1. (Абд аз-Захир) «Из сочинения Ибн 'Абд аз-Захира» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. I). – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. 1. – С. 68-77.
2. Акишев К.А., Хасенова Б.М., Мотов Ю.А. К вопросу о монгольских погребениях XIII – XIV вв. (по материалам некрополя Бозок) / Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Мат-лы межд. полевого семинара. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. – С. 56-65.
3. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах в Восточной Европе / «Исторический архив». – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. III. – С. 71-112.
4. (ан-Нувайри) «Из энциклопедии ан-Нувайри» / История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. I). – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. 1. – С. 121-141.
5. Артак Малик-зода Монгольский военно-исторический словарь / http://xlegio.enjoy.ru/pubs/mongol_voco/mongol_voco.htm
6. Асмолов К.В. История холодного оружия. Восток и Запад. – М., 1993. Ч. 1. – 264 с.
7. Аствацатурян Э. Оружие народов Кавказа. История оружия. – М.: Хобби книга, 1995. – 192 с.
8. Ахметжанов Қ.С. Жараған темір кигендер (батырлардың қару-жарағы, әскери өнері, салт-дәстүрлері). Алматы: РГЖИ «Дәуір», 1996. 256 б.
9. Ахметжан Қ.С. Қазақтың дәстүрлі қару-жарағының этнографиясы. – Алматы: «Алматыкітап» ЖШС, 2003. – 216 б.
10. Бабур-наме. Записки Бабура. Пер. М. Салье. 2-е изд., дораб. – Ташкент: Глав. ред. энциклопедий, 1992. – 464 с.
11. (Байбарс) «Из летописи Рукн-ад-Дина Байбарса» / История Казахстана в арабских источниках (СМИЗО Т. I). – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. 1. – С. 86-116.
12. «Бахр ал-асрар фи манакиб алахйар» // Материалы по истории казахских ханств (извлечения из сочинений персидских и тюркских). – Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1969. – С. 320-368.
13. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. – СПб: Изд-во ПГПУ, 2001. – 198 с.
14. Бехайм В. Энциклопедия оружия / Пер. с нем.; Предис. А.Н. Кирпичникова; Комментар. и прилож. С.Е. Еременко, В.М. Милованов, М.Ю. Некрасов. – СПб.: АО «Санкт-Петербург оркестр», 1995. – 576 с.
15. Бисембаев А.А. Погребальный обряд кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII-XVIII вв.). Рук. дисс. канд. ист. наук. – Алматы, 2000. – 160 с.
16. Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. Средневековые рыцари Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани: Сб. науч. тр. Краснодар, 2003. С. 184-208.
17. Бобров Л.А. Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV-V вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху: сборник научных трудов / Под ред. Ю.С. Худякова, С.Г. Скобелева. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. – С. 80-199.
18. Винклер фон П. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. – М.: «Менатеп», «Наука», 1992. – 330 с.
19. Военное дело. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона / Ред.-сост. И.Е. Арясов. М: Вече, 2006. 640 с.
20. Воронцов И.А. Организация военного дела Золотой Орды (по материалам Нижнего Поволжья). Автореф. дисс... к.и.н. – Волгоград, 2006. – 26 с.
21. Горбунов В.В. Военное дело средневекового населения Алтая (III-XIV вв. н.э.). Автореф. дисс. ... д.и.н. Барнаул, 2006. – 55 с.
22. Горелик М.В. Армии монголо-татар X – XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. – М.: ООО «Восточный горизонт», 2002. – 84 с.
23. Горелик М.В. Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского оружейного дела / Степи Европы в эпоху средневековья. Половецко-золотоордынское время. Сборник научных работ. – Донецк: ДонНУ, 2003. Т. 3. – С. 231-244.
24. Горелик М.В. Адыги в Южном Поднепровье (2-я половина XIII – 1-я половина XIV в.) / Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Армавир, 2004. Вып. 3. – С. 293-299.
25. Горелик М.В. Золотоордынские латники Прикубанья / Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа: Межд. российско-украинский сбор. науч. тр. – Армавир, 2008 а. Вып. 9. – С. 139-159.
26. Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) / Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик, 2008 б. Вып. 15. – С. 158-189.

27. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Р-г. В 4 т. – М.: Рус. яз., 1999. Т. 4. – 688 с.
28. Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли / Степи Европы в эпоху средневековья. Сборник научных работ. – Донецк: ДонНУ, 2000. Т. 1. – С. 117-179.
29. Зеленский Ю.В. Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья / Историко-археологический альманах. – Армавир-М., 1997. Вып. 3. – С. 89-91.
30. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII – XIV вв.). – М.: Наука, 1988. – 94 с.
31. Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 206 с.
32. (Йазди) «Из книги побед» Шараф ад-дина Йазди / История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т. II). – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. – С. 283-360.
33. Киракос Гандзакеди. История Армении. Пер. с древнеар., пред. и коммент. Л.А. Ханларян. (Памятники письменности Востока LIII). – М.: Наука, 1976. – 357 с.
34. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX-XIII вв. САИ. Е 1-36. – М.-Л: Наука, 1966. Вып. 1. – 176 с.
35. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. – Л: Наука, 1976. 135 с.
36. Кравченко Э.Е. Погребение знатного воина XIII в. на реке Калка / Степи Европы в эпоху средневековья. Половецко-золотоордынское время. Сборник научных работ. – Донецк: ДонНУ, 2003. Т. 3. – С. 123-130.
37. Курышжанов А.К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. «Тюркско-арабского словаря». – Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. – 234 с.
38. Ленц Э. Императорский Эрмитаж: Указатель отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Собрание оружия. – СПб., 1908. Ч. 1. – 376 с.
39. Матузова В.И. Английские средневековые источники. IX – XIII вв. (Тексты, перевод, комментарий). – М.: Наука, 1979. – 268 с.
40. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Пер., предислов. и коммент. З.-А. М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с. + 2 с. вкл.
41. Махмудов Х.Х. Тюркизмы в языке русских памятников XI-XIV вв. (1943 г.) / Русско-казахские лингвостилистические взаимоотношения. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. – С. 9-78.
42. Мотов Ю.А. Кинжал в боевом снаряжении кочевников раннего средневековья / Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья): Сборник научных трудов. Алматы, 1998. С. 116-126.
43. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. Введ., пер. и коммент. С.А. Аннинского. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1936. – 288 с.
44. Мэн-да Бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Пер. с кит., введ., комм. и прилож. Н.Ц. Мункуева (Памятники письменности Востока XXVI). – М.: Наука, 1975. – 282 с.
45. Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). – Армавир: АГПУ, 2005. – 210 с.
46. Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII-XIV вв. / Советская археология. 1987. № 2. – С. 212-227.
47. Панеш Э.Х. Холодное оружие адыгов (к вопросу об эволюции) / Памятники традиционной-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СМАЭ Сборник музея антропологии и этнографии XLIII. – Л: Наука, 1989. – С. 61-71.
48. (Плано Карпини) Джiovанни дель Плано Карпини. «История монгалов» / Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Пер. А.И. Малеина. – М.: Изд-во географ. лит-ры, 1957. – 270 с.
49. Поппе Н.Н. Монгольский словарь Муккадимат ал-Адаб / Труды института востоковедения XIV. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Ч. I-II. – 452 с.
50. Рассамкин Ю.Я. Погребение знатного кочевника на реке Молочной: опыт реконструкции вещевого комплекса // Степи Европы в эпоху средневековья. Половецко-золотоордынское время. Сборник научных работ. – Донецк: ДонНУ, 2003. Т. 3. – С. 207-230.
51. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. Кн. 1. – 221 с.
52. Соловьев А.И. О некоторых характеристиках клинкового оружия / Проблемы реконструкций в археологии. – Новосибирск, 1985. – С. 147-154.
53. «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани» / Материалы по истории казахских ханств (извлечения из сочинений персидских и тюркских). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1969. – С. 135-171.
54. Трубников Б.Г. Полная энциклопедия: Оружие, вооружение всех времен и народов. – СПб.: Изд-ий дом «Нева»; М.: «Олма-Пресс», 2002 а. – 719 с.
55. Трубников Б.Г. Оружие и вооружение. Определитель. – СПб.: Изд-ий дом «Нева»; М.: «Олма-Пресс», 2002 б. – 399 с.
56. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М.: Изд-во МГУ, 1966. – 276 с.
57. Федоров-Давыдов Г.А. Монгольское завоевание и Золотая Орда / Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. Ответ. ред. тома С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1981. – С. 229-236.

58. Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. Пер., коммент. О.А. Акимовой. – М.: «Индрик», 1997. – 320 с.
59. Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.
60. Худяков Ю.С. Вооружение кочевого населения северо-восточных районов Золотой Орды / Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 2. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. – С. 169-180.
61. Эрдели И. Вооружение древних венгров как источник по истории основания венгерского государства / Урало-алтаистика (археология, этнография, язык). – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 14-16.
62. Lepage J.-D. Medieval Armies and Weapons in Western Europe. An Illustrated History. – North Carolina and London: McFarland & Company, 2004. – 280 p.
63. Oakeshott E. The Archaeology of Weapons. Arms and Armour from Prehistory to the Age of Chivalry. Illustrated by the Author. – Woodbridge: The Boydell Press, 1960. – 360 p.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

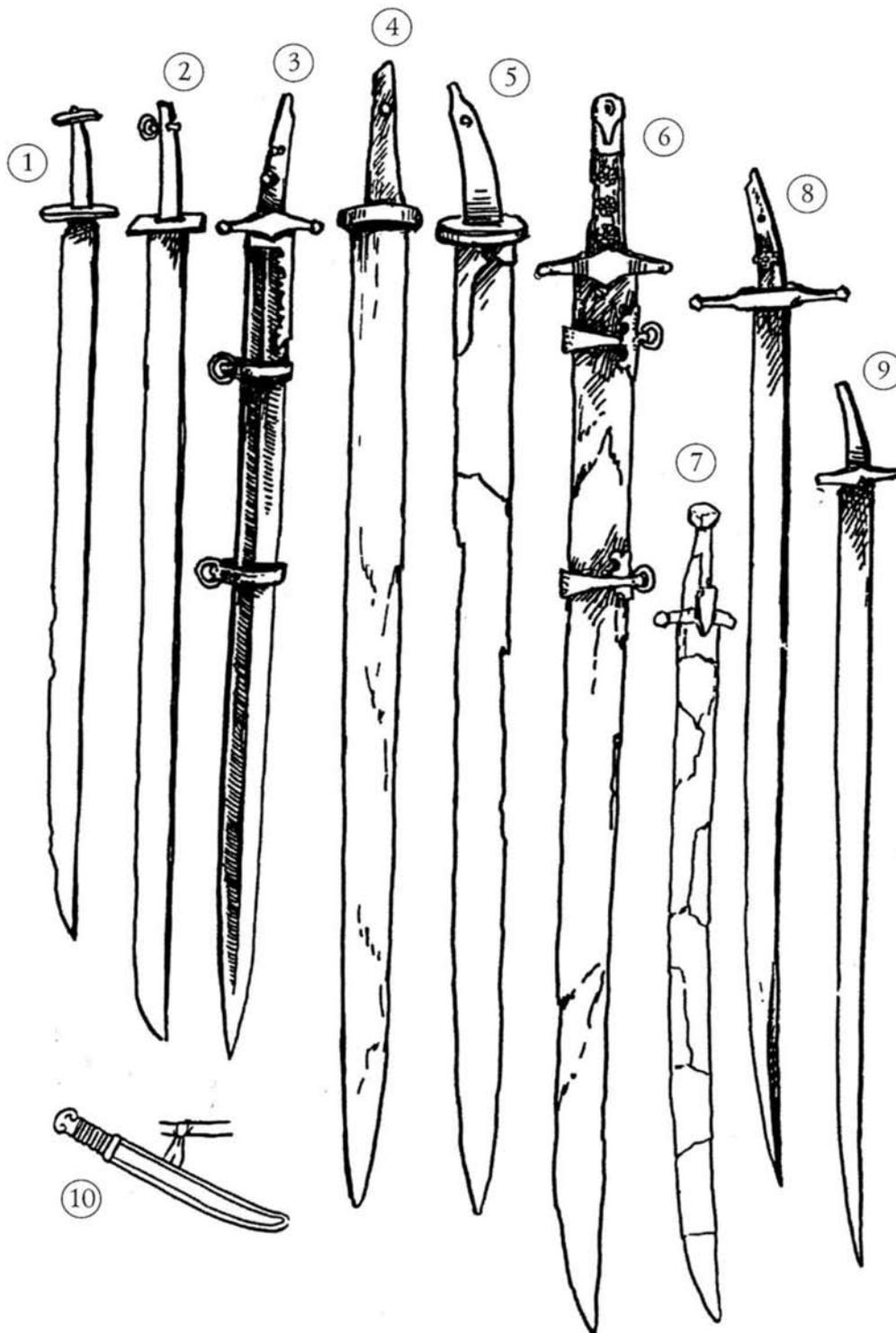

Рис. 1. Монгольские палаши XIII-XIV вв. (по М.В. Горелику, 2002)

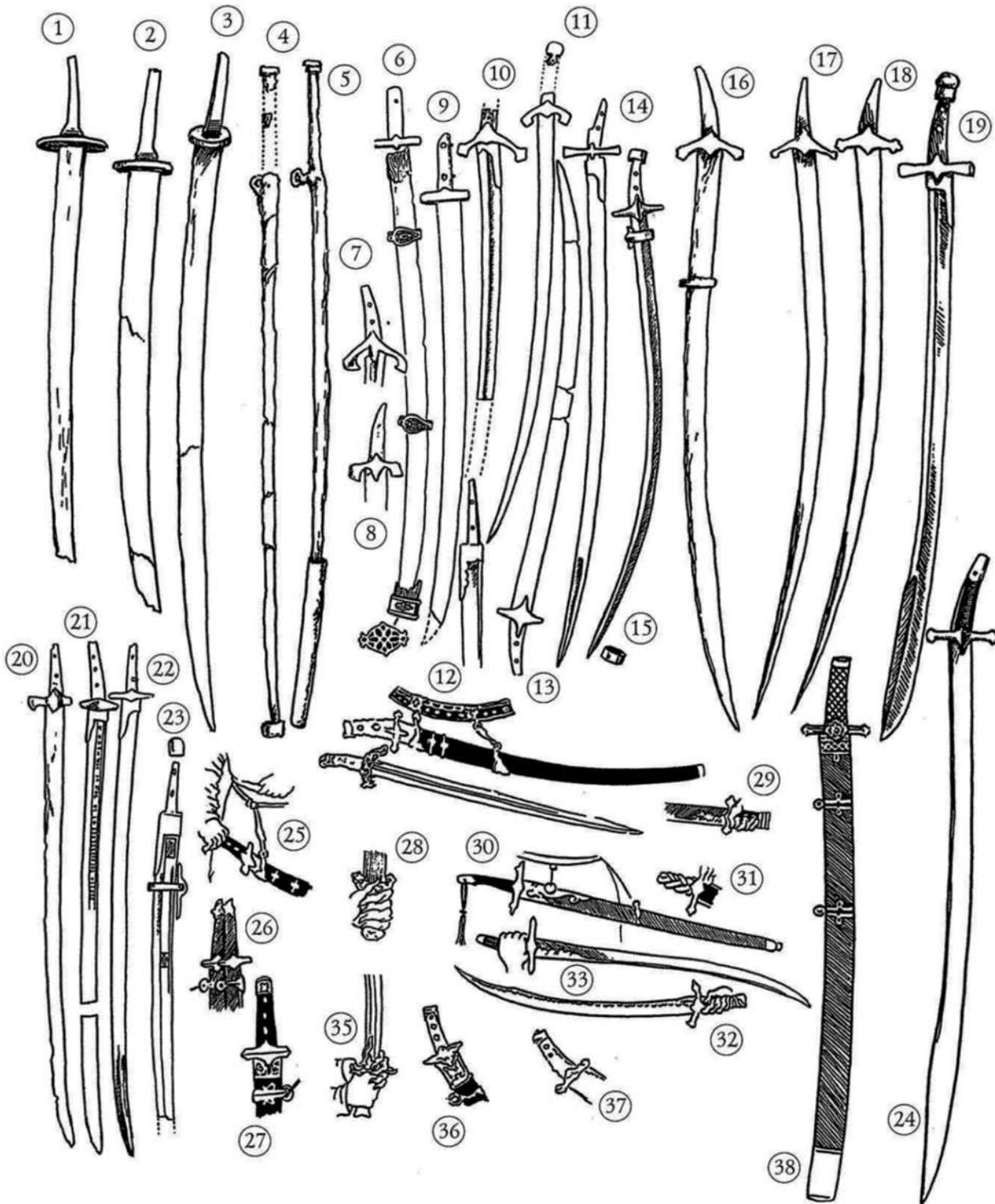

Рис. 2. Монгольские сабли XIII-XIV вв. (по М.В. Горелику, 2002)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ КЫПЧАКОВ В ИНДИИ В XIII В.

Одним из интересных вопросов истории кыпчаков является история кыпчакской диаспоры. Одним из до сих пор малоисследованных вопросов является история кыпчаков в Индии. Известно, что они некоторое время доминировали в Индии во времена существования Делийского султаната. Это государство возглавляла кыпчакская династия Шамсийа. Кыпчакской диаспоре в Индии посвящен отрывок работы А. Кадырбаева и часть книги К. Ашрафян (Кадырбаев 1997; Ашрафян 1960). Данные исследования на данный момент времени уже устарели. Для более полного освещения проблемы необходимо привлечь данные англоязычной историографии. В данной работе будет исследована история кыпчаков в Индии в период правления династий Шамсийа и потомков Гийас ад-Дина Балбана (Улуг-шаха Аджама), то есть представителей клана ольберлик в Делийском султанате. Необходимо проанализировать этническую структуру служивого сословия в мусульманских государствах Индии и ответить на вопрос: почему стало возможным возвышение кыпчаков в Индии? Также нужно объяснить причины внутренних проблем Делийского султаната.

В Северной Индии в эпоху Развитого Средневековья мусульмане заняли доминирующее положение. Это стало возможным благодаря завоеваниям газневидов и гуридов. Благодаря этому мамлюкские султаны получили базу для своих завоеваний. Перед тем как стать независимыми, Дели и Бенгалия были провинциями султаната гуридов. Эти султанаты были прообразом позднейших государств великих гази – османов и Великих моголов. Начальный период существования Делийского султаната получил название Тюркского (Мамлюкского) султаната. Рабы были частью социальной системы Делийского султаната. Из тюркских гулямов или *bandaghan* состояла основа военного сословия. Благодаря тому, что они были воинами, тюрки установили свою власть в Индии. Слово «тюрк» было синонимом элитных рабов (Anooshahr, 2009; Faroog Ahmed, 2009, p. 3-4; Kumar, 2006, p. 84-87; Faroog Ahmed, 2009, p. 3-4; Jackson 1999, p. 3-14, 19).

Войско состояло из тюрков, а часть бюрократии и интеллигенции составляли персы. Одним из таких интеллигентов и религиозных деятелей был Минхадж ад-Дин Осман ал-Джужджани. В состав военной элиты кроме тюрков попадали пленные монголы-вафидийа, которые получили высокий статус при правлении Гийас ад-Дина Балбана. Языком общения среди элиты был тюркский. В этом отношении Дели был похож на султанат египетских мамлюков. Кстати, время правления в нем бахритов также было названо Тюркским султанатом. Для того чтобы научить и персов тюркскому языку, был создан тюрко-персидский словарь Бадр ад-Дина Ибрахима (Kumar, 2009; Наджип, 1982; Jackson, 2003, p. 3-14, 19).

Само явление рабства и присутствие челяди не было чем-то новым для кыпчаков. Сам термин «кул» обозначал зависимость и буквально значил «раб». Тюрки употребляли этот термин для подвластных народов и для себя, когда находились под властью Империи Тан. Рабы принимались в племя своего хозяина. Источником рабов были войны с кочевыми и оседлыми соседями. Рабы были чабанами, пасшими овец. Также рабы были ремесленниками, земледельцами и кузнецами. Относительно количества рабов в обществах кочевников, то оно превышало 10% (Golden, 2001, p. 28-37).

Начиная от Раннего Средневековья и заканчивая XIV веком, тюркские государства, которые были соседями мусульманского мира, вели торговлю рабами. Из этих рабов часто формировали корпуса мамлюков. Гулямы из хазар были на службе аббасидов. Гулямами могли стать только язычники, поскольку шариат запрещал обращение в рабство мусульман. Ибн Хордадбех сообщал, что один раз в рабство попало 2 тыс. огузов, которых продали за 600 тыс. динаров. В рабство к Караханидам попадали пленные из тюркского племени чуграков. Тюркские рабы высоко ценились. Ибн Хассул написал для них хвалебную оду, в которой он расхваливал их как воинов. Джучиды до Узбека продавали в рабство многих кыпчаков (Golden, 2001, p. 37-40; Bosworth, 2011, p. 24; Асадов, 1993; Голден, 2005, с. 458-482).

Нужно отметить разнообразную терминологию, применяемую к людям зависимого положения. Архаические *qul* и *küing* обозначали рабов и рабынь. Термин *abıncı* означал наложниц, термин *bulun* означал пленного или заключенного и был близок к древнерусскому «колодник», термин *çaga* (чага) обозначал женщину-рабыню и вошел в древнерусский и тюркские языки. Слово *eget* обозначало слугу, а термин *igdiş qul* обозначал домашнего раба, которому на Руси соответствовал термин «челядь». Слово «кошчи» вошло в древнерусский без перевода в форме «кощей». Существовало много и других терминов, которые употребляли тюрки-мусульмане. В кыпчакских языках использовались термины *Qarabaş* (черная голова), *qırnaq* (девушка-рабыня), *qoşçı* (пленный, раб, простолудин), *tapıgçı* (слуга), *tügel/tünge* (не родившая женщина-рабыня), *tutgun* (заключенный, пленный), *yalnıuq* (женщина-рабыня). Для обозначения тюркских рабов-военных использовались арабские термины «гулям» и «мамлюк». Корпусы гулямов существовали у Аббасидов, Буидов, Сельджукидов, Газневидов. После 1118 г. мамлюкские командующие начали брать власть в свои руки (Golden, 2001, p. 45-54; Bosworth, 2011, p. 25, 51, 58).

До того, как кыпчаков начали массово продавать в рабство в Индию и Египет, они уже прижились в мусульманском мире. Канглы и кыпчаки составляли основу армий хорезмшахов-ануштегинидов. Многие из них добились высокого положения (Bosworth, 2011, p. 30-31). Также они попадали в Азербайджан. У кыпчаков существовало патриархальное рабство, и отец мог продать в рабство сына. Таким образом в рабство попал Шамс ад-Дин Ильдениз (Ильдегиз). Сначала он был простым воином в войске сельджукского султана, потом дослужился до важной должности, а в середине XII в. сам стал правителем-атабегом. От него произошла правящая династия в государстве атабеков Азербайджана (Гусейнов, 1980, с. 348-352).

Много кыпчаков попали в рабство вследствие поражений XIII в. Куттуз попал в рабство после плена у монголов. Он был продан в рабы-мамлюки в Дамаске (Бунятов, 1986, с. 195). На торговле рабами неплохо зарабатывали хорезмийские купцы. Тюркские рабы находились на острове в долине Нила, поэтому и получили название «бахриты» (Кайрат Саки; Макризи, 1966). После поражения от грузин количество рабов на невольничьих рынках Ширвана и Азербайджана стало таким большим, что цена на рабов упала (Ибн ал-Асир, 1940, Книга 12, Глава «О вторжении части кыпчаков в Азербайджан и о том, что они сделали с курджами и что произошло с ними»). Кроме рабов в Дели продавали и коней из Дешт-и Кыпчак (Кадырбаев, 2004).

Около истоков мусульманского государства в Индии стоял Махмуд Газневи. Его войско состояло из 50 тыс. чел., которые были в большинстве из иранцев. Кроме того, к нему присоединялись газы, а ударной силой войска были тюрки. Это была гвардия гулямов, а также огузы, карлуки, ягма, халаджи, которые нанимались в войска и вознаграждали себя добычей, взятой в походе. Сам Махмуд Газневи происходил от тюркского гуляма Себук-Тегина из Верхнего Барсхана с берегов Иссук-Куля. Султан осуществлял походы на Синд, Кашмир, Раджахстан, Гуджарат, Канаудж, Каланджар. В первой половине XI в. он заложил основы мусульманского доминирования в Индии. Под его властью находился Пенджаб. В 1173 г. инициатива перешла к афганской династии гуридов. Гийас ад-Дин Мухаммед Гури занял Газни. Этот султан купил многих тюркских рабов, которые стали опорой его власти. Среди них был Кутб ад-Дин Айбек. Происхождение этого гуляма неясное. Известно лишь только, что он был тюрком. В 1186 г. Муизз ад-Дин Мухаммед Гури овладел Лахором. Еще в 1175-1176 гг. он занял Учч, а в 1178 г. завоевал Мульта. Муизз ад-Дин Мухаммед Гури воевал против раджпутских раджей и нанес им много поражений (Ашрафян, 1960, с. 35-40; Кадырбаев, 2004; Erdogan, 1989, s. 7-28; Wink, 2011, p. 94-98; The History of India, 1871, p. 63-66).

После гибели Муизз ад-Дина Мухаммеда Гури в битве с индусами индийские мусульмане отделились от государства гуридов. Первым правителем нового султаната стал Кутб ад-Дин Айбек. Его войско состояло из тюрков, гурцев, хорасанцев и халаджей. Кутб ад-Дин Айбек до 1206 г. отметился завоеваниями в Индии. От 1191 до 1203 гг. он занял крепости Мирас, Тангир, Каланджар, города Дели, Кол, Аймер, Канаудж, Нахрвала, Бадаун, Уджайн, Махоба. Вместе с Махмудом Гури он в 1194 г. завоевал Бенарес. От мусульманских завоевателей пострадали раджи Мальвы, Гуджурата, Калпы. Дели даже не был столицей. Центром ислама в Индии назывался Лахор. Вторым по значению городом был Газни. Кутб ад-Дин Айбек был султаном Лахора. Ильтутмыш при Муизз ад-Дине Мухаммеде Гури владел Табархиндом, возглавлял гвардию и заведовал охотой. При султани Кутб ад-Дине он владел провинцией Баран, Бадауном и Дели. Хасан-и Низами был губернатором провинций Кухрам и Самана, Бенгалией владел Мухаммед б. Бахтиар из тюркского племени халаджей. Своей столицей последний сделал Лакханаути. Кыпчак Ильтутмыш происходил из кыпчакского клана ольберлик и, очевидно, попал в плен во время очередной войны хорезмийцев с кыпчаками. Он сначала попал в Бухару, а потом в Газни.

С 1206 по 1210 г. Кутб ад-Дин враждовал с правителем Кермана и Газни Тадж ад-Дином Йалдузом, который был военачальником Гуридов. В 1210 г. Кутб ад-Дин загадочно умер во время игры в поло. Возможна аналогия с государством египетских мамлюков, где так погибали некоторые султаны, которых устраняли конкуренты (Ашрафян, 1960, с. 39-42; Jackson, 2003, р. 24-29; Wink, 1997, р. 150-152; Кадырбаев, 2004; Wink, 2011, р. 99; Tabakat-i Nasiri, Vol. 1, р. 512-528, 597-605; The history of India, 1871, р. 37, 102).

В Лахоре после смерти султана недолго правил командующий войсками Али-и Измаил. Но потом власть взял приемный сын Кутб ад-Дина Айбека Арам-шах. Но, не поправив и года, он был убит. Очевидно, к этому приложили руку тюрские гулямы. После Кутб ад-Дина Айбека мусульманская Индия была разделена между разными маликами. По версии Вассафа, Кутб ад-Дин Айбек не оставил преемников и власть перешла к рабу Альтамышу. Против Ильтутмыша, который был маликом Бадауна и Дели, выступил эмир Лахора Берки. При таких условиях Ильтутмыш в 1211 г. титулировал себя даже не султаном, а маликом, и стал известен как Шамс ад-Дин Музафар Ильтутмыш, основатель кыпчакской династии Шамсийа. Зийа ад-Дин Барани знал, что династию султанов Дели основал султан Шамс ад-Дин, и назвал династию Шамси. Амир Хусрау ошибочно считал членов династии Шамсийа Гуридами.

В Синде и Пенджабе правил Насир ад-Дин Кубача. Под его властью находились Мульта и Учч. В Бенгалии Али-и Мардан провозгласил себя султаном Ала ад-Дином. За контроль над Лахором соревновались Насир ад-Дин Кубача и Тадж ад-Дин Йалдуз. Кубача был зятем Кутб ад-Дина Айбека и одним из самых вероятных его преемников. Его войско насчитывало 15 тыс. Под давлением хорезмийцев Йалдуз бежал из Газни в Пенджаб. Из Пенджаба его вытеснил Кубача, который в январе 1216 г. столкнулся с Ильтутмышем. В битве под Тараином Кубача потерпел поражение, однако оставался самым могущественным правителем в Индии, поскольку владел землями от Кашмира до дельты Инда. В 1217 г. под его власть перешел Лахор. Ильтутмыш и Кубача сражались за обладание Восточным Пенджабом с Табархиндом, Сарсати, Кухрамом (Jackson, 2003, р. 29-31, 39; Hamadani, 1992, р. 48-50; Wink, 1997, р. 152-153; Ашрафян, 1960, с. 42-43; Кадырбаев, 2004; Jackson, 2011, р. 100; Tabakat-i-Nasiri 1881, Vol. 1, р. 528-544, 606-608; The History of India 1871, р. 37, 98, 546-547).

Отдельно необходимо сказать об отношениях между хорезмийцами и мусульманскими эмирами Индии. 25 ноября 1221 г. произошла битва вблизи реки Инд. Несмотря на героическое сопротивление, войско хорезмийцев было побеждено монголами, а Джелал ад-Дин Манкбурни спасся бегством, переплыв реку. Под давлением монголов бежали и халаджи. Вместе с Джелал ад-Дином в Индию прибыло 4 тыс. его воинов. Позже к ним присоединилась часть хорезмийцев, которая откололась от Гийас ад-Дина, брата Джелал ад-Дина. Они победили напавших на них раджпутов провинции Шатра, и после этого Кубача начал искать союза с хорезмийцами.

Но союза между ними не вышло. Хорезмийцы напали на владения Кубачи. Он смог противопоставить им 10 тыс. воинов, а также обратился за помощью к Ильтутмышу. Но Ильтутмыш не особо спешил ему на помощь, и это дало возможность Джелал ад-Дину напасть на лагерь Кубачи вблизи Учча. Войска Джелал ад-Дина взяли Дайбул, им покорился Сивистан. В одном из рейдов они дошли до Нархвала в Гуджарате. Против хорезмийцев выступило 30 тыс. всадников Шамс ад-Дина Ильтутмыша. Против этих сил хорезмийцы не решились пойти. Хорезмийцы решили возвратиться в Иран и Ирак, а не идти на верную смерть Джелал ад-Дин оставил в Газне своего наместника Джахан-Пахлавана. Хорезмийцев из Индии выгнали только в 1229-1230 гг. Джахан-Пахлаван был разбит Ильтутмышем. После этого поражения он бежал в Иран. Хасан Карлук признал власть Ильтутмыша, но в 1235 г. изменил ему и перешел к монголам Хокутара. Джелал ад-Дин Манкбурни максимально ослабил Кубачу и этим, конечно же, сделал услугу Ильтутмышу. В 1226 г. отряд хорезмийцев из племени халаджей (в источниках еще известны как хилджи) под руководством Малик-хана Хилджи взял город Мансурах в Синде, оказав давление на Кубачу (Насави, 1996, Главы 38-41; Ашрафян, 1960, с. 43-44; Jackson, 2003, р. 33-34, 39; Hamadani, 1992, р. 50-55, 58-59; Wink, 1997, р. 153-154; Wink, 2011, р. 100-101; Tabakat-i Nasiri, 1881, Vol. 1, р. 534-544, 609).

Еще один удар по Кубаче нанесли монголы. В 1224 г. Дорбен Такшин, продолжая индийскую кампанию, после Кашмира атаковал Систан. Монголы опустошили провинции Мултан и Лахор, а также взяли крепость Нандану. Только природные условия Индии, тяжелые для монголов, помешали им добить Кубачу. Регион Нижнего Синда номинально подчинялся Хасану Карлуку и Джахан-Пахлавану, которые были эмирами Джелал ад-Дина Манкбурни. Когда-то могучий Кубача терял власть (Smith; Jackson, 2003, р. 34; Hamadani, 1992, р. 56-58; Jackson, 2011, р. 100-101; Tabakat-i Nasiri 1881, Vol. 1, р. 534-540).

При условии постоянной вражды с мусульманскими эмирами Индии, вторжений монголов и хорезмийцев страдали приграничные регионы, но Дели процветал, поскольку находился далеко от гра-

ниц. В 1226-1227 гг. Ильтутмыш нанес поражение Насир ад-Дину Кубаче. Необходимо отметить, что в 1223 г. до Кубаче присоединилось много вождей племен из Хорасана, Гура и Газни. Но когда фортуна начала изменять Кубаче, часть его людей перешла к Ильтутмышу. В 1223 г. Гурид Насир ад-Дин Абу Бакр б. Сури стал одним из маликов Ильтутмыша. В Дели прибыло много беженцев из Хорасана, Мавераннахра, Гура и Газны. Их было около 30 тыс. Они усилили войска Шамс ад-Дина Ильтутмыша. Во время конфликта Кубачи с хорезмийцами два малика – Насир ад-Дин Мухаммед б. Хусейн б. Кармил и Тадж ад-Дин Йиналтегин перешел к хорезмийцам. В 1226-1227 гг. на сторону Ильтутмыша перешли эмиры Кубачи Кутб ад-Дин Хасан б. Али и Айн ал-Мульк Хусейн ал-Ашари.

Тюрки-халаджи основали в Бенгалии свой эмират. Сначала халаджи были вассалами Кутб ад-Дина Айбека. Когда султана не стало, малик ал-Гази Ихтийар ад-Дин б. Бахтийар возглавил Бенгалию. После него властью завладели малик Изз ад-Дин Мухаммед б. Шеран и малик Ала ад-Дин Али б. Мардан. После них правил малик (султан) Хусам ад-Дин б. Хусейн. В Бенгалии Ильтутмыш воевал против Гийас ад-Дина Иваза Хилджи. В 1225 г. войска Ильтутмыша взяли Бихар. Гийас ад-Дин Иваз признал власть делийского султана и платил ему дань. Однако, как только войска Дели оставили Бенгалию, халаджи отказались от взятых на себя обязательств и восстали. В 1227 г. поход войск Дели возглавил сын Ильтутмыша Насир ад-Дин Махмуд. В 1228 г. к Ильтутмышу присоединились войска Кезлик-хана. В 1227 г. Насир ад-Дин Махмуд занял Лакханаути и убил Гийас ад-Дина Иваза. Сын Ильтутмыша правил Бенгалией до 1229 г. В 1229 г. против его власти восстал Ихтийар ад-Дин Давлат-шах, прежний полководец Делийского султаната. В 1230-1231 гг. Ильтутмыш снова атаковал Бенгалию и сместил восставшего полководца с трона. После этого Ильтутмыш остался единственным мусульманским правителем Индии. Уже в 20-х гг. Ильтутмыш установил контакты с багдадским халифом. В 1229 г. Делийский султанат был признан багдадским халифом как легитимное государство. Интересно, что посольство, которое получило признание для султаната, возглавлял шейх Раджаб ал-Бурку-и, происходивший от крымских кыпчаков. Жизнь и свершения Шамс ад-Дина Ильтутмыша были описаны Джузджани, Вассафом, Зийа ад-Дином Барани и Ибн Баттутой. Интересно, что большинство хронистов не знали о его происхождении, но говорили, что он был рабом (Jackson, 2003, p. 37, 39-41; Hamadani, 1992, p. 56; Wink, 1997, p. 153-156; Ашрафян, 1960, с. 43-44; Кадырбаев, 2004; Jackson, 2011, p. 101-102; Tabakat-i Nasiri 1881, Vol. 1, p. 542-544, 548-595, 610-616; The History of India, 1871, p. 591).

Объединив около себя мусульман Индии, Ильтутмыш мог начать войну против индусов. В 20-х гг. XIII в. Ильтутмыш осуществил рейды на города Рантанбор в 1226 г. и Мандор в 1227 г. В конце десятилетия делийский султан принудил покориться раджу племени хохар. Эти индусы были постоянной проблемой на западной границе и союзниками хорезмийцев. Выгнав хорезмийцев и покорив индусов, делийцы на некоторое время обезопасили свои границы. В 1231-1232 гг. Ильтутмыш воевал против Гвалиора и взял этот город, а в 1234-1235 гг. ограбил Удджайн и Бхилсу. В то же время был взят Рантамбор. В 1234 г. Ильтутмыш подавил восстание карматов. Ильтутмыш установил жесткую дисциплину и жестоко карал за произвол. Но попытка завоевать владения Джайтра Сингха в Меваре была неудачной. До конца правления Ильтутмыша султан Дели контролировал Синд, Учч, Мульта, Лахор, Сарсути, Кухрам, Самана, Сивалик, Бхатинда, Ханси, Дели, Бадаун, Ауд, Бенарес. Экспансия Дели привела к увеличению роли эмиров (маликов). После смерти Ильтутмыша они восставали и смещали его потомков – Разийу-хатун, Муиз ад-Дина Бахрам-шаха и Ала ад-Дина Масуд-шаха. Это было сложное время для Делийского султаната (Jackson, 2003, p. 40-41; Hamadani, 1992, p. 59-60; Wink, 1997, p. 156; Ашрафян, 1960, с. 44-45, 70; Jackson, 2011, p. 102; Tabakat-i Nasiri 1881, Vol. 1, p. 619-623, 627-628).

После смерти Шамс ад-Дина Ильтутмыша от султаната отпал ряд мусульманских земель. Сайф ад-Дин Айбек (правитель Учча) провозгласил независимость. После смерти Рукн ад-Дина Фируз-шаха от Дели отпал Лахор, которым правил малик Изз ад-Дин Кабир-хан Айаз. В 1235 г. Систан и Западный Афганистан перешел под власть монголов. В регионе появился монгольский полководец Таир-Бахадур. Он занял Керман. Никуда и Аннан заняли Газни. Хасан Карлук перешел на их сторону и сдал им свои владения. Он правил Бамианом до 1238 г., пока его не атаковали монголы. После этого Хасан Карлук бежал в Делийский султанат и попросил у султанши Разийи позволения вернуться под власть династии Шамсийа. Войска Хокутара опустошили Кашмир. Монголы приближались к границам Делийского султаната. Разийа-хатун занимала оборонительную позицию. Она на некоторое время вынудила правителя Лахора снова признать власть Дели, установила союзнические отношения с племенем хохар и приняла на службу мятежных эмиров. Относительно продолжительности правления Рукн ад-Дина Фируз-шаха, который правил до Разийи-хатун, А. Хамадани придерживается датировки 1236-1238 гг. А. Винк считает, что он правил около полгода. Б. Учок придерживается точки зрения о непродолжи-

тельном времени правления этого султана (Hamadani, 1992, p.68-72; Wink, 1997, p.156-157; Учок, 1982; Кадырбаев, 2004).

Заметной персоной в Делийском султанате была Разийа-хатун. Ее имя происходило от титула Разийат ад-Дунья ва-д-Дин (Любимица мира и религии). Ильтутмыш назначил ее преемницей после смерти Насир ад-Дина Махмуда в 1232 г. Султан вынудил шейхов и эмиров признать ее султаншей и даже приготовил специальный фирман. После смерти Ильтутмыша развернулась борьба за власть между Разийей и Шах-Туркан. Шах-Туркан была мамой Рукн ад-Дина Фируз-шаха. Вследствие усилий Шах-Туркан Рукн ад-Дин Фируз-шах стал султаном. Эта хатун начала репрессии против других жен покойного Ильтутмыша. Она приказала убить Кутб ад-Дина. Тирания Шах-Туркан вызвала протест у эмиров. Они восстали, их возглавил другой сын Ильтутмыша Гийас ад-Дин Мухаммед-шах. Когда в Пенджаб вторгся тюркский эмир Сайф ад-Дин, в Дели началось восстание против Шах-Туркан. Разийа-хатун распространяла слухи о Шах-Туркан и ее сыне. Попытка Шах-Туркан подавить восстание была неудачной, а сама хатун укрывалась в дворце. Рукн ад-Дин Фируз-шах из Пенджаба спешил в Дели, но не успел вовремя. Мамлюки присягнули Разийе-хатун, Шах-Туркан была кинута в тюрьму, а Рукн ад-Дин Фируз-шах был убит по приказу Разийи. Роль Шах-Туркан в этих событиях была раскрыта ал-Джуджани, который был придворным при династии Шамсийа (Учок, 1982; Кадырбаев, 2004; Jackson, 2011, p. 102; Mernissi, 2006, p. 89, 94-96; Tabakat-i Nasiri, 1881, Vol. 1, p. 628-637, 639).

Разийа стала султаншей. Она приказала чеканить на монетах такие слова – "Опора женщин, владычица эпохи, султан Разийа, дочь Шамс ад-Дмна Ильтутмыша". Против Разийи выступили карматы Индии во главе с Нур ад-Дином Тюрком. Восставшие ворвались в Дели, но их остановили сторонники Разийи – эмир Насир ад-Дин Ал-Йитим Бахаи, эмир Шаир и имам Насири. На помощь легитимной владычице пришли войска малика Ауда Нусрат ад-Дина. Но Нусрат ад-Дин был побежден и погиб в плену. Против Разийи выступили малик Ала ад-Дин Джани, малик Сайф ад-Дин Куджи, малик Изз ад-Дин Кабир-хан Айяз и малик Изз ад-Дин Мухаммед Салари. Благодаря дипломатии Разийа перетянула на свою сторону Изз ад-Дина Кабир-хана Айяза и Изз ад-Дина Мухаммеда Салари. Сайф ад-Дин Куджи и его брат Фахр ад-Дин попали в плен, а потом были убиты. Ала ад-Дин Джани был убит в селе Накаван, а его голову доставили в Дели. Везирь Низам ад-Дин Джунайди спрятался в холмах Сир-Мур Бардари, но там же был убит. При правлении Разийи-хатун высокое положение занимал Минхадж ад-Дин Усман ал-Джуджани, который фактически и составил ее жизнеописание (Учок, 1982; Gabbay, 2011, p. 46-47; Prajakti, 2010, p. 19; Кадырбаев, 2004; Mernissi, 2006, p. 89; Tabakat-i Nasiri, 1881, Vol. 1, p. 639-641, 646-647).

После победы Разийа-хатун поблагодарила своих сторонников. Везирем стал Низам ал-Мульк ходжа Мухаззаб. Сайф ад-Дин Айбек-и-Бихак был назначен главнокомандующим и получил титул Кутлуг-хана. Изз ад-Дин Кабир-хан Айяз получил Лахор. После смерти Сайф ад-Дина Айбека главнокомандующим стал Кутб ад-Дин Хусейн б. Али Гури. Малик Ихтийар ад-Дин Алтунийа получил должность виночерпия и получил провинцию Баран и крепость Табархинд. Ихтийар ад-Дин Айтегин был церемониймейстером, а фаворитом султанши стал Джамал ад-Дин Йакут ал-Хабаша (эфиоп), который подсаживал ее на коня. Разийа-хатун вела себя как мужчина, была авторитарной и носила мужскую одежду. По сведениям Джуджани и Ибн Баттуты, она коротко стригла свои волосы, сидела на коне, как мужчина, не носила чадру и была вооружена. Ибн Баттута сообщал, что Разийа имела абсолютную власть на протяжении четырех лет, что не совсем правильно. Возможно, она хотела править, как ее отец, но эмиры (малики) Индии не позволили ей так править. Авторитарная власть встречала сопротивление у эмиров, которые были не прочь расширить свои вольности. Попытка установить твердую власть султана и эфиопский выскочка-фаворит раздражали тюркских эмиров-чихильгани. Разийа хотела противопоставить им другие группы населения (Учок, 1982; Gabbay, 2011, p. 47-48; Wink, 1997, p. 157; Кадырбаев, 2004; Mernissi, 2006, p. 96-97; Tabakat-i Nasiri 1881, Vol. 1, p. 641-643; The History of India, 1871, p. 592).

В 1238 г. войска Дели вновь взяли Гвалиор. Но потом эмиры развернули эти войска против султанши. В 1239-1240 гг. эмир Лахора Изз ад-Дин Кабир-хан Айяз, который был турком, поднял восстание. Но Разийа дипломатией и силой вынудила его пойти на мир. Бунтующему малику была обещана провинция, которая до того принадлежала Ихтийар ад-Дину Каракуш-хану Айтегину. В 1240 г. султанша вернулась в столицу, но не прошло и двадцати дней со времени ее возвращения, как против нее восстал Ихтийар ад-Дин Алтунийа, который владел Табархиндом. Его бунт поддержали и другие малики. В апреле 1240 г. Разийа во главе войска двинулась на Табархинд. Возле этого города был убит фаворит султанши, а сама она попала в тюрьму (Учок, 1982; Gabbay, 2011, p. 48-49; Wink, 1997, p. 157; Mernissi, 2006, p. 97; Tabakat-i Nasiri, 1881, Vol.1, p. 644-645, 724-726).

Малики провозгласили султаном Муизз ад-Дина Бахрам-шаха (одного из сыновей Ильтутмышы). Регентом стал Ихтийар ад-Дин Айтегин. Не прошло и месяца, как наместник Табархинда Ихтийар ад-Дин Алтунийя женился на Разийе-хатун и освободил ее из тюрьмы. Он возглавил войска султанши, которая не постыдилась использовать помощь индуистов против мусульман. К новой старой султанше присоединились Изз ад-Дин Мухаммед Салари и малик Каракуш. Навстречу войску Разийи вышли силы Бахрам-шаха во главе с эмиром Тегином. В первой же битве Разийа была побеждена, а во время второй взята в плен. 14 октября 1240 г. Разийа и Ихтийар ад-Дин Алтунийя были казнены. Гробница султанши стала местом паломничества для мусульман. Кроме того, она оставила после себя литературное наследие. Она была поэтессой и писали стихи под псевдонимами Ширин Дихлави и Ширин Гури (Учок, 1982; Jackson, 2003, p. 57; Wink, 1997, p. 157; Prajakti, 2010, p. 19; Mernissi, 2006, p. 97; Tabakat-i Nasiri, 1881, Vol. 1, p. 647-648, 652, 748-749).

Ситуация после Разийи-хатун была достаточно сложной. При Муизз ад-Дине ва-д-Дине Бахрам-шахе в окружении султана были Ихтийар ад-Дин Айтегин, везирь Низам ал-Мульк, Бадр ад-Дин Сункар, Мухаззаб ад-Дин Мухаммед-и Ивази, которые фактически и правили государством. Казалось, после Разийи-хатун не осталось достойного правителя, который мог бы управлять страной. В 1240 г. малик Изз ад-Дин Кабир-хан Айаз провозгласил себя независимым правителем и занял Мульта и Учч. Реакция соседей не заставила себя ждать. В 1241 г. монгол Таир-Бахадур выступил из Герата, другие нойоны шли из Газни, Тохаристана и Кашмира. Они вторглись в Синд и взяли в осаду Мульта. Но Кабир-хан смог выдержать их нападение. Тогда монгольское войско взяло в осаду Лахор, который принадлежал малику Каракашу. Монголы взяли город, а отряды из Дели не спешили на помощь маликам. Каракаш оборонялся в цитадели, но потом смог прорваться из окружения и бежал в Дели. Только тогда султан вместе с везиром Хваджа Мухаззаб ад-Дином и Гуридом Кутб ад-Дином Хусейном двинулись в поход. Но даже во время монгольской опасности в лагере войск Дели продолжались усобицы. Везир советовал расправиться с тюрками, которых считал неверными султану. Против Бахрам-шаха восстали индусы племени хохар. Но это не стало причиной неудачи. Эмир Ак-Сункар выступил против Таира-бахадур. В битве погиб и Ак-Сункар и его монгольский оппонент. После того, как делийцы остановили монголов, малик Каракаш наказал индусов племени хохар за измену. На сторону монголов снова переметнулся Хасан Карлук. Он двинулся на Мульта. В битве с ним погиб Кабир-хан Айаз, но сын погибшего – Таж ад-Дин Абу Бакр возглавил оборону города. Хасан Карлук много раз штурмовал город, но каждый раз терпел поражения. Союз монголов с западными индусскими племенами ничего не дал (Hamadani, 1992, p. 72-76; Wink, 1997, p. 157-158; Ашрафян, 1960, с. 47; Кадырбаев, 2004; Jackson, 2011, p. 106; Tabakat-i Nasiri, 1881, Vol. 1, p. 649-660; Tabakat-i Nasiri 1881, Vol. 2, p. 1126-1136).

При следующем султани Ала ад-Дине Масуд-шахе (сыне Рукн ад-Дина Фируз-шаха) ситуация продолжала оставаться сложной. Окружение султана составляли малик Кутб ад-Дин Хусейн б. Али Гури, Мухаззаб ад-Дин, Низам ал-Мульк, малик Ихтийар ад-Дин Каракуш. Провинции Мандаур и Адждмир принадлежали малику Изз ад-Дину Балбан-и Кушлу хану. Бадаун принадлежал малику Таж ад-Дину Санджари-и Кук-луку. В Лакханаути правил Тугрил Туган-хан. Улуг хан Аджд (он же Гийас ад-Дин Балбан) правил Ханси. Малик Джелал ад-Дин правил провинцией Киннаудж. Таж ад-Дин Абу Бакр не признавал власти Дели, а после его смерти Мультаном правил его евнух Мугис ад-Дин. Уччем завладел малик Сайф ад-Дин Хасан Карлук. На Лакханаути напали индусы. Войска делийского султана пришли на помощь бенгальским мусульманам. Во время этих событий впервые отметился Гийас ад-Дин Балбан. Мультаном овладел Сайф ад-Дин Хасан Карлук. В 1245 г. на Индию двинулись войска нойона Мангутаха. Когда Хасан Карлук услышал о этом, он эвакуировал жителей Мульта и бежал в города Дебал и Сивистан. Ситуацию спасло отчаянное сопротивление горожан Учча. Они продержались до подхода сил Гийас ад-Дина Балбана. Жара, болезни и сопротивление мусульман вынудили монголов отступить. Во время войны 1245-1246 гг. возшла звезда Гийас ад-Дина Балбана, одного из великих кыпчаков. Он вернул под контроль Дели Учч и Мульта (Hamadani, 1992, p. 76-80; Ашрафян, 1960, с. 47; Кадырбаев, 2004; Jackson 2011, p. 106; Tabakat-i Nasiri 1881, Vol. 1, p. 660-669; Tabakat-i Nasiri 1881, Vol. 2, p. 810-814).

Нам известно сравнительно много информации о эмирах Делийского султаната середины XIII в. Зийа ад-Дин Барани сообщал, что военачальники стали ханами. Наиболее влиятельными были сорок эмиров. Они так и назывались чихильгани, то есть сорок эмиров и имели реальную власть. Из 25 мамлюков Ильтутмышы 9 были из Дешт-и Кыпчак, а 6 – из страны кара-китаев. Известно, что несколько мамлюков были румийцами, то есть греками (обращенными в ислам ромеями), был обращенный в ислам индиец, араб, несколько разных тюрков, среди которых были турки-сельджуки.

Большинство из них сделали карьеру при Шамс ад-Дине Ильтутмыше. До установления власти династии халаджей кыпчаки и кара-китаи были главными среди мамлюков. Малики Сайф ад-Дин Айбек Йуган-тат, Изз ад-Дин Тугрил Туган-хан, Ихтийар ад-Дин Кара-Каш хан-и Айтегин, Сайф ад-Дин Бат Хан-и Айбек, Ихтийар ад-Дин Айтегин был каракитаями. Из кыпчаков происходили малики Камар ад-Дин Кыран-и Тамур хан-ас-султани, Тадж ад-Дин Санджар-и Кик-лук, Тадж ад-Дин Санджар-и Курет-хан, Малик Ихтийар ад-Дин Юзбак-и Тугрил-хан, Изз ад-Дин Балбан-и Кашлу хан ас-Султани Шамси, аз-Кулли Дад-бак малик Сайф ад-Дин Айбек Шамси Аджами, Нусрат ад-дин Шерхан Сункар-и Сагалсус, Сайф ад-Дин Айбек Кашлы-хан ас-султани, ал-Хакан ал-Муаззам ал-Аджам Баха ал-Хакк ва ад-Дин Улуг-хан-и Балбан ас-Султани. Последний и стал султаном Гийас ад-Дином Балбаном (Tabakat-i Nasiri, 1881, Vol. 1, p. 719-760; Tabakat-i Nasiri, 1881, Vol. 2, p. 761-868; The History of India, 1871, p. 99-103, 110).

С 1241 по 1259 г. Лахор, Джаландар, Мультан, Нижний Синд ставали васалами монголов. Такая ситуация консолидировала тюрков и иранцев в Дели. Фактически при султани Насир ад-Дине из династии Шамсийа правил один из чихильгани – Гийас ад-Дин Балбан. Он после смерти Хулагу начал отвоевывать земли, которые завоевали монголы. Сын Гийас ад-Дина Балбана Сункар Шерхан занял Лахор, Джаландар, Мултан и Учч. Наместником Гийас ад-Дина стал его любимый сын Мухаммед Шах. Мухаммед Шах сражался с монголами в 1285 г. Гийас ад-Дину Балбану пришлось столкнуться с внутренними проблемами. Он воевал против восставших маликов Северно-Западной Индии и Ауда. Ему также пришлось воевать против индусов междуречья Ганга и Джамны, Катехра, Верхнего Пенджаба и Мевата. С конца 30-х гг. XIII в. опасными врагами Дели были тюркские правители Бенгалии. Столица Бенгалии Лакханаути получило прозвище Булгакпур (бунтующий город). В 1278-1281 гг. малик Бенгалии Туграл-хан, который был кара-китаем, не признавал над собой власти султана Дели, несмотря на то, что сам он стал наместником региона по воле Гийас ад-Дина Балбана. Последний сместил Туграл-хана и назначил правителем своего сына Бугра-хана. Но после смерти Гийас ад-Дина Балбана Бугра-хан провозгласил себя шахом Бенгалии (Ашрафян, 1960, с. 47-50; Jackson, 2003, p. 58; Kumar, 1994, p. 48-51; Prajakti, 2010, p. 31; Jackson, 2011, p. 104; Tabakat-i Nasiri 1881, Vol. 1, p. 736-742; The History of India, 1871, p. 110-119).

Потомками Ильтутмыша были Разийа-хатун, Бахрам-шах, Ала ад-Дин Масуд-шах. Последним из этой династии был Насир ад-Дин. Во время его правления реальная власть в государстве принадлежала эмирам-чихильгани, одним из которых и был Улуг-хан Аджам (он же Гийас ад-Дин Балбан). Известно, что ал-Джуджани называл его ханом ильбари и шахом йемеков. Его дедом был Абар (Эльтебер)-хан, который правил 10 тыс. семей. В рабство будущий султан попал, когда ольберликов победили монголы. Улуг-хана Аджам продали в рабство в Багдаде. Из Багдада он попал в Дели. Благодаря личным талантам этот мамлюк приобрел высокий статус. Под его командованием войска Делийского султана-та осуществили удачные кампании в 1247, 1248, 1249, 1251, 1252, 1253, 1254, 1256-1257, 1258, 1259, 1260 гг. Персона Улуг-хана Аджам была отмечена не только панегеристом Джуджани, но и врагами. Вассаф сообщал, что Улуг-Хан Аджам был тестем Насир ад-Дина. Было сказано, что он устранил всех своих конкурентов и отобрал власть у династии Алтамыша (Ильтутмиша). По сведениям Зийа ад-Дина Барани, который был историком Туглакидов, Гийас ад-Дин Балбан стал султаном в 1265-1266 гг. Отмечены его таланты как правителя и полководца. Он противопоставлялся безвольному Насир ад-Дину. Ибн Баттута считал, что Гийас ад-Дин сыграл роль в победе над Разийей-хатун. Он ошибался, поскольку не знал двух султанов перед султаном Насир ад-Дином. В то же время Ибн Баттута отмечал, что Гийас ад-Дин Балбан был одним из лучших султанов (Кадырбаев, 1997, с. 64-78; Jackson, 2003, p. 56-57; Prajakti, 2010, p. 19, 49-50; Wink, 1997, p. 158-159; Кадырбаев, 2004; Tabakat-i Nasiri, Vol. 1, 1881, p. 669-718; Tabakat-i Nasiri, 1881, Vol. 2. P. 799-865; The History of India, 1871, p. 38, 97, 99-109, 592-595).

В 1246 г. монголы совершили очередной набег на Индию. На этот раз монголов возглавлял нойон Сали, который пользовался помощью правителя Герата из династии Куртов. Они атаковали провинцию Джуд и начали опустошать местности около Нандана. Гийас ад-Дин двинулся им навстречу и победил монголов и союзных им индусов. В 1249 г. он провозгласил себя султаном. Он назначал на важные должности своих родственников – Сайф ад-Дина Балбана Кашлу-хана, малика Тадж ад-Дина, Сункара Шерхана. Последний правил Мультаном, Кухрамом, Сунамом, Сиваликом, Сирхиндом и Лахором. Гийас ад-Дин Балбан фактически взяв под свой контроль приграничные провинции, которые до того проявляли сепаратизм. В 1249 г. отряд под командованием Сайф ад-Дина Кашлу-хана протистоял войскам Хасана Карлука, которые заняли Мультан. Брату Гийас ад-Дина удалось убить Хасана Карлука. Правда, он и сам погиб в битве. Мультан был возвращен под контроль Дели Сункаром Шерханом. В

1254 г. представитель династии Шамсийа Джелал ад-Дин обратился к монгольскому каану Мункэ по помощь. Тот отправил ему на помощь силы Сали-нойона и войско Насир ад-Дина Мухаммеда Карлука (сына Хасана Карлука). Пенджаб оказался под властью Джелал ад-Дина, который признал себя вассалом монголов. На протяжении 1254-1258 гг. ему противостоял Сункар Шерхан, который базировался в Табархинде. Ситуация Гийас ад-Дина Балбана продолжала оставаться сложной. Изз ад-Дин Кашлу-хан в 1257 г. перешел на сторону монголов и провозгласил себя независимым правителем Синда и Мультана. На помощь ему пришел Шамс ад-Дин Гори Курт. Также в регионе снова появился старый враг – Сали-нойон. Но султан Дели имел козырь. Он имел тайную договоренность о союзе с Насир ад-Дином Мухаммедом Карлуком. Этот союз был скреплен династическим браком сына Гийас ад-Дина и дочери Насир ад-Дина Мухаммеда. Возглавив войска султаната Гийас ад-Дин отвоевал Мултан и вынудил бежать Кашлу-хана (Hamadani, 1992, p. 85-93; Jackson, 2011, p. 106-107; Tabakat-i Nasiri, 1881, Vol. 2, p. 791-799, 818-850; The History of India, 1871, p. 38, 110-111).

Малики Гийас ад-Дина Балбана требовали, чтобы он возобновил походы на индусов, султан же указывал, что монголы беспокоят султанат, и что если он оставит столицу, то не исключено, что они завоюют Дели, как когда-то завладели Багдадом. После смерти Сункара Шерхана султан назначил наместником одной из провинций Северо-Западной Индии своего старшего сына Мухаммед-хана. Мухаммед-хан в 1279 г. победил монголов, которые вторглись в Пенджаб. В 1285 или в 1286 г. монголы реваншировались, совершив поход в Пенджаб, и взяли Мултан. Это совершили монголы-караунасы. В битве с ними погиб Мухаммед-хан. В поэме Амира Хусрау сообщалось, что мусульмане победили монголов (Кадырбаев, 2004; Jackson, 2011, p. 107; The History of India, 1871, p. 121-122, 523-529).

После смерти Гийас ад-Дина в 1287 г. началась борьба за власть. Часть эмиров поддержала Кайхосрова, которого назначил преемником Гийас ад-Дин Балбан. Он слушался эмиров-чихильгани, и в стране началась смута. Другая часть поддержала Кейкобада, который был сыном Богра-шаха. Фактически власть перешла к эмиру Низам ад-Дину, который убил многих эмиров Гийас ад-Дина. Во время этих репрессий погибло много вафидийа (мусульман-монголов), которые раньше служили Гийас ад-Дину Балбану. Усобицами в Дели воспользовался Насир ад-Дин Махмуд Богра-шах. Под давлением мамлюков Кейкобад отстранил от власти Низам ад-Дина. На государственные должности были снова назначены малики Гийас ад-Дина Балабана, но это не остановило кризиса. На престол эмиры-чихильгани возвели Шамс ад-Дина Кайумарса, который был сыном Кайкобада. Усобицами среди кыпчаков воспользовались халаджи. В 1290 г. они восстали, победили и провозгласили султаном своего ставленника Джелал ад-Дина. Джелал ад-Дину пришлось выдержать войну против прежних маликов Гийас ад-Дина Балбана – малика Ауда Чхаджу и дервиша Сиди-Моула. Зийа ад-Дин Барани приписал внуку Хулагу Абдуллаху управление войском в 150 тыс., которое атаковало Индию в 1292 г. Конечно, это очень преувеличенные данные. Монголы были побеждены, 4 тыс. из них попали в плен и приняли ислам. Город, где их поселили, называли Мугалпуром (Ашрафян, 1960, с. 50-52; Jackson, 2003, p. 58; Kumar, 2009, p. 50; Wink, 1997, p. 161; Prajakti, 2010, p. 50; Jackson, 2011, p. 104, 108; The History of India, 1871, p. 38-40, 123-135, 147-148, 540-543).

Править кыпчакам оставалось недолго. Во время правления султана Джалал ад-Дина Фируз-шаха на первый план выдвинулся Ала ад-Дин Хилджи (то есть из тюрок-халаджей). Амир Хусрау считал Джелал ад-Дина принадлежавшим к династии Хилджи. Ибн Баттута считал, что Джалал ад-Дин Фируз-шах был одним из полководцев султана Муизз ад-Дина сына Насира ад-Дина и внука Гийас ад-Дина Балбана. Сведения этих источников часто бывали неточными, и в вопросе о происхождении Джелал ад-Дина Фируз-шаха необходимо ориентироваться на сведения Зийа ад-Дина Барани. Несмотря на то, что кыпчаки в 1290 г. привели к Рантамбору свое войско и опустошили Уджайн и Мальву, не-тюркские эмиры были уже на стороне халаджей. В 1296 г. к власти пришел Ала ад-Дин Хилджи. Он возглавил походы халаджей на Ауд, Бхалисан, Еликпур. Он уничтожил эмиров-чихильгани и победил монголов. Он даже перешел в контрнаступление против монголов. Увенчались успехом и его походы против индусов. Халаджи завоевали Гуджарат, Мальву, Читор, Сивану, Телингана, Маабара, Фатана. Однако полностью уничтожить чихильгани и тюркских оппонентов не удалось. В 1320 г. после нескольких султанов-халаджей к власти пришел тюрок Гийас ад-Дин Туглак-шах, основатель династии Туглакидов. Ибн Баттута однако считал его монголом-караунасом (Кадырбаев, 2004; Jackson, 2011, p. 108-109; History of India, 1871, p. 40-42, 69-71, 132-151, 235-265, 543-544, 547-551, 599-607, 614-618).

Делийский султанат, подобно султанату мамлюков в Египте, был государством, в котором властью владели тюркские рабы. Кыпчакам пришлось бороться за власть с другими тюрками. Наиболее сильной была вражда с халаджами, а также с карлуками в землях Синда и Пенджаба. Подобно мамлюкско-

му султанату Египта правящие круги разговаривали на тюркском, а государство возглавляли кыпчакские аристократы из клана ольберлик племени йемек. Наиболее сильными правителями были Шамс ад-Дин Ильтутмыш и Гийас ад-Дин Балбан (Улуг-хан Аджам). При них Делийский султанат давал отпор внешним врагам и консолидировал владения мусульман в Индии. В период 1236-1246 гг. власть султанов не была крепкой. Попытка Разийи-хатун ограничить власть эмиров-чихильгани окончилась ее свержением и смертью. Как и в мамлюкском султанате в Египте, в Делийском султанате была сильной власть тюркской аристократии, власть которой султаны старались ограничить, приближая к себе выходцев из других этнических групп и своих родственников.

Литература

1. Асадов М.Ф. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. – Баку: Элм, 1993. – 204 с. http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Ibn_Hassul/frametext.htm
2. Ашрафян К.З. Делийский султанат. – М.: Восточная литература, 1960. – 267 с.
3. Голден П. Тюрки-хазары – гулямы на службе у халифов / Евреи и славяне Т. 16: Хазары. – Москва-Иерусалим: Гешарим-Мосты культуры, 2005. – С. 458-482.
4. Гусейнов Р.А. Огузы, кыпчаки и Азербайджан XI-XII вв. / Проблемы современной тюркологии. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1980. – С. 348-352.
5. Кадырбаев А.Ш. За пределами Великой степи. – Алматы: Демей, 1997. – 198 с.
6. Кадырбаев А.Ш. Тюрки в истории Индии // Alaica. Сборник научных трудов, подготовленных к 70-му юбилею профессора, доктора исторических наук Л.Б. Алаева. – М., 2004. – С. 151-166.
7. Абу-ль-Аббас аль-Макризи. Книга поучений и назидания, [содержащихся] в описании кварталов и памятников [Каира] / Семенова В.В. Салах-ад-Дин и мамлюки в Египте/ – М., 1966. / <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Makrizi/text1.phtml?id=869>
8. Материалы по истории Азербайджана из "Тарих-ал-камиль" ("полного свода истории") Ибн-ал-Асира. – Баку: АзФан, 1940. / http://www.vostlit.info/Texts/rus/Athir_2/text5.phtml?id=7970
9. http://www.vostlit.info/Texts/rus/Athir_2/text6.phtml?id=7971
10. Наджип Э.Н. Тюркский язык Делийского султаната XIV века / Советская тюркология. № 2. – Баку: Элм, 1982. – С. 70-88.
11. http://www.turkology.tk/media/info/Nacip_Turkic_language_of_Delhi_sultanate.pdf
12. Кайрат Саки. Юрта на пирамиде, или о Байбарсе со слов средневековых летописцев / <http://www.kyrgyz.ru/?page=50>
13. Учок Б. Женщины-правительницы в мусульманских государствах. – М.: Наука, 1982. – 176 с. / <http://rikontikhalsivar.narod.ru/Bahrie0.htm>
14. Anooshahr A. The Gazi Sultans and the Frontiers of Islam. A Comparative study of Late Medieval and Early Modern History. – New-York: Roudedge, 2009. – 196 p.
15. Bosworth E. The steppe peoples and Muslim World / The New Cambridge History of Islam. Vol. 3: The Eastern Islamic World Eleventh to Eighteenth Centuries. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – P. 19-77.
16. Brijbhusan J. Sultan Raziya. Her Life and times: a reappraisal. – New Delhi: Manohar, 1990. X. – 165 p.
17. Farooq Ahmed F. The Delhi Sultanate. The Slave Society or Society with Slaves / Pakistan Journal of History and Culture. Vol. XXX. № 1. Islamabad: National Institute of Historical and Cultural Research (Centre of Excellence). – Quad-i Azam University, 2009. – P. 1-24.
18. http://www.nihcr.edu.pk/Latest_English_Journal/The_Delhi_Sultanate.pdf
19. Gabbay A. In Reality a Man: Sultan Iltutmish, his daughter, Raziya, and Gender Ambiguity in Thirteenth Century India / The Journal of Persianate Studies. 4. – Leiden: E.J. Brill, 2011. – P. 45-63. <http://alyssagabbay.com/wp-content/uploads/2011/09/In-Reality-a-Man.pdf>
20. Golden P.B. The Terminology of Slavery and Servitude in Medieval Turkic / Studies on Central Asian History in Honor of Yuri Bregel. – Bloomington: Indiana University, Research Centre of Inner Asian Studies, 2001. – P. 27-56.
21. Hamadani A.H. The Frontier Policy of Delhi Sultanate. – New-Delhi: Mehra Offset Press, 1992. XIV. – 248 p.
22. http://books.google.com.ua/books?id=p6Wyim9sn98C&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false
23. Jackson P. The Delhi Sultanate: A political and Military History. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. XI. – 377 p. / http://books.google.com.ua/books?id=lt2tqOpVRKgC&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false
24. Jackson P. Muslim India: The Delhi Sultanate / The New Cambridge History of Islam. Vol. 3: The Eastern Islamic World Eleventh to Eighteenth Centuries. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – P. 100-127.
25. Erdogan M. Gazneliler Devleti Tarihi. – Ankara: Turk Tarih KurumuYayinlari, 1989. 117 s.
26. Mernissi F. The Forgotten Queens of Islam. – Minneapolis: University of Minnesota Pres, 2006. – 240 p.

27. Prajakti K. Mongol Presence in Northern India under the Delhi Sultanate// PhD. – Cambridge: University of Cambridge, Jesus College, 2010. – 78 p. / http://academia.edu/273905/Mongol_Presence_in_Northern_Hindustan_under_the_Delhi_Sultanate_INDIA_THE_UNREQUITED_MONGOL_EMPIRE
28. Smith J.M. Mongol Armies and Indian Campaigns
29. <http://www.mongolianculture.com/MONGOL-ARMIES.htm>
30. Sriastava A.L. The Sultanate of Delhi 711-1526. – Agra: Shiva Lal Agrava and Company, Agra College, 1929. – XVI, 369 p.
31. <http://www.archive.org/stream/sultanateofdelhi001929mbp#page/n5/mode/2up>
32. Kumar S. When Slaves were Nobles: The Shamsi Bandagan in Early Delhi Sultanate / *Studies in History*. 10.1. 1994. – P. 23-52.
33. http://academia.edu/1266155/_When_Slaves_were_nobles_The_Shamsi_bandagan_in_the_early_Delhi_Sultanate_
34. Kumar S. Service, Status, Slavery in the Delhi Sultanate of the thirteenth and early fourteenth centuries / *Slavery and South Asian History*. – Bloomington-Indianapolis: Indiana University Press, 2006. – P. 83-114. / http://academia.edu/1266239/_Service_Status_and_Military_Slavery_in_the_Delhi_Sultanate_of_the_thirteenth_and_early_fourteenth_centuries_
35. Kumar S. The Ignored Elites: Turks, Mongols and a Persian Secretarial Class in Early Delhi Sultanate / *Modern Asian Studies*. 43. 1. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 45-77. / http://academia.edu/1266257/_The_Ignored_Elites_Turks_Mongols_and_a_Persian_Secretarial_Class_in_the_early_Delhi_Sultanate_
36. *Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammedan Dynasties of Asia, including Hindustan, from 194 [810 A.D.] to A.H. 658 [1260 A.D.] and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam* by Maulana, Minhaj-ud-Din, Abu-'Umar-i-'Usman Jawzani. – London: Gilbert and Rivington, 1881. Vol. 1. – 760 p.
37. *Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammedan Dynasties of Asia, including Hindustan, from 194 [810 A.D.] to A.H. 658 [1260 A.D.] and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam* by Maulana, Minhaj-ud-Din, Abu-'Umar-i-'Usman Jawzani. – London: Gilbert and Rivington, 1881. Vol. 2. – 1296, XXVI, VI p.
38. *The History of India as Told by its Own Historians. The Muhammadan Period*. London: Trubner and co, 8 and 60, Paternoster Eow, 1871. X, 627 p.
39. <http://www.archive.org/stream/cu31924073036737#page/n5/mode/2up>
40. Wink A. *Al-Hind: The Making of the Indo-Islamic World*. Vol. II. *The Slave Kings and the Islamic Conquest 11th -13th centuries*. – Leiden: E.J. Brill, 1997. – 427 p. http://books.google.com.ua/books?id=75FlxDhZWPwC&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false
41. Wink A. *The Early expansion of Islam in India / The New Cambridge History of Islam*. Vol. 3: *The Eastern Islamic World Eleventh to Eighteenth Centuries*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – P. 78-99.

СОДЕРЖАНИЕ ДЕСЯТИЧНОЙ СИСТЕМЫ В ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МОНГОЛЬСКОЙ ЭПОХИ

Большой массив письменных источников, освещающих период монгольских завоеваний, характеризует военную организацию чингизидов как систему, которая была основана на десятичном принципе деления войска и народа (10, 100, 1000, 10 000). Ее функционирование у кочевых народов Евразии уходит в древнейший период истории (О десятичной системе кочевых народов Центральной Азии см.: Кузнецов, 1980, с. 48-53; Barfield, 1981, р. 48-49; Кычанов, 1980, с. 136-148; Кычанов, 1990, с. 18; Кычанов, 1992б, с. 44-67; Кычанов, 1997; Крадин, 2001, с. 208-209, 227-228 и др.). Достаточно четко десятичная модель войсковой организации зафиксирована у сюнну (первая известная кочевая империя – Хунну). При Маодунь-шаньюе десятичная система была распространена на все кочевое население хуннской державы, разверстанной по т. н. крыльевой (дуальной, триальной) структуре – левое, правое крыло и центр.

Как отмечает известный российский кочевниковед Н.Н. Крадин: «Важность «десятичного» принципа заключается в том, что иерархические системы в военном отношении гораздо выгоднее. Они способны гораздо быстрее организоваться из составляющих частей, нежели неиерархические организованные системы, состоящие из того же количества компонентов. Войско, имевшее более организованную структуру (при прочих факторах), обладало значительным тактическим преимуществом в сравнении с войском, не имевшим никакой или худшую военную организацию» (Крадин, 1992, с. 142–143; Крадин, 2001, с. 147, 151, 197, 208-209). И это действительно так.

Реальное бытование (действие на практике) десятичной военной организации в кочевой среде имело свою определенную специфику, которая заключалась в том, что сила владения – улуса (удела) у средневековых монголов «определялся с одной стороны количеством *ayilov*, т.е. кочевых родов, а с другой стороны количеством воинов (*cerig*), которые мог он выставить» (Владимирцов, 1934, с. 101; Кычанов, 1997, с. 198).

В этой связи достаточно трудно однозначно согласиться с мнением некоторых исследователей, которые считают, что формирование монгольской армии шло без учета родовой принадлежности, а исходя из «соображения здравого смысла» путем создания туменных и тысячных подразделений армии из разношерстной массы.

Такое понимание организации войсковых единиц монгольской армии идет от того же Б.Я. Владимирцова и Г.В. Вернадского, которые считают, что комплектование тысячных частей происходило за счет различных по происхождению родов и племен. Назначение, утверждение командиров на новых военных должностях – «тысячники», «темники» – проходило при личном участии Чингизхана и зависело не от социального происхождения, а от личных качеств кандидата (Владимирцов, 1934, с. 109; Вернадский, 1999, с. 121; см. также Кычанов, 1992, с. 71-72; Кычанов, 1997, с. 198; Федоров-Давыдов, 1973, с. 42, 48-49; Трепавлов, 1993, с. 29). При этом это была сознательная военно-организационная политика, направленная на то, чтобы набираемые воинские части стали более привязаны к империи, нежели к племенам и родам, из которых они вышли, традиции, которой восходят к самому Чингизхану. Тем самым значительно снижался фактор «племенного сепаратизма» (Хара-Даван, 1992, с. 89)¹. Определенную роль в преобладании подобного видения у исследователей сыграло то обстоятельство, что Тэмучжин неоднократно был предаваем и покидаем своими же родственниками. Об этом красноречиво свидетельствует «Сокровенное сказание». Надолго запомнив предательство родичей, Чингиз-

¹ Хара-Даван свои выводы основывал на мнении М.И. Иванина, который считал, что «у Чингис-хана, без сомнения, был еще способ для слияния покоряемых им кочевых народов и для ослабления покоренных сильных племен, а именно: при наборе войск делали наряд, назначая из семейств или кибиток по одному, по два человека или более с каждого десятка кибиток, так что из сотни кибиток выставлялись только один или два десятка воинов, из 10.000 кибиток одна или две тысячи. Через что не очень и многочисленные племена могли выставлять тысячу или около того воинов... в тысячные и особенно десяти тысячные отряды поступали люди из нескольких племен. Вероятно, многочисленные племена еще более раздробляли по разным отделам или отрядам войск, через что в этих отрядах не могли составляться племенные союзы для бегства из армии, для заговоров или измены» (Иванин, 1875, с.252).

хан «неизменно старался опираться не на родственников, а на своих нукеров» (Крадин, Скрынникова, 2006, с. 325; см. также Барфилд, 2009, с. 294-303), преданных ему лично.

Негативный опыт, который извлек Чингизхан из-за неустойчивости и переменчивости воинских частей племенных ополчений, побудил его изменить не только политическую организацию монголов, но и, главным образом, реформировать войско. Для того чтобы это осуществить, он должен был разрушить сложившуюся к тому времени племенную структуру в целях сохранения личной власти. Тем самым все политические нововведения, введенные им, были направлены на централизацию и защиту создаваемого автократического государства. Подобные «изменения включали разделение людей на военные образования вместо родовых групп, создание внеплеменных институтов, таких, как *keshig*, предпочтение личных назначений родственникам». Безусловно, эти «инновации» были направлены не только на то, чтобы сделать Монгольскую державу и его лидера более могущественными, но и для того, чтобы уничтожить любую возможность для восстановления старого политического порядка. Это была революция, но не та, что основывается на классах или идеологии. Это была практическая революция, направленная на стабилизацию личной власти Чингис-хана. Реорганизация армии в хорошо дисциплинированные координированные отряды под централизованным командованием исключала возможности мятежа» (Барфилд, 2004, с. 265-266).

Между тем, как нам представляется, формирование военной организации любой армии – это сложное социальное явление и практический процесс, и далеко не все здесь шло по вышеуказанному сценарию, во всяком случае вначале, когда шло создание монгольского войска.

При создании централизованного монгольского государства Чингизхан, как известно, сам определял первоначальный руководящий состав монгольского войска через прямое назначение «тысячников» (выражаясь современным языком, командиров полков) в количестве 95 человек. Например, в «Тайной истории монголов» 1240 г. четко высказано устами монгольского владыки следующее: «Пусть Хорчи ведает не только **тремя тысячами Бааринцев**, но также и пополненными до тьмы **Адаркинцами, Чиносцами, Тоолесами и Теленгутами**, совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашихом». Другой сподвижник монгольского владыки, Онгур, отвечая на его вопрос о награде, которую он заслужил перед государем, сказал: «Если мне дозволено... выбирать, то дозволю мне, **собрать воедино братьев моих Баяутов**, которые разбросаны и разметаны по всем концам». – «Хорошо – изволил он повелеть, – разрешаю тебе собрать твоих братьев Баяутов. **Будь у них тысячником**» [здесь и далее выделено мной А.К.], (Сокровенное сказание, 1990, § 207, с. 104, § 213, с. 107; см. также: Рашид ад-Дин, 1952, Т. 1, Кн. 2, с. 179, 270, 271).

Из «Памятки» Рашид ад-Дина можно узнать, что отдельные «тысячи» монгольского войска были полностью укомплектованы из представителей одного рода или племени. Тысяча из племени ойрат, хотя их было (видимо, изначально) четыре тысячи, подчинялась Кутука-беки. После его подчинения **«все ойратское войско по [установившемся] обычаю утвердили за ним**, а эмирами-тысячниками были те люди, которых он хотел. После него [этими тысячами] ведали его сыновья, которые были побратимами-сватами [андэ-хүдэ]» (Рашид ад-Дин, 1952, Т. 1, Кн. 2, с. 269). Такой же была тысяча бааринцев, возглавляемая Бааритаем-курчи. **«Их [по существу] было десять тысяч**, и [потому] они известны за один туман. Имена их эмиров-тысячких не известны, ибо большая часть тех войск в давние времена была из их племени и таким образом по их обычаю [их] считали за один туман» (Рашид ад-Дин, 1952, Т. 1, Кн. 2, с. 269). Другая тысяча племени баарин под руководством Ная-нойона полностью состояла из них. И «так как он был старшим эмиром, от чистого сердца подчинившимся [Чингиз-хану] и оказавшим похвальные [ему] услуги, то Чингиз-хан **поручил его командованию войска [племени] баарин**. Он назначал эмиров тысяч по своему усмотрению, лишь докладывая [об этом Чингиз-хану]. Всего их было три тысячи» (Рашид ад-Дин, 1952, Т. 1, Кн. 2., с. 272). Двум братьям-тысячникам Кэнтай-нойону и Бучин-нойону, принадлежавшим племени урут (ветвь нирунов), за их чистосердечную службу Чингизхан **«соизволил препоручить им все войско их племени**. Эмирами тысяч [у них] были те лица, которых они [сами] ставили... Всего [их] было четыре тысячи» (Рашид ад-Дин, 1952, Т. 1, Кн. 2, с. 271). Добровольно перешедший под власть Чингизхана Уяр-ваншай («эмир-темник», или точнее «*юань-шуай*» – командующий войском, главнокомандующий) **«стал начальствовать всем кара-хитайским войском в десять тысяч**. В настоящее время его сыновья находятся у каана; они – уважаемые эмиры и сами, по докладе о [своих] тысячах, назначают эмиров» (Рашид ад-Дин, 1952, Т. 1, Кн. 2, с. 273-274).

В числе породненных с домом Чингизхана знатных лиц, носивших престижный титул «*гургэн*» – ханский зять были тысячники, имевшие в подчинении однородный состав своих «тысяч». Такими были – брат матери Чингизхана – Тайджу-гургэн из племени олкунут (олханут) (Рашид ад-Дин, 1952, Т. 1, Кн.2, с. 269).

Чингизхан за добросовестную службу Буту-гургэна передал **«ему все войско, бывшее из племени икирас»**. Он сам определял эмиров тысяч по докладу [о том Чингиз-хану]. Всего войска их было девять тысяч». К этому стоит добавить, что он и сам был из этого племени (Рашид ад-Дин, 1952, Т. 1, Кн. 2, с. 271). Шигу-гургэну из кунгиратов, женатому на дочери Чингизхана, было *выделено «четыре тысячи войска из кунгиратов»*. Причем его потомок Баяудай даже в конце XIII в. обладал правом собственности на это войско и «лично назначал эмиров тысячи» (Рашид ад-Дин, 1952, Т. 1, Кн. 2, с. 273).

Т.Д. Скрынникова считает, что *«только часть военных подразделений Монгольской империи имела смешанное происхождение»* (Крадин, Скрынникова, 2006, с. 325). Возникает вопрос, была ли это «часть» доминирующей в монгольском войске? С ее точки зрения, большинство воинских единиц состояло из разряда прежних сподвижников, а также тех, которые сошлись с Чингизханом позднее и в своей основе имели старые племенные связи (Крадин, Скрынникова, 2006, с. 326). Опираясь на сведения «Сборника летописей», о подробном составе большинства воинских частей левого и правого крыла монгольского войска, она пришла к выводу, «что в 21 случае из 54 тысячные отряды формировались на основе одной и той же племенной группы», а «в 22 случаях посты тысячников наследовали их дети и родственники» (Крадин, Скрынникова, 2006, с. 327). Тем самым имело сочетание племенной и военной организации. На первоначальном этапе, да и в последующий периоды такой «клановый» способ комплектования воинских частей в кочевнических государствах имел место.

Было ли это основной тенденцией, сказать однозначно, естественно, нельзя, но то, что это имело место, несомненно. Впрочем, в том же «Сокровенном сказании» есть также примеры создания воинских «тысяч» за счет представителей разных родов.

Можно считать, что действовало два основных канала становления воинского состава монгольской военной организации. Если брать наиболее крупную военно-организационную единицу – «тумен», более чем вероятно, что он был разноплеменным. Что же касается уровня «тысяч», то их комплектование могло идти как за счет больших племен и родов, могущих выставить тысячные отряды, так и за счет «сотен» разного происхождения. Конечно, случаи намеренного организационного раздробления побежденных и насильственно рекрутируемых в монгольское войско племен и родов были постоянным явлением, но этот процесс не носил тотального (глубокого проникающего) характера и применялся от случая к случаю к враждебным и непокорным кланам. К тому же сам Чингизхан был приверженцем управления своей империи в качестве собственности всего *«Алтан уруга»* – «Золотого рода», родоначальником которого был он сам. И ожидать от него какой-то последовательной и единой политики, направленной на стирание родо-племенных границ внутри подданных – номадов кочевой империи, было бы не совсем правильным. Патриархально-родовое начало Монгольской империи, очевидно, отойти от которого никак не мог ни Чингизхан, ни его преемники². Это же, по всей вероятности, относится и к командному составу монгольских войск. По подсчетам американского кочевниковеда Т. Барфилда из трех категорий монгольских тысячников Чингизхана заметное большинство – 70% – имели отношение к традиционным клановым лидерам (*тусы*) номадов, 20% считались давними сторонниками, получавшими за свои заслуги специальные награды и титулы, и 10% известных военачальников относились к лицам, связанным браками или усыновленным им (Барфилд, 2009, с. 296).

Безусловно, по мере разрастания раннего монгольского государства до уровня мировой империи («*Yeke Mongyol Ulus*») монгольское военно-политическое руководство вследствие расширения транс-континентальных военных кампаний на евразийском континенте и, соответственно, закономерном росте воинских континентов за счет лояльных (союзных), насильственно мобилизованных племен и народов, без сомнения, стало отходить от комплектования вооруженных сил по кланово-родственному принципу, и создание новых «десятков» *“arban”* («арбан»), «сотен» *“jagun”* («джагун»), «тысяч» *“minggan”* («минган») и, конечно, «десятитысячных» *“tümen”* («тумен») отрядов шло за счет разноязычной массы. Источники, как восточные, так и западные, подтверждают такую «интернационализацию» монгольской армии. Более того, такой, так сказать, «военно-организационный замес» в перспективе привел к тому, что в «монгольской» армии численность этнических монголов (если быть точнее, выходцев с территории Центральной Азии и Монголии) не только уменьшилось, но и практически оказалось «рапыленной» среди этой разнородной массы.

² Г.Е. Марков в связи с рассматриваемым вопросом подчеркивал, что у монголов в имперский период «подход к распределению племен по военным отрядам был различен: родственные и дружеские племена целиком составляли тьму или тысячу. Племена непокорные, завоеванные разбивались по сотням и десяткам и распределялись по многим войсковым частям». В то же время в ходе формирования «новой организации войска-народа большое значение сохраняла племенная организация, и главную часть армии составляло племенное ополчение. При этом, однако, в дальних походах, когда войско, объединенное по принципу воинских соединений, надолго отрывалось от своей производственной основы, жило грабежом и взиманием дани, общинно-племенные связи ослабевали, распадались, уступая место новым формам связей и отношений, во многом заимствовавшим порядки, бытовавшие среди покоренных оседлых народов. В связи с этим должны были возникнуть различия в общественной организации монголов, участвовавших в завоевательных походах, и у населения, оставшегося в Монголии» (Марков, 1976, с. 76-77).

Наиболее углубленно эта проблема на золотоордынском материале разобрана в исследовании Г.А. Федорова-Давыдова. Согласно его пониманию, в ходе монгольских завоеваний кочевые племена и рода полностью попадают в зависимость к монголам (чингизидам), при этом трансформируясь уже в новые воинские структуры – «тысячи», «сотни» и «десятки». У самих монголов процесс разложения родо-племенных отношений шел быстрее. Оказавшись среди массы кочевого населения Дешт-и Кыпчака и Восточной Европы, завоеватели стали использовать покоренных в качестве военного материала «для построения улусной системы, создания «сотен», «тысяч» и «туменов», т.е. новых улусов, которые могли быть даны в феодальное владение монгольским царевичам и нойонам. Военный путь создания монгольского государства, где процесс объединения кочевых родов прошел как военное завоевание, порабощение большинства родов одним домом Чингисхана, вызвал бурный процесс ломки старых племенных и родовых отношений и смешение старых границ и членений» (Федоров-Давыдов, 1973, с. 42) и тем самым коренным образом изменил существовавший общественный строй. Эти новые отношения строились на военных началах, т.е. подчинении родов и племен, сгруппированных в десятки, сотни и тысячи. Каждый темник, тысячник, сотник, десятник наделялся таким количеством хозяйств, могущих выставить соответствующий численный воинский состав. «О том, что тысяча или тумен – это не просто количество воинов, а именно такое держание, которое может выставить тысячу или десять тысяч воинов, свидетельствует то, что несмотря на естественный прирост населения и поглощение какой-либо тысячей или туменом других групп, *в течение долгого времени эти подразделения оставались все той же воинской единицей* [выделено мной – А.К.]» (Федоров-Давыдов, 1973, с. 48 и сл.).

По подробным данным знаменитого персидского историка монгольской эпохи Рашид ад-Дина, старший сын Джучи получил четыре тысячи воинов. Вот их состав: «Тысяча Мунгура, бывшего из племени сиджиут. В эпоху Бату он ведал [войском] левой руки. В настоящее время из эмиров Токтая, некто, по имени Черкес, есть один из его сыновей; он идет стезею отца. Тысяча Кингитая Кутан-нойона, бывшего из племени кингит. Его сын, по имени Хуран, который был у царевича Кулчи, из числа старших эмиров этого улуса. Тысяча Хушитая, бывшего из эмиров племени хушин, из числа родичей Боорчинойона. Тысяча Байку, [также] бывшего из племени хушин. Он ведал бараунгаром, т.е. войском правой руки. Этих четырех упомянутых эмиров с четырьмя тысячами войска Чингиз-хан отдал Джучи-хану. В настоящее время большая часть войск Токтая и Баяна есть потомство [насл]; этих четырех тысяч, а что прибавилось [к ним] за последнее время, то – из войск русских, черкесских, кипчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним. [Кроме того], во время междоусобиц среди дальних и близких родичей [ака ва ини] часть также должна была уйти туда [во владения Токтая и Баяна]. И все!» (Рашид ад-Дин, 1952, Т. 1, Кн. 2, с. 274-275; Му'изз ал-ансаб, 2006, с. 39). В разделе «Памятка об эмирах туманов и тысяч и о войсках Чингиз-хана» персидского историка есть сведения о «тысячи» Куки-нойона и Мугэду-Кияна из племени кият, которая, к его временам, точнее к периоду правления золотоордынского хана Токты, также достигала одно тумана войска (Рашид ад-Дин, 1952, Т. 1, Кн. 2, с. 270). Данные монгольские тысячи (их нужно рассматривать как наследственные «фамильные» воинские части), как видно, которые составляли боевое ядро вооруженных сил джучидов, находились в распоряжении Бату и его братьев.

Автор «Истории Вассафа» отмечает, что общая их численность составляла «более одного тумана живого войска», т.е. превышала десять тысяч человек и «находилась под ведением старшего брата Хорду» («Из «Истории Вассафа», 2006, с. 169).

По «Сокровенному сказанию» Джучи досталось при выделении в удел 9 000 юрт (Сокровенное сказание, 1990, § 242, с. 120), что было несколько больше по сравнению с другими наследниками отца.

В.П. Юдин считает, что Бату и Орда-Еджен получили основные воинские контингенты, а при этом остальные джучиды наделялись сотней монгольских юрт-хозяйств из тех 4 000 монгольских воинов. Корни такой традиции восходят к древнетюркскому времени, и «этот институт действовал в Улусе Джучи» (Юдин, 1992, с. 35). По данным С.А. Нефедова, правда, без ссылок на источники и методику исчисления, общее число туменов в Золотой Орде позднее достигало 70 (Нефедов, 2006, с. 115). Входили ли в этот перечень русские княжества, также непонятно.

Насколько глубоко и радикально зашел процесс разрушения старой кланово-родовой системы и социальных отношений в преимущественно кочевой среде, можно судить по тому, что позднее появились в Улусе Джучи (Золотой Орде) новые этнические формирования, отражающие военно-административные деления: «йети-минг» (семь тысяч), «минг» (тысяча), «тили-минг» (?-тысяча), «тубай-туман» (?-десять тысяч), «туман» (десять тысяч), «туман-минг» (букв. 10 000-1000) (Кляшторный, Султанов, 1992, с. 218; Кляшторный, Султанов, 2004, с. 223; История Казахстана, 2001, с. 235).

Более того, самоназвание золотоордынских кочевников стало связываться с именами наиболее выдающихся ханов, например, Узбека – «узбекидан» (букв. «узбекцы, узбековцы»). Так, по-видимому, стало именоваться все воинское сословие Улуса Узбека. Как точно заметил И.Н. Березин, монгольские улусные владения были «более известны в народе» по имени своих владельцев (Березин, 1864, с. 429). На территории Чагатайского улуса после смерти отдельных ханов и царевичей оставшиеся военные отряды сохраняли их имя. Например, «кебекский тюмень», находившийся в районе Балха, по словам персидского автора, «которые теперь с гордостью называют себя собственными людьми Кебека». Присоединившийся к ним улус его противника царевича Йасавура уже при Тимуре известен был как род «*ясавури*» (Аноним Искандара, 1973, с. 115-116; Бартольд, 1968 а, с. 142, 143, 172; см. также Федоров-Давыдов, 1973, с. 48-49).

В традиционном списке 92 узбекских племен *илатийа* постоянно встречаются «военные наименования»: «*минг*» (тысяча), «*юз*», «*джуз*»³ (сто), «*кырк*» (сорок), «*онг*, *онгачит*» (возможно, десять), «*каучин*» (привилегированная часть войска) (Маджму ат-таварих, 2002, с. 228, 231, 233; об ойратских военных названиях в родо-племенной номенклатуре см. Бембеев, 2006, с. 158). В ногайских родо-племенных названиях, приведенных в работе В.В. Трепавлова, есть «*кирк*», «*минг*», «*онгут*», «*юз*» (Трепавлов, 2002, с. 501, 502, 503, 504).

Само понятие «*тумен*» не стояло на месте, а изменялось со временем, в социальном отношении и сближалось по смыслу с терминами «улус» и «иль» (см. подробнее: Федоров-Давыдов, 1973, с. 122-124). Род (клан) продолжал оставаться базовым ядром кочевого общества, выполнявшего все основные экономические, социально-политические и военные функции (Гальперин, 2005, с. 228). Несмотря на все эти перетрубаии и политические модернизации монгольского времени, «родовой быт» кочевников во главе с традиционными лидерами⁴ показал такую гибкую устойчивость и, в конечном итоге, одержал вверх и дожил в некоторых случаях до нашего времени.

По всей вероятности этот процесс применительно к обозначенной нами теме протекал в следующих формах: монголы (сюда можно включать близких им выходцев из центральноазиатских племен) в формируемой ими десятичной структуре армейской организации выполняли или, точнее, занимали командные функции на уровне десятников, сотников, тысячников. На это прямо указывают источники: «Строй свой они [т.е. монголы – А.К.] строят таким образом, что во главе десяти человек стоит один татарин, а над сотней человек один сотник. Это сделано с таким хитрым расчетом, чтобы приходящие разведчики никак не могли укрыться среди них, а если на войне случится как-либо выбыть кому-нибудь из них, чтобы можно было заменить его без промедления, и люди, собранные из разных языков и народов, не могли совершить никакой измены», – сообщает венгерский монах Юлиан (Аннинский, 1940, с. 87). Поэтому этнический состав золотоордынской армии был крайне пестрым, т.к. «природных монголов» было очень мало. Сами монголы через несколько поколений ассимилировались с местными кыпчаками, о чем свидетельствует ставшее хрестоматийным сообщение ал-Умари. Воинские части в Улусе Джучи постоянно пополнялись за счет кочевников Дешт-и Кыпчака и других покоренных народов. Для нас является несомненным, что кыпчаки (в широком смысле тюркоязычные номады) со временем стали основным военно-людским ресурсом золотоордынской армии, разверстаным по всем улусам Джучидов.

Помимо тюрков-кыпчаков источники не раз упоминают отряды, набранные из русских, черкесов, маджаров, асов и др. «У султана этого государства рати Черкесов, Русских и Ясов... Если они обращались к нему с повинованием, подарками и приношениями, то он оставлял их в покое, в противном же случае делал на них грабительские набеги и стеснял их осадами; сколько раз он убивал их мужчин, забирал в плен их жен и детей, уводил их рабами в разные страны» (ал-Умари, 2005, с. 171; Рашид ад-Дин, 1952 Т. 1, Кн. 2, с. 275). Весьма трудно (скорее всего, невозможно) будет подсчитать их количество. Рекрутированные «новобранцы», попадая в военную систему монголов, перенимали набор вооружения, военный костюм, воинскую дисциплину и даже прическу завоевателей, так, что их порой иногда нельзя было отличить от них. Было бы интересно узнать, какой статус в военной иерархии Золотой Орды они занимали? Во всяком случае, военачальники из их числа упоминаются в источниках наравне с остальными командирами (эмирами). Скорее всего, их удельный вес и военное значение менялись в зависимости от внутренней политической ситуации в Золотой Орде и силе патронажно-вассальных отношений с тем или иным правителем.

3 «Числительное *йуз* 'сто', 'сотня', его производные и лексикализовавшиеся словосочетания, возникшие на его базе, равно как и ряд других числительных, довольно активно участвовали в формировании тюркской этнонимии, абстрактной номенклатуры структурно-иерархической терминологии родоплеменной организации тюрко-монгольских объединений, союзов, народов, общественно-политической и военно-административной терминологии» (Юдин, 1992, с. 36-38).

4 Т.Дж. Барфилд справедливо заметил, что, несмотря на «государственноподобность имперских конфедераций» кочевников, «на местном уровне племенная структура оставалась неизменной; властью по-прежнему обладали вожди, которые черпали влияние и силу в поддержке народа, а не в императорских назначениях на должность (Барфилд, 2009, с. 43)».

Таким образом, разноплеменной состав «десятков», «сотен», «тысяч» находился под руководством «настоящих монголов», а они – рядовые воины – принимали общее «общинно-родовое» имя племени (рода), откуда был выходцем их командир. Именно этот «энтропийный» процесс, например, в тюркской кочевой среде (*Дешт-и Кыпчак, Могулистан*) привел к обилию монгольских названий в традиционной тюркской родо-племенной номенклатуре – *барлас, мангыт, баарин, сулдуз, уйшун, меркит, курлаут, хушин, йисут* и т. д.

По Яссе Чингизхана, в передаче Абу-л-Фараджа: «...Да будет поставлен начальник над каждым десятком, сотней, тысячей и тьмой», «для каждого десятка должен назначаться офицер, и для каждой сотни, и офицер для каждой тысячи, и офицер для каждой десяти тысяч» (Вернадский, 1939, с. 54; Вернадский, 1999, с. 110-111; см. также Сокровенное сказание, 1990, с. 85, 100-101, 104, 111). По Плано Карпини Чингизхан «установил также, что их войско должно быть разделено под начальством тысячников, сотников, десятников и тьмы (то есть десять тысяч)» (Плано Карпини, 1957, с. 44). «Также он повелел, чтобы в войске были предводители – десятники, сотники, тысячники и десятидесятники, то есть десять тысяч [воинов] под [началом] одного, что русские имеют обыкновение называть *тьма*» (Ц. де Бридиа, 2002, с. 117). По Винценту де Бове это выглядело так: «над девятью да будет десятый, и над девятнадцатью – двадцатый, и так до тысячи, а также до тысячи тысяч, пока не достигнем бесконечности. До тех пор, наконец, пока не появится один, самый выдающийся, подобный властелину или *каму*, что означает император или царь, который подчинит себе всех под страхом смерти» (цит. по (Юрченко, 2006, с. 46)).

Полноценными воинами по монгольскому военному законодательству могли быть лица, достигшие двадцатилетнего возраста. Общий контекст источников позволяет считать, что установленная сверху донизу военно-вертикальная иерархия монгольского офицерского корпуса: «темник» (*tumen-u pojan* – *тумэн-у ноян*) – «тысячник» (*minggan pojan* – *минган-у ноян*) – «сотник» (*захун-у поян* – *джа'ун-у ноян*) – «десятник» (*хаарбан-у поян* – *харбан-у ноян*) – производилась вышестоящими военачальниками. Назначенные темники, тысячники и сотники получали от хана особое вознаграждение за свою службу – *хуби*, в который входил улус с определенным числом кочевых хозяйств и необходимое для этого содержание пастбища и охотничьи угодья (*нунтуг*). Далее они могли передавать свое звание по наследству (Кычанов, 1992 а, с. 70, 72). В то же время это свидетельствует о признаках воинской службы на регулярной системной основе.

Управление всей этой военной машиной шло по нисходящей линии, когда «нойоны-тысячники, сотники и десятники обязуются довести об этом нашем [т.е. Чингиз-каана – А.К.] указе до всеобщего сведения» (Сокровенное сказание, 1990, § 224, с. 112), где в случае невыполнения приказов вышестоящих командиров следовало суровое наказание независимо от занимаемой должности и звания, вплоть до лишения жизни виновного.

Об этой стороне военной жизни монголов существует всем известное описание, оставленное Плано Карпини в § I его сочинения «О разделении войск»: «Чингис-кан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячиком, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них *тьма*» (Плано Карпини, 1957, с. 49-50).

В повествовании Марко Поло механизм монгольской десятичной системы выглядел так: «когда татарский царь идет на войну, берет он с собою сто тысяч верховых и устраивает такой порядок: ставит он старшину над десятью человеками, другого – над сотнею, иного – над тысячью, а иного – над десятью тысячами; сносится он только с десятью человеками, а старшина над десятью тысячами сносится также с десятью человеками, кто над тысячью поставлен, также с десятью, кто над сотнею, также с десятью. Так-то, как вы слышали, всякий отвечает своему старшине. Когда государь ста тысяч пожелает послать куда-нибудь кого-либо, приказывает он старшине над десятью тысячами, чтобы тот дал ему тысячу, а тот наказывает тысячнику поставить свою часть, тысячник – сотнику, сотник приказывает десятнику, чтобы всякий поставил свою часть тому, кто над десятью тысячами; всякий, сколько ему следует дать, столько и дает. Приказу повинуются лучше, нежели где-либо в свете. Сто тысяч, знайте, называются тут (*тис* – знамя), десять тысяч – *томан*, тысяча... сотня... десяток...» (Марко Поло, 1990, с. 82). Четкость спускаемых сверху приказов и их исполнение было обязательным. Отсюда абсолютная дисциплинированность и внутренний распорядок в монгольской армии находились на высочайшем уровне, все ее микроэлементы и составные части действовали как единый слаженно работающий военно-политический организм с бесперебойной точностью, которую можно было

проверять даже, что называется, «по часам». Чего, к сожалению, не хватает некоторым народам, пытающимся до сих пор создать свою модель государственности...

Все военнообязанное население (прежде всего кочевники) в монгольской империи было приписано к реально существовавшим десяткам – первичным ячейкам военной организации. «Так как все страны и народы находятся под их господством, то они повсюду ввели перепись по установленному образцу и все население поделили на десятки, сотни и тысячи, и установили порядок набора войска» (Джувайни, 2007, с. 20). Человеку, который был зачислен в конкретный десяток, под страхом жесткого наказания запрещалось покидать приписанный ему десяток. «VII. Никто да не уходит из своей тысячи, сотни или десятка, где он был сосчитан. Иначе да будет казнен он сам и начальник той (другой) части, который его принял». В другом варианте: «ни один воин из тысячи, сотни или десятка, в которые он был зачислен, не должен уезжать в другое место; если он сделает это, то будет убит, и также будет с офицером, который принял его» (Вернадский, 1939, с. 54; Вернадский, 1999, с. 111).

В Монгольской империи каждый свободный человек считался воином и должен был принадлежать к определенному десятку (Березин, 1864, с. 429). Насколько долго существовала десятичная система в монгольских улусах-государствах, можно судить по сохранившимся документам конца XIV-XV вв. В ярлыках ханов Золотой Орды начальное обращение к адресатам начинается с отработанной стандартной формулы: «бекам темным, во главе коих Эдеку, тысячным, сотным, десятным»; «Великого Улуса правого крыла левого крыла тьмой, тысячью, сотней, десятком начальствующим угланам и бекам». В оригинале это звучало так: «*Минг юз ун беклярина*» (Березин, 1851, с. 10, 21, 24). Даже намного позднее в ярлыках крымских ханов придерживались этой традиции: «Великой Орды... стотысячникам и десяти тысячникам» (Ярцов, 1848, с. 675).

При всей стройности и четкости такого военно-дробного деления есть сомнения в ее настоящем практическом функционировании в военной обстановке и самое главное впоследствии – в мирное время. Здесь речь идет не столько об изменении состава десятка, сотни и тысячи в силу объективных причин, например, боевые потери, свирепство заразных заболеваний, что было очень часто в средние века. Другой не менее важный вопрос касается фактического состава десятков, сотен, тысяч и тем самым реальной численности монгольской армии. В этой связи вполне уместно мнение такого авторитетного монголоведа, как Б.Я. Владимирцов, который писал, что «не следует забывать также того, что обозначение числовое *отоков* и *туманов* с течением времени могло перестать соответствовать действительности, и у нас в распоряжении много примеров, свидетельствующих о том, как старые названия с числовыми показателями *отоков* или *туманов* жили даже тогда, когда всем было ясно и очевидно несоответствие с действительностью. Возьмем название *Docin Monggol*. Все хорошо знали, что сорока туманов монгольских давно уже не существует, тем не менее название это употребляется еще в XVII в.» (Владимирцов, 1934, с. 157).

Более того, можно сказать, продолжая мысль вышеназванного автора, что десятичная система при всей реальности ее существования была явлением лабильным и весьма изменчивым даже на протяжении не очень большого промежутка времени 1-2 поколений. В то же время существенно осложняет изучение этой проблемы то обстоятельство, что, по мнению, например, монгольского исследователя Ч. Далай, монголы в период правления первых каанов «держали в тайне свою численность» (Далай, 1983, с. 55). На это косвенно указывают также материалы по золотоордынскому войску. Так, многие арабские и персидские авторы при приведении сведений о численности золотоордынской армии – «200 000», «250 000», «300 000», или было отправлено, мобилизовано «30 туменов», «60 туменов» – одновременно оперируют такими понятиями: «так говорят», «рассказывают», «говорят» и т. д., таким образом, передавая вторичные данные, которые, естественно, никем не проверялись. Поэтому доверять этим сведениям или без пояснения оперировать в современных исследовательских работах такими числовыми обозначениями монгольских и золотоордынских войск нельзя. По-видимому, в монгольской военной организации существовали специальные службы, которые с целью сокрытия реальной численности монгольских вооруженных сил занимались специальной дезинформацией своих противников относительно численности и состава их войска. Отсюда искаженное (очень преувеличенное во много раз) как прошлое, так и современное представление о численности монгольских войск.

Как видно, после радикальных военно-политических преобразований, проведенных «Потрясателем Вселенной», «монгольский народ превратился в «правильно организованное войско, в котором старинный родо-племенной принцип организации сменяется милиционно-территориальной системой с правильным делением на десятки, сотни, тысячи и тумены (10 тыс.)», и что самое главное в рассматриваемой мной теме, «**являющиеся одновременно и военно-мобилизационными, и административными единицами**» (Толстов, 1948, с. 290).

Как же в исторической действительности проходила военная мобилизация кочевников в монгольскую армию? Уместно задать вопрос: неужели весь десяток, занесенный в военно-мобилизационные списки, отправлялся в действующую армию? Реально ли все боеспособное (прежде всего мужское) население не только рекрутировать, но и обеспечить его полное материальное снабжение (вооружение, запасные кони, хозяйственно-бытовое обеспечение и т. д.)? Поднятые вопросы требуют адекватно-приемлемого ответа. При ответе на поставленные проблемы уместно обращение к письменным первоисточникам с их многократно доказанной исторической репрезентативностью. Возможно, что интересующая нас информация частично размещена в § 270 «Сокровенного сказания», в котором речь идет о мобилизации и отправке военных сил на помощь знаменитому монгольскому военачальнику Субэдэй-бахадру, проводившему покорение воинственных западных народов Евразии.

Преемник своего великого отца каан Угэдэй издал указ, который гласил: «В отношении всех посылаемых в настоящий поход было повелено: **«Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья-царевичи, которые управляют уделами, так и те, которые таковых в своем ведении не имеют.** Нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники, а также и люди всех состояний, **обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправят на войну и царевны и зятья».** При этом Огодай-хан присовокупил: «Точно так же и настоящее положение, **о посылке на войну старшего из сыновей,** исходит от старшего брата, Чаадая. Старший брат, Чаадай, сообщал мне: царевича Бури должно поставить во главе отрядов из старших сыновей, посылаемых в помощь Субеетаю. **По отправке в поход старших сыновей получится изрядное войско.** Когда же войско будет многочисленно, все воспрянут и будут ходить с высоко поднятой головой. Вражеских же стран там много, и народ там свирепый. Это – такие люди, которые в ярости принимают смерть, бросаясь на собственные мечи. Мечи же у них, сказывают, остры. Вот почему я, Огодай-хан, повсеместно оповещаю о том; чтобы нам, со всею ревностью к слову нашего старшего брата Чаадая, **неукоснительно выслать на войну, старших сыновей.** И вот на основании чего отправляются в поход царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все прочие» (Сокровенное сказание, 1990, с. 138-139).

Из этого текста четко видно, что в известный западный военный поход монголов 1236-1242 гг. были направлены как старшие сыновья царствующего *«Алтан уруга»* чингизидов, а также старшие отпрыски «нойонов-темников, тысячников, сотников и десятников» и простых воинов. Последние, по всей вероятности, уже были включены в существующие военно-мобилизационные реестры и выделялись (направлялись?) от своего «десятка». Это подтверждается китайскими источниками. Угэдэй (видимо, после знаменитого курултая 1235 г.) «предписал племяннику своему Мункэ воевать Западный край, а генералу Тангулу-куциню воевать Корею. **У монголов из каждой десятки один человек** пошел на западную и один на южную войну, т.е. в Россию и Китай; в северном же Китае **с каждых 10 домов – один человек на южную войну и один на войну** против Кореи» (Иакинф, 1996, с. 282). Об этом же сообщает Плато Карпини: «Со всякой земли их державы из десяти человек они посылают троих с их слугами»⁵ (Плато Карпини, 1957, с. 60). Хронологически чуть ранее, в среднеазиатском походе 1219-1224 гг., Чингизхан при отправке войск в Хорасан под командованием Толуя «из **каждых десяти человек он соизволил назначить одного человека при нем»** (Рашид ад-Дин, 1952, Т. 1, Кн. 2, с. 218).

На это в свое время обратил внимание один из первых исследователей военного дела монголов М.И. Иванин: «*В случае набора войск делался наряд по одному, по два и т. д. с десятка*» (Иванин, 1875, с. 27-28).

Исходя из приведенных выше данных, думается, здесь и заложен ответ на первый поставленный мной вопрос и частично на третий. Популярное и довольно распространенное как среди историков, так и в широких кругах общественности мнение о том, что в период военных действий все активное (военно-дееспособное) кочевое население отправлялось на войну, требует не только существенной поправки, но и может быть отвергнуто вообще. Во всяком случае, как мы убедились только что, достоверный исторический материал это опровергает.

При поиске ответа на второй вопрос интересующие нас данные имеются по военному сбору монгольских войск для переднеазиатской военной кампании Хулагу, подробно описанные в «Джами ат-таварих». «После большого курултая... – пишет автор, – Менгу-каан решил **«сверх этих войск, определили, чтобы из всех дружин Чингиз-хана, которые поделили между сыновьями, братьями и племянниками [его], на каждые десять человек выделили бы по два человека, не вошедших в счет, и передали в качестве инджу Хулагу-хану, чтобы они отправились вместе с ним и служили бы здесь. В**

⁵ «В приписке к люксембургской рукописи книги брата Иоанна» говорится: «После того как он был интронизирован в названный день, тотчас была воздвигнута хоругвь и назначен поход на девятнадцать лет против западных народов. Были также избраны воины таким образом, что должны были идти [в поход] из **каждых десяти мужчин трое сильнейших** с женами и детьми, и скотом, и всем имуществом». (Цит. по (Христианский мир, 2002, с. 304)).

силу этого все, назначив [людей] из своих сыновей, родичей и нукеров, отправили их вместе с войском на службу Хулагу-хану. По этой причине в этом царстве всегда были и есть эмиры из ханского рода и из родственников каждого из эмиров Чингиз-хана. Каждого [из них] назначили на наследственное поприще и дело» (Рашид ад-Дин, 1946, Т. III, с. 23; об этом же см. Рашид ад-Дин, 1952, Т. 1, Кн. 2, с. 280).

В другом месте своего труда Рашид ад-Дин также подчеркивает, что «еще при жизни Бату Менгукаан назначил своего третьего брата, Хулагу-хана, с многочисленным войском в Иранскую землю и **определил из войск каждого царевича по два человека с десятка**, дабы они отправились вместе с Хулагу-ханом и стали его помощниками. Орда отправил через Хорезм и Дехистан своего старшего сына Кули с одним туманом войска, а Бату послал через Дербенд Кипчакский Балакана, сына Шейбана, и Тутара, сына Мингадара, сына Бувала, седьмого сына Джучи-хана, чтобы они, прибыв, стали подкреплением войску Хулагу-хана, служили ему» (Рашид ад-Дин, 1960, Т. II, с. 69, см. также с. 81, 120). Из этого отрывка становится понятным, что отбор рекрутов для этого похода проводился по принципу «от десятка по два человека».

Это подтверждается и другими источниками. «Моага-каан приказал, чтобы из всех военных сил, которые на востоке и на западе, из всех десяти лиц два лица пошли. Из царских сыновей одного брата своего юного, которого зовут Сабатай [Субэдэй – А.К.] Аугул, отправил с ним. Из владений Бату – Булгая, сына Сибкана, и Кутара Аугула и Кули с многочисленным войском. Из области Шгати – Токудара, из земли Шишакан-баги, сестры каана – Бука-Тимура с войском» (Бар-Эбрей, 1960, с. 75). Здесь опять обращает на себя внимание, что отправка войск на войну осуществляется по утвержденному правилу: от каждого улуса по одному царевичу.

Такая практика набора войск по принципу «от десятка по два человека» продолжалась и далее. «После того Гулаву-хан приказал собрать по два человека из каждого десятка своих войск⁶ и под предводительством Кит-буги отправил их на Алеппо и Дамаск» (Магакия, 1871, с. 38). При мобилизации вооруженных сил золотоордынской армии Берке «отдал приказание, чтобы все войско, из каждого десятка по 8 человек⁷ село на коней» (Вассаф, 2006, с. 164).

В эпоху Токты: «войско его [Токты – А.К.] было огромное. Говорят, что он (однажды) отрядил из каждого десятка по одному и что отряд достиг 150 000 человек» (ал-Айни, 2005, с. 360), встречается и невероятная численность мобилизованных – «...он (Токта) отрядил против него из каждого десятка по одному человеку и число, отряженных дошло до 250 000. Это, сказал Ну'ман, те, которые вошли в счет и смету сверх набора и добровольцев» (ал-Умари, 2005, с. 178). По летописи Шайха Ал-Бирзали «Войск у него [Токты, – А.К.] было много. Говорят, что произошла война между ним и врагами его, из числа восставших против него, что он из ратей своих отрядил из каждого десятка по одному (человеку), и что число снаряженных достигло 250 000 всадников» (ал-Бирзали, 2005, с. 143; см. также Ибн Касир, 2005, с. 205; ал-Асади, 2005, с. 319).

Войска, выдвигаемые для защиты границ, формировались также по вышеуказанному принципу. Двум братьям-тысячникам из левого крыла общемонгольского войска – Кошакулу и Джусуку, выходцам из племени джаджират, была поручена охрана пограничных рубежей растущей кочевой монгольской державы Чингизхана. Это произошло, «когда взяли страну Хитай и Джурджэ, Чингиз-хан повелел выделить из каждого десятка монголов двух человек. Так как он их нашел удалыми телохранителями [туркак], то отдал им это войско [в числе] трех тысяч, поручив им охрану той границы, и они охраняли ее с тем числом войска. Значение [слова] кошакул следующее: из каждых десяти человек им дали два; «кош» – «оба в паре» (Рашид ад-Дин, 1952, Т. 1, Кн. 2, с. 273). Из цитированного сообщения видно, что даже в имени монгольского военачальника *Кошакула* (вероятно старшего по отношению к брату) отразилась военно-организационная традиция выделения пары воинов от десятка. Причем такая военная практика сохранялась и в Улусе Джучи.

Для того чтобы блокировать выход из горных ущелий Северного Кавказа непокорных северокавказских алан, «из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине, которая простирается между владениями Сартаха, аланами и Железными воротами, отстоящими оттуда на два дневных перехода, где начинается равнина Аркакка» (Рубрук, 1957, с. 181).

6 В примечании К.П. Патканов отметил: «Известно, что при Монголах народ и войско административно разделены были на *десятки, сотни, тысячи* и пр. *Десяток* был основная единица. Из этого десятка, при чрезвычайных случаях, отделялись по два человека, для образования кадра новой армии, предназначенной сделать отдаленный поход, или составить ядро войска нового предводителя. Так, при отправлении Гулаву в Персию Мангу-хан повелел отделить из каждого *десятка* войск Чингизхановых, уже разделенных между братьями, сыновьями и племянниками его, по два человека для образования новой армии для Гулаву» (Магакия, 1871, с. 38).

7 Крайний и весьма экстренный случай массовой мобилизации золотоордынской армии.

Интересно, что в более поздних источниках «*туман*» иногда подразумевал собственно две тысячи человек. Утемиш Хаджи, пересказывая рассказ о деяниях золотоордынского хана Токты, указывал, что «за радостную весть подарил [Токтага-хан] Келин-Байалин **туман в две тысячи** [человек]» (Чингизнаме, 1992, с. 102). В воспоминаниях Бабур есть упоминание об отправке *тумана* численностью от 1 до 2 тысяч воинов (Бабур, 1992, с. 124). По-видимому, это связано с былой военно-организационной традицией выделения из состава десятка 2-3 бойцов. Ясно только, что десятичный принцип был введен ранее, в него было включено все боеспособное (потенциальное?) мужское население, записанное в военно-учетные книги «дафтары».

Теперь становится ясно, что в монгольской военной системе уровень «*десятка*» (низшее звено) был основным в военной вертикальной организации, от которого велся отсчет. Данный «десяток» не только выделял требуемое количество воинов, но и занимался его военным обеспечением (боевые кони, транспортные лошади, вооружение, военное имущество). По словам того же Шейха Ала ад-дина Ну'мана, при отправлении на войну «**каждый всадник... взял с собой двух слуг, 30 голов овец, пять голов коней, два медных котла и телегу для перевозки оружия**» (ал-'Умари, 2005, с. 178).

Отсюда можно предполагать, что «боевой тумен» (первоначально, скорее всего, это была «тысяча») включал в себя от одной до нескольких тысяч тяжеловооруженных всадников (2 000-3 000 полностью экипированных бойцов) и вспомогательных сил, также состоявших из нескольких тысяч (?) человек, которые могли использоваться как легкая конница. В состав тумена также входил огромный обоз: телеги, военное имущество, дополнительное снаряжение, палатки (юрты), запасные, вьючные кони, стада скота для пропитания и обслуживающий (хозяйственный) персонал. Это заставляет нас пересмотреть не только утвердившееся представление о чингизидских и золотоордынских войсках как о сплошной массе только легковооруженной конницы, но и по-новому взглянуть на внутреннюю *специализацию* отдельных частей военной структуры как тумена, так и армии в целом. Достаточно затруднительно будет определить численность и соотношение тяжелой и легкой кавалерии в монгольском (золотоордынском) войске. В данном случае, на мой взгляд, тяжеловооруженные воины, оснащенные тяжелым защитным вооружением (даже если здесь быть очень осторожным при оперировании какими-то данными, все же можно допустить), составляли в среднем 20 – в лучшем случае 30% всего состава тумена, а, следовательно, и всего войска. Такой округленный расчет исходит из установленного выше соотношения о воинском наборе: от каждого «десятка» – 2 человека.

Вполне объяснимо, что воинская повинность распределялась по податному населению не только как обязанность служить в войсках, но и подразумевало уплату как обязательных (обычных), так и экстренных (военных) налогов, приписанных к «десяткам» лиц. О бремени налогов в Золотой Орде пишет ал-'Умари: «Рассказал мне достойнейший господин Низам ад-дин Абу-л-Фада'ил Йахйа, сын ал-Хакима, что для султана этого государства [Кипчака] наложена на всех дань, которая взыскивается с них. Иногда они становятся данью в трудное положение, в год неурожайный, вследствие падежа, приключающегося скоту их, или вследствие [сильного] выпадения снега и утолщения льда. Они продают тогда детей своих для уплаты своей недоимки [податной]. Шариф Шамс ад-дин Мухаммад ал-Хусайни ал-Карбала'и, купец, рассказывал мне в месяце раджебе «единственном» 738 года [23 января – 22 февраля 1338 г.], когда он возвратился из этой страны, которую изъездил при своем путешествии и в которой он, захватив далеко, добрался до Акчакермана и страны Булгарской. Накупил он, сказал он мне, при этом своем путешествии невольников и невольниц от их отцов и матерей, вследствие того, что они нуждались [в деньгах] по случаю данного им царем их повеления выступить в землю Иранскую, и потому были вынуждены продать своих детей. Он увез из них рабов лучших и дорогих» (ал-'Умари, 2005, с. 178).

Понятно также, что весь «десяток» полностью никогда не отправлялся на войну. Случаи т. н. «тотальной мобилизации», видимо, были редки, но, тем не менее, как пишет один из восточных авторов, «когда Берке услышал, что войско Хулавуна уже вторглось в страну, он сделал воззвание к своему войску, чтобы садился на коня всякий, кому 10 лет (и более) от роду. Село народу столько, что не видно было ни начала, ни конца» (Ибн Васил, 2005, с. 84). Такой вариант экстремального сбора военных сил можно считать крайней мерой описываемой действительности. Тем самым следует отметить, что численность тумена (войскового корпуса) могла варьироваться в пределах от 2 до 8 тыс. бойцов. Примерно в среднем в каждом тумене находилось в период боевых действий 5-6 тыс. человек, включая сюда и не боевые (обслуживающие, хозяйственные) части.

Само слово «тумен» – «десять тысяч» было распространено и имело реальное содержание только в монгольскую эпоху и наряду с понятием военной единицы могло означать «*ел*», «*иль*» – племя. В монгольской системе управления тумен считался мелким административно-территориальным окру-

гом, входящим в состав улуса, провинции (вилайет), области. В смысле низшей административной единицы он широко употреблялся в период господства монголов в Средней Азии, Иране (Бартольд, 1968 б, с. 570).

В русских землях внедрение монгольской (имперской) десятичной системы приходится на конец 50-х гг. XIII столетия (приблизительно 1257-1259 гг.). «Тое же зимы приехаши численици, исцетоша всю землю Суждальскую и Рязанскую и Муромскую и ставиша десятники, и сотники, и тысящники и темники и идоша в Ворду, толико не чтоша игуменов, черньцов, попов, клирошан, кто зрит на св. богородицу и на владыку», – горестно констатирует Лаврентьевская летопись (ПСРЛ, 1897, Т. 1, с. 496). «В год 6765 (1257)... была перепись, пришли переписчики и сосчитали всю Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую землю, и поставили десятников, сотников, тысячников, темников, не считали только попов, дьяконов и монахов» (Рогожский летописец, 1999, с. 55). «И учиниша во градах свое тысящники и сотники, иже баскаки назывались» (Лызлов, 1990, с. 29; см. также Сафаргалиев, 1960, с. 51, 95).

Установление десятичного принципа механизма власти монгольской администрации в русских княжествах преследовало две цели: наладить рекрутский набор и упорядочить сбор налогов. Перепись («число») русского населения тем самым давало возможность определить количество набираемых воинов и численность налогоплательщиков. Установление числового разделения на Руси было идентично принципам подразделения в других регионах Монгольской империи. За исключением православного духовенства и новгородских земель, все остальные были разделены на тумены (тьмы, «мириады»), тысячи, сотни и десятки. Каждый уровень десятичной системы исчисления представлял собой военно-финансовый район и административно-территориальную единицу, с которой взималось запланированное количество воинов и налоги. Допустим, «сотня» должна была выставить сто солдат, «десяток» – десять и т. д. По Г.В. Вернадскому, в этот период население района, обязанное поставить десять рекрутов, равнялось 200 человек обоего пола и приблизительно составляло 10 семей по 20 человек в каждой, а тьма в среднем доходила до 200 000. Ему удалось на основе изучения сохранившихся документов установить общее количество тем, устроенных монголами в русских западных и восточных княжествах, – 43. Исходя из того, что население тьмы равнялось примерно 200 000, Г.В. Вернадский считает, что население Руси к 1275 г. варьировалось в пределах 8 600 000 – 10 000 000 человек. Каждая тьма имела свой штат чиновников, занимавшихся вербовкой воинов и сбором налогов и подчинявшихся, минуя местных русских князей, напрямую ханскому правительству в Орде. После переписи русского населения «командиры монгольской регулярной армии были поставлены во главе каждой тьмы и тысячи. У любого из этих командиров был в качестве помощника налоговый инспектор (даруга) соответствующего ранга», они находились во главе каждого района монгольской административно-территориальной системы. Иерархический уровень этих районов был следующий: волость – тысяча, город – сотня, село – десяток (Вернадский, 1999, с. 156, 222-226, 265-266). Насколько долго сохранялась система десятичного исчисления, ее письменное (теоретическое) и практическое соответствие, какие качественные изменения она претерпела со временем в монгольских улусах – вот только небольшой перечень вопросов, связанных с этой проблемой. Видимо, для этого нужно провести отдельное исследование.

Десятичная система, являясь прежде всего военно-регулятивным институтом, охватывала, по сути, все низовые ячейки общества. Цифровые обозначения иерархических уровней, конечно, не всегда равнялись действительной численности воинских подразделений. И этот факт давно отмечен в исследовательской литературе⁸. Это характерно и для более раннего периода кочевых империй Центральной Азии в древности, например, хунну. Так, Н.Н. Крадин, рассматривая соотношение десятичной системы хунну с реальным положением дел в политической иерархии, пришел к выводу, что при обозначении титулов или командных должностей, как «темники», «тысячники», «сотники» и «десятники», придавали военно-административной иерархии хуннского общества достаточно «жесткий характер, чем это было в действительности». Из изученных им источников «следует, что из 24 «темников» только 10 самых крупных военачальников имели в своем подчинении реальные 10 тыс. всадников. Остальные 14 «темников», хотя и обладали таким же рангом, однако во время военных действий командовали меньшим числом всадников. Скорее всего, этот вывод можно распространить на военных предводителей и более низких уровней». Тем самым это «свидетельствует, что стройный на бумаге «десятичный» порядок в реальности таковым не был. Это подтверждается данными и из более поздней истории кочевников евразийских степей» (Крадин, 2001, с. 208].

8 И.Н. Березин при анализе ханских ярлыков в примечании к ярлыкам пишет «4. Туман. Слово принадлежит к разряду монголо-тюркских: служит к выражению собирательного числа «десять тысяч», принимаемого иногда в значении неопределенно-большого числа» (Березин, 1851, с. 24). В другой своей работе этот автор вполне определенно отмечает, что «при этом делении не могла соблюдаться арифметическая точность, и названия эти были более номинальные, нежели действительные» (Березин, 1864, с. 429).

По мнению монгольского исследователя Ч. Далай, понятие «тумэн» («тьма») не было точным выражением «10 тысяч». В данном случае эта единица считалась элементом военно-административной десятичной системы, «установленной в период создания единого монгольского государства». Причем «тумен» мог не ограничиваться 10 тыс. семей и насчитывал больше заявленной цифры (Далай, 1983, с. 57). К тому же принцип подсчета численности в такой военной системе был приблизительным (Першиц, 1994, с. 160).

Так, в Золотой Орде и в Чагатайском государстве «номинально считалось, что с такого тюменя собиралось 10 000 воинов, однако фактически это было всегда, или почти всегда, меньше»⁹; «с тумена как административной единицы почти никогда не собирали полного тумена, т. е. 10 тыс. воинов», «под старым названием — тумен, тысяча, сотня — числились отряды, имевшие фактически иное число воинов. Тумены имели меньше 10 тыс., а кошуны — больше 100 человек» (Греков, Якубовский, 1950, с. 46, 344; Якубовский, 1992, с. 17, 40; см. также применительно к могулам Юдин, 2001, с. 115, 130; к хунну Крадин, 2001, с. 227). Косвенно это подтверждается тем, что в период правления Хубилая в системе «турхах» (гвардейское подразделение) в тысячах могла числиться только половина, т. е. 500 гвардейцев (Кычанов, 1997, с. 196).

Но в то же время можно наблюдать и такое явление, когда номинальная тысяча превышала эту численность в несколько раз. Так, могульская «тысяча [племени] кадак» состояла из 3 тысяч всадников (Аноним Искандера, 1973, с. 122-123). Это говорит о том, что племя «кадак», традиционно выставившее 1 000 воинов, могло мобилизовать намного больше. Одновременно можно отметить, что под «туменами», «тысячами» и «сотнями» в кочевом обществе, по мере ослабления действия десятичной системы, в настоящей действительности выступали конкретные племена и роды, в реальности уже подменявшие эти условные числовые обозначения. Таким образом, несмотря даже на радикальные попытки выдающегося политического лидера самой большой кочевой империи, каким был Чингизхан, сломать родо-племенную систему ему так и не удалось!

М.В. Горелик считает, что, несмотря на то, что в эпоху Чингизхана традиционная племенная система центральноазиатских кочевников была сломана, а ее осколки были раскисированы по монгольским владениям и превратились в территориальные единицы, но на самом деле сформировался компромисс между имперской и племенной системой. Раздробленные на части татаро-монгольские и тюркские племена и племенные союзы перешли на низшие ступени формируемой иерархии и стали вновь племенами и родами в созданных монголами улусах-государствах, сохраняя при этом свое старое название. Одновременно они существовали как отдельные военно-административные единицы, выставляя в зависимости от количества коллектива – сотни, тысячи, десять тысяч (Горелик, 2002, с. 16). Десятичный принцип деления войска и народа, введенный в монгольских улусах, существенно деформировал сложившуюся родо-племенную организацию общества, но окончательно его уничтожить среди кочевников он никак не мог. Возможно, что «хроническая устойчивость» племенного способа социальной организации среди номадов была связано с тем, что она, несмотря на введение порядка военного ранжирования, сверху, продолжала существовать наряду с ней¹⁰, что говорить о ее стабильном воспроизведении в той или иной форме и глубокой укорененности в кочевом обществе.

Как мы отмечали выше, при постановке вопроса, любое серьезное военное предприятие требует необходимого материально-технического снабжения, без которого вообще трудно представить себе проведение активных боевых действий. Поэтому, продолжает Рашид ад-Дин, «когда это назначение было сделано, [Менгу-каан] послал в Хитай гонцов, чтобы доставили **тысячу** китайцев камнеметчиков, огнеметчиков и арбалетчиков. Вперед выслали гонцов, чтобы они на протяжении принятого в расчет перехода войск Хулагу-хана от начала Каракорума до берегов Джейхуна объявили заповедниками все луговья и пастбища и навели прочные мосты на глубоких протоках и реках. Было повелено, чтобы Байджу-нойон и дружины, которые до этого прибыли с Чурмагуном, отправились в Рум и со всех владений на каждого человека приготовили бы для довольствия войск по одному тагару муки и бурдюку вина. Затем царевичи и нойоны, которые были снаряжены, с **ратными тысячами и сотнями двинулись в поход**. Вперед отправили головным отрядом Китбука-нойона, из рода найман,

9 Видимо, такая ситуация являлась характерной для средневековых армий того времени. Объединенное польско-литовское войско, сконцентрированное перед знаменитой Грюнвальдской битвой 1410 г., насчитывало 90 «знамен». В каждом знамени должно было находиться 200 всадников и 800 пехотинцев, но на деле их число доходило до половины этого состава (Барбашев, 1891, с. 58).

10 Н.Н. Крадин в этой связи обратил внимание на то, что у хунну даже «переход к более централизованному, надплеменному состоянию не означал разложения родовых и племенных связей. Традиционная племенная система иерархии всегда сосуществовала с системой военной рангов» (Крадин, 2001, с. 209). Такое же положение было характерно для средневековых монголов, это объясняется тем, что сохранение общинно-племенной организации у кочевников было связано с хозяйственными интересами и экономическими потребностями (см.: Марков, 1976, с. 58, 77-80). Так что и решительные преобразования Чингизхана не смогли уничтожить племенную систему жизнедеятельности кочевого общества, которая «регенерировалась практически сразу после смерти» основателя империи (Крадин, Скрынникова, 2006, с. 327-328).

имевшего чин баурчия, с двенадцатью тысячами человек, и он поспешно устремился вперед» (Рашид ад-Дин, 1946, Т. III, с. 23). Эти сведения коррелируются и другими источниками: «из земель Китая имела тысяча мастеров [военных] машин и метателей нефти» (Бар-Эбрей, 1960, с. 75). Указание на ратные (т. е. боевые «сотни» и «тысячи») косвенно подтверждает наше мнение о том, что в структуре войска существовали какие-то не боевые соединения, выполнявшие другие, например, хозяйственные, транспортно-строительные или иные, функции.

По всей видимости, всеобщей (полной) мобилизации никогда не предпринималось в монгольской военной организации, т. к. помимо отбывания военной повинности военнообязанные платили налоги, исполняли почтовую службу, участвовали в организации охоты, да и просто вели необходимую хозяйственную деятельность, связанную с кочевым скотоводством. Записанные в десятки и сотни воины призывались по мере необходимости вышестоящим (специальным?) военно-мобилизационным управлением (или чиновниками?), которое, как я считаю, отвечало (и) за организацию воинского набора. Как верно заметил Е.И. Кычанов: «Само разделение населения на десятки, сотни, тысячи и тьмы предполагало наличие его учета» (Кычанов, 1997, с. 23).

Главной военно-организационной единицей армии при мобилизации по монгольской военной традиции был тумен (первоначально тысяча), который обычно располагался в пределах территории одного улуса. Не исключено, что их в улусе могло быть несколько. В случае призыва на войну начиная с низших воинских единиц – «десятков» шел армейский набор в среднем от 10 чел. – 1 или реже 2, 3 бойца, собиравшиеся в полусотни, сотни, «*кошуны*», тысячи. Один тумен мог отправить на войну несколько тысяч полностью снаряженных воинов, включая сюда и вспомогательные части. Можно вполне уверенно считать, что тумен – это не просто улусное войско, а параллельно самая большая военно-административная и экономическая (налоговая) единица, которая может оснастить и выставить определенное число военнообязанных, например, как в вышеуказанном случае от конкретного десятка – 1 или 2.

Таким образом, надо различать два понятия: «тумен» – как **административная** (хозяйственно-экономическая) структура и «войсковой тумен» как **армейская** (полевая) единица. Читая источники, действительно, очень затруднительно говорить, о каком количестве («физическом», качественном составе) войск идет речь: или о настоящем (реальном) числе полевых частей, или о туменах, в которых числились мобилизованные. Структурно, по всей вероятности, армейский «тумен» состоял из «тысяч», «сотен», видимо, позднее группировавшихся в боевые подразделения – «*кошуны*», численностью 200-700 всадников (о монгольском слове «*(х)ошун*» более подробно см.: Бартольд, 1968 а, с. 179; Якубовский, 1992, с. 40; Юдин, 2001, с. 129, 130; Алексеев, 2003, с. 65 и др.)). По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, основанному на персидских источниках, этот термин в золотоордынской общественной терминологии появляется в конце XIV в. (Федоров-Давыдов, 1973, с. 113). В широком смысле «*кошун*» – военный отряд численно больший, чем «сотня», но меньше «тысячи» и в источниках под ним понимается нечто неопределенное в числовом значении. Понятно только, что «*кошун*» насчитывал несколько сотен человек и его численность могла меняться со временем. В зависимости от выставленного количества воинов приблизительная численность тумена на войне могло быть в среднем от двух до пяти-шести тысяч бойцов + хозяйственные, вспомогательные части и достигала (весьма условно) 10-тысячного состава. В этой связи, когда говорят о «темниках» – командирах туменов, следует не забывать, что этот титул означал только статус его обладателя, «теоретически» возглавлявшего такое крупное военное подразделение.

Десятичный принцип исчисления войска и народа сохранялся и в постмонгольскую эпоху у могулов (Юдин, 2001, с. 115, 129, 130), ногаев (Трепавлов, 2002, с. 495-499), даштских узбеков (Рузбихан, 1976, с. 90), джунгар (Моисеев, 1991, с. 34), казахов (Кушкумбаев, 2001, с. 29), кыргызов (Абрамзон, 1945, с. 169), Средней Азии XIX в. (Кокандское ханство, 2003, с. 460) и являлся наследием предшествующего монгольского времени.

Десятеричная структура выступала в качестве «сердцевины и скелета» в монгольской военной организации, приводивших в движение весь военно-социальный механизм кочевой империи, и достигла наивысшего развития только в монгольскую эпоху. Причем можно отметить, что ее эффективность возрастала в зависимости от централизации социополитической организации в кочевом обществе, т. е. она была эффективна только в том случае, если была сильна сама власть. В этой связи нельзя согласиться с высказанным в литературе мнением, что монгольская армия не была институтом государства (см.: Крадин, Скрынникова, 2006, с. 506)). Появление военных институтов в обществе и армии как завершающего логического продолжения являлось следствием создания высоко организованного государственного общества.

Тем самым монгольская армия представляла собой по своему составу и внутренней структуре сложный военный механизм, ориентированный на выполнение крупномасштабных военно-стратегических и геополитических задач, и стала действенным фактором военно-политического могущества монгольских императоров. Высокоэффективная десятичная система монгольской армии была одним из основных элементов их военной мощи, которая на долгие века определила военно-организационную структуру тюркских и монгольских кочевников, оказало большое влияние на подвластные им народы. При внимательном ознакомлении с первоисточниками монгольского периода многие устоявшиеся стереотипы и надуманные «ретроспективные штампы» предшествующего времени заставляют не только существенно изменить наше представление о монгольской армии, но и требуют качественной переоценки и создания более адекватного видения происходившего исторического процесса на территории Евразии.

Литература

1. Абрамзон С.М. Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас») / ТИЯЛИ Труды Ин-та языка, лит-ры и истории. – Фрунзе, 1945. Вып. 1. – С. 167-180.
2. Алексеев А.К. Золотоордынские элементы в официальной истории аштарханидских государств в Средней Азии. «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахайр» Махмуда б. Вали (XVII в.) / Дешт-и Кыпчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы международной научно-практической конференции 10 – 11 апреля 2003 г. – М.: МГУ, 2003. – С. 63-65.
3. «Аноним Искандера» / Материалы по истории киргизов и Киргизии. – М.: ГРВЛ «Наука», 1973. Вып. 1. – С. 112-127.
4. «Из летописи Бадр ад-дина ал-Айни» / История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. 1). – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. 1. – С. 349-382.
5. «Из летописи Ибн Шухбы ал-Асади» / История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. 1). – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. 1. – С. 318-323.
6. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. – М.-Л. Издательство АН СССР, 1940. Т. III. – С. 72-112.
7. Бабур-наме. Записки Бабура. 2-е изд. – Ташкент: Главная ред. энциклопедий, 1992. – 464 с.
8. Барбашев А. Витовт. Последние двадцать лет княжения 1410-1430. Очерки литовско-русской истории XV в. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1891. – 349 с.
9. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии / Сочинения. – М.: ГРВЛ Наука, 1968 а. Т. V. – С. 19-192.
10. Бартольд В.В. Туман // Сочинения. – М.: ГРВЛ Наука, 1968 б. Т. V. – С. 570-571.
11. Барфилд Т. Монгольская модель кочевой империи / Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – С. 254-269.
12. Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.). – СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. – 488 с.
13. Бар-Эбрей «Всеобщая История» “Светская история”/ Сирийские источники XII-XIII вв. об Азербайджане. – Баку: АН АзССР, 1960. – С. 53-89.
14. Бембеев В.Ш. Ойраты в империи Чингисхана / Вопросы истории. 2006. № 5. – С. 157-160.
15. Березин И.Н. Тарханские ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея (Введение, перепись, перевод и примечания). – Казань, Типография университета, 1851. – 127 с.
16. Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева / Труды Восточного отделения Археологического общества. – СПб., 1864. Ч. VIII. – С. 387-480.
17. «Из летописи Шайха ал-Бирзали» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. 1). – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. 1. – С. 142-144.
18. «Из «Истории Вассафа». История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т. II). – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. – С. 161-178.
19. «Из сочинения Ибн Василя» / История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. 1). – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. 1. – С. 82-85.
20. Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингис Хана (Григорий Абуль-Фарадж Из Сирийской летописи Григория Абуль-Фараджа) / Вернадский Г.В. Исследования и материалы по истории России и Востока. Пер. В.Ф. Минорского. – Брюссель, 1939. Вып. 1. – С. 33-54.
21. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН, М: АГРАФ, 1999. 480 с.
22. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – 223 с.
23. Гальперин Ч. Дж. Россия и Золотая Орда. Вклад монголов в средневековую русскую историю. Часть II. / История Казахстана в западных источниках XII-XX вв. – Алматы: Санат, 2005. Т. IV. – С. 215-262.

24. Горелик М.В. Армии монголо-татар X-XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. – М.: ООО «Восточный горизонт», 2002. – 84 с.
25. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 473 с.
26. Далай Ч. Монголия в XIII-XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 232 с.
27. Из «Тарих-и джахан-гушай» Джувайни / История Казахстана в персидских источниках. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. Т. V. – С. 9-46.
28. Бичурин Н.Я. (Иакинф). История первых четырех ханов дома Чингисова / Абуль-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков. Иакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. – М.-Т.-Б., 1996. – С. 187-319.
29. Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. – СПб., 1875. – 275 с.
30. История Казахстана и Центральной Азии: Учеб. пособие / Абусейтова М.Х. и др. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 616 с.
31. Джиованни дель Плано Карпини. «История монгалов» / Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. – 270 с.
32. «Из летописи Ибн Кассира» / История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. 1). – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. 1. – С. 203-206.
33. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: «Рауан», 1992. – 375 с.
34. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 368 с.
35. Кокандское ханство по новейшим известиям. / История Средней Азии. Сб. исторических произведений. М.: «Евролинц»-«Русская панорама», 2003.
36. Крадин Н.Н. Кочевые общества: проблемы формационной характеристики. – Владивосток, 1992. – 240 с.
37. Крадин Н.Н. Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. доп. – М.: Логос, 2001. – 312 с.
38. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. – М.: Вост. лит., 2006. – 557 с.
39. Кузнецов В.С. Нурхаци – основатель маньчжурского государства / Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 48-53.
40. Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 172 с.
41. Кычанов Е.И. Монголы в VI – первой половине XII в. / Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. – С. 136-148.
42. Кычанов Е.И. О ранней государственности у киданей / Центральная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 10-24.
43. Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. 2-е изд. с изм. – Алма-Ата: Жалын, 1992 а. – 128 с.
44. Кычанов Е.И. Формы ранней государственности у народов Центральной Азии / Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1992 б. – С. 44-67.
45. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М.: Изд-ая фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1997. – 320 с.
46. ПСРЛ. Летопись по Лаврентьевскому списку. 3-е изд. – СПб., 1897. Т. I. – 534 с.
47. Лызлов А. Скифская история. – М.: Наука, 1990. – 520 с.
48. Маджму ат-таварих / Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. 2-е изд. – Бишкек: 2002. – С. 217-233.
49. (Магакия) Патканов К.П. История монголов инока Магакии. XIII в. Пер. и объяснения К.П. Патканова. – СПб., 1871. I-IX – С. 1-57.
50. Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 319 с.
51. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII-XVIII вв.). – Алма-Ата: Наука, 1991. – 238 с.
52. Му'изз ал-ансаб (Прославляющие генеалогии). / История Казахстана в персидских источниках. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. III. – 672 с.
53. Нефедов С.А. Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации / Вопросы истории. 2006. № 2. – С. 113-123.
54. Першиц А.И. Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы / Война и мир в ранней истории человечества. – М., 1994. В 2-х томах. Т. 2. Ч. 3. – С. 129-244.
55. Книга Марко Поло. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. – Алма-Ата: Наука, 1990. – 352 с.
56. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. I. Кн. 2. – 315 с.
57. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. II. – 253 с.
58. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. III. – 340 с.
59. Рогожский летописец / Тверские летописи. Древнерусские тексты и переводы. – Тверь: Тверское книжно-журнальное изд-во, 1999. – С. 30-60.
60. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. – 270 с.
61. (Рузбихан) Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман наме-йи Бухара. Записки бухарского гостя. – М.: Восточная литература, 1976. – 400 с.

62. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды / Ученые записки Мордовского гос. университета. Вып. IX. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. – 276 с.
63. Сокровенное сказание монголов. – Улан-Удэ: Бурядадай номон хэблэл, 1990. – 318 с.
64. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 328 с.
65. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. – М.: ГРВЛ, 1993. – 168 с.
66. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Изд-кая фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – 752 с.
67. «Из сочинения ибн Фадлаллаха ал-Умари» / История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. 1). – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. 1. – С. 168-189.
68. Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммад Дост. Чингиз-наме / Факсим., пер., транск. текстол. примеч., исслед. В.П. Юдина. – Алма-Ата: Ғылым, 1992. – 296 с.
69. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 180 с.
70. Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV вв. – Алма-Ата: КРАМДС-Ахмед Яссауи, 1992. – 272 с.
71. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. – СПб.: Евразия, 2002. – 478 с.
72. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... / Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транск. текстол. примеч., исслед. В.П. Юдина. – Алма-Ата: Ғылым, 1992. – С. 14-56.
73. Юдин В.П. Могулы / Центральная Азия в XIV-XVIII веках глазами востоковеда. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – С. 96-136.
74. Юрченко А.Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII-XV вв. – СПб.: Евразия, 2006. – 640 с.
75. Якубовский А. Тимур / Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния. – М.: «Гураш», 1992. – С. 5-45.
76. Ярцов Я.О. Ярлыки крымских ханов. Пер. Я.О. Ярцова. / Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса. 1848. Т. 2. Отд. 1. – С. 675-679.
77. Barfield T. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy / Journal of Asian Studies. 1981. Vol. XLI, No. 1. – P. 45-61.
78. Hystoria Tartarorum fratri C. de Bridia. «История тартар» брата Ц. де Бридиа / Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. – СПб.: Евразия, 2002. – С. 75-126.

МОНГОЛЬСКАЯ АРМИЯ В 1206-1259 ГОДАХ

Вопрос о динамике развития монгольской армии, изменении ее численности, командного и этнического состава не раз становился объектом научного изучения, хотя один из этих вопросов, а именно вопрос о командующем составе монгольской армии во времена существования Монгольской империи, почти не рассматривался исследователями.

На данный момент мы имеем три источника, где присутствуют имена и должности различных нойонов и эмиров монгольской армии:

1. Сокровенное сказание монголов. В этом источнике приведены имена 95 нойонов 1206 года, а также имена 10 нойонов из кэшиктинов.

2. Рашид ад-Дин. У него в «Памятке» приведен список эмиров и нойонов разных сыновей и родственников Чингизхана.

3. Муизз ал Ансаб. В 2006 году вышел перевод полного текста Муизз ал Ансаб, где есть списки нойонов и эмиров как самого Чингизхана, так и его детей и потомков.

Вопрос о связи Рашид ад-Дина и Муизз ал Ансаб, а также отношения к ним Сокровенного сказания монголов (в дальнейшем называемое ССМ) не рассматривался исследователями: всегда считалось, что ССМ не было известно широкому кругу читателей в Средней Азии, а Муизз ал Ансаб черпал свои сведения о времени Чингизхана из Рашид ад-Дина.

В этой статье мы намерены рассмотреть следующие вопросы:

1. Насколько списки нойонов-тысячников Чингизхана соответствуют друг другу в ССМ, у Рашид ад-Дина и в Муизз ал Ансаб.

2. Какова племенная принадлежность нойонов Чингизхана.

3. Насколько данные о нойонах-тысячниках в улусах детей Чингизхана соответствуют друг другу в трех источниках.

Согласно Ш. Вохидову, автору нового перевода Муизз ал Ансаб, источниками информации для автора Муизза были:

1. Шуаб-и панджагана Рашид ад-Дина.

2. Генеалогическая история, написанная Хусейном Али-шахом, составленная, по всей вероятности, в годы правления Халил-султана (1405-1409). Рукопись хранится в Музее Топкапы в Стамбуле и до сих пор не введена в научный оборот. Григорьев А.П. считает, что История Хусейна Али-шаха всего лишь альбом Байсункара (автор Хафиз-и Аbru), чьей задачей было соединение в одном месте генеалогий Чингизидов и барласов с целью возвеличить барласов, из которых происходил Тимур и Шахрух (Григорьев, 2009, с. 119). Григорьев считает, что происхождение предков Тимура (а именно Соку-Сичана, отца Карачара) было выдуманно и приближено к предкам Чингизхана (Качули, предок барласов, «брат Кабул-хана», предка Чингизхана). Согласно ССМ, Хачула, предок барласов, был братом Хачи-кулюка, прапрадеда Хабул-хана, таким образом, можно предположить, что Тимур происходил от Качули, но сам Качули отнюдь не был братом Кабул-хана, он был братом его прадеда, а генеалогия Качула из Муизз ал Ансаб всего лишь попытка легитимизировать власть Тимуридов путем приближения их к генеалогии Чингизхана.

3. Данные, собранные автором в 1426-1427 гг.

4. Дополнения, добавленные при правлении Шахруха, Улугбека, Абу Саида, Хусейна Байкары (Муизз, 2006, с. 7).

Во многом Муизз ал Ансаб повторяет данные Рашид ад-Дина, но также автор Муизз ал Ансаба иногда имеет отличные от Рашид ад-Дина данные.

Кроме генеалогий Чингизидов и Тимуридов в Муиззе есть много пометок и примечаний, которые имеют большую научную ценность. Например: У Рашид ад-Дина не указаны дети Бала-нойона джалаира. Согласно Муиззу детьми Бала-нойона были Джучи-Дармала («из-за которого началась война с

тайджиутами») и Джучи-Чарукай (Муизз, 2006, с. 35). Джучи-Дармала был родоначальником Иранских джалаириров, правивших после падения ильханов. Или же количество детей Джучи (а также сведения о женах Джучи) или Тама-Токты, а также об эмирах, переданных Чингизханом своим сыновьям.

Таких мелких отличий Муизза от Рашид ад-Дина довольно много, но мы бы хотелось остановиться на списках нойонов-тысячников.

Памятка Рашид ад-Дина со списком тысячников сыновей Чингизхана, по всей видимости, относилась к периоду начала второй четверти XIII века (Очиров, 2002, с. 166). Также мы вполне можем согласиться с мнением Храпачевского Р.П.: «Важно сразу подчеркнуть неточность терминологии Рашид ад-Дина в составлении данной «Памятки» – он постоянно смешивает “тысячи” как *военно-административные единицы* (т. е. совокупности семей/кибиток, обязанные выставлять 1 000 или более воинов, в зависимости от ранга данной административной единицы), с тысячами – как чисто военными подразделениями, состоящими исключительно из воинов, называя всех их просто «войсками». Поэтому он также не различает контингент, отданный в оперативное подчинение командиру военного подразделения (в китайских источниках иногда такие случаи поясняются выражениями типа «командовал тысячей в военном походе», в отличие от просто «тысячника»), от «тысячи» в качестве военно-административной единицы или удела/тарханства – как некоторого количества кибиток, отданных ханом в собственность или члену ханского рода (в т. ч. хатуням и гургэнам), или особо заслуженному лицу (тархану). Сама же «Памятка» создавалась как исследование самого Рашид ад-Дина на базе ранее собранных коллективов его сотрудников первичных материалов, в основном росписей родов, войск и уделов, которые, как известно, велись монголами в так называемых «коко-дефтер», т. е. «синих тетрадах» (Храпачевский, 2008, с. 84-85).

Вопрос о составлении данных о составе войск Толуя очень интересен. Мы считаем, что эти данные о тысячниках Толуя были записаны до восшествия на престол Угедея. Основанием для этого является сам список войск Толуя. Мы знаем, что:

В год Мыши (1228) в Келуренском Кодеу-арале собрались все полностью: Чаадай, Бату и прочие царевичи Правой руки; Отчигин-нойон, Есунге и прочие царевичилевой руки; Толуй и прочие царевичи Центра; царевны, зятья, нойоны-темники и тысячники. Они подняли на ханство Огодай-хана, которого нарек Чингизхан. Старший его брат Чаадай, возведя своего младшего брата Огодая на ханский престол, вместе с Толуем передал во власть его телохранителей государя и отца своего – кебтеулов, стрельцов и 8 000 турхаутов: «Состоявшую при особе моего родителя и государя тьму собственных его кешиктенов». Точно таким же образом он передал во власть Огодая и Голун улус (удел центра) (Козин, 2006, с. 101).

Также мы знаем состав тумена кэшиктинов:

«Отряд стрельцов пополнить до 1 000 и передать под команду Есунтее».

«Прежний отряд турхаутов, вступивший в службу вместе с чербием Оголе, пополнить до 1 000 и передать под команду чербия Оголе же, из родичей Боорчу. Один тысячного состава полк торхаутов передать под команду Мухалиева родича – Буха; другую тысячу турхаутов передать под команду Алчидая, из родичей Илугая; третью – чербию Додаю; четвертую – чербию Дохолху; пятую – родичу Чжурчедая – Чанаю; шестую – Ахутаю, из родичей Алчи. В седьмой полк, из отборных богатырей, поставить командиром Архай-Хасара. Этому полку быть несменяемым, повседневным полком – гвардии турхаутов. В военное время быть ему передовым отрядом богатырей». Итак, командированные по избранию от тысяч гвардейцы турхауты составили отряд в 8 000. Ночной стражи – кебтеулов, вместе со стрельцами-лучниками, также стало 2 000. И всего – отряд в 10 000 человек – тьма кешиктенов. Чингизхан повелеть соизволил: «Наша личная охрана, усиленная до тьмы кешиктенов, будет в военное время и Главным средним полком» (Козин, 2006, с. 85-86).

Но в списке тысячников Толуя мы видим:

Тысяча Аргай-Касар-нойона, тоже [бывшего] из племени джалаир. Он был старшим братом упомянутого Бала-нойона (Рашид ад-Дин, 1952 (2), с. 268).

Тысяча Есун-Туа-Тарки из племени урянкут; он был младшим братом Есу-Бука-тайши (а также сыном Джелме по ССМ), который был лучником [курчи] (Рашид ад-Дин, 1952 (2), с. 269).

Тысяча Кадан-кабтаула из племени сунит; он начальствовал тысячью кабтаулов (Рашид ад-Дин, 1952 (2), с. 270).

Тысяча Доклоку-Чэрби, бывшего из племени арулат, брата Боорчи-нойона (Рашид ад-Дин, 1952 (2), с. 270). В ССМ Доклоку (Дохолху) имел брата Чжетаю и был из племени мангут, пришел к Чингизхану после откочевки Чингизхана от Чжамухи (Козин, 2006, с. 44).

Тысяча Окэлэ-Чэрби, бывшего из племени сунит (Рашид ад-Дин, 1952 (2), с. 270). В ССМ назван как брат Боорчу. Пришел к Чингизхану после откочевки Чингизхана от Чжамухи. Таким образом, можно сказать, что Рашид ад-Дин, скорее, спутал генеалогии Доклоку и Окэлэ.

Шестой тысячей торхаутов управлял Ахутай из родичей Алчи, мы отождествляем его с Катаем из племени кунгират, двоюродным братом Алчи и Борте (сын Даритая, брата Дай-нойона).

Еще четверо тысячников не указаны в памятке Рашид ад-Дина. Предыдущие шесть тысяч указаны как тысячники Толуя, а так как он передал их с гвардией Угедею при восшествии на престол, таким образом, верхним потолком для составления списка тысячников Толуя был 1228 год.

Ниже мы бы хотели рассмотреть вопрос о соответствии имен тысячников из Рашид ад-Дина и Муизз ал ансаб, так как считается, что Муизз ал ансаб зависит во многом от Рашид ад-Дина. Причем Муизз будет приводиться по двум колонкам: тысячники Чингиз-хана и тысячники Толуя.

Эмиры личной тысячи

Рашид ад-Дин	Муизз о Чингизхане	Муизз о Толуе
Чаган тангут	Уджган тангут	Учган мангут
–	Тудай Дура сунит, начальник личной сотни Чингизхана	–
Ил-Тимур сунит	Ил Тимур сунит, брат Тудай Дуры	Ил Тимур сунит
Юраки дурбан	Туркай дурман,	Йурака, дед Фулад-аги
Улдай джалаир	Йисун-тува татар	Улдакуй джалаир
Албакар кераит	Илмангир кераит	Албакар кераит
Джемал-ходжа, брат Кулан-хатун	Джамал-ходжа, брат Кулан-хатун	Джамал меркит
Кинкиядай	Кинкиядай	Кутулуктай
Есун-Туа татар	Йисун-тува татар (продублирован 2 раза)	Йису-Тува
– (Видимо, Бура тангут, упоминаемый как заместитель Чагана в роли тысячника был сотником этой сотни)	Бура мангут	–

Тут расхождения минимальные и вызваны, скорее всего, ошибками переписчиков и интерпретаторов. Ниже в колонке Муизза, если эмир назван просто эмиром правой или левой руки, но не назван эмиром хазара или эмиром тысячника, мы просто опускаем этот титул.

Эмиры правой руки

Рашид ад-Дин	Муизз о Чингизхане	Муизз о Толуе
Боорчи арулат, старший из эмиров, имел личную тысячу, был темником	Тугунчи арлат, амир ал-умара, эмир тумана.	Букурджи арлат, эмир тысячи
Борагул хушин, заместитель Боорчи, эмир тысячи	Бартун хушин, заместитель Тугунчи	
Джэдай мангут, эмир тысячи	Джидай мангут, великий эмир, в его подчинении все племена курлаву	Джидай бургут, эмир хазара
Кинкиядай олконут, эмир тысячи	Кингиядай алканут, эмир хазара	
Тулун-черби хонхотан, сын Мунлика, эмир тысячи	Тулуй-черби кункитан, эмир хазара	Тулун-черби кункитан, эмир тысячи
Сукэту-черби хонхотан, брат Тулун-черби, эмир тысячи	Тулун-черби кункитан, эмир хазара	Сукату-черби кункитан, эмир тысячи
Бала джалаир, эмир тысячи	Бала джалаир	Бала джалаир, эмир тысячи
Аргай-Хасар джалаир, брат Бала-нойона, эмир тысячи	Аргай-Хасар джалаир	Аргай джалаир, эмир тысячи
Тогорил сулдус, родич Шидун-нойона, эмир тысячи	Тугрул сулдус, эмир хазара	Тугрил сулдус, эмир тысячи

Шидун сулдус, эмир тысячи	Шадун сулдус, сын Джалау-хана, великий эмир	Шидун сулдус, эмир тысячи
Шики-Кутуку татар, эмир тысячи	Кутуку татар	Кули татар, почтенный эмир в эпоху Чингизхана
Дуйсукэ дурбан, эмир тысячи	Дусуке дурбан, эмир хазара	Дусука дурбан, эмир тысячи
Мункал-Туркан барин, эмир тысячи	Манкур-кураган барин	Манкагал кураган, эмир тысячи
Кутука-беки ойрат, эмир четырех тысяч	Курика-бегим уйрат, эмир хазара (этот хазара состоял из 4 тысяч воинов)	Кутука бигим уйрат, великий эмир тысячи
Баритай Курчи барин, эмир десяти тысяч	Баритай Курчи барин, эмир хазара	Нарастай Курчи барин, эмир тысячи
Балуган барлас, эмир тысячи	Балуган барлас	Балуган-калджа барлас, эмир тысячи
Мукур-Куран хадаркин-кият, эмир тысячи	Мукар Куран хадаркин	Булур-казак хадаркин, эмир тысячи
Тайджу олконут, брат матери Чингизхана, женат на дочери Чингизхана Алталукан, известен также как Джаур-сэцэн, эмир тысячи	Тайджу улкунут	Тайджу улкунут, эмир тысячи
Есун-Туа урянкут, младший брат Есу-Бука эмира тысячи лучников (курчи), отец Арука и Бука, эмир тысячи	Йису-Бука-Таракай урянкут, эмир личного хазара.	Йису-Тува-Таракай урянкут, эмир тысячи
–	Йисун-Тухай и Нарин, урянкуты, первый из них занял место отца	Иису-Бука-мали урянкут, эмир тысячи
Кадан сунит, эмир тысячи кабтаулов	Кадан сунит	Кадан сунит, эмир тысячи кабтаулов
Мунлик хонхотан, эмир тысячи	Менклик кукнат, великий эмир.	Мунлик кункитан, эмир тысячи
Ай-Бука (Алакуш, Шенгуй) онгут, эмир четырех тысяч	Илсука улангут	Абукай, Алакус, Текин, Сукуй инкираты, эмиры тысячи, количество воинов – 4 тысячи
Куки и Мугэду кияты, эмиры тысячи	Куки кият, эмир хазара (этот хазара состоял из одного тумена)	Куку и Кулду
	Курчи барин (Возможно дублируется. См. Баритай-Курчи)	
	Бурагун хушин (Возможно дублируется. См. Бартун хушин)	
	Такай, брат Бала-нойона джалаир	

Эмиры левой руки

Рашид ад-Дин	Муизз о Чингизхане	Муизз о Толуе
Мукали джалаир, эмир трех тысяч	Мукали джалаир, резерв войск левого крыла принадлежал ему. Он также продублирован среди эмиров, которые не входили в крылья, где ему подчиняется тумен урянкут	Мукали джалаир, эмир тысячи
Есу-Бука урянкат, сын Джелме, эмир тысячи	Васачи урянкат, эмир хазара	–
Кэхтай и Бучин уруты, эмиры четырех тысяч	Кихтай урут	Кехтай и Буджир уруты
Буту-гурген икирас, эмир девяти тысяч	Куту-гурген инкират	Куке-гурген инкират, эмир хазара

Екэ-Кутукут татар, эмир тысячи	Йаке-Кутуку татар, эмир хазара	Ика-Кутуку татар, эмир тысячи
Алчи, Хуку, Катай, Букур, Такудар, Шунгур кунгираты, эмиры пяти тысяч	Алчи, Кусу, Такудар, Дай, Даритай кунгираты (написаны по отдельности). Алчи – эмир хазара	Илчи, Хуку, эмиры тысячников, Войско состояло из 5 тысяч.
	Тагараджи джалаир	–
	Бака	–
	Така, эмир правого крыла, в дальнейшем эмир тумана	–
Хуилдар мангут, эмир тысячи	Куйулдар мангут	Куйулдар мангут, эмир тысячи
Ная барин, эмир трех тысяч	Улада барин, великий эмир	Йайа барин, эмир тысячи
Суту хонхотан, сын Мунлика, эмир тысячи	Субу катаган	Суту кункитан, эмир тысячи
Джалаиртай-Есур джалаир, эмир тысячи	Джалаиртай Йису джалаир, великий эмир	Джалаиртай-Есудар джалаир, эмир тысячи
Онгур баяут, эмир тысячи	Тукса-кураган баяут, уважаемый эмир хазара	Унгур баявут
Укай и Байджу джалаиры, эмиры тысячи	Укай и Карачу джалаиры	–
Субэдай урянкат, эмир тысячи	Субатай урянкут	Субудай урянкут, эмир тысячи
Доклоку-черби арулат, эмир тысячи	Тукунгу-черби арлат, эмир хазара	Дулкуй арулат, эмир тысячи
Удачи хоин урянкат, эмир тысячи	Урубаджи урянкут, эмир хазара	Удаджи хушин урянкат, эмир тысячи
Бельгутэй, брат Чингизхана, эмир тысячи	Манкутай, брат Чингизхана	Бельгутэй, брат Чингизхана, эмир тысячи
Шикун-гурген кунгират, эмир четырех тысяч	Есукай-кураган кунгират, командовал четырьмя тысячами	Шилукур кунграт, эмир тысячи
Укар и Кудус барины, эмиры тысячи	Укар и Кудус барины, великие эмиры	Укай и Куддус барины, эмир тысячи
Окэлэ-черби сунит, эмир тысячи	Аджила-черби сунит	Уджике-черби сунит, эмир тысячи
Темудер сунит, эмир тысячи	Есударсай сунит	Йисудар сунит, эмир тысячи
Дайсун, брат Мукали джалаир, вместе с родичем был эмиром двух тысяч	Тайун (Тайшун), брат Мукули, эмир хазара	–
Кошакул и Джусук джаджираты, эмиры трех тысяч	Кашаул и Джусук дурбаны	Кушавул и Джусук джаджираты, эмиры хазара
Мунке-калджа мангут, эмир тысячи	Мунка-калджа мангут	Мунка-калджа арулат, эмир тысячи
Уяр-ваншай каракитай, эмир 10 тысяч каракитаев	Уяр-ваншай каракитай, эмир хазара численностью 10 тысяч	Уяр ваншай китай, эмир тысячи
Туган ваншай джурджэнь, эмир 10 тысяч чжурчженей	Туган ваншай джурджа, эмир тысячник, командовал туменом джурджэней и всем их войском	Туган ваншай джурджа, эмир тысячи

Эмиры, не принадлежавшие к крыльям

Муизз о Чингизхане	Муизз о Толуе
Йеке-Йисудар куралас, эмир тумана	–
Улдавур джалаир, эмир четырех тысяч	–
Ачмур, кунграт (Дарке-кураган), муж Тумалун, дочери Чингизхана, эмир четырех тысяч в Тумате.	–
Куйду кирайит, эмир хазара	–

Таким образом, согласно Рашид ад-Дину монгольское войско во времена Чингизхана составляло в правом крыле 38 тысяч (если по Боорчу считается, что он командовал тысячей, а не туменом), в левом крыле по подсчетам Рашид ад-Дина было 62 тысячи, а при подсчете ручным способом получается 68 тысяч.

При подсчете войск в Муиззе мы не считали войска тех, кто указан с титулом эмир правой или левой руки. Согласно Муиззу монгольское войско во времена Чингизхана составляло в правом крыле 1 тумен, 7 хазара, 1 хазара, состоящий из 4 тысяч, и 1 хазара, состоящий из 10 тысяч. В левом крыле было 7 хазара, 4 тысячи и 2 тумена каракитаев и джурдженей + резерв Мукули, который в другом отрывке звучит как тумен урянхайцев.

Согласно Муиззу монгольское войско Толуя во времена после смерти Чингизхана составляло в правом крыле 22 тысячи и 1 хазара, который был передан Толуя еще во время раздела войск. В левом крыле у Толуя было 22 тысячи и два хазара.

Здесь мы подходим к вопросу, чем отличались эмир хазара и эмир тысячника. По нашему мнению, хазара были теми же тысячами (должны были выставлять тысячу человек), но они являлись также и племенем, где все его члены были единого происхождения. В то время как простые тысячи были в большинстве своем сборными тысячами из разных покоренных племен. Вряд ли составитель Муизз ал ансаб мог догадываться об этом нюансе, но то, что он проводил разницу между эмиром руки, эмиром хазара и эмиром тысячника показывает, что данный текст был просто списан из первоисточника без корректировки, в то время как у Рашид ад-Дина все эмиры разного ранга стали эмирами-тысячниками.

В общем, можно тут считать количество войск у Чингизхана путем механического сложения всех эмиров с известными их войсками, но тут возникают два варианта:

1. В Муиззе проведена разница между эмиром руки, эмиром хазара и эмиром тысячника, вполне возможно, что эмир правой и левой руки мог не иметь тысячу, но быть просто советником или членом штаба. Тогда получается, что Рашид ад-Дин допустил ошибку, приравняв всех эмиров к тысячникам. В этом случае стоит опустить расчеты на основе Рашид ад-Дина. Но и считать на основе Муизза будет ошибочно, ведь там приведено слишком малое количество войск, а именно 92 тысячи (31 с правого крыла, 21 тысяча и 2 тумена союзников с левого крыла, 20 тысяч центра и эмиров, не входящих в крылья).

2. В Муизз ал ансаб у большинства эмиров нет тысяч или хазара, в то время как у Рашид ад-Дина все перечисленные эмиры-тысячники. Таким образом, если считать, что каждый эмир – это тысячник, то тут стоит опираться как на данные Муизза, так и на данные Рашид ад-Дина.

При подсчете количества монгольской армии времен Чингизхана и армии его сына Толуя, большую часть которой он получил после смерти Чингизхана, мы будем использовать следующие инструкции:

1. Под тысячей Рашид ад-Дин мог понимать как сборную тысячу, так и хазара.

2. Хазара отличалась от сборной тысячи своим однородным составом и принадлежностью к одному племени.

3. Хазара зачастую мог выставить войск гораздо больше, чем тысяча, что отражено в списке Рашид ад-Дина, поэтому такие войска можно будет называть как хазара.

4. Кроме того, были также войска Тама, или Ляшкар-тама, которые выделялись из монгольского войска и отправлялись в определенную область. Такими были войска Чурмагуна в Иране, войска Субэ-дэя и Кокшоя в Дешт-и Кыпчаке, войска Дaira и Сали-нойона в Кашмире. Но до смерти Чингизхана их количество было минимальным.

В общем, говоря о правом крыле монгольской армии, на основе Рашид ад-Дина и Муизза можно сказать, что туда входили личная тысяча Боорчи, сам Боорчи командовал туменом и вообще всем крылом, хазара из 4 тысяч онгутов, хазара из четырех тысяч ойратов, хазара Хорчи из 10 тысяч бааринов, хазара Джидай мангута, состоящая из племени курлеут (численность не известна), хазара Куки кията, чьи потомки проживали в Золотой орде у Токты и составляли один тумен войска. Также туда входили 6 хазара, численность которых была по 1 000 воинов и 7 других тысяч + тысяча гвардии торгоутов Архай-Хасара, тысяча кабтаулов Кадана, которые входили в состав кэшиктинов. По нашему мнению, Шики-Хутуху не имел своей тысячи, а Мунлик имел ту же тысячу, что и один из его сыновей, после него тысяча перешла к одному из его сыновей или внуков. Итого можно получить численность левого крыла как 36 тысяч воинов.

В общем, говоря о левом крыле монгольской армии, на основе Рашид ад-Дина и Муизза можно сказать, что туда входили хазара Кэтая урута (4 тысячи), хазара Буту икираса (9 тысяч), хазара Алчи кунграта (5 тысяч), хазара Ная барина (3 тысячи), хазара Шику кунграта (4 тысячи), Хазара Дайсуна

джалаира (2 тысячи), хазара Бельгутэя (3 тысячи)¹, 5 разных хазара (по 1 000 воинов), 9 тысяч + 20 000 союзников китаев и джурдженей (по тумену), + войска тама Кошакула и Джусука для охраны границ (3 тысячи), резерв Мукули, который по тексту ниже был равен тумену урянхайцев. Итого можно получить численность левого крыла как 76 тысяч воинов (с учетом союзных 2 туменов).

Плюс к этому можно добавить 19 тысяч, не принадлежавших крыльям и личную тысячу Чагана тангута.

В итоге можно сказать, что до смерти Чингизхана монгольская армия насчитывала около 112 тысяч человек вместе с 20 тысячами союзников (китаи и джурджени) + войска, оставленные в улусах для охраны самих улусов.

Сопоставив эти части из Рашид ад-Дина и Муизз ал Ансаб, мы можем резюмировать, что по содержанию эти два произведения близки, но в то же время стоит отметить, что Муизз более подробен в некоторых частях. З.В. Тоган это сходство объяснял тем, что автор Муизз ал Ансаб заимствовал многое из труда Рашид ад-Дина (Тоган, 1962, р. 68-69). Широ Андо поддержал эту гипотезу (Ando, 1992, р. 6-13).

Одно из отличий Рашид ад-Дина и Муизз ал ансаб заключается в следующем: Курмагу (в ССМ он назван как Гирмау), сын Хутулы-хагана, назван «автором Тубчана». По генеалогии он является двоюродным братом Есугея и братом Алтана и Джучи. По устному предложению Н. Базылхана, высказанному Вохидову Ш. (автор перевода Муизз ал Ансаб), возможно, именно Курмагу является автором Сокровенного сказания монголов (Муизз, 2006, с. 27).

Говоря о связи Рашид ад-Дина с монгольскими летописями, хотелось бы упомянуть то, что и Рашид ад-Дин и Юань Ши восходят к Алтын Дептер (Золотая книга), официальной истории чингизидов, монгольский текст которой не сохранился (Рашид ад-Дин, 1952, с. 25).

Интересным является вопрос о том, почему у Рашид ад-Дина отсутствует имя Гирмау (или Курмагу), автора Тубчана. Конечно, можно предположить, что автор Муизз ал Ансаб почерпнул большинство своих сведений из Рашид ад-Дина, а про Гирмау узнал каким-то образом, но более оптимальной является версия о том, что оба источника (Рашид ад-Дин и Муизз ал Ансаб) не зависели друг от друга и были скомпилированы с монгольского текста Алтын Дептер, этим объясняется, почему Муизз, который был написан на 110 лет позже Рашид ад-Дина, более точен и подробен в большинстве случаев, касающихся генеалогий потомков и родственников Чингизхана и списков нойонов. К тому же, скорее всего, только Алтын Дептер мог быть источником знаний для Муизз ал Ансаб об авторе «Тубчана», причем автор Муизз ал Ансаб переписал данную ремарку просто механически, не особо разбираясь, что за Тубчан имелся в виду. Очень трудно представить себе, что в 1427 году персидский автор мог очень хорошо знать, что такое Тубчан и кто его автор.

К тому же надо учитывать, что Рашид ад-Дин, пользуясь различными данными, был прочингизидски настроен. Переводя Алтын Дептер на персидский язык, он мог сознательно опустить имя автора Тубчана, а также исказить некоторые его рассказы из нейтрального повествования в прочингизхановское повествование, некоторые из похожих эпизодов из ССМ и Рашид ад-Дина разобраны Гумилевым Л.Н. (Гумилев, 1997, с. 313-328). Интересно отметить некоторые прямые заимствования Рашид ад-Дина из ССМ (Вауани, 1976, р. 202, 207; Успенский, 1993, с. 192)

Таким образом, на основе краткого сообщения Муизз ал Ансаба мы можем предположить, что ССМ было записано со слов Курмагу, который к 1240 году уже действительно был очень стар. Стоит принять во внимание, что он был двоюродным дядей Чингизхана и как минимум его ровесником. Этим можно объяснить такой перекосяк в повествовании автора ССМ, когда большинство произведения посвящено периоду до рождения Чингизхана, его детству, взрослению и становлению, а период после смерти Чингизхана очень скомкан и противоречив. На момент смерти Чингизхана, автор ССМ (его двоюродный дядя Курмаги) уже был глубоким стариком, что подметил Гумилев Л.Н. (Гумилев, 1997, с. 312). Гумилев Л.Н. отмечал, что очень странным является отсутствие упоминаний о Елюй Чуцае. Это он объяснял ветеранским настроем автора ССМ. Мы же считаем, что такой протестный настрой ССМ вызван политикой по возвеличиванию Чингизхана после его смерти. Курмаги, его двоюродный дядя, видевший, как юный Темуджин бегал в колодке от юрты к юрте и помнивший все шаги Темуджина к Олимпу власти, хотел рассказать правдивую историю Чингизхана, со всеми его недостатками и достоинствами.

На основе сравнительного анализа Рашид ад-Дина и Муизз ал ансаб можно утверждать:

1. Вполне возможно, что автор Муизза был знаком с работой Рашид ад-Дина, но в основе генеалогических таблиц и списков нойонов, а также примечаний был использован другой источник. Муизз

¹ Равенство 1 юрта 2 воина обосновано в статье (Сабитов, 2010, с. 63)

ал Ансаб в своей первой части не зависит от Рашид ад-Дина, а вместе с ним восходит к Алтын Дептер. Причем если Рашид ад-Дин цензурировал Алтын Дептер, убирая негативные моменты с точки зрения ильханов, то автор Муизз ал Ансаб такого редактирования не проводил, так как вся его деятельность была направлена на легитимацию тимуридов, и поэтому данные о Чингизхане и чингизидах из Алтын Дептер являются аутентичными.

2. Слова автора Муизз ал Ансаб о том, что Курмагу (в ССМ он назван как Гирмау), сын Хутулы-хагана, «автор Тупчана» можно интерпретировать так: Курмагу был автором Сокровенного сказания монголов (Монгол-Ун Ниуча Тобчаан). Тогда объясняется такое детальное знание жизни Чингизхана, ведь Курмагу был двоюродным дядей Чингизхана и стал его сторонником, скорее всего, вместе со своим братом Джочи в составе десятого куреня: «Джочи-хан, сын Кутула-хана, который был дядей Чингизхана. Его подчиненные [атба'] и приверженцы [ашйа'] заодно все были с ним» (Рашид ад-Дин, 1952, с. 88). Безусловно, часть содержания ССМ было известно в Западной части монгольской империи через Алтын Дептер, который стал основой для таких сочинений, как Муизз ал Ансаб и сборник летописей Рашид ад-Дина.

Безусловно, Муизз ал Ансаб является уникальным источником по генеалогии чингизидов и истории Монгольской империи. В будущем исследование этого источника монголоведами может открыть много новых фактов касательно генеалогий монгольской знати (нойонов-тысячников и чингизидов).

Для понимания генеалогий тысячников из ССМ очень важен отрывок из ССМ, который мы также проверили с помощью Алтан тобчи, в котором этот отрывок звучит немного по-другому (в скобках будет написано прочтение Алтан тобчи):

«Проехали без сна всю ночь. Рассвело. Осмотрелись – и видим, что к нам подошли следующие племена: из Чжалаиров – три брата Тохурауны: Хачиун-Тохураун, Харахай-Тохураун и Харалдай-Тохураун. Тархудский Хадаан-Далдурхан с братьями, всего пять Тархудов. Сын Мунгету-Кияна-Унгур со своими Чаншиутами и Баяудцами. Из племени Барулас – Хубилай-Худус (Хубилай и Худуг) с братьями. Из племени Манхунд – братья Чжетаи и Дохолху-черби. Из племени Арулад выделился и пришел к своему брату, Боорчу, младший его брат, Огелен-черби. Из племени Урянхан выделился и пришел к своему брату, Чжельме, младший его брат, Чаурхан-Субеетай-Баатур (вполне возможно, это два брата Чжельме). Из племени Бесуд пришли братья Дегай и Кучугур. Пришли также и принадлежавшие Тайчиудцам люди из племени Сульдус, а именно Чильгутаи-Таки (Чильгүтэй, Тагай, Тайджигудай) со своими братьями. Еще из Чжалаиров: Сеце-Домох и Архай-Хасар-Бала со своими сыновьями (сыновья Ширы Домога Архай и Хасар Бала). Из племени Хонхотан – Суйкету-черби. Из племени Сукеген – Сукегай-Чжаун, сын Чжегай-Хонгодора. Неудаец Цахаан-Ува. Из племени Олхонут-Кингиядай. Из племени Горлос – Се-чиур. Из племени Дорбен-Мочи-Бедуун. Из племени Икирес – Буту, который состоял здесь в зятьях. Из племени Ноякин – Чжунсо. Из племени Оронар – Харачар со своими сыновьями (из орохоров Джиргухан, от барлагов пришли Гоа Сэцэн и Харачар). Кроме того, прибыли одним куреней и Бааринцы: старец Хорчи-Усун (Хорчи, Усун-эбуген) и Коко-Цос со своими Менен-Бааринцами» (Козин, 2006, с. 44). Большинство из этих первых сподвижников Чингизхана станет в будущем его тысячниками.

Имена тысячников из ССМ даны без племенной принадлежности и описаний, поэтому идентификация некоторых из них будет затруднительна:

Для сравнительного анализа трех источников мы должны сначала попытаться идентифицировать тысячников Чингизхана 1206 года. Приведем список тысячников из ССМ с нашими комментариями, причем помимо списка ССМ мы будем упоминать тех тысячников, кто зафиксирован у Рашид ад-Дина и в Муизз ал ансаб:

Племя Хонхотан:

1. Мунлик, сын Чарахая, из племени хонхотан, был женат на Оэлун, матери Чингизхана. Согласно ССМ имел семерых сыновей. Тэб-Тэнгри Кокочу был убит по приказу Чингизхана. Суту, который назван у Рашид ад-Дина тысячником, в ССМ таким еще не является. Его два сына в списке 1206 года были тысячниками (у Рашид ад-Дина Тулун-черби, Сукэту-черби, Суту вместе с отцом названы тысячниками, вполне возможно, что впоследствии Суту унаследовал тысячу от Мунлика):

12. Толоан (Тулун-черби), сын Мунлика.

30. Суйкэту (Сукэту-черби). Прибыл к Чингизхану после откочевки от Джамухи. Сын Мунлика.

36. Даир. В ССМ не указана его племенная принадлежность, у Рашид ад-Дина: тысяча Дайра, бывшего из племени конкотан, из рода Мунлик-эчигэ (Рашид ад-Дин, 1952 (2), с. 276). Согласно Муиззу был передан Чингизханом Угедею (Муизз, 2006, с. 58). Согласно Рашид ад-Дину был передан Чагатаю (Рашид ад-Дин, 1952, с. 168).

Племя Арулад:

2. Боорчу, сын Наху-Баяна. Первый сподвижник Чингизхана, сын Наху Баяна. Имел брата Окэлэ-черби. Его племянник (сын по брату): знаменитый по Западному походу Бурултай. Его не стоит путать с Бурундаем киятом, аталыком Шибана, сына Джучи, известным по военным действиям 1236-42 и 1258-60 годов на территории улуса Джучи и прилегающих к нему стран. Данные о сыновьях Боорчи разнятся у Рашид ад-Дина в памятке и в росписи родов. В росписи родов сказано: во время Угедей-каана его туманом ведал его племянник по брату, Буралтай, а во время Менгу-каана – сын Буралтая, Балчик. В эпоху Кубилай-каана тем же туманом ведал сын Богорчин-нойона, впоследствии, также во время Кубилай-каана, ведал сын Буралтая, Джиргамиш. Этот Буралтай имел много сыновей, и они все были старшими эмирами. В памятке же: когда в эпоху Угедей-каана он скончался, местом его ведал Буралдай. Во время Менгу-каана [этим местом ведал] Балчик, а во время Кубилай-каана ведал сын Боорчи-нойона, Ил-Тимур, а впоследствии Буралдай, сын Иргатмыша, у последнего было много других сыновей, все они – старшие эмиры. Скорее всего, в памятке пропущено родство Буралдая и Боорчи, а также перепутаны местами Иргатмыш и его отец Буралдай.

Окэлэ-черби. Скорее всего, Рашид ад-Дин перепутал двух чербиев. Автор же ССМ очень хорошо разбирался в родственных отношениях монголов, так как сам был очевидцем событий. Тем более в росписи родов братом Боорчи назван Тукули-черби, которого можно спутать и с Окэлэ-черби и с Доколку-черби. Рашид ад-Дин в этом случае, скорее всего, сделал ошибку.

Племя Джалаир:

3. Мухали Го-ван из племени джат рода джалаир, сын Гуун-Ува, сына Тургету-Баяна, по ССМ имел брата по имени Буха. Попал в плен Чингизхану в числе джуркинцев.

68. Давун. Мы отождествляем его с Дайсуном, братом Мухали, который ведал двумя тысячами согласно Рашид ад-Дину.

5. Илугай, сын Кадана. Согласно ССМ был передан Чингизханом своему сыну Угедею (Козин, 2006, с. 91), что подтверждается Рашид ад-Дином (Рашид ад-Дин, 1952, с. 95).

34. Бала-нойон, сын Сеце-Домоха (Шира Домох) и брат Архай-Хасара, начальника тысячи из кэшиктинов. Также хотелось бы отметить то, что у Рашид ад-Дина не указаны дети Бала-нойона. Согласно Муиззу детьми Бала-нойона были Джучи-Дармала («из-за которого началась война с тайджиутами») и Джочи-Чарукай (Муизз, 2006, с. 35). Джучи-Дармала был родоначальником Иранских джалаириров, правивших после падения ильханов (Хусейн гурган сын Ак-Буки, десятого сына Илгай-нойона, сына Джучи-Дармалы). Согласно ССМ Бала-нойон был передан Чингизханом Толую (Козин, 2006, с. 91).

23. Тахай. Согласно ССМ он был послом Чингизхана к Ван-хану. Племенная принадлежность не указана в ССМ. Согласно Муизз ал Ансаб: Такай был эмиром правой руки у Чингизхана и являлся братом Бала-нойона (Муизз, 2006, с. 32).

53. Халчжа. Мы его отождествляем с Укай-Калджой, который вместе с братом Караджу (в памятке Барджу) заведовал одной тысячей (Рашид ад-Дин, 1952, с. 93).

37. Мугэ. Мы отождествляем его с Мукэ джалаириром, которого Чингизхан передал Чагатаю (Рашид ад-Дин, 1952, с. 98). В памятке он указан как унгират, что, несомненно, является ошибкой Рашид ад-Дина. В ССМ эмира, передаваемого Чагатаю, звали Мунке, что, скорее всего, является ошибкой.

44. Чжебке. Когда он (Чингизхан) возвращался домой, покончив с Сача и Тайчу и гоня перед собою пленных чжуркинцев, то среди них оказались сыновья Чжалаирского Тергету-Баяна: Гуун-Ува, Чилаун-Хайчи и Чжебке. Чжебкея же отдал Хасару. Представляясь Оэлун-эке, Чжебке подарил ей маленького мальчика, Бороула, которого он захватил в Чжуркинских стойбищах (Козин, 2006, с. 49). Дядя Мухали.

Племя Барин:

4. Хорчи. У Рашид ад-Дина указан как Бааритай Курчи-нойон (Рашид ад-Дин, 1952 (2), с. 269). Примкнул к Чингизхану после откочевки Чингиз-хана от Джамухи. Назван как старец Усун, Усун хорчи или Усун эбуген.

29. Коко Цос. Примкнул к Чингизхану после откочевки Чингизхана от Джамухи. Чингизхан назначил его советником Чагатая (Козин, 2006, с. 91).

25. Алах. Брат Ная-нойона. Не указан у Рашид ад-Дина, возможно, его наследником был Мункал-Туркан из бааринов, указанный у Рашид ад-Дина.

31. Ная. Брат Алах-нойона, сын Ширгету Евгена (Ширкир-Эбугэн у Рашид ад-Дина), который не изменил природному хану Таргутай-Кирилтуху и отпустил его.

42. Худус. У Рашид ад-Дина Кудус Калджа, владевший вместе с братом Укар-Калджой совместной тысячей (Рашид ад-Дин, 1952 (2), с. 273).

Племя Уруут

6. Чжурчедай. Отождествляется нами с известным по Алтан тобчи Чуу-мергеном чжурчжитским (Алтан тобчи, 1973, с. 336), так как известно, что на заре политической карьеры чжурчжени не служили Чингизхану, а автор Алтан тобчи просто мог перепутать личное имя Чжурчжетай с этнической принадлежностью чжурчжит.

38. Бучжир. Отождествляем его с Буджаром, братом Кэхтэя, из племени уруут.

58. Кетай. Отождествляем его с Кэхтаем, сыном Чжурчедай (ЗОИ, 2009, с. 172), из племени уруут, которому Чингизхан подарил свою жену Абика-беги, дочь Джакамбу.

Племя Генигес

7. Хунан. Мы вслед за Храпачевским Р.П. отождествляем его с Кутаном из племени кингит из памятки Рашид ад-Дина. Был отдан Чингизханом Джучи. Его сын Хуран был старшим эмиром в улусе Орды у Куинджи. В тюркском мире племя приобрело название кенегес. В других источниках кенегес может звучать как кингит.

Племя Барулас

8. Хубилай. Присоединился к Чингизхану после откочевки от Джамухи (Козин, 2006, с. 44). Согласно памятке Рашид ад-Дина его тысяча передавалась от Чингизхана Кулкану, пятому сыну Чингизхана (Рашид ад-Дин, 1952 (2), с. 276).

27. Булган. Отождествляем его с Булаган-Калджой баруласом. В Юань-Ши назван как Бурхан-халчжа.

28. Харачар. Примкнул к Чингизхану после откочевки Чингизхана от Джамухи. В ССМ назван как предводитель племени оронар (Козин, 2006, с. 44). Но в Алтан-тобчи он известен как Харачар барлас (Алтан тобчи, 1973, с. 98). В то же время в ССМ указано, что он был передан Чагатаю (Козин, 2006, с. 91). В памятке Каралджар эмир Чагатая указан как Барулас (Рашид ад-Дин, 1952 (2), с. 275). Также в Муизз ал Ансаб указана его племенная принадлежность к барласам, а также приведена роспись всех его потомков вплоть до Тамерлана и ниже вплоть до Хусейна Байкары. Согласно Муиззу отцом Карачара был Суку-Сичан (Муизз, 2006, с. 43, 107-196).

Племя Оронар:

45. Юрухан. Отождествляется нами с Джиргуханом, пришедшим к Чингизхану от Джамухи (Алтан тобчи, 1973, с. 98)

Племя Урянхай:

9. Чжельме. Его младший сын Есунтее стал командовать тысячей стрельцов из тумана кэшиктинов, а другой сын Есу-Бука (Арук-Бука?) унаследовал от него тысячу, где стал тысячником (Рашид ад-Дин, 1952 (2), с. 270).

19. Хоргосун. Согласно Рашид ад-Дину Харкасун, эмир тумана, был родичем Чжельме (Рашид ад-Дин, 1952, с. 158) и был передан Чингизханом своей матери Оэлун и Темуге-отчигину (Козин, 2006, с. 91). Управлял Монголией во время войны Чингизхана с Хорезмшахом (Алтан тобчи, 1973, с. 201). Позже сказания об Аргасуне были широко известны в Монголии (Алтан тобчи, 1973, с. 361).

51. Субеетай. Младший брат Чжельме (Козин, 2006, с. 44). Примкнул к Чингизхану после откочевки Чингизхана от Джамухи. Не путать со знаменитым полководцем Субедеем, чья генеалогия выглядела следующим образом: Субедей (брат Хулухура), сын Хабала, сына Хачиуна, сына Боходука, сына Нельбе. Нельбе был сподвижником Тумбиная (ЗОИ, 2009, с. 226). В 1206 году знаменитый (второй) Субедей еще не являлся тысячником.

59. Чаурхай. Мы его отождествляем с Чаурханом, братом Чжельме (мы считаем, что сдвоенное имя Чаурхай-Субеетей – это два разных имени двух младших братьев Чжельме). Был передан Чингизханом своему племяннику Альчидаю (Козин, 2006, с. 91).

48. Удутаи. Мы отождествляем его с Удачи из лесных урянкатов, который потом стал охранять могилу Чингизхана (Рашид ад-Дин, 1952, с. 125).

Племя Икирес:

87-89. Три тысячи без имен тысячников. Мы думаем, что они подчинялись Буту-гургену, мужу Фуджин-беки, старшей дочери Чингизхана. Буту-гурген примкнул к Чингизхану после откочевки Чингизхана от Джамухи. Буту-гурген был братом Оэлун согласно Рашид ад-Дину (Рашид ад-Дин, 1952, с. 132), но потом он указывает, что отцом Буту был Нэкун (Рашид ад-Дин, 1952 (2), с. 70). Возможно, он был сводным братом Оэлун по матери или вообще отдаленным родственником (кузен).

Чингизхан отдал ему ту дочь, которая была старшею из его детей, по имени Фуджин-беги. Она принесла от него сына, имя его – Дарги-гургэн; он отдал этому Дарги-гургэну и другую свою дочь, по имени Джабун. Другим сыном Буту был Хуулдай-гурген (Рашид ад-Дин, 1952, с. 164-165).

Племя Бесуд:

11. Дегай. Брат Гучугура. Пришел с ним к Чингизхану после откочевки Чингизхана от Джамухи (Козин, 2006, с. 44). Отдан был Угедю Чингизханом (Козин, 2006, с. 91).

18. Кокочу. Найден в кочевьях Бесудцев, находившихся у тайчиудцев; воспитан Оэлун. Был передан Чингизханом своей матери Оэлун и Темуге-отчигину (Козин, 2006, с. 91).

33. Гучугур. Брат Дегай.

Племя Кият:

13. Онгур. Примкнул к Чингизхану после откочевки Чингизхана от Джамухи. Был сыном Мунгету-Кияна (Козин, 2006, с. 83), который являлся старшим братом Есугея. У Рашид ад-Дина он назван Чаншиутом, автор ССМ употреблял выражение: «Онгур, сын Мунгету-Кияна, со своими Чаншиутами и Баяутами». Скорее всего, Чаншиут было прозвище Онгура, а командовал он баяутами, происходившими из монголов-дарлекинов. В памятке же Рашид ад-Дин называет Онгура нойоном из племени баяут, что не совсем верно, как мы видим из ССМ, он всего лишь руководил племенем, происходя из киятов (был двоюродным братом Чингизхана).

46. Коко. Отождествляем его с Куки-нойоном, братом Мугэду-бахадур. Был братом Онгура. В ССМ он и Мегету упоминаются только по имени. У Рашид ад-Дина названы детьми Кияна, видимо, он спутал Мугэду с его отцом Мунгеду-Кияном. В Муизз ал Ансаб: Куки, Мунгеду, Джаншут (Чаншиут Онгур) названы детьми Мунгеду Кияна (Муизз, 2006, с. 27)

62. Мегету. Отождествляем его с Мугэду, братом Куки-нойона. Скорее всего, они с Куки-нойоном пришли к Чингизхану вместе со старшим братом Онгуром.

60. Унгиран. Мы его отождествляем с Мукур-Кираном, предводителем хадаркинов ветви киятов (Рашид ад-Дин, 1952, с. 269).

Племя Сулдус:

10. Туге. Его можно отождествить с Такай, эмиром Угедя из племени Сулдус, который, являлся сыном Сорган-Ширы (упоминание Чильгутаи-Таки может означать Чилгутаи и Таки), но оснований для этого имеется меньше. Так как в Муиззе он не упоминается среди эмиров Чингизхана.

14. Чулгетай. Мы его отождествляем с Джилауканом, сыном Сорган-Ширы, который убил Таргутай-кирилтуха (Рашид ад-Дин, 1952, с. 174). Его сыном был Судун-нойон, который числится у Рашид ад-Дина как тысячник. Скорее всего, он унаследовал этот пост и тысячу от отца. Был предком иранского эмира Чобана (сын Малика, сына Тудана, сына Судун-нойона).

26. Сорхан-Шира. Отец Чулгетая. Также имел других детей: Чимбо (Чимбай) командовал войском левой руки при осаде меркитов, в детстве вместе с Чилауном (Чулгетай, Джилаукан). Возможно, он командовал и тысячей Сорган-Ширы от имени отца. Также у Сорган-Ширы была дочь Хадаан. В списке Рашид ад-Дина Тогорил из племени сулдус, являвшийся родственником Судун-нойона командовал одной тысячей. Мы считаем, что этот Тогорил был сыном Чимбая (Чимбо) и был двоюродным братом Судун-нойона.

Племя Хушин:

15. Борохул. Был найден в Чжуркинских кочевьях, подобран и воспитан Оэлун. Убит на войне с тугатами. В эпоху Угедя его сын Джубукур-Кубилай командовал этой тысячей (Рашид ад-Дин, 1952(2), с. 268). Родственник Борохула Байку (Майкы-би) был передан Чингизханом Джучи и командовал правым крылом войска Бату.

Племя Татар:

16. Шиги-Хутуху. Был подобран в Татарских кочевьях, воспитан Оэлун. Был передан Чингизханом своей матери Оэлун и Темуге-отчигину (Козин, 2006, с. 91).

Племя Меркит:

17. Гучу. Был подобран в Меркитских кочевьях, воспитан Оэлун. Был передан Чингизханом своей матери Оэлун и Темуге-отчигину. (Козин, 2006, с. 91).

Племя Мангут:

20. Хуилдар.

22. Чжетай. Отождествляется с Джейдай-нойоном, которого Чингизхан передал Толую (Козин, 2006, с. 91). Примкнул к Чингизхану после откочевки Чингизхана от Джамухи.

52. Мунко. Мы его отождествляем с Мункэ-Калджой, сыном Хуилдара (Рашид ад-Дин, 1952 (2), с. 273).

Племя Кераит:

55. Гоуги. Отождествляем его с Куйду, нойоном Ван-хана, который отделился от него и перешел к Чингизхану (Рашид ад-Дин, 1952, с. 134).

Племя Негус (нукуз)

24. Цаган-Гоа. Отождествляем его с Неудайцем Цахаан-Ува (Чаган-Гоа), который примкнул к Чингизхану после откочевки Чингизхана от Джамухи. У Рашид ад-Дина упоминания о нем отсутствуют. В ССМ в рассказе про Нарин-Тоорила (сын Чаган-Гоа) сказано: Чаган-гоа, пал в бою при Далан-балчжутах от руки Чжамухи. Нарин-Тоорила было приказано собрать племя Негус под свое руководство (Козин, 2006, с. 85). Согласно памятке Рашид ад-Дина тысяча во главе с Тогорилом из племени Нукуз передавалась от Чингизхана Кулкану, пятому сыну Чингизхана (Рашид ад-Дин, 1952(2), с. 276).

Племя Килингут (Тархан):

56. Бадай. Вместе с Кишлыком были конюхами Ван-хана, передавшие Чингизхану известие о намерении Ван-хана напасть на Чингизхана (Рашид ад-Дин, 1952, с. 134, 171). Возможно, его тысяча была передана Темуге-отчигину (Рашид ад-Дин, 1952 (2), с. 271).

57. Кишлык. Вместе с Бадаем были конюхами Ван-хана, передавшие Чингизхану известие о намерении Ван-хана напасть на Чингизхана. Согласно Муиззу был из племени Сулдус и был эмиром Чагатая и единственным тарханом. Согласно Рашид ад-Дину: Бадай и Кышлык – из этого племени. Их называют килингут-тархан. Чингизхан сделал их тарханами, и, несмотря на то, что они из племени килингут, [слово] «тархан» стало их собственным именем (Рашид ад-Дин, 1952, с. 171).

Племя Ноякин

32. Чжунсу. Пришел к Чингизхану после откочевки Чингизхана от Джамухи. Был передан Чингизханом своей матери Оэлун и Темуге-отчигину (Козин, 2006, с. 91).

Племя Сиджиут (не путать с сальджиут):

39. Мунгуур. Мы его отождествляем с Мунгуром из племени сиджиут, который числился у Джучи как эмир (Рашид ад-Дин, 1952 (2), с. 274). По данным автора ССМ, Чингизхан передал его Джучи еще при жизни (Козин, 2006, с. 91).

Племя Йисут:

47. Чжебе.

Племя Кунлиут:

50. Кете. Согласно ССМ он был передан от Чингизхана к Джучи (Козин, 2006, с. 91). Мы его отождествляем с Кетилтаем, эмиром из кунлиутов, который согласно Муиззу был передан Джучи (Муизз, 2006, с. 39).

Племя Суканут:

70. Хауран. Отождествляем его с Кара-нойоном, братом Тамуки.

74. Тобуха. Отождествляем его с Тамукой братом Кара-нойона (Рашид ад-Дин, 1952, с. 189). Возможно, они дети Сукегай-Чжауна, который примкнул к Чингизхану после откочевки Чингизхана от Джамухи.

Племя Таргут

63. Хадаан. Отождествляем его с Тархудским Хадаан-Далдурханом, присоединившимся к Чингизхану после откочевки от Джамухи. Также возможно его отождествление по имени с отцом Илугая джалаира, но нам кажется, что отец Илугая в росписи родов стоял бы выше сына.

Племя Унгират (кунгират)

71. Алчи. Отождествляем его с Алчи, братом Борте. Родной брат Хуку-нойон и кузены Катай, Букур и Шунгур в списке не указаны.

76. Туйгурер. Отождествляем его с Такударом, двоюродным братом Алчи (Такудар, сын Даритая, младшего брата Дай-нойона отца Алчи и Борте), отправленным вместе с Субедеем и Джебе на преследование Хорезмшаха и убитым в Иране.

86. Алчи-гурген. Его следует отличать от Алчи-нойона. Рашид ад-Дин упоминает обоих: была еще другая воинская часть из кунгиратов, начальником и предводителем ее [был] Дай-нойон. Он имел двух сыновей: Алчи-нойона и Хуку-нойона и дочь, по имени Бортэ-уджин... Во время Чингизхана был один уважаемый эмир, которого называли Алчу-нойон, имя [же] его было Даркэ-гургэн. Он имел сына по имени Шинку-гургэн (Рашид ад-Дин, 1952, с. 162).

85. Чигу-гурген. Мы его отождествляем с Шинку-гургеном, сыном Алчу-нойона. Для различия мы будем упоминать его как Алчу-нойона. Видимо, сам Рашид ад-Дин путал их двоих иногда: «У Джурикэ, сына Тулуй-хана, была супруга, по имени Булага. Она была внучкой по сыну Алчи-нойона, но [ее] нет в родовой ветви Алчи-нойона» (Рашид ад-Дин, 1952, с. 163). Чингизхан выделил четыре тысячи мужей из других племен кунгират и пожаловал ему; он отдал ему свою дочь Тумалун, которая была старше Тулуй-хана, и послал его в область Тумат, до настоящего времени их потомки находятся там (Рашид ад-Дин, 1952, с. 162).

Племя Дурбан:

72. Тобсаха. Мы его отождествляем с Дуйсукэ из племени дурбан (Рашид ад-Дин, 1952 (2), с. 269). Возможно, сын Мочи-Бедууна, пршедшего к Чингизхану после откочевки Чингизхана от Джамухи.

Племя Горлос (Куралас):

77. Сечавур. Мы его отождествляем с Сечиуром, пришедшим к Чингизхану после откочевки Чингизхана от Джамухи.

Племя Олконут:

79. Олар-гурген. Согласно Рашид ад-Дину Олар был дедом Чингизхана: Тайджу-гургэн, сын Улар-гургэна, который сосватал [за себя] младшую дочь Чингизхана, Алталукан, также был из этого племени. Он был братом Оэлун-фуджин (Рашид ад-Дин, 1952, с. 164). Видимо, впоследствии Тайджу унаследовал тысячу от отца, так как он потом в памятке упомянут как тысячник (Рашид ад-Дин, 1952(2), с. 269).

80. Кингиядай. Пришел к Чингизхану после откочевки Чингизхана от Джамухи. У Рашид ад-Дина упомянут как тысячник в составе улуса Толуя (Рашид ад-Дин, 1952 (2), с. 268).

Племя Баяут:

81. Буха-гурген. Согласно Рашид ад-Дину: они (баяуты) имели установленное обычаем право на то, чтобы им дали девушку из рода [Чингизхана]. Во времена Чингизхана был эмир из эмиров левого крыла, имя его Бука-гургэн; девушку отдали ему (Рашид ад-Дин, 1952, с. 176).

Племя Тайджиут:

82. Курил. Мы его отождествляем с Курилом, двоюродным братом Таргутай-Кирилтуха. «Он был из числа двоюродных братьев Таргудай-Кирилтука и [находился] с ним в согласии» (Рашид ад-Дин, 1952, с. 182).

Племя Онгут:

90-95. Алахуш-дигитхури-гурген. Согласно Рашид ад-Дину: Чингизхан чрезвычайно расположился к нему и приказал отдать ему [в жены] дочь. Алакуш сказал: «Я стар и имел брата, по имени Бинуй, который был государем; когда его не стало, Алтан-хан китайский увез в Китай заложником его сына, по имени Шенгуй. Быть может вы дадите ему эту девушку, чтобы он прибыл сюда»... Шенгуй прибыл и стал служить Чингизхану. Чингизхан дал ему [в жены] свою дочь Алагай-беги (Рашид ад-Дин, 1952, с. 140-141).

Эмиры неизвестного происхождения:

21. Шилугай.
35. Оронартай (возможно, из племени оронар).
40. Долоадай (возможно, из племени дуклат).
41. Боген.
43. Марал.
49. Бала-черби.
54. Хурчахус.
61. Тогон-Тимур.
64. Мороха.
65. Дори-Буха.
66. Идухадай. Назван среди эмиров, переданных Чагатаю.

- 67. Ширахул.
- 69. Тамачи.
- 73. Тунгуй-дай.
- 75. Ачжинай.
- 78. Чжедер.
- 83. Аших-гурген (зять Чингизхана, судя по приставке гурген).
- 84. Хадай-гурген (зять Чингизхана, судя по приставке гурген).

К сожалению, мы не смогли расшифровать данные последних нойонов-тысячников, но уже из вышперечисленного списка нойонов видно, что во многом звание тысячника стало наследственным, причем это звание предполагало, что тысяча была своего рода феодальным наделом, который был обязан в случае войны предоставить около одной тысячи воинов. В то же время звание темника в армии не было наследственным и передавалось за заслуги.

Данный список, по всей видимости, список нойонов-тысячников 1206 года. Эта дата вытекает из повествования: в состав войска не включены ойраты и лесные племена, которые будут покорены в 1207 году.

Барфилд считал, что 20% тысячников Чингизхана были его давними сторонниками, 10% – родственниками, а 70% не имело предшествующих связей с Чингизханом (Крадин, 2006, с. 325). Здесь можно не согласиться с последним пунктом. Большая часть выдвинутых Чингизханом тысячников имела давние связи с Чингизханом.

Подводя итоги сравнительного анализа Муизз ал ансаб и Рашид ад-Дина, можно сказать:

1. Слова автора Муизз ал Ансаб о том, что Курмагу (в ССМ он назван как Гирмау), сын Хутулы-хагана, «автор Тупчана» можно интерпретировать так: Курмагу был автором Сокровенного сказания монголов (Монгол-Ун Ниуча Тобчаан). Тогда объясняется такое детальное знание жизни Чингизхана, ведь Курмагу был двоюродным дядей Чингизхана и стал его сторонником, скорее всего, вместе со своим братом Джочи в составе десятого куреня: Джочи-хан, сын Кутула-хана, который был дядей Чингизхана. Его подчиненные [атба'] и приверженцы [ашйа'] заодно все были с ним (Рашид ад-Дин, 1952 (2), с. 88).

2. Несмотря на возможное знакомство с текстом ССМ через Алтан Дептер, автор Муизз ал Ансаб не использовал полностью данные из этих источников в своем сочинении, из-за того, что тема его сочинения (генеалогии чингизидов и тимуридов) не пересекалась во многом с содержанием ССМ. Муизз же во многом повторяет Рашид ад-Дина, причем количество орфографических ошибок в Муиззе по сравнению с оригиналом (Алтан Дептер) немалое.

3. Муизз ал ансаб в плане источниковедения, хоть и написан на 100 лет позже Рашид ад-Дина, но, скорее всего, восходит не к сочинению Рашид ад-Дина, а к Алтан Дептер, так как во многих случаях он гораздо подробнее Рашид ад-Дина, что не было бы возможным, если бы он восходил как письменный источник к Рашид ад-Дину.

После смерти Чингизхана система управления еще не была сильно институализирована и центральная власть не имела много материальных ресурсов в случае выступления отдельных улусов против центральной власти. По нашему мнению, высказанному в предыдущей публикации:

«Итого в 1229 году было выделено 60 тысяч из монгольского войска и сформировано два новых тумена из покоренных и союзных войск. Как можно было изъять и направить на долгосрочную службу такое большое количество войск, ведь кроме исполнения воинской обязанности воины этих туменов принадлежали к определенным улусам. Долгосрочная разлука с семьями, а также недовольство владельцев улусов могли привести к гражданским войнам, ведь раздел по улусам был произведен при Чингизхане и владельцы улусов могли прикрываться авторитетом Чингизхана в борьбе за свои улусы. По нашему мнению, советниками Угедея была изобретена формула: «Старшие сыновья». Если предположить, что в среднем юрта поставляла в армию двух мужчин, то ими могли быть либо два сына владельца юрты, либо отец и старший сын. Для исполнения двух заветов Чингизхана: покорения западных земель и борьбы с Джелал ад-Дином – все улусы должны были выделить старших сыновей. Все это освещалось именем Чингизхана, и понятно, что ни один владелец улуса не мог пойти против традиции, к тому же де-юре раздел улусов не нарушался, никто ни у кого не отбирал юрты и улусы, хотя де-факто сила каждого улуса была ослаблена путем изъятия половины его мужчин («старших сыновей») для западных походов. Основной целью отсылки этих трех отрядов было усиление центральной власти, ведь все три отряда были сборными из различных улусов и подчинялись непосредственно военачальникам, которых назначал каган» (Сабитов, 2010, с. 67-68).

Именно тогда расцвел такой феномен, как войска тама. «Если же говорить о рядовом составе войск всех (категорий), то сначала были монгольские войска и войска таммачи. Монгольские войска – из всех государственных людей (монголов), а войска таммачи – те, что из всех народов и племен. Их организация такова: мужчины в семье, старше 15 и меньше 70 (лет), все сколько ни есть – зарегистрированы в призывном реестре как воины. Ребята, которые еще не взрослые, все равно вписываются в этот реестр и называются корпус подрастающих» (ЗОИ, 2009, с. 211-212). Говоря о таммачи, японские исследователи Мураками Масацугу и Мори Масао доказывали, что таммачи – это личные войска владельцев уделов и тарханств (тоуся). Этнически они первоначально были монголами, но позже они включили в себя другие кочевые и полукочевые народы, а затем и оседлые (ЗОИ, 2009, с. 283-284). Рашид ад-Дин писал, что «он (Угедей), назначив Джурмагуна ляскар-тама четырех десяти тысячных отрядов войска, отправил в эту сторону. Ляскар-тама бывает тот, которого назначают [командовать] войском, уволив из тысячи и сотни, и посылают в какую-либо область, чтобы [он и вверенное ему войско] там постоянно находились. Несколько великих эмиров из тысячников и темников прибыли вместе с ним... Как видно из приведенного текста Рашид ад-Дина, термин «тама» совершенно точно означал те монгольские корпуса, которые отправлялись в ту или иную область для постоянного там расквартирования в виде гарнизонов, и потому командующий такими войсками (ляскар-тама) выбывал из состава центральных войсковых делений (туманы, тысячи и сотни)» (Рашид ад-Дин, 1952, с. 99).

По нашему мнению, под «тама» подразумевались те войска, которые высылались как гарнизоны в другие страны, причем войска как могли изыматься из действующих туменов (Кошакул или войска Гуюка для похода «в Европу»), так могли и формироваться из допризывников (поход Бату или Хулагу, или пополнение монгольской армии в Юньнани в 1278 году). Как писал Сюй Тин: «Я Сюй Тин, когда находился в степи, видел, как их повозки начальников и простолюдинов были нагружены тяжелой поклажей вместе со стариками, детьми и имуществом, и весь народ несколько дней без перерыва. А еще большинству этих татар было 13-14 лет. Когда я спросил о причине этого, то получил ответ: эти все татары перебрасываются воевать мусульманские государства, куда три года пути. Тем, кому сейчас 13-14 лет будет 17-18 лет, когда достигнут тех мест, и все они будут превосходными воинами» (ЗОИ, 2009, с. 76). Храпачевский Р. считает, что данный отряд шел на Булгар в западный поход монголов (ЗОИ, 2009, с. 112)

Говоря о численности монгольской армии в коренном юрте, Пэн Да-я (он прибывал у монголов в 1233 году) отмечает наличие 8 темников, а также неполные туманы родственников правителя и 4 ханьских тумена (ЗОИ, 2009, с. 75). Таким образом, можно сказать, что в монгольской империи в 1233 году было 8 туменов тама (3 тумена в Дешт-и Кыпчаке, 3 тумена в Иране, 2 тумена в Кашмире) и 8 туменов в коренном улусе (скорее всего, 5 монгольских туменов + один джурдженьский + один киданьский и один тумен кэшиктинов) + 4 ханьских тумена, а также неполные туманы из владений чингизидов и есугеидов. Здесь стоит отметить, что неполные туманы родственников стали таковыми после первой отправки старших сыновей на Запад в 1229 году, а после второй отправки в 1235 году эти неполные туманы сократились численностью в два раза, хотя формально количество юрт не уменьшилось.

В общем, говоря об этом периоде (1233 год), можно сказать, что было всего 12 монгольских туменов: 6 туменов тама (2 монгольских тумена Чурмагуна, 2 тумена Даира, 2 тумена Субедея и Кокошая), 5 монгольских туменов в коренном улусе, один тумен кэшиктинов.

Среди союзников и других народов были:

Тумен Малик-шаха у Чурмагуна.

Тумен, набранный из найманов, керейтов, меркитов, кипчаков и канглы у Субедея.

Киданьский и Джурдженьский тумены.

4 китайских тумена.

Плюс к этому стоит добавить неполные туманы из родственников Угедея. По расчетам из нашей предыдущей статьи данная цифра (совокупность всех неполных туменов из улусов родственников Чингизхана) примерно была равна 30-35 тысячам.

В предыдущей публикации мы также оценили монгольское войско в Западном походе в размере 60 тысяч (3 тумена тама (посланные в 1229 году), 5 000 союзников, 25 тысяч старших сыновей «второй волны» (посланные в 1235 году)). Сейчас стоит подкорректировать позицию: на данный момент с учетом того, что 3 тумена в Дешт-и Кыпчаке имели какие-то потери, мы можем ориентироваться на цифру не более 60 тысяч, примерно в интервале 55-59 тысяч.

Здесь стоит также попытаться идентифицировать тех нойонов, которые были посланы как тама на Запад.

Чурмагун известен как представитель рода Сунит. С личностью Субедея мы также знакомы. Личность Кокочая вызывает вопросы.

Данное имя больше нигде не употребляется. Мы склонны отождествлять его с Куки киятом (в ССМ он известен как 46-й тысячник Коко), братом Мунгеду и Онгура, чьи потомки «составляли больше тумена войска у Тохты».

Именно служба в войсках тама закинуло его так далеко на Запад, при том что он не известен как эмир Джучи или его сыновей.

Кияты позже играли большую роль как в самом западном походе, так и впоследствии в жизни улуса Джучи. Кият Боралтай (Бурундай) известен как аталык Шибана и участник западного похода. Вполне возможно, что он после смерти Куки кията унаследовал его пост. Также вполне возможно, что Куки кият был его отцом или в крайнем случае дядей.

Джувеини в своем рассказе о сражении в Венгрии упоминает, что у Бату было 400 000 воинов (ОЗО, 2008, с. 61). По нашему мнению, здесь могла произойти ошибка и Джувеини случайно добавил ноль в рукопись. Скорее всего, у Бату войск в Венгрии оставалось 40 000 человек.

Данная цифра показывает, насколько мало сил могло быть у Бату после возвращения из Западного похода: безусловно, после отхода войск Чагатаидов, Угедеидов и Толуидов у Бату могла остаться максимум армия в 25-35 тысяч человек (остатки 3 туменов из войск тама и войск улуса Джучи), причем часть из них могла повиноваться Орда-эджену.

Как известно из сообщения Иоанна Плано де Карпини, Гюк собирал 3 из 10 воинов для похода на Европу (ОЗО, 2008, с. 270). Скорее всего, Гюк собирал войско не для похода на Европу, а для похода на непокорного Бату, у которого были все аргументы, для того чтобы опасаться оскорбленного им когда-то Гюка. Как мы можем предположить, такое небольшое войско (30% от действующей армии) вкупе с потенциальной поддержкой Орда-эджена и, возможно, некоторых других сыновей Джучи, а также легитимность Гюка как общемонгольского кагана, оставляло очень мало шансов для армии Бату, которая, скорее всего, была меньше армии Гюка. В противном случае Гюк набрал бы большее количество воинов, чтобы превосходить численностью армию Бату. Можно примерно предположить, какое количество армии было у Гюка. Сбор воинов, скорее всего, происходил во всех улусах, кроме улуса Джучи и войск тама в Иране и Кашмире.

В 1235 году мы оценивали численность чисто монголов в 5 полных туменов, тумен кэшиктинов, неполные тумены родственников кагана (30-35 тысяч воинов). С учетом прироста за 10 лет численность только монголов в армии могла равняться 9-11 туменам (без войск тама и войск Бату). Таким образом, у Гюка в его армии собралось всего около 30 тысяч призывников монгол, 1 тумен кэшиктинов + возможные союзные войска (плюс потенциальная помощь войск тама Эльджигитая, отца Аргасуна, друга Гюка). В то время как у Бату было всего около 30 тысяч солдат, из которых часть могла подчиняться Орда-эджену (согласно мнению Костюкова В.П., потенциальному союзнику Гюка), и не очень легитимная позиция, которая могла привести к бегству подданных к легитимному государю при потенциальном противоборстве.

Безусловно, после своего прихода обратно в улус Джучи Бату делал все, чтобы укрепить свою власть и увеличить людские ресурсы у себя в улусе. Можно согласиться с точкой зрения Костюкова В.П., что именно Бату прекратил истребление кипчаков и стал их активно приглашать к себе в улус. Но за 4-5 лет активной политики Бату по привлечению кипчаков обратно в Дешт-и Кыпчак Бату не смог получить большое прибавление в численности войск. Смерть Гюка спасла Бату, возможно, смерть Орда-эджена была также не случайна и инспирирована извне Бату.

После смерти Гюка, с одной стороны, у Бату появился определенный легитимный авторитет (ака), а с другой стороны, у него появилось дополнительное время для реорганизации улуса Джучи и увеличения численности подвластных ему людей. Страх и ужас, которые посеяли монголы среди своих новых соседей, избавили Бату от конфликтов с соседями, что позволило ему сконцентрироваться на административной работе в своем улусе.

Согласно Абулгази, Шибан имел в подчинении 15 тысяч семейств, Орда-эджен – всего 10 тысяч. То есть численность улуса была в этом районе. Согласно Симону де Сент-Квентину: «у Батота есть оказывается 18 баронов-братьев, каждый из которых имеет 10 тысяч или менее воинов в своем подчинении» (Почекаев, 2006, с. 155). Число 19 уделов сыновей Джучи также встречается в Чингиз-наме Утемиша-хаджи, когда Узбек отобрал улусы у потомков 16 сыновей Джучи, но при этом не пострадали ни батуйды, ни ордуиды, ни шибаниды.

Согласно Винсенту из Бове «в войске этого Батота всего 600 тысяч, а именно 160 тысяч татар и 440 тысяч христиан и прочих, то есть безбожников» (Почекаев, 2006, с. 161). Почекаев Р.Ю. считает, что данное сообщение говорит не о численности войска Бату, а об административном делении, где было около 60 административных областей (туменов) (Почекаев, 2006, с. 162).

Безусловно, было различие между нормами призыва среди кочевых и оседлых народов, что мы демонстрировали в предыдущей статье (Сабитов, 2010, с. 65). Оседлые жители призывались по норме один мужчина на 10 мужчин призывного возраста, и зачастую они играли вспомогательную роль в военных кампаниях, в то же время кочевые жители призывались почти полностью, за исключением единственного мужчины в семье.

По нашему мнению тумен, о котором говорил Винсент из Бове, был тьмой, известной из разных источников. Вернадский Г.В. писал: «Таким образом, мы приходим к тому, что до Тохтамыша в Восточной Руси было 27 тем (в Великом княжестве Владимирском – 15 тем; Рязанском – две; Нижегородском и Тверском – по пять). Включая 16 тем в Западной Руси, общее число составит цифру 43. Допустив, что в среднем на тьму приходилось 200 000 человек, общее население во всех русских тьмах к 1275 г. составляло примерно 8 600 000 человек» (Вернадский, 1997, с. 425). Здесь можно не согласиться с его оценкой численности одной тьмы, по нашему мнению, численность одной тьмы было 10 тысяч совершеннолетних мужчин, или 50 тысяч человек в общем, таким образом, можно говорить о численности русских, подвластных монголам, как о примерно равной 2 миллионам 150 тысячам в XIV веке.

Конечно, во времена Бату Русь не была представлена 43 тьмами, скорее всего, их было меньше на треть.

В то же время у Бату, получается, было всего около 16 туменов кочевников, из которых природных монголов было не более 3-4 туменов, таким образом, оценить влияние монголов на этногенез пост-ордынских государств и народов как 20-25%. Остальные были вернувшимися кипчаками, а также предстателями других этносов.

Таким образом, можно сказать, что данные цифры, 160 тысяч татар и 440 тысяч христиан и язычников, отображают мобилизационные возможности Бату, то есть в подчинении у Джучи было около 160 тысяч кочевников, разделенных на 19 улусов братьев Бату (у кого был тумен, у кого ниже), плюс подчиненные народы в случае надобности обязаны были предоставлять воинские контингенты. В итоге кочевое население улуса Джучи при Бату было равно примерно 800 тысячам (воины составляли одну пятую часть населения в классическом соотношении), что подтверждается оценками Исакова Д.М. и Измайлова И.Л., которые оценивали численность населения от 600 до 800 тысяч (Исаков, 2007, с. 166).

Цифра численности армии улуса Джучи в 160 тысяч воинов косвенно подтверждается данными из иранского похода Хулагу.

Согласно источникам в поход шли два человека из десяти. Из улуса Джучи пришли три тумена (Костюков, 2008, с. 59-60), что, согласно Костюкову В.П., говорит о том, что всего войско улуса Джучи составляло около 150 тысяч человек (30 000*5) (Костюков, 2008, с. 60), что очень близко к оценке Винсента из Бове.

Интересным является также численность монгольского войска на момент, предшествующий распаду Монгольской империи. Магакия говорит о прибытии 7 туменов, из которых 3 джучидские. Согласно «родословию тюрков» армия Хулагу равнялась 120 тысячам человек.

Если следовать нашему методу, то мы можем оценить численность армии Хулагу следующим образом: $X = \text{Войска тама (4 тумена «Чурмагуна» + 2 тумена «Даира») + «старшие сыновья» (20\% от монгольской армии) + союзники}$.

То есть можно утверждать, что при условии того, что потери 6 туменов тама компенсировались демографическим ростом, войско равнялось 6 туменам тама + 3 джучидских тумена + тумены из других улусов (не считая союзных и вассальных войск).

Оценить количество людей в каждом улусе будет проблематично, так как переходы и передачи племен из улуса в улус при приходе к власти Гуюка и Мунке не фиксировались, хотя, скорее всего, имели место быть. Поэтому мы постараемся оценить количество воинов из оставшихся улусов, сравнивая с данными времен Гуюка (9-11 туменов без войск Бату и войск тама). Вполне возможно, что количество монголов из монгольских улусов было равно 10-12 туменам (без войск улуса Джучи), таким образом, с Хулагу вышло 20-25 тысяч всадников, вполне возможно, было набрано все 30 тысяч всадников.

Также вполне возможен вариант Магакии, когда 3 тумена пришли из улуса Джучи, а 4 из оставшихся улусов. В общем, по оценочным данным количество воинов из всех улусов (кроме улуса Джучи) было примерно равно 20-40 тысячам. Также можно вспомнить, что позже Хубилай смог выслать всего

лишь 30 тысяч именитых монгол в поддержку Хулагу, что говорит о том, что такая цифра могла быть выставлена и в 1253 году.

В общем же армия, подчиненная Хулагу, имела численность в районе 110-130 тысяч человек (6 туменов тама, 3 джучидских тумена, 2-4 тумена от остальных улусов) без союзников и вассалов.

Безусловно, цифра в 20-40 тысяч (2-4 тумена) из Монгольских улусов не должна вводить в заблуждение: на китайском фронте у монголов было огромное количество союзнических войск (ханьцы, кидане, джурджени, тангуты), нужных для покорения Китая и при том не очень мобильных, что затруднило бы Иранский поход при участии их в нем.

В данной статье мы рассмотрели командный состав монгольской армии в 1206 году и по другим источникам, динамику изменения численности армии с 1206 по 1250 год. Армия монгольской империи (без учета оседлых союзников и вассалов) в 1206 году насчитывала около 105 тысяч. После смерти Чингизхана широко стали применяться войска тама, которые использовались центральным правительством для снижения возможного сепаратизма. Завоевание Дешт-и Кыпчака привело к численному росту количества монгольской армии с одной стороны, но также привело к появлению нового центра власти, который по своим материальным ресурсам мог вполне соперничать с центральным правительством. Неинституализированность процесса передачи власти привела к династическому кризису, когда единство Монгольской империи было нарушено. Иранский поход Хулагу был последним мероприятием, где участвовали силы всех улусов Монгольской империи, после смерти Мунке единая монгольская армия перестала существовать, хотя ее устройство и традиции сохранялись в государствах-преемниках, возникших на осколках Монгольской империи.

Литература

1. Алтан Тобчи (перевод, введение, комментарии Н.П. Шастиной). – Москва. 1973. – 440 с.
2. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. – Тверь; ЛЕАН, М.: АГРАФ, 1997. – 480 с.
3. Григорьев А.П. Летописные лицевые своды в средневековых государственных образованиях России и Ирана: чингисидские родословия на персидском и чагатайском языках / Тюркологический сборник 2007-2008. – Москва. 2009. – С. 98-123.
4. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. – М. 1997. – 480 с.
5. Золотая Орда в источниках. Т. 3. – М. Наука. 2009. – 336 с.
6. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Институт истории АН РТ. Казань: Школа, 2007. 356 с.
7. Козин С.А. Сокровенное сказание монголов / Чингис-хан и его империя. – Алматы. 2006. – С. 23-106.
8. Костюков В.П. Железные псы Батуидов / Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 1. – С. 45-96.
9. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – М.: Восточная литература, 2006. – 557 с.
10. Муизз ал Ансаб. История Казахстана в персидских источниках. Том 3. – Алматы. 2006. – 672 с.
11. Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207-1266). Источники по истории Золотой Орды. От выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана. – Казань. 2008 г. – 480 с.
12. Очиров У.Б. К вопросу о численности и этническом составе монгольской армии в 1-й четверти XIII в. / Мир Центральной Азии. Т. I. Археология. Этнология: Материалы международной научной конференции. – Улан-Удэ: Изд. БНЦ СО РАН, 2002. – С. 166-173.
13. Почекаев Р.Ю. Батый, хан, который не стал ханом. – М.: АСТ, 2006. – 350 с.
14. Рашид ад-Дин. Сборник Летописей. Т. 1 ч. 1. – М. 1952. – 198 с.
15. Рашид ад-Дин. Сборник Летописей. Т. 1 ч. 2. – М. 1952. – 281 с.
16. Сабитов Ж.М. О численности монгольской армии в Западном походе (1235-1242) / Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск. 2010. № 1. – С. 55-73.
17. Стори Ч.А. Персидская литература. Библиографический обзор в 3-х частях. / Указатели Пер. с англ. и дополнения Ю.А. Брегея. – М. 1972.
18. Успенский В.Л. «Сокровенное сказание и монгольская историография 17-18 веков» / Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». – М.: Наука, 1993. – С. 190-200.
19. Храпачевский Р.П. К вопросу о первоначальной численности монгол в улусе Джучи. / «Труды Международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков», IV-V МНК Булгар-Волгоград». – М.: Институт востоковедения РАН – Нумизматическая литература, 2008. – 84-88 с.
20. Bayani Ch. L'histoire secrete des Mongols – une des sources de Jāme-al-tawārīkh de Rachīd ad-Dīn / Acta Orientalia (Copenhagen) 37 (1976). – P. 201-12.
21. Togan A.Z.V. The composition of the History of the Mongols by Rashid al-din / Central Asiatic Journal. 1962, vol. 7, № 1.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ ЧЕКРЕ – ХАНА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НАЧАЛА XV ВЕКА

Военно-политическое противостояние Тохтамыша и Тимура, а также опустошительные походы последнего привели к упадку городской культуры Золотой Орды, новому витку междоусобных войн, росту удельного сепаратизма, политическому росту мангытского темника Эдиге, вокруг жизни и деятельности которого сосредоточилось немало внимания со стороны восточных авторов.

«Царь Идики», «государь Дешта, Сарайа и Крыма» – так именует его ал-Айни – прославился тем, что назначал и смещал по своему усмотрению ханов-чингизидов, удовлетворяя тем самым свои политические амбиции. Одним из таких марионеток был тука-тимурид Чекре. Он был одним из немногих правителей, чья биография получила относительно неплохое освещение в источниках, в частности, в «Путешествии» Иоганна Шильбергера. Но образ хана оказался насыщен противоречивыми известиями, попытка разобраться в которых будет представлена ниже.

Прежде необходимо начать с историографического экскурса, который позволит отметить эволюцию взглядов на правление и личность чингизида. Достаточно подробно для XIX века очередной ордынской замятни 1410-х гг. касается В.Д. Смирнов, упоминая о Чекре лишь только то, что он ставленник Эдиге (Смирнов, 2011, с. 143). Примечательно, что почти столетие спустя, в обширной монографии Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского, не нашлось ни строчки царевичу; исследователи вкратце упомянули лишь о преемнике Чекре Джаббар-берди (Греков, Якубовский, 1950, с. 410).

М.Г. Сафаргалиеву принадлежит первый опыт биографического анализа царевича. Исследователь отметил участие Чекре в походе в Сибирь вместе с Эдиге, а также упоминания о нем в немногочисленных источниках, отметил имеющийся нумизматический материал. Также автор предположил убийство царевича сыном Тохтамыш-хана Джаббар-берди, на основании сообщения Абд ар-Раззака Самарканди (Сафаргалиев, 1960, с. 190-192).

В контексте нумизматических данных (монеты 816-818 г.х. – 1413-1416 гг.) упоминает о царевиче А.Г. Гаев (Гаев, 2001, с. 31-32). Этими же годами на аналогичной базе отметили правление Чекре Р.Ю. Рева, А.А. Казаров и В.Б. Клоков (Рева и др, 2009, с. 78).

Последующие публикации касались непосредственно вопросов участия Чекре в сибирском походе, описания его жизнедеятельности согласно сведениям Иоганна Шильбергера, а также проблематики отождествления Султана-Мухаммеда, боровшегося с Чекре за золотоордынский престол в трактовке «Анонима Искандера» Муин ад-дина Натанзи.

Р.Ю. Почекаев предположил, что после сибирского похода Чекре «возглавил Тюменский юрт», а после поражения Кепека «Волжская Булгария отошла к владениям Чокре и Идигу, а Керим-Берди стал управлять юго-западом Золотой Орды» (Почекаев, 2012, с. 225). Также автор скептически отнесся к смерти Чекре от рук Мухаммеда, отождествив последнего с Улуг-Мухаммедом – новым ханом Золотой Орды после смерти Дервиша (Почекаев, 2012, с. 369, прим. 674).

Более пристальное внимание на личность Чекре обратил Д.Н. Маслюженко. Исследователь выдвинул свою датировку похода царевича в Сибирь, обратил внимание на известный в источниках факт борьбы Чекре и Султана-Мухаммеда, связав с аналогичной ситуацией в сочинении Иоганна Шильбергера (Маслюженко, 2011, с. 96-97).

Ж.М. Сабитову принадлежит наиболее целостная характеристика хана. Автор суммировал сведения из источников, обозначил генеалогию Чекре. Исследователь также попытался идентифицировать упомянутого Мухаммеда, связав с его сыном Тохтамыша – Кучиком. Согласно мнению исследователя, о Кучике сообщает ал-Дженнаби со ссылкой на Мухаммеда ат-Ташканди (Сабитов, 2011, с. 101-102).

К.З. Ускенбай усомнился в отождествлении Чекре с Чингиз-огланом, упомянутым у Самарканди, указав на несовпадения в аспектах биографии хана, представленных в источниках. При этом автор придерживается канвы событий, содержащейся у Натанзи, где Чекре «низвергнут и убит Мухаммедом» (Ускенбай, 2013, с. 239-240).

Отметим, что исследования последних лет достаточно скрупулёзно восстановили биографию Чекре, «разбросанную» по различным средневековым авторам. Наиболее «проблемной зоной» осталась попытка хронологического и именного отождествления упоминаемого противника Чекре, а также перипетии их междоусобицы.

Пролить свет на эту и иные проблемы нам поможет обращение к источниковедению.

Подробное жизнеописание Чекре оставил Иоганн Шильтбергер, проведший почти 34 года слугой у различных правителей Азии, также находившийся четыре года при внуке Тимура Абу-Бакре. При тимуриде находился также и Чекре. Из записок Шильтбергера не совсем ясно, как пленный баварец попал к чингизиду, однако подробное изложение путешественником пути вместе с царевичем из Мавераннахра в Золотую Орду может свидетельствовать о последнем как очевидце событий, хотя описанная им последовательность и является оригинальной, не находя подтверждения в иных источниках.

Занимательно, с множеством характерных фактов, изложено Шильтбергером и путешествие в Сибирь, однако цель и итоги похода раскрыты не были; лишь финал похода свидетельствовал об определенной удаче: «После покорения Сибири Едигей и Чакра вступили в Булгарию, которая ими также была завоевана. После этого возвратились восвояси» (Шильтбергер, 1984, с. 35).

Затем баварец кратко пересказывает хронологию правления золотоордынских ханов первого двадцатилетия XV века, после чего сообщает: «Чакра был вынужден бежать в страну, называемую Дешти-Кыпчак, и Мухаммад воссел на престол». В следующем абзаце, упоминая о новой усобице в Золотой Орде, Шильтбергер сообщает следующее: «Свергнутый Бараком Мухаммад, собравшись с силами, в свою очередь изгнал его, однако затем сам был изгнан Девлет-Берди, который после трехдневного царствования был вынужден уступить престол Бараку. Последний затем погиб в борьбе с моим господином Мухаммадом, снова овладевшим престолом. Мой господин Чакра, который хотел низвергнуть Мухаммада, сам погиб в борьбе с ним» (Шильтбергер, 1984, с. 35-36). Столь обширные свидетельства о Чекре пленным немцем вполне разумны: как мы помним, он был слугой Чекре и говорил о нем как о «господине». Последнее обращение к Чекре относится к главе о возвращении Шильтбергера на родину: «После упомянутого мною выше поражения Чакры, я попал к господину по имени Маншук, который был советником Чакры. Изгнанный, он пробрался в город Каффу, населенный христианами. Это – весьма многолюдный город, в котором обитают последователи шести различных вероисповеданий» (Шильтбергер, 1984, с. 67). На ценность этой информации справедливо указал Ж.М. Сабитов (Сабитов, 2011, с. 100), но не использовал для решения вопроса противостояния Чекре и Мухаммеда.

Судя по упомянутой главе, возвращение Шильтбергера на родину не было скорым: суммарно не менее трех лет, значит, имеющееся «поражение» стоит относить к 1423-1424 гг. Действительно, Чекре терпит поражение от нового претендента по имени Мухаммед; спустя какое-то время он погибает от рук «господина Мухаммеда» (Шильтбергер, 1984, с. 36). Упоминание «Мухаммедов» в таком порядке приводит Ж.М. Сабитова к мысли о наличии двух Мухаммедов (Сабитов, 2011, с. 100-101).

Однако имеющийся в нашем распоряжении более точный перевод необходимых отрывков снимает некоторые проблемы вокруг Мухаммеда.

Приведем фрагменты:

«И Едигей сделал моего господина Чегру королем как и обещал ему и тот был около восьми месяцев королем. Тогда пришел некто, называемый Мухаммед и сражался с Чегрой и Едигеем и Чегра бежал в страну, называемую Дешипшах (Дешт?), и Едигей был схвачен и Мухаммед стал королем. И затем пришел некто по имени Борак, изгнал Мухаммеда и стал королем. И затем собрался [с силами] Мухаммед и изгнал Борака и снова стал королем. Затем пришел некто по имени Давлет-Берди, изгнал Мухаммеда и стал королем, и был королем только три дня. Затем пришел вышеназванный Борак, изгнал Давлет-Берди и снова стал королем. Затем пришел вышеназванный Мухаммед, убил Борака и снова стал королем. И затем пришел Чегре, мой господин, сражался с Мухаммедом и был убит...»

Поскольку Чегра проиграл и был убит, то я перешел к другому господину, называемому Маннстцух (Маншук?) и он был рыцарем Чегры и вынужден был бежать и ушел в город, называемый Каффа и в этом городе есть христиане и это весьма могущественный город, городе в есть шесть вероучений, и там мой господин оставался 5 месяцев» (Langmantel, 1883, p.42-43).

Представленный вариант приводит некоторые факты в совершенно ином свете. Лаконичность повествования наводит на мысль, что Иоганн Шильтбергер вообще не был свидетелем усобиц второй половины 1410-х – 1420-х гг. В качестве сравнения можно привести поход в Татарию и Сибирь, который был расписан баварцем достаточно подробно и с множеством региональных особенностей. Если

же автор был свидетелем упомянутых им событий, то почему не обратил внимания на характерные детали, столь свойственные для его записок? Однако подробный анализ данного произведения выходит за рамки статьи.

Обращает на себя внимание также и попадание Шильтбергера к Маншуку после смерти Чекре. Логично предположить, что смерть последнего произошла ближе к середине 1420-х, ибо процесс возвращения баварца на родину изучен довольно тщательно, с указанием дней и месяцев. Вышеуказанное приводит нас к гипотезе о смерти царевича до 1424 года и борьбе одного с Улуг-Мухаммедом, поскольку иных «Мухаммедов» (т. н. «господина Мухаммеда». – прим.) в отрывке не фигурирует. Однако чуть позже мы еще вернемся к этому вопросу.

Обратимся теперь к труду Муин ад-Дина Натанзи, известному в историографии как «Аноним Искандера». О Чекре сообщается буквально следующее: «После этого (убийства Султаном-Мухаммедом своего брата Джалал ад-Дина, сына Тохтамыш – прим.) Чакире-оглан, который долгое время проводил жизнь в орде Тимура, а после смерти его величества некоторое время находился при Худайдаде, сыне Хусайна, и еще некоторое время под покровительством Шейх Нур ад-дина, сына Сары-Буки, стал устраивать большие смуты и в последний раз бросился в Хорезм. После убиения Джалал ад-дин султана ему в голову запало стремление и жажда узбекского улуса и не обращая внимания... (Далее следует пропуск в рукописи – прим.) До его прибытия Султан-Мухаммад стал самостоятельным (государем), выступил против него и в первой же стычке обратил его со всеми его последователями и окружающими в пух и прах. Теперь это широкое и пространное государство находится в его (Султан-Мухаммада) владении, а Чакире-оглан по-прежнему проводит жизнь в тех краях в бедствии, без дома и крова» (История Казахстана в персидских источниках. Том IV, 2006, с. 264-265). Также о некоем Мухаммадхане, сыне Тохтамыш, правившем недолгое время, упоминает более поздний автор Гаффари (История Казахстана в персидских источниках. Том IV, 2006, с. 405).

Если суммировать хронологию правления ханов Золотой Орды, сообщаемую Натанзи, то она выглядит следующим образом:

Тохтамыш – Тимур-Кутлук – Шадибек – Тимур-султан б. Тимур-Кутлук – Джалал ад-дин султан – Султан-Мухаммад – Чекре – Султан-Мухаммад.

При этом «Аноним Искандера» не указывает ханский статус Чекре.

В данном случае разумно провести аналогии с аутентичными сообщениями.

Йазди: Тохтамыш – Тимур-Кутлук – Шадибек – Пулад – Джалал ад-дин – Кепек – Карим-берди – Чекре – Дарвиш – Мухаммад-хан (История Казахстана в персидских источниках. Том IV, 2006, с. 289).

«Та'рих-и арба' улус» мирзы Улугбека: Тохтамыш-хан – Тимур-Кутлу – Шадибек – Пулад – Тимурхан б. Тимур-Кутлу – Джалал ад-дин – Карим-берди – Кийик – Чакар – Джаббар-берди – Саййид-Ахмад – Дарвиш – Мухаммад-хан (Тарих, 2007, с. 105-110).

Самарканди: Шади – Пулад-хан – Тимур-хан б. Тимур-Кутлук – Джалал ад-дин-султан – Чингизоглан – Джаббар-берди (История Казахстана в персидских источниках. Том IV, 2006, с. 368-372).

Путем простого сравнения можно определить, что сведения Натанзи идут вразрез с иными представителями персоязычной историографии. Само же сочинение было представлено двумя редакциями: 816 г.х. (1413-1414 гг.) и 22 раджаба 817 г.х. (7 октября 1414 г.) (История Казахстана в персидских источниках. Том IV, 2006, с. 248-249) – времени гипотетического восшествия на престол Чекре, ибо уже 816 г.х. датируются его первые монеты. Вместе с тем события, описанные до смерти Джалал ад-дина, не противоречат имеющейся хронологии, что наводит нас на мысль об ином источнике сведений для «Анонима Искандера»; либо же до автора, явно интересующегося судьбой Чекре, доходили неясные сведения об очередной ордынской междоусобице. В итоге Натанзи мог воспользоваться довольно распространенным мусульманским именем «Султан-Мухаммед» (см. например, История Казахстана в персидских источниках. Том III. Му'изз ал-ансаб, 2006, с. 304-305). В генеалогических сочинениях династ с таким именем среди сыновей Тохтамыш не значится: он присутствует лишь в сочинении Гаффари (середина XVI в.) с ханским титулом (История Казахстана в персидских источниках. Том IV, 2006, с. 405). Д.М. Исхаков предлагает связывать его с Султан-Мухаммедом, в котором видит еще одного тука-тимурида Улуг-Мухаммеда (Исхаков, 2009, с. 120).

Фигурирует Чекре и в сочинении Абд ар-Раззака Самарканди, написанном между 1467-1475 гг. (История Казахстана в персидских источниках. Том IV, 2006, с. 361). Б.А. Ахмедов, на основании неопубликованных фрагментов рукописи, отметил посредничество Чингиз-оглана в деле примирения Шахмелика и Улугбека по просьбе Шейха Нур ад-дина (Ахмедов, 1965, с. 28-29). Все это вполне позволяет подтвердить мнение Натанзи о покровительстве Чекре Нур ад-дином и не согласиться с вышеупомянутым мнением К.З. Ускенбая о двух различных царевичах.

Согласно персидскому автору Чекре (Чингиз-оглан – прим.) принял участие в войне Эдиге против Шахруха в Хорезме (История Казахстана в персидских источниках. Том IV, 2006, с. 371), чем обозначил их будущий политический союз. Сами же военные действия можно уверенно обозначить 1412 годом. Развитие событий вполне согласуется с упоминанием Натанзи о «больших смутах» Чекре, которые, видимо, понимались как предательство по отношению к семейству Тимура. В то же время Шильтбергер, находясь уже при Чекре, никак не комментирует эпизод с Хорезмом, представляя уход от Абу-Бакра как предложение «возвратиться на родину, чтобы занять там престол. С согласия Абу-Бакра он отправился туда в сопровождении 600 всадников, в числе которых находился и я с четырьмя товарищами» (Шильтбергер, 1984, с. 33). Тем самым налицо явное противоречие в сообщениях авторов.

Самарканди также принадлежит и важное упоминание об изгнании Чекре Джаббар-берди, внешне совпадающее с сочинением Натанзи; в нем он назвал «Чингис-огланом» (История Казахстана в персидских источниках. Том IV, 2006, с. 372). К.З. Ускенбай усомнился в сообщении персидского автора, предположив, что «Джаббарберды, обитавший большей частью в княжестве Литовском у Витовта, на левобережье Волги и тем более в Узбекском Улусе (а это степи к востоку от Яика) замечен не был» (Ускенбай, 2002, с. 130). Однако в действительности это не так. Еще М.Г. Сафаргалиев, на основании изучения сведений «Codex Epistolazis Vitoldi» и «Хроники» Яна Длугоша, показал, что ставленником Витовта был еще один брат Джаббара Карим-Берди, убивший в 1413 году Джелал ад-Дина (Сафаргалиев, 1960, с. 191-192), что согласуется и с показаниями источников (Jana Długosza, 1869, p. 203-204; Codex epistolaris Vitoldi, 1882, p. 352). Вполне допустимо очередное участие Карим-берди в борьбе за престол; согласно Длугошу беглый царевич был убит Йеремферденом (Ерим-берди), «который завладел его тронem, и действуя предусмотрительно, также как отец уважал авторитет Александра. Правление его, поддерживаемое дружбой и помощью князя Александра, вскоре укрепилось; сам же Йеремферден ходил во все походы вместе с Александром Витовтом, и против любого из врагов давал вооруженную поддержку» (Jana Długosza, 1869, p. 203-204). Под Йеремферденом вполне допустимо видеть Джаббар-берди, сместившего Чекре. Показательно, что Ян Длугош ничего не знал о последнем. По версии М.Г. Сафаргалиева, Джаббар-берди был вытеснен союзом Эдиге и Дервиш-хана и бежал в Крым (Сафаргалиев, 1960, с. 192).

Неверны и хронологические выкладки К.З. Ускенбая, согласно которому «после смерти Тимура Чекре оказался при дворе Абу Бекра (умер в 1408/9 г.), сына Мираншаха и внука Тимура разрешение вернуться домой, он в 1405 г. отправился через Кавказ в Золотую Орду» (Ускенбай, 2013, с. 239). Шильтбергер пишет: «После пленения и казни Миран-шаха я попал к его сыну Абу-Бакру, у которого я оставался четыре года» (Шильтбергер, 1984, с. 32). Смерть Мираншаха датируется 1408 годом (Сафаргалиев, 1984, прим. 91). Соответственно, нетрудно вычислить дату ухода от Абу Бакра, причем она совпадает с датой появления Эдиге и Чингиз-оглана в Хорезме.

Согласно Йазди, «Чекре-оглан, из рода Джучи-хана» сидел по правую сторону от Тимура во время приема Кара-Ходжи, посланника Тохтамыша, принесшего от беглого хана письмо с извинениями. Это событие уверенно датируется раджабом 807 г.х. (3 января – 1 февраля 1405 г.) (История Казахстана в персидских источниках. Том IV, 2006, с. 350-351, 360, прим. 165). С одной стороны, этот факт показывает статус царевича среди эмиров Тимура и вполне логичную заинтересованность к нему со стороны некоторых персидских авторов.

Махмуд бен Вали в сочинении «Бахр ал-асрар» (составлено около 1634-1641 гг.) отмечает интересные детали в биографии царевича:

«Чекре-хан, опасаясь урона от Токтамыш-хана, удалившись в Мавераннахр, некоторое время пожил в ставке Сахиб-и Кирана [Амира Тимура]. Пользовался всеми милостями и благосклонностями упомянутого эмира. После смерти Сахиб-и Кирана и погашения [пламени] Токтамыш-хана, [Чекре-хан] возвратился из Мавераннахра к близким и был назначен правителем некоторых владений. Когда знаки его благомыслия стали известны родственникам, упомянутые султаны, признав его соправителем престола, поручили ему решения самых важных дел. Когда Кебек-хан скончался, военачальники и сановники государства, учитывая его блестящие способности, вручили ему узды важных дел ханства и дела управления государством. Чекре-хан после вступления [на престол] приложил много усилий для защиты чести шахства» (История Казахстана в персидских источниках. Том IV, 2006, с.289, прим. 12). Использование данного отрывка нами в исследовательской литературе не встречалось. Махмуд бен Вали подчеркивает важный статус Чекре в государстве тимуридов, положительно отзываясь о его правлении. Примечательно, что прошибанидски настроенный автор ничего не сообщает о его предательстве.

Помимо сочинения бен Вали, только «Та'рих-и арба' улус» сообщает об окончании правления Кепек-хана и начале «его брата Чакар-хана, сына Тохтамыш-хана» (Из «Та'рих-и арба' улус», 2007, с. 109). Очевидно, несмотря на верную последовательность правления династов-чингизидов, составитель «Та'рих» был ограничен в знании генеалогических тонкостей.

Генеалогия Чекре-хана, согласно «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», выглядит следующим образом:

Джегре-хан – Акмыл – Менгасир – Абай – Уз-Тимур – Тука-Тимур (Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков, 1969, с. 40-41; Сабитов, 2011, с. 99). Примечательно, что ханское достоинство досталось лишь Чекре; вряд ли подобный взлет имел место быть без помощи Эдиге, без могущественного темника тука-тимурида был бы лишь одним из немногих царевичей, вовлеченных в политическую орбиту империи Тимура.

Источники, характеризующие Чекре, носят весьма противоречивый характер. Шильтбергер подробно сообщает о таком незначительном событии, как поход в Сибирь, но умалчивает о перипетиях жизни царевича в его ханском достоинстве, что наводит на вполне логичную мысль о неучастии ба-варца в политической жизни Золотой Орды после (или даже ранее) смещения Чекре. Детальное изложение продолжается лишь после смерти тука-тимурида. Натанзи, чья заинтересованность царевичем может быть вызвана его приближенностью к Тимуру, лишь добавляет сумятицу, указывая на борьбе Чекре с неким Султаном-Мухаммедом, сыном Тохтамыша, не фиксируемым в иных источниках. Этот факт явно свидетельствует о необходимости дифференцированного подхода к авторской концепции. Не вызывает нареканий лишь Абд ар-Раззак Самарканди, повествование которого о событиях в Золотой Орде лаконичное, поскольку идет в сопровождении среднеазиатских событий. Неизвестны причины именования Чекре «Чингиз-огланом», однако некоторые характерные детали биографии, фиксируемые персидской историографией, позволяют уверенно говорить об одном и том же лице.

Суммировав показания источников, картина вырисовывается следующая.

Политический рост Чекре-хана проявился, вероятнее всего, еще при жизни Тимура. Йазди свидетельствует о нем как о царевиче «правого крыла». Впоследствии, после смерти могущественного правителя, Чекре сначала находится при эмирах Тимура, участвует в дипломатических переговорах, затем попадает к его внуку Абу-Бакру. Согласно Шильтбергеру, ему «было предложено возвратиться на родину, чтобы занять там престол». Казалось бы, этот факт подтверждает увеличивающийся политический вес Чекре. Но затем события по неизвестным причинам разворачиваются иначе. Чекре помогает Эдиге с вторжением в Хорезм, тем самым становясь сепаратистом в глазах Шахруха. Этому факту не противоречит заявление Натанзи о «больших смутах» и явная заинтересованность автором дальнейшей судьбы опального царевича.

Шильтбергер представляет несколько иную картину; согласно ему, Чекре совершает длинный путь в «Татарию» и лишь затем знакомится с Эдиге, который начинает рассматривать его как претендента на престол Золотой Орды. В целом их поход в Сибирь носит неясный характер, скорее всего, он вызван стремлением Эдиге подчинить себе северные территории («После покорения Сибири Едигей и Чакра вступили в Булгарию, которая ими также была завоевана»), тем самым усилив свои позиции в борьбе с детьми Тохтамыша. Сам поход может быть уверенно локализован 1413 годом (Маслюженко, 2011, с. 96), либо началом 1414 г. Все это закономерно приводит к тому, что Чекре становится золотоордынским ханом, однако его положение является нестабильным. Будучи креатурой Эдиге, он приобретает новых врагов в лице детей Тохтамыша, что приводит к поражению от Джаббар-берди в начале 1416 года, чему не противоречат и нумизматические данные.

Дальнейшая судьба чингизида представляется противоречивой, ибо трактуется всего одним вышеприведенным источником. Попадание Шильтбергера к советнику Чекре Маншуку после смерти «господина», согласно имеющемуся в нашем распоряжении переводу, вполне можно отнести к 1423-1424 гг. Указание на противостояние Чекре и Мухаммед-хана присутствует и в летописи ал-Айни: «В 824 (1421) году государем земель Дештских был Мухаммедхан, но между ним и Боракханом и Беркеханом (вероятно, Чекре-ханом) происходили смуты и войны, и дела не улаживались» (История Казахстана в арабских источниках. Том I, 2005, с. 375). В примечании также отмечено: «Государем Дешта и Сарайа был Беркехан, из рода Чингизхана, сына Хулавуна» (История Казахстана в арабских источниках. Том I, 2005, с. 382, прим. 40). Однако четкая локализация Берке как Чекре на основании имеющихся сообщений вряд ли возможна, особенно учитывая кризис политической власти в Золотой Орде после смерти Эдиге, где претендентами на престол выступали сразу несколько чингизидов.

Эти размышления приводят нас к единственному кандидату на роль антагониста Чекре – Улуг-Мухаммеду, ставшему правителем Золотой Орды после смерти Эдиге (см., например, История Казах-

стана в арабских источниках. Том I, 2005, с. 375) при условии допущения деятельности царевича после смещения его Джаббар-берди с престола.

Картина может быть восстановлена следующим образом. Изгнанный Джаббар-берди Чекре перестал представлять интерес для мангытского темника и на время ушел в тень. Сопровождал ли его в этот непростой период жизни Иоганн Шильтбергер – неясно. Ситуация коренным образом меняется с приходом к власти Улуг-Мухаммеда и последующим приходом Барак-хана в Поволжье. Усиливается очередной виток борьбы за власть, в ход которого включается и Чекре, вновь терпящий поражение, но на этот раз уже убитый от рук Улуг-Мухаммеда. Примерный временной отрезок стал возможен благодаря Шильтбергеру, поскольку главу о своем возвращении домой он начинает именно со смерти своего «господина». Тем самым смерть Чекре можно уверенно обозначить серединой 1420-х гг.

Литература

1. Ахмедов Б.А. Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра первой половины XV в. / Из истории эпохи Улугбека. Сборник статей. – Ташкент: Наука, 1965. – С. 5-66.
2. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. – Л.: Наука, 1971. – 276 с.
3. Гаев А.Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи / Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Том 3. Нижний Новгород, 2002. – С. 9-55.
4. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. – М.: -Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. – 500 с.
5. Из «Та'рих-и арба' улус» Мирза Улугбека / История Казахстана в персидских источниках. Т. V. Извлечения из сочинений XIII-XIX вв. / М.Х. Абусеитова [отв. ред. и сост.]. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С. 88-112.
6. История Казахстана в арабских источниках. Том I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем / Б.Е. Кумекоев, А.К. Муминов [ред.]. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 711 с.
7. История Казахстана в персидских источниках. Том III. Му'изз ал-ансаб (Прославляющие генеалогии) / А.К. Муминов [отв. ред.]. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 672 с.
8. История Казахстана в персидских источниках. Том IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / М.Х. Абусеитова [отв. ред.]. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 620 с.
9. Исхаков Д.М. О родословной хана Улуг-Мухаммеда / Исторические очерки. – Казань: Изд-во «Фэн», 2009. – С. 109-122.
10. Маслюженко Д.Н. Ханы Махмуд-Ходжа и Хаджи-Мухаммед, или «Улус Шибана» в первой четверти XV в. / Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды: сборник научных статей, посвященных памяти В.П. Костюкова / Д.В. Марыксин, Д.В. Васильев [отв. ред. и сост.] – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. – С. 88-101.
11. Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / С.К. Ибрагимов и др. [сост.]. – Алма-Ата. Наука. 1969. 655 с.
12. Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. – 464 с.
13. ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – СПб., 1897. – 254 с.
14. Рева Р.Ю., Казаров А.А., Клоков В.Б. Новые нумизматические данные для реконструкции истории Золотой Орды в 817-819 г.х. / Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. – Ростов-на-Дону, 20-25 апреля 2009. М., 2009. – С. 78-80.
15. Сабитов Ж.М. Чекре-хан и Мухаммед-хан / Зертеуші. 2011. № 3-4. – С. 98-103.
16. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. – 279 с.
17. Смирнов В.Д. Крымское ханство XIII-XV вв. – М.: Вече, 2011. – 336 с.
18. Ускенбай К.З. Восточный Дешт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. – 288 с.
19. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке. – Баку, 1984. – 88 с.
20. Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376-1430. – Cracoviae: Acad. Literarum, 1882. – 1113 p. + CXVI s.
21. Jana Długosza kanonika krakowskiego dzieła wszystkie. Том IV. Кн. XI-XII. – Kraków, 1869. – 558 p. + XXIII s.
22. Langmantel V. Hans Schiltbergers Reisebuch. – Stuttgart, 1883. – 200 p.

ЦИНСКИЕ СТРАТЕГИ О ВОЙНЕ С КОЧЕВНИКАМИ

Джунгарское ханство все годы своего существования (1635-1755) вело борьбу за объединение монгольских племен, населявших территорию от Енисея до Иртыша и от Алтая до Тибета. В Восточной и Южной Сибири джунгары потеряли власть над кыштымами алтайцев, тыва, кыргызов и бурятов. Здесь интересы кочевой империи столкнулись с интересами Российской империи. Но главными соперниками джунгар в Восточной Азии оставались маньчжуры. Завоевав Китай, используя его неограниченные людские и огромные экономические ресурсы, они постепенно вытеснили ойратов с родовых кочевий в Монгольском Алтае, а также подчинили себе племена в излучине Хуанхэ – Ордосе, в Цинхае и Тибете. Ставка джунгарских ханов при Цэван-Рабдане (время правления 1697-1727) [6, 420] переместилась в урочище Кульджа в долине реки Или [1, 1983]. Цинская империя построила крепость у реки Кобдо, оттеснила джунгар с родовых кочевий. Это привело к тому, что джунгары, стремясь обезопасить свою столицу, стали совершать походы в западном направлении против казахов Семиречья.

Император маньчжурской династии Цин Канси (время правления 1683-1722) трижды лично возглавил походы против хана Галдана (погиб весной 1697 года) [3, свиток 183, л. 7]. Но так и не смог его покорить. Великому императору никак не удавалось ни взять в плен джунгарского хана, поменявшего халат ламы на воинские латы, ни заставить отказаться от сопротивления Цинской империи на его условиях. Канси решил подвести итоги войны с джунгарскими кочевниками от времени основания империи до своего правления включительно. Это составило приблизительно 50 лет.

Для приведения джунгар в покорность разрабатывались различные хитроумные планы, стратегия и тактика войн. На уничтожение государства монголов направлялись все ресурсы огромной империи [7].

Обратимся к военному опыту цинской армии в войне с джунгарскими кочевниками и военной теории цинских полководцев XVIII века. Среди военных соперников джунгарских ханов были сам император Канси, а также известные монгольские, китайские и маньчжурские генералы, которым перед каждым походом давали титулы со словами «усмиряющие», «умиротворяющие», «утверждающие спокойствие».

Ранней весной 1722 г. Канси велел нескольким своим полководцам составить анализ слабых и сильных сторон джунгар и каждому по отдельности представить их ему на рассмотрение. Из этих докладов наибольший военно-теоретический интерес представляет аналитическая справка и предложения военного советника – генерала Арана. Генерал родился в семье военного – дутуна Ананьда. Они были прикреплены к монгольскому хошуну цинского желтого знамени. Имя Арана становится известным в 1716 году, когда он получил повышение по службе, удостоился чина дутун. В 1717 г. его отряды достигли урочища Урумчи с целью наказания Цэван-Рабдана, но не застали здесь ни хана, ни его каких-то военных постов. В 1721 г. в период подготовки к новому джунгарскому походу Арана был направлен в Турфан, в окрестностях которого стал создавать военные поселения, которые занялись земледелием и скотоводством для подготовки продовольствия и коней. В том же году он сумел отбить внезапную атаку войск Цэван-Рабдана и получил должность генерала – военного советника [5, 336]. Арана подал рапорт императору Канси с предложением выступить в поход в Кульджу, где находилась главная ставка джунгарского хана. Но поход был отложен императором на год. А в конце 1722 г. грозный повелитель Поднебесной скончался.

В 1723 г. севший на трон император Юнчжэн за упущения в реализации военных планов против кочевников фактически понизил Арана в должности, назначив заместителем дутуна (фу дутун) монгольского хошуна желтого знамени с каймой. В том же году полководец умер. Вероятно, отец Юнчжэна – Канси все же уважал своего полководца, доверив ему дело чрезвычайной секретности и государственной важности. Итак, обратимся к мнениям военных противников джунгар.

3 апреля 1722 г. (61-й год правления Канси, 2-я луна) Арана представил свои соображения следующего содержания: «Слуга удостоился приказа вашего величества проанализировать сильные и слабые места джунгар и представить об этом секретный доклад. Слуга считает, что хотя варвары и знакомы с /тактикой/ наступления и отступления, но оставляемые ими следы /последствия этих действий/ очень легки. Хотя /джунгары/ и имеют ружья /и пушки/, но очень мало имеют пороха и свинцовых пуль. Наши войска сами полностью готовят пушки и ружья, обильное количество пороха и пуль. Это является первым основанием для победы над варварами. Варвары хотя и имеют вооружение, но стрел и луков у них весьма не достаточно. Наши пики и копья остро отточены, луки и кони крепки. Это является вторым условием победы над врагами. Варвары легко вступают в бой и быстро терпят поражение /отступают/. Обдумывают и предпочитают искать шанс для внезапного нападения и грабежа. Мы выстраиваем отряды в твердом и строгом порядке, не оставляем малейшей щели, которым могли бы воспользоваться /через которые враги могли бы просочиться/. Это является третьим условием /нашей/ победы. Варвары жаждут и планируют только то, как бы ночью отогнать коней. Мы же создаем конные заводы, в которые невозможно проникнуть (недоступны врагу). Это является нашим четвертым условием победы. Варвары, кочуя, приближаются к нашим землям, когда представляется удобный /момент/, наши войска тотчас вторгнутся в их стойбища. Они связаны женами, детьми, скотом, /которые находятся при них/. Все /они/ взаимно любят и жалеют друг друга /так/, (что) не могут всем сердцем отдаться сражению. Это является пятым условием нашей победы.

Вовсе не трудно отсюда /с китайских границ/ добраться прямо до Или, разорить их гнездо. Кажется, их немало встречается по пути. Они могут приблизиться и расположиться в хвосте наших войск. На какой бы то ни было дороге, разбойники могут за ночь догнать нас. Мы должны на дальнем /расстоянии от лагеря/ расставить посты, /которые/ могут либо преградить им путь, /и мы можем/ хотя бы получить достоверное известие /о вражеском войске/. Как видно /из практики/, /военные посты/ помогают также в охране от нападений полей наших военных поселений близ Турфана. Ныне наши войска можно выдвинуть вперед и дислоцировать их в Урумчи. Слуга может двинуться к Турфану, Букану, расположиться там и оказывать отсюда поддержку (действующей армии). К тому же, противнику некуда будет отступить. Одновременно /мы/ не будем тревожиться о наших полях. Ваши слуги вместе осмотрели окрестности Турфана, изучили направления /дорог/, начертили карты и представили их для рассмотрения. Если планируется нападение на джунгар, то следует вторгаться тремя колоннами. Для вторжения на Алтай войскам следует двигаться из Кобдо по течению одноименной реки, далее перейти Иртыш и продвигаться вперед. Баркульские войска пойдут вперед через Урумчи. Турфанские войска – через горный проход Алахунь двинутся далее, преодолев вершины Наратэ. В каждой колонне может быть до 15 тысяч воинов. Если противник встретит нас тремя колоннами своих войск, то силы его будут разрознены и его легко будет разбить. Если он встретит и окажет сопротивление на одном маршруте, с ним в бой вступит одна из наших колонн. Если у противника будут две колонны войск, следует тотчас напасть на расположение их жен и детей, противник никак не сможет оборонять оба направления. Если разбойники будут надеяться на узкие проходы через три вершины, их можно преодолеть пешком, это гораздо легче, чем строить деревянные настилы для прохода /в других местах/. Возьмем средства для поддержания жизни, овец и коров, а также их молодняк. Если /стада/ движутся вместе с войском /кочевников/, скот быстро прикончит травы и его трудно будет сохранить. Каждое /стойбище кочевников/ будет думать о сохранности/ своего скота и /они/ постараются отдалиться друг от друга. После того, как они разойдутся /в разные стороны в поисках корма для своих стад/, они /уже не смогут/ восстановить свою /первоначальную мощь/, у них не будет настроения крепко сплотиться. Воспользовавшись этим обстоятельством, мы можем уничтожить /врага/, это не будет представлять /для нас/ особой трудности. Однако, нельзя заранее определить сроки /описанных действий противника/, также нельзя быстро доставить продовольствие в нужное место. На большой урожай с полей в Турфане в этом году не приходится рассчитывать. Если продовольствие не будет доставлено своевременно, если придется временно отступить, можно все войска собрать во вновь построенных крепостях Хами и Алтая, собрать здесь все продовольствие и проводить военные учения. Когда обстановка у разбойников изменится /в нашу пользу/, будет удобно отсюда двинуться и уничтожить их. Следует лишь улучшать положение с продовольствием, вооружением, людскими силами» [3, 295, 11-14].

Как видно из доклада, цинский стратег досконально изучил военную тактику кочевников, вытекающую из образа их жизни и способов хозяйствования. Он тщательно отметил все преимущества военного дела в Цинской империи и выделил пять основных условий, ведущих к поражению их противников.

Джунгары оставались серьезными противниками Цинов. Они традиционно составляли тысячи конных формирований. Основным оружием монголов были луки и стрелы, сабли, копья, палицы, плети, бердыши, мелкие ружья. Они начали осваивать пушки. В сражении с цинскими войсками в Восточном Казахстане казах Аблай и хотохойт Амурсана использовали пушку (пушки?), которую они закопали при отступлении, чтобы она не досталась врагам. Цинские войска имели преимущество не столько из-за разнообразного и более качественного вооружения, а сколько из-за превосходящего количества их войск.

Второй цинский генерал – Цилэду, командующий войсками на границе Джунгарии с Халха-Монголией и расположившийся на севере от реки Ирбур, также написал разработанный им план. Но он не анализировал боевые качества джунгар /или этот раздел его доклада в источнике не приведен/. Поэтому его план уступал плану Арана в военно-стратегическом и тактическом отношении. Его тактика «обуздания непослушных варваров» в целом не противоречила тактике Арана. Канси успел посмотреть доклад Арана, приказал Государственному совету изучить его, как и доклады других своих генералов, и представить свои соображения. Чиновники Государственного совета незамедлительно представили свои соображения, они одобрили содержание записки Арана, но предлагали дождаться возвращения миротворческого посольства к джунгарам, которую во исполнение воли Канси, но якобы от своего имени готовил монгольский хутукту. Кроме того, высокопоставленные военные специалисты сомневались в реальности и целесообразности создания военных баз и поселений в Урумчи. По их мнению, цинские войска не смогут эффективно оборонять военные поля и базы, столь далеко оторванные от собственной территории. Сановники считали предпочтительным готовить коней и продовольствие в Монгольском Алтае и рекомендовали уже оттуда в следующем 1723 г. выступить в поход против джунгар. Они предлагали для полной уверенности в победе двигаться не тремя, а четырьмя колоннами в логовище врага. Доклады генералов продолжали изучаться, а военные планы совершенствоваться в Пекине. Но вскоре Канси умер, монгольский хутукту прибыл в Пекин с жертвенными дарами и сам взялся за чтение молитв над гробом Канси. Молодой император Юнчжэн отнёсся к религиозному лидеру ламства с большим уважением. Поговаривали, что у хутухты хранилось завещание Канси. Несмотря на многочисленное потомство, Канси, после наказания своего первенца – прямого наследника, продолжал испытывать сомнения в выборе достойного преемника.

По итогам обсуждения в Государственном совете после смерти воинственного императора Канси становится ясным, что империя была не в силах подготовиться к масштабному вторжению в Джунгарию. В своем мнении сановники укрепились в связи со смертью Канси, обладавшего полководческим даром. Но и он не смог покорить джунгар и привел в истощение казну. Император Юнчжэн намного уступал как правитель своему отцу. Поэтому он придумал отговорку о том, что, якобы внемля просьбам монгольского религиозного лидера – хутухты, отказался от плана наказать Цэван-Рабдана. Но поход против джунгар не был отменен, а отсрочен до удобного момента. Молодой император предложил пока начать переговоры с Цэван-Рабданом и одновременно, хотя и вяло, продолжал обсуждать со своими советниками планы завоевания Джунгарии.

Следующий заслуживающий внимания доклад представил через семь лет генерал Юэ Чжунци, имеющий титул «Успокаивающего дальних» (нинъюань да цзянцзюнь) и князя «гун» третьей степени [5, 420]. Император Юнчжэн, сев на отцовский трон, первые поздравления принял от джунгарского хана Галдан-Цэрена, как прежде от его отца [8, 206]. Кочевые властители хлопотали о разрешении совершать паломничество джунгар в Лхасу через территорию Китая, а также о регулярных торговых связях.

Доклад генерала, датированный 6 июля 1729 года (7-й год правления Юнчжэн, 6-я луна, день гуйвэй), гласит: «Галдан-Цэрен, (все) три поколения его негодной семьи, ненавидимы сотнями варварских народов, покинувшими родных. /Это/ стало причиной массового сопротивления /недовольных, что/ вызвало гнев Неба и печаль людей. Священный предок молодого /императора его отец Канси/ в неизреченной своей добродетели и великом милосердии, прощал их раз за разом. Еще более милостивый /к ним, он – Юнчжэн/, из /чувства/ глубокой гуманности и неисчерпаемого благодеяния неоднократно /пытался/ воздействовать /на Галдан-Цэрена и на джунгар/, но /те/ так и не раскаялись. Он /хан/ по-прежнему обуян непомерной гордыней и не знающей предела разнузданностью, что не соответствует истинному пути дао. Это можно видеть из /содержания и духа/ его посланий. Если не обрушить на него небесную кару, он никогда не различит где верх, а где низ. /А также/ невозможно прекратить /навлекаемые им/ бедствия.

Слуга многожды получал указания Милостивого (намек на императора – К.Х.), выслушивал его предначертания и планы в залах дворца. Обдумывал /эти планы/ со всех сторон и определил око-

ло 10 победоносных пунктов для правительственных войск, при исполнении которых непременно нанесем решительный удар по варварам. Первое из них – добродетели повелителя /нравственное превосходство императора над Галдан-Цэреном/. Второе условие – благоволение Неба. Поддержка Земли является третьим условием победы. Четвертое условие победы – согласие между людьми / между тылом и фронтом, командирами и солдатами – К.Х./ . Подготовка изобильного количества продовольствия – это пятое условие /достижения победы над противником/. /Извлекать выгоды/ из географической характеристики местности – шестое условие победы. Седьмое – искусное расположение кавалерийских полков и правильное построение рядов. Хороший порох, /качественное/ боевое оружие и снаряжение – это восьмое условие победы. Бесперывная цепь перемежающихся обороны и нападения – это девятое условие победы. Десятым условием является способность людей и коней к дальним походам и ограничение во времени /этих походов. К этому следует добавить пространство и предел дня и рамки требования своевременности. Каждый пункт перечисленных /условий достижения победы над врагом/, высказанных от всей души, имеет свои ограничения. Слуга может лишь внести свой ничтожный вклад, бегая туда и сюда для осуществления запланированного. Может лишь выполнять приказы по умиротворению варваров, добывать и преподносить пленных, докладывать о триумфах, чтобы удостоиться государственных милостей». Государь изволил начертать: «Джунгары из поколения в поколение таят в сердце жестокость и непослушание. Все их /намерения/ невозможно предугадать. В будущем они непременно принесут бедствия /всему/ монгольскому народу, также вовлекут в потенциальные смуты /наше/ государство. Следует объявить о преступлениях, навлекающих на них кару, для чего приходится использовать войска. Свыше – чтобы добиться высших целей, снизу – чтобы успокоить дальние окраины» [2, 82, 6-7 об.].

Перед нами встает образ хитрого царедворца, весьма искусного в интригах и знакомого с китайскими теориями войны. Вероятно, Юэ Чжунци нелегко было выдвинуться среди маньчжурской военной аристократии, большинство которых происходило из рода императорской семьи и были близкими родственниками самого императора. Из десяти условий победы стратег указывает пять универсальных нравственных принципов. По его мнению, высокая мораль и нравственное совершенство поднимали общий моральный дух войска и обеспечивали военное превосходство.

Арани посвятил свой доклад непосредственным проблемам ведения войны со степняками, опираясь на свой боевой опыт. Главным преимуществом кочевников он считал их мобильность, внезапность атаки и способность ударить с тыла войска. Очень сложно угадать, с какой стороны кочевники нападут и в какое точно время. В связи с этим необходимо точно рассчитать направление главного удара кочевников и сосредоточить там войска и продовольствие. Недостатком же кочевников было то, что они не закрепляются на территории, где нанесли поражение, внезапно покидают ее. Но они угоняют людей, скот и уносят с собой все свои трофеи. Арана считал очень важным удержаться при первом натиске противника, который, как правило, был самым стремительным и мощным. Далее энергия кочевников ослабевала, а после поражения их армия рассыпалась на части, поскольку большие стада при них требовали больших пространств. И собрать их вновь под одной рукой требовало незаурядных усилий. То, что кочевники брали с собой семью, укрепляло их воинственный дух, они прилагали все силы для защиты ее. Но в отчаянном положении они бросались спасать своих родных и свое имущество. Поэтому при нападении кочевников двумя колоннами следовало прежде всего напасть на их детей и обозы. При нападении кочевников одной колонной им можно было нанести поражение, имея численное превосходство в живой силе.

Почти столь же пренебрежительно говорил сибирский генерал-губернатор о боевых качествах родственников джунгарам калмыках. Калмыки привлекались Петром I в шведском и турецком походах. Сибирский губернатор М. Гагарин в беседе с цинскими послами в 1714 г. в Тобольске не высоко оценивал участие калмыков в этих войнах. Он говорил, что калмыцкое войско «никакого регулярного порядка не имеет, на баталиях, как скоро завидит неприятеля, то палит из ружья и мечет стрелы на перестрел, но как немного с неприятелем сравняется, то думает только, как бы убежать скорее, ни малейшего не давая неприятелю супротивления; когда же случится им счастьем победить неприятеля, то они бросаются только за добычею; за 10 лет перед сим государь их брал у тергетов (торгоутов – К.Х.) 10-тысячное войско на вспоможение, из сего числа 3 000 человек тергетского войска употреблены были против 300 человек шведскаего войска, но тергеты шведов преодолеть не могли» [4, 475]. Дело, очевидно, заключалось в тактике использования конницы в новых условиях «огненного боя» с применением пушек и ружей, к грохоту которых кони кочевников не были приучены. Да и Гагарин эти слова говорил не без задней мысли для острастки Цинов, которые искали союзников в лице калмыков.

По существу, он говорил о превосходстве западного искусства ведения войны, которым начали овладевать русские в результате военных реформ Петра I.

Арана писал свои соображения в русле политики Канси, у которого преобладали планы усмирения кочевников путем масштабных военных походов. В промежутке между ними военные действия не прекращались, но они проводились малыми силами. Приблизительно в таком же духе писал и другой маньчжурский полководец Цилэду, командующий цинскими войсками на восточном направлении, на границе Джунгарии и Монголии.

Генерал Юэ Чжунци писал свой доклад через несколько лет после смерти Канси. Он уделил внимание психологической атаке противника, его деморализации и постоянному морально-нравственному унижению. Маньчжуры, вооружившись категориями «дао» и «дэ», использовали их для подавления морального духа противника, для воодушевления своих полководцев и солдат, для призыва их к непримиримой борьбе против, для мобилизации всех сил народа. С этой целью распространялось мнение о том, что кочевники по своей природе любят воевать и поэтому их можно остановить лишь военной рукой. В анализе Юэ Чжунци больше внимания уделено стратегии идеологической подготовки к войне. Это было направлено также на создание общественного мнения и оправдания войны. Такая стратегия была подчинена достижению победы над противником до начала непосредственных военных действий. Юэ Чжунци опирался на государственную мощь империи, на твердые государственные поставки вооружения, войск и коней. Вооружение практически было таким же как и у кочевников, но технологически более отточенным. Цинская империя могла изготовить больше вооружения, чем кочевники, работавшие более кустарными методами. У кочевников также была определенная непредсказуемость в поставке нужного количества коней, а генерал Юэ надеялся на государственные конные заводы, которые бы выращивали и готовили коней для войны по плану, а поставляли их регулярно.

Доклады генералов дополняют друг друга. Оба они окончили свою жизнь бесславно, впад в немилость двора из-за того, что понесли серьезные поражения от войск кочевых народов. Несмотря на их личные военные неудачи, цинская армия с небольшими временными поправками действовала в основном согласно разработанным ими планам вплоть до уничтожения Джунгарского ханства в начале второй половины XVIII века.

Литература

1. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635-1758. Изд. 2- 1983 – М.: Изд. «Наука» Главная редакция восточной литературы. – 333 с.
2. Дай Цин Шицзун Сянь хуанди шилу (Правдивые записи правления императора Юнчжэна). – Токио. 1936
3. Дай Цин Шэнцзу жэньхуанди шилу (Правдивые записи правления Священного предка Гуманного императора (Канси) великой династии Цин). – Токио. 1936
4. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. 1700-1725. Составители и обработка текста Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. Отв. ред. С.Л. Тихвинский. 1978. – М.: Изд. «Наука» ГРВЛ. – 703 с.
5. Синьцзян лиши цыдянь (Словарь истории Синьцзяна), изд. 2. 1996. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ. 753 с.
6. Синьцзян миньцзу лиши вэньхуа цыдянь (Словарь истории и культуры народов Синьцзяна). Гл. ред. В.Х. Мэйр. 1996. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй. – 595 с. + карты-схемы
7. Циньдин пиндин чжунбгээр фанлюэ, цяньбянь (Высочайше утвержденные стратегические планы умиротворения джунгар. Ранние записи). – Б/м, 1771
8. «Цинь шилу» чжуньгээр лиши цзыляо чжайбянь (Извлечения исторических материалов о джунгарах из «Правдивых записей династии Цин»). 3 изд. 1997. – Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ. – 652 с.

Ю.С. Худяков

ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ У КЫРГЫЗОВ ТЯНЬ-ШАНЯ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ¹

После разгрома уйгуров в IX в., в погоне за которыми кыргызы дошли до Восточного Туркестана, значительная часть этого народа оказалась расселена в долинах, между горными хребтами, в пределах горной системы Тянь-Шаня. В последующие столетия тянь-шаньские кыргызы оказались отрезанными от своих сородичей в Саяно-Алтае и развивались независимо от них. В период развитого Средневековья кыргызы Тянь-Шаня неоднократно попадали в сферу влияния турфанских уйгуров, киданей, найманов, монголов. В начале II тыс. н. э. они приняли ислам, после чего стали заметно отличаться в культурном и религиозном отношении от енисейских кыргызов. В течение нескольких столетий тянь-шаньские кыргызы смогли освоить «лесные районы» Моголистана (Бартольд, 1963, с. 513-519; Источники, 1996, с. 44-54). Большое значение в сохранении кыргызского этноса на Тянь-Шане на протяжении последующих столетий развитого и позднего Средневековья имело высокоразвитое военное дело. В средневековых источниках подчеркивается воинственность кыргызов, которые со всеми народами, живущими вокруг них, «воюют и враждуют». В средневековых мусульманских источниках кыргызов называли «дикими львами Моголистана» (Источники, 1996, с. 34, 60). На протяжении периодов позднего Средневековья и Нового времени тянь-шаньские кыргызы смогли сыграть значимую роль в истории военного дела тюркских и монгольских кочевых народов Центрально-Азиатского региона. На протяжении нескольких столетий им пришлось противостоять военной экспансии со стороны Джунгарии, Кокандского ханства, Цинской и Российской империй.

В настоящее время исследование военного дела кыргызов Тянь-Шаня может быть основано на широком, информативном круге источников. Наряду с историческими, этнографическими, изобразительными и вещественными источниками важные сведения о военном деле содержит героический эпос кыргызского народа.

Во второй половине XIX в. ряд ценных сведений о военном деле тянь-шаньских кыргызов собрали российские ученые и путешественники.

В дневниках известного казахского ученого, находившегося на российской военной службе, Ч.Ч. Валиханова содержится описание поездки в 1856 г. на оз. Иссык-Куль, во время которой он обратил внимание на кыргызские погребальные памятники в долине р. Тюп. Во время пребывания в этом районе ученый зарисовал группу кыргызских могил, на одной из которых находился шест с бунчуком и лук с натянутой тетивой (Валиханов, 1984, с. 330-331). Через один год, в 1857 году, на этом же памятнике побывала экспедиция П.П. Семенова-Тян-Шанского, который осмотрел эти кыргызские мазары и отметил, что на куполе одного из мавзолеев изображены всадники, в руках у одного из которых была изображена пика (Семенов, 1946, с. 182-183). Находившийся в составе этой экспедиции художник П.М. Кошаров сделал информативные зарисовки жизни и быта кыргызов. На одном из его рисунков изображены кыргызские всадники с пиками в руках. Пики увенчаны наконечниками, под которыми на древках прикреплены бунчуки (История, 1984, с. 75, 563). В 1862, 1868 и 1869 гг. несколько поездок в Иссык-Кульскую котловину и Чуйскую долину совершил известный тюрколог В.В. Радлов для изучения особенностей языка и культуры «кара-киргизов». Он отметил, что у кыргызов «у каждой юрты стоит копьё», чего не наблюдается у казахов. Ученый подчеркнул «воинственный характер» кыргызского народа. По его мнению, для кыргызов был характерен способ кочевания целыми родами. Такой способ кочевания позволял «черным киргизам в течение нескольких часов привести армию в полную боеготовность» (Радлов, 1989, с. 348).

В конце XIX – начале XX в. ценные сведения о «воинском укладе» кыргызов Тянь-Шаня были собраны первым кыргызским историком Б. Солтоноевым. В его сочинении говорится об участии в военных действиях разных возрастных групп воинов, рассказывается о прославленных кыргызских батырах, излагаются разные тактические приемы ведения боевых действий кыргызскими военными отрядами.

¹ Работа выполнена по проекту «История развития военного дела древних и средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии»

По мнению Б. Солтоноева, кыргызы воевали только верхом на лошадях. Они умело использовали копьё, бердыши и дубинки, метко стреляли из лука или ружья, однако сабли довольно редко применяли в ходе боев. По утверждению этого исследователя, в обычных условиях кыргызы вешали бердыши на луку седла, а копьё прислоняли к стенке юрты (Солтоноев, 1996, с. 402-404). Вероятно, бердышами им названы боевые топоры на длинной рукоятке.

Целенаправленное изучение военного дела Тянь-шаньских кыргызов началось после того, как исследователи стали привлекать для анализа описания оружия и военных столкновений, содержащиеся в кыргызских эпических фольклорных произведениях. Одним из первых к изучению этих данных обратился известный ученый-этнограф С.М. Абрамзон. Он обратил внимание на некоторые особенности военной организации и техники кыргызов, содержащиеся в эпосе «Манас». По его оценке, «весь строй киргизской народной жизни был пронизан суровой героикой военных походов и состоянием боевой тревоги». Исследователь пришел к выводу, что «основу киргизского войска составляла легкая конница». В дальнейшем, «с появлением лат, вызвавших к жизни лук и стрелы с наконечниками, способными пробивать эти латы, начинают применяться части спешенных воинов, действующих о взаимодействии с подвижной конницей». По мнению С.М. Абрамзона, кыргызские мальчики начинали учиться ездить верхом на баранах и стрелять из лука в раннем возрасте, с 6-7 лет (Абрамзон, 1944, с. 170-171).

При характеристике образа эпического богатыря Манаса исследователь С. Мусаев привел описание разных видов оружия и доспехов главного героя кыргызского эпоса. Среди них значительное внимание уделено знаменитой гладкой пике «сырнайза»; его «живому ружью», изготовленному иранскими мастерами в Исфагане; мечу и боевому топору «ай-балта», который автор считает бердышом. Им упомянут богатырский панцирь «акколпок», который был изготовлен женой главного героя. В числе других воинских атрибутов автором упомянуты флаги белого и серого цвета, которые колышутся во время передвижения богатыря (Мусаев, 1979, с. 159-161). А. Садыковым были рассмотрены содержащиеся в эпосе сведения об изготовлении древкового колющего оружия и применении пик кыргызскими воинами (Садыков, 1982, с. 51). И.Б. Молдобаевым были проанализированы цвета и названия кыргызских знамен из эпоса «Жаныш и Байыш». Согласно приведенным сведениям знамена были белого цвета и назывались «туу» или «ак-асаба» (Молдобаев, 1983, с. 82). В дальнейшем им были охарактеризованы и боевые топоры «ай-балта» (Молдобаев, 1989, с. 122-123). При сравнительном анализе образов батыров из тюркских и монгольских эпических произведений Р.С. Липец кратко упомянула о поединках воинов на пиках, о которых говорится в эпосе «Манас» (Липец, 1984, с. 66).

Некоторые материалы об оружии кыргызов Тянь-Шаня XVIII-XIX вв. содержатся в обобщающем труде по истории Кыргызстана. Авторы утверждали, что основным оружием дистанционного боя у кыргызов вплоть до XVIII в. были луки и стрелы. Затем стали применяться фитильные ружья, которые приобретались в Коканде. По сведениям одного из участников экспедиции П.П. Семенова-Тянь-Шанского, И. Бардашева, кыргызы по сравнению с другими кочевыми народами имели больше оружия. При этом «ружья их вообще длинные, тяжелые и с фитилями вместо замков» (История, 1984, с. 611). Из других видов оружия у кыргызов в этот период названы копьё, пики, сабли и боевые топоры, которые упомянуты в эпических сказаниях. В качестве защитной одежды было названо своеобразное одеяние, изготовленное из грубой ткани, нижняя часть которого была заполнена песком, железной стружкой или обрезками твердого войлока (История, 1984, с. 611). В качестве средства защиты воинами использовались и кольчуги среднеазиатского производства (История, 1984, с. 620).

В работе Г.Н. Симакова были рассмотрены некоторые народные игры и традиционные спортивные состязания у кыргызов. По мнению этого исследователя, такие соревнования должны были готовить мужское население, в том числе подрастающее поколение, к участию в возможных боевых действиях. В числе подобных соревнований он отметил стрельбу из лука, метание камней из пращи, борьбу в спешенном положении и верхом на лошадях, джигитовку, козлодрание, поединки всадников с нагайками, бои конных воинов с тупыми турнирными пиками и в специально изготовленных к этим турнирам доспехах. По мнению Г.Н. Симакова, «военизация кочевого быта зашла столь глубоко, что в мужских развлечениях, как некогда и в самой войне, принимали участие даже женщины» (Симаков, 1990, с. 64-72). Некоторые аспекты военного дела кыргызов Тянь-Шаня в XVI-XVIII вв. были рассмотрены А. Мокеевым. Им приведены сведения китайских источников XVIII в. об особенностях десятичной системы деления войск и народа у кыргызов, о его максимальной численности в периоды мобилизации, о делении войска на два крыла и центр, о военных командирах (Мокеев, 2010, с. 142-143). В случае военной опасности кыргызы отправляли свои семьи в труднодоступные горные местности, а свои военные отряды размещали в горных проходах, не пропуская вражеские войска и совершая на-

падения. В арсенале тактических приемов было проведение разведки и заманивание противника. В китайском источнике упоминается об использовании кыргызскими воинами ружей и пик. В ходе боев они «внезапно нападают и храбро идут вперед» (Мокеев, 2010, с. 144-146).

Проблемы использования древкового колющего оружия кыргызами для боевых целей и в погребальной и поминальной обрядности в период этнографической современности рассматривались в работах автора настоящей статьи и Ж. Орозбековой (Худяков, Орозбекова, 2012, с. 302-304; Худяков, 2013, с. 151-152; Худяков, 2013, с. 151-152).

Для реконструкции комплекса вооружения кыргызов Тянь-Шаня большое значение имеют данные вещественных, изобразительных и письменных источников. В ходе целенаправленного изучения музейных коллекций в разных городах Кыргызстана и России удалось исследовать разные виды кыргызского оружия, предназначенные для ведения ближнего боя.

Важным видом оружия ближнего боя кыргызских воинов были копья со втульчатыми железными наконечниками на длинных деревянных древках. Среди наконечников копий, хранящихся в кыргызстанских музеях, представлены предметы древкового колющего оружия, обнаруженные в разное время в Чуйской и Таласской долинах Кыргызстана. Данные наконечники имеют втульчатый насад, ромбическое сечение и удлинненно-ромбическую форму пера. У наконечника из Таласской долины массивное перо с остроугольным острием и покатые плечики, укороченная коническая разомкнутая втулка с частично завернутым швом и отверстием для крепления к древку, расположенным на противоположной стороне от шва (Рис. 1, 1). Наконечник из Чуйской долины имеет удлинненно-ромбическое перо с остроугольным острием и покатыми плечиками, удлинненную шейку и коническую втулку с несомкнутым швом, с обеих сторон которого расположены округлые отверстия для крепления наконечника к древку. По характерным признакам эти копья можно отнести к числу универсальных, применявшихся для поражения не защищенных доспехами противников и для пробивания металлической защиты (Рис. 1, 2).

На рисунке П.М. Кошарова, в руках у кыргызских всадников в колпаках и халатах показаны пики. У них длинные древки, вытянутые наконечники удлинненно-ромбической и удлинненно-треугольной формы. Под наконечниками показаны пучки конских волос – бунчуки (История, 1984, с. 611).

По сведениям, которые содержатся в кыргызском героическом эпосе «Манас», основным видом оружия ближнего боя у кыргызских воинов были копья. В эпических сказаниях они названы теми, кто «может сражаться копьем», т. е. копьеносцами (Манас, 1988, с. 338). В эпосе имеется описание богатырского копья Манаса, у которого был восьмигранный железный наконечник, длинное древко, крашенное в двенадцать разных цветов и обтянутое сухожилием, с острием, как волчий язык, и пропитанным ядом концом (Манас, 1988, с. 494). Приведено описание изготовления этого «крашеного копья» мастером-копейщиком, который покрыл древко камышом, скрепил клеем и оплел жилами (Манас, 1988, с. 354). Исследователи обратили внимание на то, что «гладкая пика» Манаса имела название «Сырнайза». В эпосе назван мастер, изготовивший эту пику, по имени Саламат. Вероятно, у кыргызов Тянь-Шаня были мастера-копейщики, изготавливавшие не только наконечники, но и древки копий. В работе исследователя кыргызского эпического творчества С. Мусаева указано, что древко пики эпического героя было изготовлено из ели. Оно обтянуто сухожилиями, проклеено, раскрашено «в двенадцать цветов» и покрыто бронзой. Это древко не было округлым в сечении, а имело «восемнадцать ребер» (Мусаев, 1979, с. 159). Возможно, это описание является художественным преувеличением. На древки копий и пик под наконечниками крепились знамена и флажки. Они были белого цвета и назывались по-разному: «туу» и «ак-асаба» (Молдобаев, 1983, с. 82). По мнению Р.А. Бейбутовой, традиционный кыргызский термин для обозначения копья, «сунгу», был с течением времени вытеснен иранским по происхождению словом – «найза» (Бейбутова, 1995, с. 130). В эпосе «Манас» содержатся достаточно подробные описания приемов использования копий кыргызскими воинами и их противниками в ходе боев и во время поединков, когда воины сходились один на один. Достаточно подробно изложен поединок между предводителем кыргызского войска Манасом и ойратской амазонкой «удалой Сайкал» перед кыргызским и ойратским войсками. «В небо устреми копьё с флажком», Сайкал выехала из строя ойратских воинов, вызывая на поединок кыргызского воина, который пожелает с ней сразиться. Однако никто из кыргызов не выехал вперед, не желая сражаться с женщиной. Пришлось принять вызов самому предводителю кыргызов, Манасу. Он сел на своего боевого коня и «гладкое копьё в руки взял». Навстречу ему устремилась Сайкал, направив в противника «копьё с желто-серым флажком». Манас нацелил свое копьё в правое плечо ойратской девушки, но та сумела отбить его в сторону и направила свое копьё на противника. Удар копья пришелся Ма-

насу в грудь. В результате этого столкновения кони противников едва устояли на ногах. Однако этот удар не смог сразить Манаса. В следующем столкновении Сайкал снова направила на противника свое копьё, попала ему в предплечье и пронзила правую подмышку, пробив при этом его защитный доспех. В продолжение боя противники продолжали наносить друг другу удары секирами и защищаясь щитами (Манас, 1988, с. 362-366). В следующем столкновении противники снова атаковали друг друга копьями. Манас ударил Сайкал копьем в грудь, а она попала копьем ему в ключицу. Вероятно, удар, нанесенный Манасом, был настолько силен, что Сайкал умчалась к своим, и в дальнейшем не решилась продолжать поединок (Манас, 1988, с. 368-369). В эпосе описан бой батыра Абдылды с калмыком Кегети с использованием древкового колющего оружия (Манас, 1988, с. 429-432). В издании эпоса 1994 г. в качестве древкового колющего оружия кыргызских батыров названы не только копьё, но и пики (Манас, 1994, с. 316, 327-328, 342-343, 349-350). Согласно приведенным в эпических сказаниях описаниям, в ближнем бою противники атаковали друг друга копьями, а в случае неудачи первого натиска, могли продолжить бой, нанося удары боевыми топорами и другими видами оружия, защищаясь от вражеских ударов щитами. Однако уже на этой стадии ближнего боя поединок вполне мог закончиться победой одного из участников и гибелью другого. Во время поединка эпического героя Алмамбета с Мурадылом Алмамбет смог отбить направленную в него пику противника, после чего «пикой своей Мурадыла пронзил» (Манас, 1994, с. 328).

Помимо своего основного боевого применения, копьё и пики имели в культуре кыргызов Тянь-Шаня в позднем Средневековье и Новое время весьма значимую символическую роль. Они представляли собой своего рода символ кыргызского взрослого мужчины – воина (Шишло, 1975, с. 249). При жизни кыргызского мужчины копьё нередко устанавливалось рядом с юртой. Как было отмечено выше, размещение копьё у юрты было характерно именно для кыргызов и свидетельствовало об их воинственности (Радлов, 1989, с. 348). После смерти кыргызского мужчины его копьё использовалось в процессе заупокойной обрядности. Копья использовались во время поминальных церемоний, когда проводился обряд «преломления найзы» – древка копьё. Копья могли установить на могиле умершего или изобразить его с копьем в руках на надмогильном сооружении – мазаре (Худяков, Орозбекова, 2012, с. 303). В редких случаях копьё могли положить в могилу умершему, хотя это противоречило канонам мусульманской погребальной обрядности.

Важным видом оружия ближнего и рукопашного боя у кыргызских воинов были боевые топоры «ай-балта». В собрании музея «Манас Ордо» в Таласской долине и Русского этнографического музея в Санкт-Петербурге хранятся кыргызские боевые топоры. Все кыргызские боевые топоры выкованы из железа.

Один из топоров из собрания РЭМ имеет шарообразный выделенный обух на короткой шейке, неширокий проух и клин, расширенный к лезвию. На поверхности обуха и проуха нанесен орнамент в виде радиальных, горизонтальных и перекрещивающихся диагональных полос. Топор насажен на длинную, прямую, деревянную рукоять. Торцевая часть рукояти овальная в сечении. Она расклинена железным клином. Большая часть рукояти округлая в сечении, разделена зарубками на несколько поясков, выкрашенных в красноватый и синеватый цвета. Орнаментальный пояс в нижней части топорика украшен сетчатым орнаментом (Рис. 2, 1).

Другой боевой топор из этого собрания вислообушный с широким полукруглым лезвием и заостренными концами, трапециевидным проухом, расширенным в сторону рукояти обухом. На клине, под проухом, нанесены горизонтальные полосы. От обуха и нижней части проуха на рукояти имеются железные полосы. Топор насажен на длинную, плавно изогнутую, округлую в сечении деревянную рукоять. На нижний конец рукояти насажен металлический набалдашник (Рис. 2, 2).

Один из боевых топоров из собрания «Манас Ордо» вислообушный. Он имеет плоский, несколько выступающий в сторону рукояти обух и сужающийся к клину проух, расширенный к лезвию клин. Лезвие у этого топора полукруглое, с пологозагнутыми и приостренными концами (Рис. 2, 3).

Второй топор из Таласской долины низкообушный с невысоким, уплощенным с торцевых сторон обухом, узким проухом, расширяющимся к лезвию клином, широким полукруглым лезвием и круто загнутыми кверху концами (Рис. 2, 4).

Ведущим видом рубяще-колющего оружия ближнего боя у кыргызов Тянь-Шаня в позднем Средневековье и Новое время были сабли. В собрании музея «Раритет» представлена сабля с обоюдоострым острием, плавно изогнутым однолезвийным клинком, долами по обоим боковым граням клинка. Сабля снабжена напускным перекрестьем с расширением в центральной части, выступом в сторону клина и шарообразными окончаниями. У сабли прямая рукоять с круто загнутым в сторону лезвия концом, увенчанным сферическим набалдашником (Рис. 1, 3).

В музее «Манас Ордо» хранится фрагмент однолезвийного железного палаша с обломанным черенком, упором, широким прямым, однолезвийным обломанным клинком (Рис. 1, 4).

В кыргызском героическом эпосе «Манас» приводятся описания боев, в ходе которых кыргызские воины и их противники наносят удары в ближнем бою, мечами, секирами, булавами и защищаются от вражеских ударов щитами (Манас, 1988, с. 429-432).

В целом проанализированный набор оружия ближнего боя кыргызских воинов Тянь-Шаня включал различные виды древкового колющего, клинкового и рубящего оружия, соответствующие уровню развития военного дела тюркских кочевых народов Средней Азии и Казахстана в позднем Средневековье и Новое время.

Литература

1. Абрамзон С. М. Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас») / Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР. – Фрунзе, 1944. Вып. 1. – С. 167-180.
2. Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк / Сочинения. – М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1963. Т. II. Ч. I. – С. 471-543.
3. Бейбутова Р. А. К истории названий оружия киргизского воина в эпосе «Манас» / Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Комерово: «Кузбассвузиздат», 1995. – С. 125-137.
4. Валиханов Ч. Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль в 1856 г. / Собрание сочинений в пяти томах. – Алма-Ата: Гл. ред. Казах. сов. энциклопедии, 1984. Т. 1. – С. 306-357.
5. История Киргизской ССР. С древнейших времен до середины XIX в. – Фрунзе: Изд-во «Кыргызстан», 1984. Т. 1. – 789 с.
6. Источники. Восточные письменные источники о кыргызах / Кыргызы: источники, история, этнография. – Бишкек: Изд-во «Шам», 1996. – С. 9-67.
7. Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – М.: Наука, 1984. – 263 с.
8. Манас. Киргизский героический эпос. – М.: Гл. ред. Вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1988. Кн. 2. – 687 с.
9. Манас. Великий поход. Кыргызский эпос. 2-е изд. – Бишкек: Изд-во «Шам», 1994. – 404 с.
10. Мокеев А. Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане (Этапы этнической и политической истории кыргызского народа во второй половине IX – сер. XVIII вв.). – Бишкек: Кырг-Тур. ун-т «Манас», 2010. – 280 с.
11. Молдобаев И. Б. Эпос «Жаныш и Байыш» как историко-этнографический источник. – Фрунзе: «Илим», 1983. – 169 с.
12. Молдобаев И. Б. Эпос «Манас» как источник изучения духовной культуры киргизского народа. – Фрунзе: «Илим», 1989. – 152 с.
13. Мусаев С. Эпос «Манас». Научно-популярный очерк. – Фрунзе: «Илим», 1979. – 205 с.
14. Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. – М.: Наука. – 749 с.
15. Садыков А. Героические мотивы в эпосе «Манас». – Фрунзе: «Илим», 1982. – 135 с.
16. Семенов П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 годах. – М.: Гос. изд-во географ. лит., 1946. – 256 с.
17. Симаков Г. Н. Народные развлечения и военное воспитание киргизов / Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. – М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1990. Вып. 2. – С. 48-74.
18. Солтоноев Б. Из древней истории киргизов / Кыргызы: источники, история, этнография. – Бишкек: Изд-во «Шам», 1996. – С. 395-404.
19. Худяков Ю. С., Орозбекова Ж. Использование оружия в оформлении надмогильных сооружений курганов Тянь-Шаня / Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. – С. 301-305.
20. Худяков Ю. С. Древковое колющее оружие кыргызов Тянь-Шаня в позднем Средневековье и Новое время / Интеграция археологических и этнографических исследований. – Иркутск: ИрГТУ, Омск. 2013. Т. 2. – С. 150-153.
21. Шишло Б. П. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели / Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С. 248-260.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ У КЫРГЫЗОВ ТЯНЬ-ШАНЯ
В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

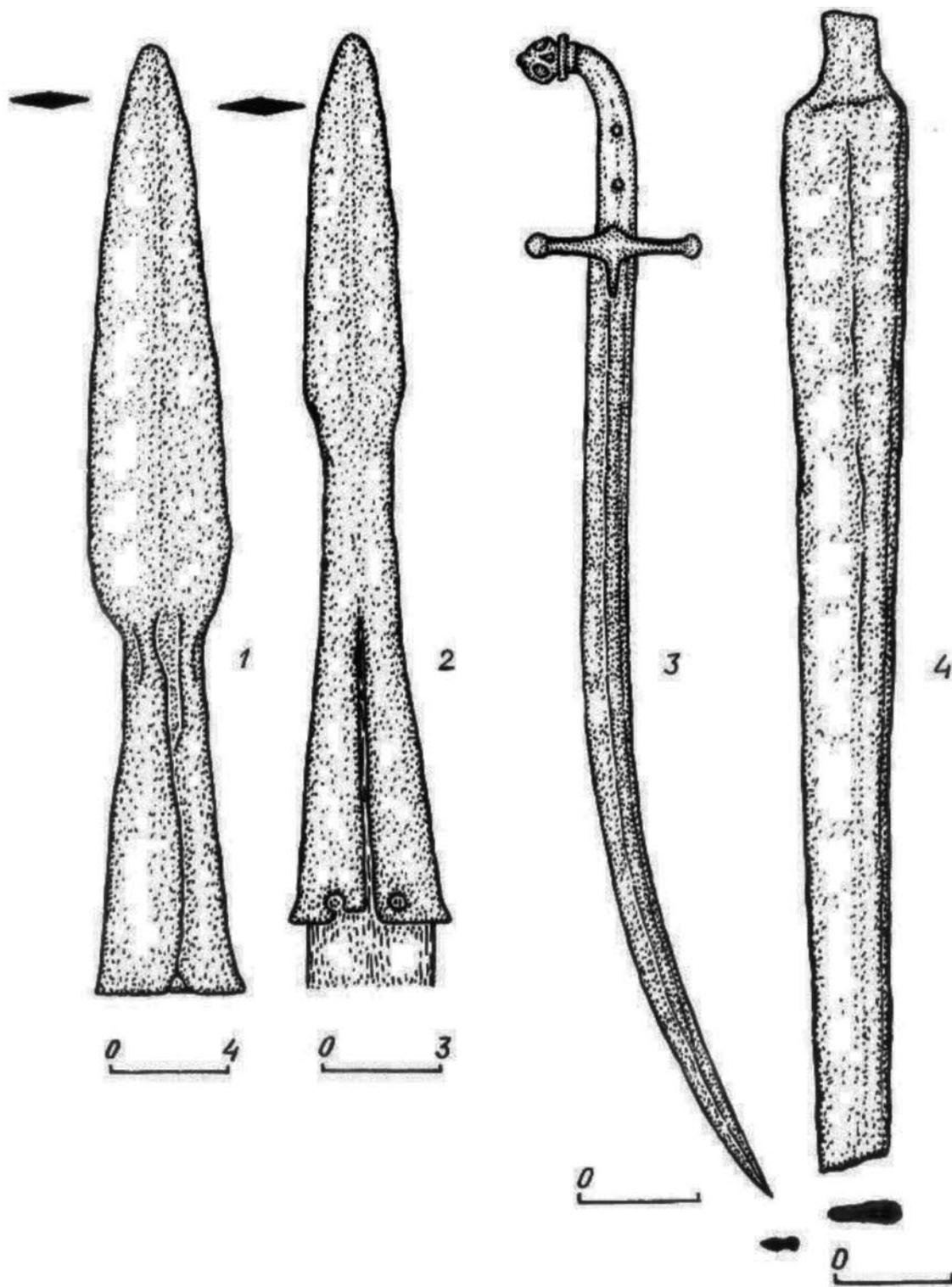

Рис. 1. Древковое колющее и клинковое оружие кыргызов:

1, 2 – копья; 3 – сабля; 4 – обломок клинка палаша.

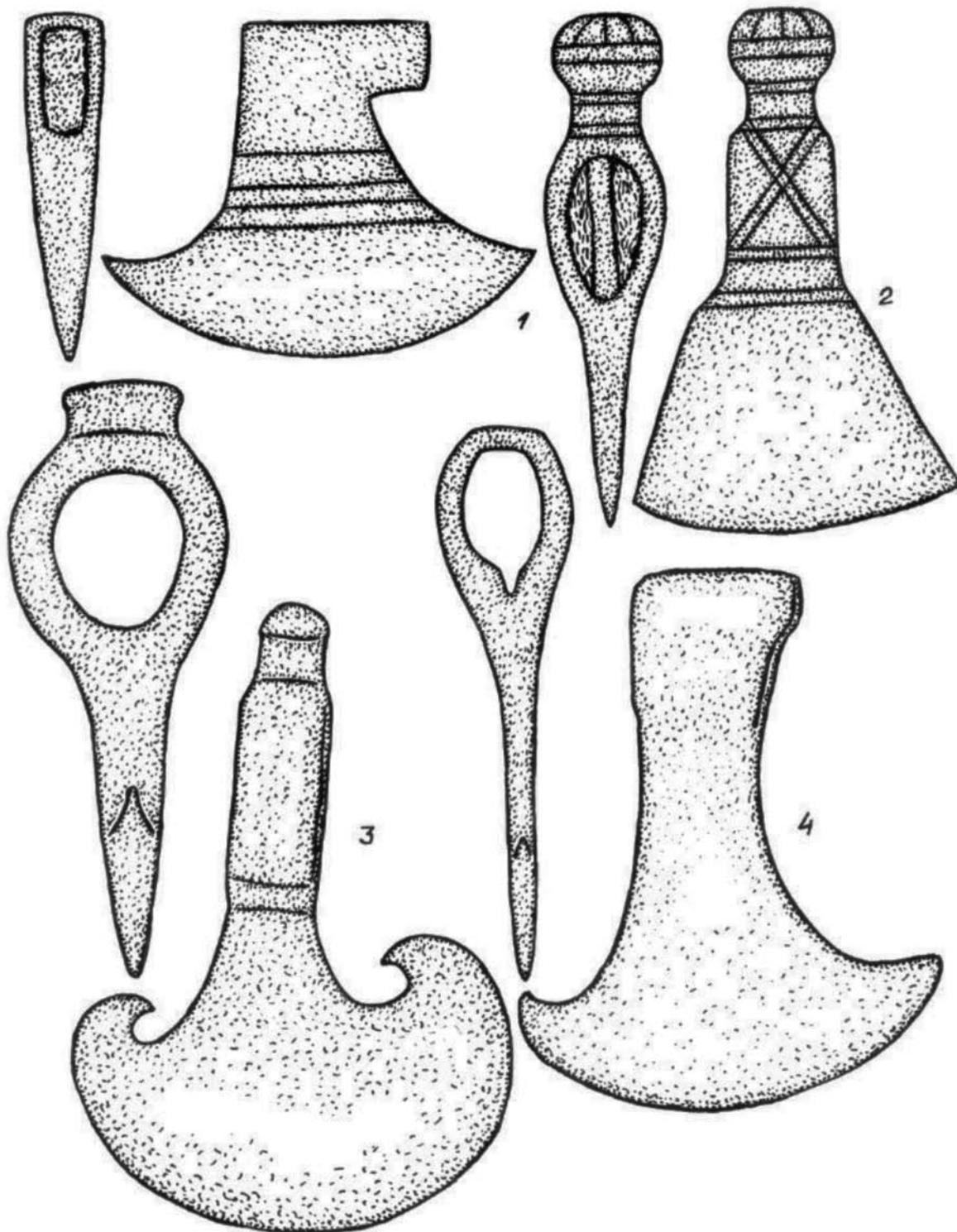

Рис. 2. Кыргызские боевые топоры «ай-балта»:

1-4 – боевые топоры.

**«СБИЛ С КОНЯ, КАК ТЮБЕТЕЙКУ...»
 КОННЫЙ КОПЕЙНЫЙ БОЙ КАЗАХОВ И ИХ СОСЕДЕЙ
 XVII – СЕРЕДИНЫ XIX ВВ.¹**

Временной период, охватывающий XVII – середину XIX вв., в истории холодного оружия кочевников Центральной Азии может без особого преувеличения именоваться «Эпохой Длинной пики». Практически все путешественники, посещавшие Казахстан в это время, упоминали копьё и пики («сунги», «найза») среди основного оружия степных воинов. Европейские, среднеазиатские и цинские изобразительные материалы донесли до нашего времени десятки изображений конных и пеших казахских копейщиков. Искусство конного боя на пиках воспето в казахских эпических сказаниях, песнях и преданиях. В музейных и частных собраниях РК, РФ, КНР, МНР, ФРГ и других стран наконечники копий, пик и рогатин встречаются значительно чаще других видов казахского оружия ближнего боя. Комплексный анализ вещественных, изобразительных и письменных источников позволяет утверждать, что копьё и пики являлись наиболее популярным видом оружия ближнего кочевников Казахстана рассматриваемого периода. Более того, в отдельных случаях казахскими военачальниками применялась практика поголовного обеспечения воинов того или иного отряда длиннодревковым оружием. Даже самые бедные ополченцы, не имевшие средств на приобретение луков, ружей и сабель, получали из ханских и султанских arsenалов цельнодеревянные пики, конец которых был заострен и обожжен на костре.²

Однако представлять «сунги» и «найза» как «оружие бедняков» было бы в корне неверно. Конный копейный бой широко практиковали не только рядовые ополченцы, но и представители высшей элиты кочевников, причем умение обращаться с длиннодревковым оружием считалось среди степной аристократии Центральной и Средней Азии XVII-XIX вв. одной из основных «воинских добродетелей». Многие казахские правители и батыры прославились среди современников именно как непревзойденные мастера копейной схватки.³ Искусство казахского конного боя на пиках получило высокую оценку среди российских, цинских и узбекских офицеров второй половины XVIII – середины XIX вв. (см. ниже).

Интересно, что еще в конце XV – первой половине XVI вв. ничто не предвещало грядущего триумфа «Длинной пики». Как и столетия назад, основным оружием кочевников Дашт-и Кипчак в этот период был саадак, а копьё применяли лишь отдельные конные панцирники (Бобров, 2013 а).⁴ Для того, чтобы понять причины резкого роста популярности длиннодревкового оружия в XVII-XIX вв., необходимо кратко остановиться на предыстории вопроса.

При поверхностном взгляде может показаться, что копьё и пики присутствовали в арсенале кочевников всегда. Однако детальное знакомство с источниками наглядно демонстрирует, что эволюция длиннодревкового оружия кочевников Центральной Азии была достаточно сложным и противоречивым процессом. Времена расцвета «копейного боя» сменялись периодами упадка этого воинского искусства и сокращением числа копейщиков в войсках кочевников. Все эти изменения были тесно связаны с особенностями эволюции других видов оружия дистанционного и ближнего боя, защитного вооружения, военной организации, тактики ведения сражения и т. д. Так, например, в комплексе вооружения хуннов III в. до н. э. – II в. н. э., отдававших приоритет лучной перестрелке, копьё не играли сколько-нибудь существенной роли. Рост популярности ударных копий пришелся на Сяньбийскую эпоху и достиг пика в

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации МК-4281.2012.6.

² Так, например, вступавшие в отряд Кенесары Касымова кочевники первоначально были вооружены цельнодеревянными пиками и только по мере успехов в военной службе получали из ханского арсенала копьё с железным наконечником, а затем клинковое оружие: «Новички же выезжают на простых лошадях и им выдается только укрюк или пика, и та на первый раз без железного наконечника... За отличие в действиях первая награда есть выдача казенного оружия, в коем порядке соблюдается следующий: после обыкновенной древки или укрюка выдается пика с наконечником, потом большой прямой нож (я встречал даже многих с нашими форменными саперными ножами), потом кривая сабля, далее жалуют есаулом и выдают уже разные наружные отличия, состоящие из полотняных и бархатных лоскутков, пришиваемых к плечу и груди» (Национально-освободительная борьба..., 1996, с. 401).

³ Среди высокопоставленных казахских военачальников, чье искусство боя на пиках было отмечено современниками, можно выделить султана (с 1771 г. хана) Аблая, главного военного советника хана Кенесары Касымова батыра Агыбая, батыра Наурызбая и др.

⁴ В среднеазиатских письменных источниках XVI в. в качестве главного оружия панцирников Дешт-и Кипчак называются сабли и саадаки, в то время как копьё упоминается немногим чаще, чем булавы, палицы и боевые топоры.

период существования Тюркских каганатов, когда номады Центральной Азии и Южной Сибири массово освоили тяжелый ламеллярный доспех для всадника и его боевого коня, новый тип твердого седла и стремяна. Это, в свою очередь, привело к изменению тактики ведения боя, в которой большую роль начала играть атака копейной тяжеловооруженной конницы, наносившей удар по противнику под прикрытием масс конных лучников. В период развитого Средневековья, в силу различных причин, популярность длиннодревкового оружия и копейного боя в армиях тюркских кочевников Великой степи начала постепенно снижаться. Место конных латников-копейщиков, действующих в плотном строю, постепенно заняли воины, вооруженные саадаками и саблями, одетые в более легкие и подвижные панцири, сидящие на не покрытых броней конях и эффективно использующие разряженные построения. Процесс вытеснения тяжелой копейной конницы с полей степных сражений Дашт-и Кипчак дошел до своего логического завершения в первой половине XVI в. В войсках тюркских кочевников Восточной Европы и Средней Азии (крымских татар, кочевых узбеков, казахов, киргизов) применение копий сократилось до минимума, а у ногаев ударное длиннодревковое оружие и вовсе вышло из широкого военного обихода. Казалось, что история копейной конницы в Великой степи подошла к своему концу. Однако произошло нечто прямо противоположное. За какое-то столетие пики и копья не только вернули себе былую популярность, но и превратились в главное оружие ближнего боя. Эта очередная «революция копья» была связана с трансформацией комплекса вооружения и тактики номадов восточной окраины Великой степи.

После крушения Юаньской империи монголы были вытеснены из Китая и вступили в длительную полосу междоусобных конфликтов. В этих столкновениях воины противоборствующих степных армий использовали сходное оружие дистанционного боя (сложносоставные луки «монгольского типа»), одинаковый конский парк и идентичную тактику ведения сражения. Битвы кочевников Монголии и Ойратии в этот период нередко представляли собой столкновение гигантских «хороводов» конных лучников, расстреливающих друг друга с минимальной дистанции. Победу в таких сражениях одерживала та сторона, которая могла разорвать вражеский «хоровод» и смешать воинские порядки противника. Подобная ситуация закономерно вела к росту значения защитного вооружения и рукопашной схватки, в ходе которой и можно было максимально быстро нарушить «хоровод» вражеских стрелков. Чем больше конных панцирников было в армии, тем более устойчивой она была в дистанционном и ближнем бою, тем успешней была атака, направленная против вражеских лучников. Главная роль отводилась первому удару, разрывающему строй противника. Идеальным оружием такого удара были длинные копья и пики. Поэтому монгольские и ойратские латники сохранили копья как массовый вид вооружения. Неизвестно, кто из центральноазиатских военачальников первым додумался до следующего шага, изящного и гениального в своей простоте. Если победа в сражении зависит от массивной атаки конных копейщиков, то почему бы не снабдить копьями не только панцирников, но и легковооруженных воинов, и тем самым усилить мощь кавалерийского удара по вражескому строю? Придя к такой мысли, монгольские и ойратские полководцы нарушили неписаный закон эпохи раннего и развитого Средневековья и начали массово снабжать копьями и пиками своих легких лучников.⁵ Центральноазиатские военачальники старались добиться едва ли не 100%-го обеспечения своих лучников пиками. Поэтому в походе всадник иногда вез с собой не одно, а два или даже три копья. Некоторый запас длиннодревкового оружия перевозили в обозе и накануне боя выдавали воинам. Первоначально легкие копейщики поддерживали в атаке своих панцирных товарищей, но впоследствии их стали сводить в самостоятельные воинские подразделения. В результате создались условия для появления новой разновидности конницы, составленной из легковооруженных копейщиков (Бобров, Худяков, 2008, с. 538, 567; Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 126-129, 166; Бобров, 2012 б, с. 62, 63).

Как показали военные конфликты XVII-XVIII вв., решение снабдить конных стрелков длиннодревковым оружием при всей своей простоте оказалось весьма эффективным. В столкновении двух лавин легковооруженных воинов отряд, снабженный луками и копьями, имел очевидные преимущества перед отрядом, вооруженным только луками. Легкие копейщики могли стремительно атаковать вражеских лучников, опрокинуть их строй, нанести значительные потери в ближнем бою и вести активное преследование, поражая отступающего врага все теми же пиками. В случае необходимости воин мог забросить снабженное погонным ремнем копье за спину и взять в руки лук. В столкновении с панцирниками противника легковооруженные копейщики также имели определенное преимущество перед обычными лучниками, так как длинные пики позволяли вести бой на средней дистанции, не подпуская вражеского латника на расстояние сабельного удара.

⁵ В раннем и развитом Средневековье длиннодревковое оружие применялось преимущественно конными панцирниками, в то время как легковооруженные номады использовали копья лишь эпизодически.

Отмечая боевую эффективность длиннодревкового оружия, нельзя не упомянуть и о том психологическом эффекте, который производила на противника массированная кавалерийская атака копье-носной конницы. Вид сотен и тысяч несущихся во весь опор всадников, склонивших длинные копья и пики оказывал деморализующее воздействие на вражеских воинов, даже знакомых с подобным оружием и тактикой. Интересно, что это правило, характерное для военных конфликтов XVII в., в значительной степени сохранило свою актуальность даже в начале XX в. Во время Первой мировой войны в ходе кавалерийских сражений с донскими казаками «австрийцы не выдерживали вида пик и до стычки падали с лошадей». Еще большее впечатление копейная атака оказывала на солдат, не имевших опыта столкновения с конными пикинерами. В ходе Русско-японской войны в кавалерийском сражении под Юдзятунем (17.05.1904 г.) сошлись две сотни 8-го Сибирского казачьего полка и эскадрон японских драгун. Командир последних майор Танака, увидев сибирцев, вооруженных длинными пиками, насмешливо крикнул им: «Русские, уберите ваши оглобли!» Однако через несколько секунд японскому офицеру было уже не до смеха: «Казачи вылетели на насыпь и бросились вниз, на ходу перестраиваясь в лаву, оцетинившись пиками. Казачий неожиданный удар пришелся во фланг переднего эскадрона, и, по свидетельству очевидцев, японские драгуны, совершенно не знакомые с казачьими пиками, растерялись, смешались и отмахивались, словно дети. В первый же момент стена острых пик буквально пронзила ряды японских кавалеристов, десятки из них были вышиблены из седел (здесь и далее курсив наш – Л.Б.). В это время казаки, вооруженные шашками, обходили их с флангов, не давая уйти обезумевшим от страха драгунам. Дело было сделано буквально в несколько минут. На поле боя осталось около сотни трупов».

Отметим, что разгромленные японские драгуны, вооруженные клинковым оружием, могли хотя бы «отмахиваться» от казачьих пик. Что же говорить о ногайской коннице начала XVII в., в которой саблями были вооружены лишь самые обеспеченные воины. Массированная атака ойратской копейной конницы (панцирной и легкой) буквально сметала ногайских стрелков с поля боя. Сформировавшие «хоровод» лучники не успевали набрать разбег и выпустить первые стрелы, как им уже приходилось разворачивать коней и спасаться бегством, чтобы не оказаться жертвой длинных калмыцких пик. Ойратские кони были не хуже татарских или ногайских, и оторваться от свирепых косоплетов было очень сложно, не говоря уже о том, чтобы перестроиться и повторить атаку. В тактическом плане ойратский «копийный напуск» стал «убийцей хороводов» конных лучников и существенно сократил возможности применения классического варианта маневра «тулгана» (Бобров, 2013 а). Столкнувшись на полях сражений с ойратским «копийным напуском», ногаи испытали настоящий шок, который не укрылся от внимания их российских союзников: «...нагайским людям они, калмыцкие люди, страшны гораздо, и против них не ставили они, нигде и биться с ними не умеют» (Бобров, 2013 а).

Неудивительно, что многие степные народы, испытав на себе мощь копейных ойратских атак, поспешили последовать примеру своих монголоязычных соседей. Одними из первых, кто воспринял новый тактический прием, были кочевники Казахстана, за которыми последовали киргизы, башкиры и другие воины Великой Степи. В их числе были и российские казаки, которые освоили конный копейный бой кочевников и продолжали совершенствовать его на протяжении следующих столетий вплоть до начала XX в. (Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 129; Бобров, 2012 б). Заимствование казаками ойратской тактики «копийного напуска» произошло, вероятно, еще до начала эпохи «Малого монгольского нашествия», то есть во второй половине XVI в. Во всяком случае в начале XVII в. казахи уже не испытывали того суеверного ужаса перед ойратской копейной атакой, который был характерен для воинов крымско-татарских и ногайских армий.⁶

На протяжении рассматриваемого периода казахские военачальники последовательно наращивали число копейщиков в своих отрядах. Данный процесс фиксируется как на материалах письменных, так и вещественных и изобразительных источников. В конечном счете благодаря целенаправленной политике степных правителей и частной инициативе копьей и пики превратились в главное оружие ближнего боя кочевников Центральной и Средней Азии. В XVII – первой половине XIX вв. их применяли как конные панцирники, так и самые бедные ополченцы, не имеющие средств на покупку саадака или ружья. В степных армиях сформировалась особая категория воинов, вооруженных только пиками и ножами и не обладающих оружием для ведения дистанционного боя. Возникла интересная военно-историческая коллизия. Степные военачальники, на протяжении многих столетий старавшиеся

⁶ В XVIII – середине XIX вв. практически все степные народы Центральной Азии широко использовали кавалерийские пики, но ойраты и казахи по активности применения длиннодревкового оружия выделялись даже на этом общем фоне. Характерно, в данной связи, сравнение оружейных комплексов казахов и киргизов первой половины XIX в., данное казахским торговцем, побывавшим в киргизском плену: «Вооружение их [киргизов] состоит из сабель и луков; копия у них редки; тогда как у Киргиз-Кайсаков *копье есть у всякаго*, а сабля, лук и стрелы составляют редкость» (Географические известия..., 1848, с. 8).

избегать ближнего боя, в XVII-XIX вв. начинают сами провоцировать и навязывать противнику рукопашную схватку, которая позволяла максимально эффективно задействовать потенциал многочисленных конных копейщиков. Неудивительно, что на фоне массового распространения ударных копий и пик меняется отношение к их боевому назначению. Они уже не воспринимаются как исключительно оружие первого удара, а используются на протяжении всего сражения и в процессе преследования противника. Интенсификация и рост популярности копейного боя закономерно приводят к изменениям в конструкции оружия и профильных боевых техник (см. ниже).

Процесс довооружения конных лучников копьями и пиками существенно облегчался ресурсоемкостью и относительной простотой изготовления этого вида оружия. На наконечники шло небольшое количество традиционно дефицитного в степях железа. Для изготовления древков применялись породы деревьев, произрастающих непосредственно на территории Казахстана и прилегающих землях.

Если ружья и сабли в основном импортировались в Дашт-и Кипчак, то в сфере длиннодревкового оружия явно преобладала продукция степных мастеров. На наличие собственного производства копий в казахских улусах в середине 20-х гг. XVIII в. указывал И. Каракулов (История Казахстана..., 2005 б, с. 364). Посетивший Северный, Центральный и Восточный Казахстан в 1816 г. И.П. Шангин особо подчеркивал, что казахские «... кузнецы делают ножи, *копья*, копейца к стрелам...» (Сибирский Вестник, 1820, с. 174). Качество копейных наконечников, изготовленных казахскими мастерами, произвело впечатление даже на генерал-майора Г.М. Броневского (1830). Он, в частности, отмечал, что казахи: «Ножи, *пики* и оправы на конский убор... *обрабатывают довольно изрядно*» (Отечественные записки, 1830. С. 188, 189). Данные письменных источников находят подтверждения среди вещественных материалов. В музейных собраниях и частных коллекциях наряду с простыми казахскими копейными наконечниками хранятся экземпляры, выполненные на высоком технологическом и художественном уровне.

Судя по материалам казахских эпических произведений, для изготовления копейных древков применялась сосна («карагайнайза» / «сосновое копье»), береза («кайыннайза» / «березовое копье») и даже дуб («еменнайза» / «дубовое копье») (Ахметжан, 2007, с. 111). «Копье из соснового дерева» в качестве оружия казахских воинов упомянуто Ч.Ч. Валихановым (Валиханов, 1961, с. 465). Эти сведения находят подтверждения в материалах вещественных источников. Как показали исследования древков казахских пик из частных германских коллекций, они были выполнены из сосны и березы. Судя по изобразительным и фольклорным материалам, деревянное древко иногда окрашивалось. Так, например, в казахском эпосе упомянуты «сырлынайза» («окрашенное копье») и «кызылнайза» («красное копье») (Ахметжан, 2007, с. 112).

Некоторые казахские воины применяли копья, пики и рогатины иностранного (узбекского, русского, северокавказского, сибирского, ойратского, цинского) производства. Так, например, российские пики попадали к казахам в ходе торгового обмена или в качестве военных трофеев.⁷ Однако в целом общее число импортных изделий было невелико.

Характерной особенностью применения длиннодревкового оружия был исключительно длительный период его использования. Если наконечник был выполнен из качественного металла и не был поврежден в ходе боевых столкновений, то его могли применять на протяжении жизни нескольких поколений, лишь периодически затачивая перо и заменяя деревянное древко. Так, например, среди оружия казахских воинов XVII-XIX вв. встречаются северокавказские копейные наконечники, изготовленные в XIV-XV вв.

Особенности эволюции длиннодревкового оружия казахов XVII – середины XIX вв. Интенсификация и рост популярности копейного боя закономерно приводят к изменениям в конструкции оружия и профильных боевых техник. Основной разновидностью длиннодревкового оружия становится пика, увенчанная длинным наконечником с узким граненым (треугольным, или ромбическим в сечении) пером и конической втулкой с шаровидным ограничителем («яблоком»)⁸. Такие наконечники были эффективны как против панцирных, так и против легковооруженных воинов противника, а узкое перо позволяло легко выдернуть пику из тела поверженного врага и продолжить бой. Тем не менее риск повреждения и утраты наконечника в ходе рукопашной схватки был весьма велик, что стимулировало бурное развитие копьевидных подтоков, которые в случае необходимости могли заменить в сражении

⁷ Согласно данным купца И. Житкова (1774 г.), в ходе восстания Е. Пугачева российские казаки и «протчие люди» продавали казахским кочевникам «копья» и другое вооружение (Бекмаханова, 1996, с. 45). Уже после первых столкновений российских войск с отрядами Кенесары Касымова современники отмечали на вооружении его воинов «казахью пику с флюгером». В 1838 г. казахи захватили 7 пик российского производства, а в 1844 г. после набега на Екатерининскую станицу еще 27 пик (Бекмаханов, 1992, с. 232, 267; Национально-освободительная борьба..., 1996, с. 68).

⁸ Назначение «яблока» заключалось в том, чтобы не позволить пики погрузиться в тело противника слишком глубоко, что затруднило бы ее последующее извлечение.

основной наконечник. Наконечники и подтоки насаживались на очень длинное (3-5 м)⁹ и тонкое (около 3,0-3,5 см в диаметре) деревянное древко, которое позволяло поражать противника на максимально возможном расстоянии, не подпуская его на дистанцию сабельного удара. Характерной чертой конструкции пик кочевников XVII-XIX вв. были различные металлические усилители верхней (наиболее уязвимой) части древка: пластины-накладки, пожилыны, железная проволока, «отрезы» и т. д.

В настоящей статье мы рассмотрим основные приемы владения пикой в ходе конного боя, которые применяли кочевники Центральной и Средней Азии в XVII – середине XIX вв. Данная тема ни разу не становилась объектом специального исследования, основанного на комплексном анализе вещественных, изобразительных, письменных и фольклорных источников. В то же время она представляет несомненный интерес для военных историков, оружейников и археологов, так как позволяет не только рассмотреть особенности военного искусства позднесредневековых казахов, но и уточнить некоторые спорные моменты, относящиеся к военному делу кочевников более ранних исторических эпох.

Источниковая база по теме исследования представлена изобразительными материалами (цинская и российская живопись XVIII-XIX вв., среднеазиатская, российская, цинская книжная миниатюра, российские, западноевропейские и цинские гравюры, южносибирские петроглифы и др.), российскими, цинскими, западноевропейскими, среднеазиатскими письменными источниками, данными центральноазиатского, среднеазиатского и южносибирского эпоса. Изобразительные и письменные материалы существенно различаются по степени достоверности. Наибольшую ценность для нашей темы представляет цинская живопись середины XVIII в. (и выполненные на ее основе гравюры, посвященные военным кампаниям цинской армии против джунгар, уйгуров и казахов в 50-х гг. XVIII в.), а также военно-исторические и этнографические наблюдения и зарисовки российских путешественников и военных XIX в. Вещественные источники представлены наконечниками, подтоками, древками и древковыми усилителями казахских копий и пик конца XVI-XIX вв. На основании комплексного анализа источников выявлены основные приемы нанесения копейного удара в момент боевого соприкосновения.

Техника конного копейного боя казахов XVII-XIX вв. В ходе копейной атаки кочевниками применялось два способа удержания пики – фиксированный и свободный. В первом случае пика прижималась к корпусу воина. Сокрушающий «таранный» эффект достигался за счет сочетания неподвижности пики (жестко зажатой рукой/руками воина), помноженной на скорость идущего галопом коня. При свободном способе древко не прижималось к корпусу всадника, а поражающий эффект достигался путем укола (тычка), наносимого пикой, удерживаемой рукой/руками воина. При этом сила укола зависела от мускульной силы копейщика, а скорость коня не имела определяющего значения. Для каждого из двух способов удержания пики были характерны определенные варианты копейного хвата, от которых, в свою очередь, зависели объект и направление атаки, а также сила наносимых ударов. Рассмотрим их более подробно.

«Подмышечный хват» (рис. 1, 1, 2). При фиксированном способе удержания пики применялся подмышечный хват древка, позволявший наносить так называемый «таранный удар». При «таранном ударе» древко пики удерживалось согнутой в локте рукой, которая была плотно прижата к корпусу воина, а положение копейного древка дополнительно зафиксировано подмышкой. Классический подмышечный хват копья для нанесения «таранного» удара применялся средневековыми европейскими рыцарями. Однако, судя по данным изобразительных и письменных источников, он не был чужд и кочевникам Центральной и Средней Азии (рис. 2; 3). В то же время «таранный удар» номадов несколько отличался от рыцарского аналога, что было обусловлено особенностями воинского и конского снаряжения, а также посадки всадника.¹⁰ Седла кочевников не имели высокой задней луки (на которую мог бы опереться всадник в момент боевого соприкосновения), а при езде применялись не длинные, а короткие стремяна. В результате «таранный» удар, наносимый степняком, был (при прочих равных условиях) слабее рыцарского, но вполне достаточным, чтобы выбить противника из седла, нанести ему серьезные ранения и пробить металлический доспех. В момент атаки степной копейщик плотно обхватывал ногами корпус коня и склонялся вперед к конской гриве (рис. 2; 3). Основной целью «таранного» удара был корпус, реже лицо противника, а в некоторых случаях грудь и шея его боевого коня. Судя по изобразительным, письменным и фольклорным материалам, в результате успешно проведенного приема противник буквально вылетал из седла. Вероятно, именно «таранный» удар применил казахский Наурузбай в поединке с киргизским «батырем» Бедером: «Когда они сошлись лицом

⁹ Для сравнения. Длина российской кавалерийской пики первой трети XIX в. – 2,8-2,85 м, казачьей (образца 1839 г.) – около 3,4 м (Кулинский, 1994, с. 135, 136).

¹⁰ Что, в свою очередь, определялось различиями в вооружении и тактике ведения боя воинами Западной Европы и Центральной Азии.

к лицу, когда сломали копья, Бедер-батырь полетел со своего коня, как падает тубетейка с головы» (Султаны Кенесара и Садык..., 1889, с. 19).

На основании особенностей удержания древка можно выделить два варианта подмышечного хвата, которые, с некоторой долей условности, можно определить как «ойратский» и «казахский». В первом случае пика удерживалась примерно посередине древка в горизонтальном положении, что обеспечивало оптимальную балансировку оружия при ударе (рис. 1, 1). На картинах и гравюрах XVII-XVIII вв. данный вариант подмышечного хвата наиболее часто используют ойратские воины (рис. 2; 3; 8). Однако он был известен и другим кочевникам: монголам, казахам, киргизам и др. Так, например, на свитках из Государственного Эрмитажа такой «таранный удар» применяют монгольские всадники цинской армии. Наряду с «ойратским» можно выделить «казахский» вариант подмышечного хвата. Его главная особенность заключалась в том, что воин удерживал пику не в центральной, а в нижней части древка, что позволяло поражать противника на максимально возможном расстоянии (рис. 1, 2). По мнению современников, именно такой способ удержания копья был характерен для казахских кочевников (Железнов, 1858, с. 105-108). Данный вариант подмышечного хвата имел свои преимущества и недостатки. При прочих равных условиях всадник, использующий «казахский» вариант подмышечного хвата, мог поразить противника на большем расстоянии. Однако баланс пики был радикально смещен в сторону наконечника, который неизбежно клонился к земле. В результате воину приходилось прикладывать дополнительные усилия, чтобы удержать пику в горизонтальном положении. Эту особенность «казахского» варианта подмышечного хвата детально описал уральский казак и этнограф И.И. Железнов: «У Киргизов [казахов]¹¹ вообще пики длинные, длиннее казачьих вполтора, если не больше. При нападении Киргиз держит пику за самый почти конец, упирая его под мышку или, по крайней мере, прижимая его под мышкой, и напрягая притом всю силу, чтобы по возможности соблюсти равновесие и удержать другой, острый, конец, т. е. лезвее пики, в горизонтальном положении. Эту манеру ила этот прием держания пики Киргизы основывают на том, что дальше можно достать неприятеля. Конечно, это нелепость, и пусть Киргизы остаются при этой нелепости, нам же, Русским, лучше; это нелепо потому, что пика, когда ее таким образом держат; какой бы силач ею ни владел, все-таки гнется и жиблется, и острый конец ее, от давления воздуха, все-таки клонится долу и ставит Киргиза в неловкое положение» (Железнов, 1858, с. 108, 109).

И.И. Железнов далеко не случайно акцентировал внимание читателя на необходимости «напрягать всю силу» при совершении «таранного» удара. Помимо умения и опыта для эффективного действия многометровой пикой при «казахском» варианте подмышечного хвата требовалась немалая физическая сила. В данной связи примечательна характеристика, данная признанному мастеру копейной схватки батыру Наурызбаю. По словам современников, он: «...был грозой своих противников. Ни один киргиз не видел, чтобы он хоть раз действовал пикой двумя руками. Как правило, громадной тяжелой пикой он управлял при всяких условиях только лишь одной рукой, что говорило за его действительно богатырскую силу» (Бекмаханов, 1992, с. 213).

В целом «подмышечный» хват копья был не слишком характерен для кочевников раннего и развитого Средневековья. Рост его популярности приходится на XVII-XVIII вв. и совпадает по времени с максимальным распространением в Центральной Азии защитного вооружения (Бобров, 2011). Это дает основание полагать, что первоначально «подмышечный» хват применялся для поражения воинов, одетых в кольчатые (ойраты, казахи, узбеки), пластинчато-нашивные (ойраты, монголы) и «мягкие» (стеганные на вате) панцири. Наиболее часто «подмышечный» хват использовался конными панцирниками, действовавшими в плотном строю, так как зафиксированное в горизонтальном положении копье не мешало соседям. Слабость подмышечного хвата была обратной стороной его достоинств. При подмышечном хвате воин мог эффективно наносить удар, только разогнав коня и атакуя противника, находящегося непосредственно перед ним (справа или слева от головы коня). Для того, чтобы поразить врага, нападающего сбоку, с тыла, или парировать копейный удар противника, было необходимо поменять хват, что требовало дополнительного времени.

Еще одной разновидностью фиксированного способа удержания пики был «хват с упором», позволявший наносить страшный по силе «таранный» удар по противнику. Данный способ ведения боя на копьях многократно упомянут в фольклорных произведениях народов Центральной, Средней Азии и в письменных источниках. Некоторые современники утверждали, что для совершения такого удара воин упирал пята древка в переднюю луку седла. Однако это кажется маловероятным, так как удерживать

¹¹ В российских документах XVIII-XIX вв. казахи традиционно именуется «киргизами», «киргиз-кайсаками» или «киргиз-касаками», в то время как собственно тьянь-шаньские киргизы определяются, как «кара-киргизы», «дикокламенные киргизы» или «буруты».

жать многометровую пику подобным способом в момент атаки было бы крайне сложно. Возможно, для нанесения копейного удара с упором конская сбруя снабжалась специальными приспособлениями для дополнительной фиксации древка. Исследовавший материалы казахского эпоса А.К. Кушкумбаев отмечает, что: «Иногда практиковался такой прием, при котором конец древка упирался в луку седла или в углубление под лукой, куда вставлялись войлочные колпаки. В некоторых случаях для опоры древка использовали боковую часть ленчика седла и наносили удар силой скачущего коня» (Кушкумбаев, 2001, с. 61).

«Штыковой» (двуручный) хват. Промежуточным положением между фиксированным и свободным способом удержания копейного древка был «штыковой» (двуручный) хват, когда одна рука удерживала, а другая направляла пику (рис. 1, 3, 4). Выделяется два основных варианта «штыкового» хвата пики: «нижний» (древко на уровне живота или нижней части груди, левая рука согнута в локте ладонью вверх, правая отведена назад и обращена ладонью вниз) (рис. 1, 3) и «верхний» (древко на уровне верхней части груди, шеи и лица, обе ладони обращены вверх) (рис. 1, 4).

Специфика нижнего «штыкового» хвата заключалась в том, что применяющий его воин, в зависимости от боевой обстановки, мог нанести свободный колющий (тычковый) или «таранный» удар. В первом случае в момент боестолкновения воин выбрасывал руки с пикой вперед (рис. 1, 3а). Во втором случае всадник крепко прижимал древко предплечьем к правому боку и дополнительно фиксировал пику согнутой в локте левой рукой (рис. 1, 3б). Достаточно часто древко дополнительно зажималось подмышкой. В этом случае «штыковой» хват фактически превращался в усиленный «подмышечный», а наносимый удар приобретал ярко выраженный «таранный» эффект. Объектом атаки при нижнем «штыковом» хвате обычно были корпус, бедро и лицо противника.

Нижний «штыковой» хват активно применялся номадами в эпоху Древности и раннего Средневековья. Его, в частности, широко использовали сарматы, древние тюрки, а также их военно-политические преемники в Центральной Азии, Южной Сибири и Восточной Европе (Нефедкин, 2011, ч. 162, 163, 166, 189; Горбунов, 2003, с. 147. Рис. 34: 8, с. 148, рис. 35, 16; Горбунов, 2006, с. 219. Рис. 73: 1, 2, 6). Судя по изображениям XVII-XIX вв., нижний «штыковой» сохранил свою популярность среди кочевников и в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (рис. 4; 5; 8). Более того, он был перенят и российскими казаками. На наш взгляд, причины этого кроются в многофункциональности данного хвата, позволявшего наносить как мощные «таранные» удары, так и легкие уколы пикой, быстро менять способ удержания древка с фиксированного на свободный и с двуручного на одноручный. Кроме того, практика удерживания пики двумя руками позволяла не только более надежно зафиксировать древко, но и скорректировать направление удара перед самым моментом боевого столкновения. Наконец, удерживать многометровую пику двумя руками в ходе динамичного конного боя было физически значительно легче, чем одной рукой.

В отличие от нижнего «штыкового» хвата, который мог быть как свободным, так и фиксированным, верхний «штыковой» (двуручный) хват был только свободным. В момент боевого столкновения воин выбрасывал руки вперед, нанося пикой колющий (тычковый) удар (рис. 1, 4). Главным преимуществом верхнего «штыкового» была способность поражать противника сверху вниз в голову или верхнюю часть корпуса. Двуручность хвата позволяла корректировать и направлять удар практически в момент его нанесения. Вероятно, нацеленный в лицо удар имел и определенный психологический эффект, заставлявший противника уклоняться или уходить от столкновения, поворачиваясь к копейщику боком или спиной. Особо востребован он был в столкновении всадника с пехотинцем. Рост популярности верхнего «штыкового» хвата среди номадов пришелся на период раннего Средневековья (Горбунов, 2003. С. 147. Рис. 34: 16, с. 148, рис. 35: 9). В XVIII в. верхний «штыковой» нередко применялся в ходе рукопашной схватки, когда теснота среди сражающихся не позволяла эффективно использовать пику альтернативным способом (рис. 8).

Свободный способ предполагал удержание древка в полусогнутой (часто отведенной назад или, наоборот, вынесенной вперед) руке.¹² Можно выделить два варианта хвата: нижний («кистевой») (рис. 1, 5) и верхний («дротиковый») (рис. 1, 6). При нижнем хвате пику удерживали одной рукой в горизонтальном положении на уровне бедра, пояса или груди воина, не прижимая к корпусу. В момент боестолкновения всадник выбрасывал руку с пикой вперед, вбок или назад (рис. 6), нанося колющий (тычковый) удар. Такой удар был намного более слабым, чем «таранный», но позволял фехтовать древ-

¹² При начале атаки воин мог удерживать пику, зажав ее подмышкой, так как это позволяло экономить силы и не перетруждать руку, удерживавшую древко. И только незадолго до столкновения копейщик отводил руку от корпуса и наносил укол пикой. По данной причине достоверно определить применяемый воином хват пики на картине или гравюре можно только в момент его соприкосновения с противником.

ком, отклоняя вражеское копьё и нанося неожиданные для противника уколы пикой. В условиях динамичного конного боя способность отводить и отбивать удары противника древком нередко имело принципиальное значение.

Уральские казаки начала XIX в. считали, что фехтовальные приемы при свободном хвате пики особенно эффективны против «таранного удара» казахских воинов. В столкновении со степняком, использующим «казахский» вариант подмышечного хвата¹³, надлежало нанести резкий удар древком своей пики по вражескому копьё сверху вниз, в результате чего и без того клонящийся вниз вражеский наконечник почти утыкался в землю, а казаку оставалось только направить свою пику в грудь противника (рис. 9). Этот прием подробно описан И.И. Железновым: «У казаков [в отличие от кочевников], напротив, пики короткия, и казаки держат пики не за конец, как толковые и предусмотрительные Киргизы, а поперек или, как говорится, на перевес. У казака, когда он идет в атаку или когда бросается один-на-один на неприятеля, положим на Киргиза, у казака в это время лезвее пики вперед от лошадиной головы высовывается только на пол-аршина или немного больше, потому впервых, что пика у казака, как сказано, короче, а вовторых потому, что казак относит руку немного назад, чтобы при ударе был размах; но не смотря на то, это лезвее скорее и вернее достигает цели. При столкновении с Киргизом, казак ударяет сверху вниз концом своей пики по концу киргизской пики, и последняя, без того к низу клонящаяся, от удара мгновенно ныряет и утыкается в землю. Тогда казаку остается только подставить свою пику и Киргиз грудью или животом сам налетит на нея. Разумеется, все это делается далеко скорее, нежели мы рассказываем; все это совершается в одно мгновение, не больше» (Железнов, 1858, с. 109). Судя по сообщениям современников и изображениям XVIII-XIX вв., этот прием фехтования древком применяли не только уральцы, но и сами казахи, а также ойраты и монголы.

Фехтовальные приемы древком считались основными и в схватке с противником, применяющим «ойратский» вариант подмышечного хвата.¹⁴ Здесь предлагалось бить по вражескому копьё древком своей пики не сверху, а снизу, чтобы вражеский наконечник «взвился» вверх (рис. 9). Однако такой прием был намного более рискованным: «При столкновении же с таким неприятелем, у которого пика не длиннее казацкой, или который держит пику не по-киргизски, то-есть, не за самый тупой конец, а на перевес — казак отводит неприятельский удар, то есть, неприятельскую пику иным манером: он ударяет по ней не сверху вниз, а уже снизу вверх, так, чтобы неприятельская пика взвивалась вверх и проносилась мимо казака, или через голову или через плечо. Но эта уловка, эта сноровка, следует заметить, трудновата: тут нужна ловкость, ловкость, да и ловкость, — а главное: безстрашие, безстрашие, да и безстрашие!» (Железнов, 1858, с. 109, 110). Ошибка в исполнении данного приема могла стоить жизни копейщику: «... Семен Азовсков, мы видели, попался в просак, и он куда был ловок и безстрашен; он так искусно владел пикой, как только можно владеет ею ловкому и безстрашному казаку. Киргиз, устремившийся на него, нечаянно ли, без сознания, или сознательно, с обдуманной целью — неизвестно, держал пику на перевес; казак заметил это уже тогда, когда враг висел, что называется, у него на носу, оттого-то он и не успел изловчиться и отвести, как следует, киргизскую пику. Правда, он ударить — ударил по ней снизу вверх, но не ловко; правда, пика Киргиза взвиться — взвилась вверх, но не высоко, а в самую, как выражаются казаки, «припорцию»: киргизская пика ударила Азовскову в лоб, над левой бровью. Азовсков опрокинулся назад, но удержался, с лошади не упал. Хотя пику свою он уронил, поводья из рук выпустил, но за то обеими руками ухватился за киргизскую пику. Повернулись они с Киргизом на месте раз-два; киргизская пика изломалась. Сцепились они с Киргизом, как Ермак с Махмет-Кулом, крутились, крутились и, не один, а оба наземь свалились. Тут, как орлы, налетели казаки и прикололи голубаго¹⁵... Приостановились казаки, подсадовали, поскрипели зубами на Киргизов, перевязали Азовскову рану платком (рана сначала казалась неопасной, но впоследствии была смертельной)...» (там же, с. 110, 111).¹⁶

Таким образом, основными преимуществами нижнего свободного («кистевого») хвата были не- сильные, но неожиданные уколы пикой, наносимые в корпус, голову и конечности противника, а также возможность фехтования древком. Последнее свойство усиливали за счет применения так называемого «копейного отреза», представлявшего собой вытянутую, заточенную с внешней стороны железную пластину, крепившуюся встык к древку пики (рис. 1, 1; 2; 5). «Отрез» не только защищал деревянное древко, но и позволял наносить мощные рубящие удары по корпусу и конечностям противника,

¹³ Длинное древко удерживается за конец (рис. 1, 2).

¹⁴ Древко пики удерживается в центральной части (рис. 1, 1).

¹⁵ Имеется в виду казахский копейщик, одетый в «голубой чапан» (Железнов, 1858, с. 107).

¹⁶ Судя по цинским изображениям XVIII в., описанный И.И. Железновым эпизод с борьбой копейщиков, ухватившихся за древко пики противника, был не таким уж редким явлением в конном бою (рис. 8).

а также древкам вражеских копий. Пики с «отрезами» применяли ойратские, монгольские, казахские, киргизские, уйгурские, цинские воины, а также российские казаки. Пик популярности «отрезов» пришелся на вторую половину XVIII – первую половину XIX вв. и был связан с распространением и интенсификацией конного копейного боя, а также постепенным вытеснением защитного вооружения из широкого военного обихода (Бобров, 2013 б).¹⁷

Свободный способ удержания пики при нижнем кистевом хвате был основным для поражения бегущего противника или, напротив, для нанесения удара по преследователю. Интересно, что уральские казаки считали, что настигать отступающего следует с правой стороны: «Забирать вправо», т. е. держаться самому правой стороны, а преследуемого неприятеля оставлять в левой стороне, значит выигрывать перевес над неприятелем по самой простой, физической причине: справа влево ловко бить пикой, стоит только размахнуть рукой, а для этого достаточно одного момента. Слева же вправо бить пикой не только не ловко, но и совсем неудобно; для этого придется изгибаться на лошади, но как ни изгибайся, удар не ловок, следовательно и не верен будет; для этого придется поворачивать самую лошадь, а неприятель ждать не будет: пока ты будешь поворачивать лошадь, а лошадь, следует заметить, и поворачивается вправо не так легко и скоро, как влево; пока ты поворачиваешь лошадь, неприятель, сделав только пол-оборот налево на седле, взмахом руки может сколоть тебя» (Железнов, 1858, с. 105, 106).

Когда копейщик настигал убегающего врага, он с силой выбрасывал руку с древком вперед, пытаясь ударить наконечником в нижнюю часть корпуса противника: «Старались пониже, в поясицу, где ни увернуться, разве что на скаку под коня нырнуть. Удар страшный, и, если правильно попал, рана смертельная, неизлечимая».¹⁸ Иногда били и в верхнюю часть спины или бедро, а если пленник представлял большую ценность, чем его лошадь, то поражали пикой конский круп: «С одной стороны, мы увидели караваночальника купеческого Ибрагима Измайлова, преследованного варварами, из коих один, наскакивая на одного с копьем, поража лшадь его множеством жестоких ударов и, напоследок, сравнялся уже почти с плечом несчастного, как произведенный тщетно Измаиловым наотмаш из пистолета выстрел усугублен был вскорости выбежавшим казаком, который, сделав новый из ружья выстрел, убивает киргизца и тем спасает жизнь караваночальника...» (История Казахстана..., 2007, Т. 5, с. 135).

Свободный способ удержания копья был известен кочевникам раннего и развитого Средневековья, однако во второй половине XVIII в. его популярность резко выросла, так как по мере исчезновения массового доспеха для поражения противника часто было достаточно и укола пикой, наносимого мускульной силой руки. В отличие от «таранного» удара, который был обычно направлен в корпус или голову противника, при свободном хвате пики объектом атаки служили также руки, бедра и спина вражеского воина, а также голова, шея и корпус его боевого коня. Кроме того, кистевой хват был основным при преследовании бегущего противника.

Еще одной разновидностью свободного способа удержания древка был верхний («дротиковый») хват, при котором пика удерживалась одной рукой над головой всадника (ладонью вверх), а колющий удар наносился сверху вниз (рис. 1, б). Удержать многометровую пику в таком положении было непросто, поэтому боевое применение «дротикового» хвата носило ограниченный характер.

Сила копейного удара. Значительный интерес представляют описания и характер ранений, полученных в ходе боя на копьях. Поражающий эффект зависел от многих факторов, ключевым из которых была сила удара пикой. По данному показателю все удары, наносимые длиннодревковым оружием, делятся на две основные группы. Первая – мощные удары, пробивающие насквозь череп, панцирь и грудную клетку противника, сбивающие его с коня, «как тубетейку», останавливающие бег вражеского боевого скакуна и др. Вторую группу составляют легкие ранения в корпус, конечности или голову воина и его боевого коня. Учитывая субъективные факторы, отметим, что, вероятно, первая группа ранений в своем большинстве являлась результатом «таранного» удара (фиксированный способ удержания древка), а вторая – следствием укола пикой (свободный способ удержания древка).

¹⁷ Неожиданный раскрученный удар древком пики валил с коня, а наносимые при этом раны были сопоставимы с сабельными. Так, например, французский офицер Ф. Де Брак писал: «Под Эйлау (битва при Прейсиш-Эйлау в 1807 г. – Л. Б.), в одной из наших атак на казаков, он [капитан Бро] уже думал уложить одного из них, взяв его с левой стороны, причем казак держал пику «вперед направо»; но вдруг, *приподнявшись на стременах, казак быстро сделал «кругом отбей» и сбросил капитана на землю...* Я присутствовал при перевязке капитана; *плечо его было рассечено, как сабельным ударом*».

¹⁸ При фронтальном столкновении российские казаки нередко наносили удар пикой в пах противника. При такой атаке всадник практически не мог увернуться, а рана в нижнюю часть корпуса была очень болезненной и опасной (Венков, 2013, с. 75). В схватке с кочевником такой прием был более сложен, так как седла номадов имели высокую и достаточно массивную переднюю луку.

Интересно, что, по рассказам современников, «таранный» удар степного копыя пробивал не только кольчатый панцирь, но и цельнокованные кирасы европейского образца. Так, например, башкирский панцирник Джантюри сообщал В. Зефинову о схватке башкир с наполеоновскими «латниками» (кирасирами или карабинерами) во время Заграничного похода российской армии: «...человек с пятьдесят [башкир], поставили на сторожевой пикет. Не знаю, как проглазели, только на заре наткнулись на нас человек с 20 французов, вот тех, что носят стальные доски на груди (вероятно, французские латники); мы вскочили на коней, пики приперли к седлам и с гиком бросились на злодеев. Лошадь подо мной была бойкая, я навывлет проколол одного и вынимал уже пику, как другой, собака, сильно хватил меня палашом, кольчуга не устояла, и я с разрубленным плечом повалился с лошади и обеспамятел... Часа через полтора вдруг из-за леса вылетела целая сотня донских казаков и окружила нас со всех сторон. Французы, их осталось только 12 человек, струсили и попросили пардону».

О силе ударов, наносимых пикой в ходе маневренного конного боя, свидетельствует описание кавалерийского сражения между отрядами казахов (400 всадников) и кокандцев у урочища Кара-мурун: «В этой стычке трое кокандских военачальников: Бектибай-батырь и Айдарбек-батырь, из рода Канглы, и Тиль-ходжа-батырь, из рода Кунград, увидав пред собой султана Тайчика, напали на него сразу все трое. Султан Тайчик бросился им на встречу и на пути пронзил пику Бектибая, сына Джалантус-батыря; острие пики, попав в рот, вышло в затылок. Бектибай этим ударом был убит наповал. В это время Тиль-ходжа-батырь поразил султана Тайчика пику в левое плечо, спереди. Тайчик удержался на лошади, но от силы удара седло съехала ей на крестец. Конец пики сломался, и одна пядь железа осталась в теле. От этой раны умер султан Тайчик» (Султаны Кенесара и Садык..., 1889, с. 32, 33).

В ходе конного сражения участвующие в нем воины могли применять разные техники боя на пиках, что было обусловлено особенностями боевой обстановки (рис. 8). Интересное описание схватки конных копейщиков, на этот раз казахов Среднего жуза и киргизов, приведено Ч.Ч. Валихановым. Первое столкновение закончилось в пользу киргизов, которые обратили казахов в бегство, но слишком увлеклись преследованием: «...Томача-батыр, видя, что [киргизский] манап увлекся слишком далеко и не имел товарищей, повернулся назад и воткнул копьё под самую грудинку лошади с такой силой, что благородное животное разом село на задние ноги. Манап быстро соскочил с лошади и бросился на сергелинца Джаулубай-батыра; канджигалинец Исет-батыр, увидев опасность товарища, дал удар копьем – манап повалился на землю. Томача-батыр, он был низкого роста, но с великой душой, он сел на него и распорол живот – это был сокол, затравивший лебедя» (Валиханов, 1984, с. 220).

Оценка современников и обучение бою на копьях. Высокий уровень воинского мастерства казахских копейщиков XVII-XIX вв. фиксируют не только многочисленные народные сказания, но и современники из числа соседей казахов. Особенно интересна оценка, данная казахскому копейному бою российскими офицерами, которые в целом довольно скептически оценивали оружейный комплекс своих степных противников. Столкнувшийся с казаками на поле битвы в 1803 г. Я.П. Гавердовский отмечал, что: «Оружие киргиз-кайсаков составляют пики, которыми [они] управляют проворно...» (История Казахстана..., 2007, с. 433-439). Полвека спустя подполковник генерального штаба Л. Мейер писал, что: «...национальным древним оружием их [казахов] был небольшой топорик на длинной рукоятке, называемый чекан или ай-балта (топор в виде месяца), и потом пика (по-киргизски найзя); первый вышел почти из употребления, вторая существует и теперь, и делается с весьма тонким и длинным древком и таким же наконечником; но, по своей длине и ломкости, не очень опасное оружие, хотя киргизы владеют ею не дурно» (Мейер, 1865, с. 250). Огромное впечатление джигитовка с пикой произвела на английского путешественника Томаса Аткинсона, побывавшего в казахских степях в 1845-1853 гг.: «Проводник [казах] взял копьё у одного из казаков и показал, как ловко он умеет с ним обращаться. Он пустил лошадь в галоп, одновременно быстро вращая копьё над головой. Потом он опустил копьё, укрепив его [нижний] конец в стремени, и принял положение готовности к атаке. Издав боевой клич, он низко пригнулся к седлу и помчался вперед. Лошадь слушалась его великолепно; подняв ее на дыбы, он неожиданно повернулся и бросился на меня с копьем наперевес. Казаки, которые также хорошо владеют копьем, наблюдали за его маневрами с восхищением. Судя по всему, Кенесары готовил из киргизов прекрасных бойцов. Многие говорили, что именно необычайная ловкость в обращении с копьем и боевым топором позволяла джигитам Кенесары столь успешно воевать с превосходящими силами противника. Имея хороших офицеров, киргизы могли бы составить лучшую кавалерию в мире. Им присущи все качества, прославившие в истории знаменитые полчища Чингизхана» (Аткинсон, 1972, с. 43).

При прочтении подобных восторженных отзывов возникает закономерный вопрос – как, при отсутствии регулярного военного обучения, кочевники достигали столь впечатляющих успехов в искусстве владения пикой?¹⁹ Ответ на него дают российские авторы XIX в. По свидетельству Я.П. Гавердовского, пика (наряду с ружьями и луками) использовалась казаками в ходе степной охоты (в том числе и в знаменитых облавах): «Ловитва производится здесь различным образом: иногда охотники, открыв звериный след, пускаются за ними во весь дух и, гоняясь таким образом несколько дней, наконец, утомля зверя, убивают его из лука или из ружья, или прокалывают на бегу [на скаку] копьем... В Средней и Большой орде употребительны также мунгальские облавы. Для сего обыкновенно собираются многие охотники и, разделяясь поодиночке, занимают вокруг желаемое пространство. Всякий из них ищет зверя и, подняв одного с логовища, гонит в середину занятого пространства. Таким образом, все сближаются, тесня ловитву к возвышению или равнине, где обдегши ее отовсюду, начинают убивать стрелами, копьями и пулями...» (История Казахстана..., 2007, с. 479, 480).

Еще одним этапом в подготовке конных копейщиков были различные народные праздники и состязания, в ходе которых демонстрировались приемы владения пикой: «Одни из них [казахов] окружили нашу коляску, произнося поразительные крики, другая, бегая взад и вперед по степи на конях своих, делала разные движения, иные пускались во весь дух, стоя на седле и действуя пиками...» (История Казахстана..., 2007, с. 469, 470). У ближайших соседей казахов – киргизов даже в конце XIX – начале XX вв. сохранялся традиционный турнир на деревянных пиках «эр сайыш», который советские этнографы рассматривали как единственный пример специфических боевых упражнений «профессионального этапа подготовки киргизского воина» (Симаков, 1990, с. 68). К сожалению, неизвестно, практиковался ли подобный турнир у самих казахов, однако, учитывая тесные культурные, военные, экономические и социально-политические связи киргизов и казахов Старшего жуза, можно предполагать, что последним он был как минимум известен.

Ниже мы приводим описание «эр сайыш», выполненное Г.Н. Симаковым с небольшими сокращениями и комментариями: «Период боевых упражнений профессионального этапа подготовки киргизского воина включает в себя единственное развлечение, чрезвычайно популярное у киргизов и горячо любимое ими, – поединок всадников на тупых (турнирных) пиках – эр сайыш. Это развлечение отличается от всех описанных выше [борьба, конная схватка на нагайках и др.] прежде всего тем, что представляет собой почти настоящий бой, а не игровую имитацию его, т. е. это развлечение единственное из всех описанных учило владению боевым оружием. Богатыри – участники состязаний одевались в турнирные доспехи, которые, однако, максимально приближались к одеянию киргизского воина в боевой обстановке.²⁰ И, несмотря на то, что пики были тупыми и лишены острых металлических наконечников и правила вносили ограничения, оберегавшие жизнь и здоровье участников, последние, как и в подлинном бою, подвергались серьезной опасности. Во время схватки участники использовали весь арсенал боевых приемов, и победа в этом виде состязаний была дороже жизни.

Поединок происходил на ровном, открытом месте в присутствии большого количества зрителей, образовывавших круг диаметром от 100 до 500 м, территория которого и служила ареной состязания. Перед началом эр сайыш на арену верхом на коне выезжал распорядитель торжества и глашатай (жарчы). Аккомпанируя себе на комузе или кыяке, он обращался к зрителям с импровизированной стихотворной речью, в которой прославлял достоинства богатырей, принимавших участие в поединке, и объявлял состав приза победителям. После такого торжественного вступления, в процессе которого в качестве воинского идеала для подражания упоминались имена героев-богатырей из национального эпоса «Манас», на арене состязаний появлялись участники – чаще всего два всадника, вооруженных пиками (найза) и одетых в турнирные доспехи. Они выезжали с противоположных сторон и ожидали сигнала к началу состязаний. И когда с близлежащего холма раздавался торжественный звук военной флейты (сурнай), который служил сигналом, начиналась схватка. Заждавшиеся всадники, взяв пики наперевес, с криками май, май! («коли, коли!») под рев многотысячной толпы пускали коней во весь опор

19 Эффективное применение кавалерийского копья в бою было настоящим искусством. По единодушному мнению современников пика могла быть полезной воину только в том случае, если он умел с ней обращаться. Так, например, князь П.И. Багратион особо подчеркивал, что: «... надобно уметь чрезвычайно ловко владеть ею [пикой], чтобы она была полезна: в противном случае она только спутает кавалериста». Знаменитому полководцу вторил и офицер Изюмского гусарского полка Мартенс: «Великий князь ввел во все гусарские полки копья. Для легкой кавалерии копьё составляет бесспорное превосходное оружие, но для того, чтобы владеть им целесообразно, требуется большой навык и должная практика. Ввести же это оружие за два месяца до начала похода [1812 г.] было величайшей бессмыслицей; копьё в руках человека, не умеющего им владеть, составляет только помеху. Поэтому гусары, ловко действовавшие саблею, были в высшей степени недовольны копьями и в самом начале похода переломали и выбросили их» (Венюков, 2013, с. 74; Соколов, 2012, с. 571, 572).

20 К сожалению, Г.Н. Симаков не поясняет, о каких «турнирных доспехах» идет речь. Нами не зафиксированы факты применения киргизами начала XX в. металлических панцирей. Нет их и на фотографиях «эр сайыш». Скорее всего, под «турнирными доспехами» понимается несколько одетых один поверх другого халатов или стеганая шуба «купі», являвшаяся наследником знаменитых позднесредневековых «мягких» панцирей «каттау» и «чопкут».

навстречу друг другу. В это время жарчи исполнял на комузе короткую энергичную мелодию «Найза сал» («Бери пики наперевес»). Некоторое время каждого из бойцов сопровождал конный секундант (даекчи), державший за повод коня своего богатыря. Когда же между участниками оставалось расстояние 50-60 м, секунданты быстро отъезжали в стороны. *Соперники на полном скаку сшибались в сильном ударе, после чего один, как правило, оказывался выбитым из седла.* Победитель выкрикивал боевой клич своего рода или племени (ураан) и галопом объезжал зрителей, сопровождаемых их восторженными возгласами. Снова играла военная музыка и жарчи в честь победителя-богатыря исполнял мелодию «Баракелдибаатырым» («Хвала тебе богатырь»). Тут же на глазах у зрителей победитель получал приз в виде нескольких голов крупного скота (коров, лошадей, верблюдов)...

В Киргизии даже в конце XIX – начала XX в. кроме парных поединков устраивались также массовые состязания (эр сайыш). На поле порой выходили по пять-шесть и более всадников с каждой противоборствующей стороны, и тогда этот поединок превращался в настоящее сражение. Правила оставались теми же, только после первого столкновения всадников не разводили в разные стороны, а давали им возможность маневрировать, причем если один или несколько участников с одной стороны выбывали из состязаний, то соперники имели право, как и в настоящем бою, вдвоем, втроем и более нападать на одного. В таких случаях схватки носили особенно напряженный, а порой и драматический характер. Устройство вышеназванных массовых состязаний, по сути дела, воспроизводило максимальную близкую к истинной, сложную и опасную обстановку конного боя» (Симаков, 1990, с. 68-71).

Таким образом, парный «эр сайыш» представлял собой классический копейный поединок двух всадников, целью которого было выбить противника из седла. Можно полагать, что для этой цели применялся в основном фиксированный способ удержания древка пики («подмышечный» или нижний «штыковой» хват). К сожалению, неизвестно, прерывалась ли схватка в том случае, если после столкновения оба противника оставались в седле. Вполне вероятно, что поединок (как и в массовом турнире) продолжался, и соперники старались сбросить противника с коня уже в ходе маневренного конного боя. В этом случае могли применяться не только удары, но и тычковые уколы пикой, уклонения и т. д. На фотографии, фиксирующей «эр сайыш», видно, как один из всадников наносит укол пикой, удерживая ее за нижнюю часть древка, в то время, как его соперник пытается уйти из-под удара, развернув коня.

Вплотную к боевой практике приближалось (а часто и сливалось с ней) участие молодых казахских копейщиков в барымте и нападениях на купеческие караваны. В ходе родовой барымты (законенная степная традицией отгон скота у соседей) убивать противника было крайне нежелательно, так как за это полагалось выплатить огромный штраф родственникам убитого. Зато сбросить с коня вражеских табунщиков и отогнать стадо почиталось за воинскую доблесть. Это стимулировало развитие вооружения и боевых техник, позволявших одержать верх в схватке с противником, не убивая последнего. Важное место в комплексе вооружения барымтачей, наряду с ногайками и дубинами, занимали деревянные пики без железных наконечников. При атаке купеческих караванов могли применяться и собственно боевые пики: «Киргизцы никогда на стоящий караван ночью не нападают, но отбивают тогда только табуны с отменным проворством. Четыре, много, ежели десять, человек несколько дней преследуют за предположенную ими добычею, скрываясь всегда за горами, но при малом беспорядке в пастухах, высмотрев место табуна прежде, в глубокую ночь наскакивают на оный с визгом и, стреляя из ружей, *поражают копьями пастухов и самих лошадей, из коих раненая, испугавшись, бежит в сторону с ревом, а за ней и все угоняются барантовщиками сими в жилище их*» (История Казахстана..., 2007. С. 35).

Анализ приведенных материалов позволяет сделать вывод, что обучение владению пикой носило преимущественно индивидуальный, а не коллективный характер. Главными наставниками молодого бойца обычно являлись его старшие родственники и боевые товарищи. Большое значение имел практический опыт владения длиннодревковым оружием, который нарабатывался и оттачивался в ходе охот, соревнований, народных праздников и барымты. Специализированное коллективное обучение копейному бою получало распространение в период роста военной опасности и интенсификации боевых действий. Важным условием эффективности такого обучения было наличие сильной власти военачальника, способного организовать тренировки, обеспечить наличие компетентных учителей и необходимый уровень дисциплины. Это в значительной степени удалось хану Кенесары Касымову, воины которого добились выдающихся результатов во владении пикой. Посещавший воинский лагерь Кенесары киргизский посланник Калигул отмечал: «Около тысячи джигитов обучались меткой стрельбе, отдельные группы джигитов тренировались в рубке, *а другие овладевали искусством пикирования*» (Бекмаханов, 1992, с. 295).

Копейная атака как тактический прием. Роль копейной атаки в казахской тактике ведения боя XVII-XIX вв. будет рассмотрена в специальной работе. Здесь же отметим некоторые ключевые моменты. Довооружение конных лучников пиками по ойратскому образцу позволило казахским полководцам использовать в копейной атаке не только панцирников, но и бездоспешных воинов, что существенно увеличило мощь кавалерийского удара и повысило значение рукопашной схватки в ходе сражения.²¹ Необходимо отметить, что, заимствуя тактические приемы ойратов, казахи не пытались копировать их до мельчайших деталей, а изменяли с учетом местных военных реалий. Главное отличие «ойрат-казахского напуска»²² от классического западномонгольского прототипа заключалось в том, что наряду с перевооружением легких лучников пиками ойратские правители целенаправленно наращивали численность панцирников в войсках, что позволило создать массовую «куяшную» конницу, всадники которой широко применяли панцири и шлемы (Бобров, Худяков, 2008. С. 327-366, 567-603). В столкновении двух лавин копейной конницы преимущество имела та сторона, которая могла выставить большее число воинов, оснащенных защитным вооружением. В силу целого ряда причин (политического и экономического характера) принять аналогичные меры казахские правители не могли, что вынудило их ограничиться лишь заимствованием идеи легкой копейной конницы. Небольшим отрядам тюркских панцирников было сложно противостоять массовой «куяшной» кавалерии ойратов, что со временем привело к сокращению практики сведения казахских воинов в доспехах в отдельные подразделения. Теперь «окольчуженные» батыры обычно включались в состав отрядов легкой копейной и лучной конницы, повышая ее устойчивость в ближнем бою. Необходимость борьбы с ойратскими «куяшниками» подвигло казахских полководцев искать асимметричный ответ, которым стало массовое применение ручного огнестрельного оружия (Бобров, 2012 а). При этом слитный удар легких и панцирных конных копейщиков в боевой практике казахов сохранился и применялся в сочетании с массовой ружейной и лучной стрельбой. Анализ вещественных, изобразительных и письменных источников свидетельствует, что «ойрат-казахский» вариант «копийного напуска», с небольшими изменениями, продолжал оставаться одним из основных тактических приемов казахов для боя в конном строю вплоть до середины XIX в.

Современные авторы часто именуют строй наступающей казахской конницы XVIII-XIX вв. «лавой». Однако современники в большинстве случаев отделяли казачью «лаву» (разомкнутый одношереножный строй с поддержками в глубине, аналог пехотной степи) от построений казахской и башкирской конницы. Последние именуются в источниках «толпой», «скопищем», «роем ос» и т. д. И действительно, на картинах, миниатюрах и гравюрах XVII-XIX вв. наступающая казахская конница представляет собой более или менее разомкнутую группу всадников, как правило, не разделенную на шеренги (рис. 6). Причем иногда всадники действуют не общей массой, а небольшими отрядами, или, напротив, сбиваются в густые колонны. Подобные построения логичней именовать не «лавой», а кавалерийской «лавиной» или «волной». Однако у казахов существовал и конный строй копейщиков, напоминавший казачью лаву. Его, в частности, применял хан Кенесары Касымов. Отборный ханский отряд (800 всадников, вооруженных пиками, саблями и огнестрельным оружием), вытянутый в две длинные шеренги, составлял основу построения казахской армии, вокруг которой группировались «скопища» кочевников: «Перед боем они строятся в две шеренги, знамена в середине сего строя. За ним в качестве стражи строятся человек 5-10 в несколько шеренг. Они же служат телохранителями Кенесары, который, в случае надобности, берет знамя, бросается вперед и личным примером ободряет свои войска... Эта как бы организованная масса служит основанием всем скопищам. К ней присоединяются толпы, и Кенесары, изучивший вполне образ действий русских отрядов, с отличным искусством употребляет их в дело» (Казахско-русские отношения, 1964, с. 303, 304).

Каждый казахский отряд атаковал противника, выкрикивая родовой боевой клич-«уран». В ходе атаки родовые ураны сливались в оглушительный рев, который производил исключительно неприятное впечатление на противника. Российские офицеры, слышавшие боевые ураны наступающей степной конницы, называли их «ужасным криком», «ужасным шумом», «великим визгом» (История

21 Как показала военная практика, слитный удар конный копейщиков (даже легковооруженных) по своей «прорывной» способности был сопоставим с атакой тяжелой латной кавалерии, снабженной длиннокалибровым оружием. По данной причине во французской армии начала XIX в. Уланы – «шеволежеры» относились не к легкой, а к линейной кавалерии, а знаменитый военачальник и военный теоретик Г. Жomini отмечал, что: «Ни одна кавалерия не прорвется там, где этого не сделают уланы или кирасиры, скачущие рысью». Прекрасно осознававший важность копыеносной конницы Наполеон Бонапарт последовательно наращивал ее численность в своей армии. В результате в 1811 г. шесть драгунских полков, а также часть конных егерей были вооружены пиками, переведены в категорию шеволежерских. Вместе с поляками в Великой армии в 1812 г. насчитывалось 25 (!) полков улан и шеволежер. Кроме того, копиями были вооружены и французские гусары (Венков, 2013, с. 290; Соколов, 2012, с. 623-626). Наполеон надеялся, что это огромное количество конных копыеносцев поможет его кавалерии прорывать построения противника и эффективно сражаться с российскими казаками, отточившими свое мастерство владения пикой в постоянных войнах с кочевниками (Венков, 2013, с. 290; Соколов, 2012, с. 623-626).

22 Сменившего «узбек-казахский напуск», характерный для военного дела кочевников Дашт-и Кипчак конца XV-XVI вв. и производившийся силами конных панцирников, сведенных в небольшие, но хорошо вооруженные ударные отряды (Бобров, 2013 а).

Казахстана..., 2007, с. 134, 137, 245). Участник боевых действий в Средней Азии генерал М.Г. Черняев отмечал: «Кому не приходилось выдерживать атаку азиатских полчищ, тот не может даже себе представить того действия, которое производят на нервы эти нечеловеческие звуки» (Михайлов, 2003, с. 367).

Несущаяся по степи под рев родовых уранов волна всадников, над которой реял лес косматых бунчуков и матерчатых значков, производила на современников неизгладимое впечатление. Первый натиск был самым страшным для противника: «со всею лютостью, не наблюдая никакого порядка, устремляются они друг на друга, произнося ужасный крик, пуская стрелы и бросая камни. *Столкнувшись, таким образом, вступают в ручной бой, кому как заблагорассудится, или один на один, или толпами.* Первый удар бывает всегда необыкновенно силен и даже опасен для регулярного строя...»; «...Первый удар их, или первая атака..., бывает всегда сильна, и устоять против оной нелегко. В ней совокупают они всю храбрость свою...»; «...В нападении иногда бывают отважны, и при малейшем успехе, наглы до неограниченности... Вступают в дело перестрелкою с неприступных мест метанием стрел, и наконец стремительным нападением толпою с криком ги! (Козаки по тому говорят, услышав ги, что Орда загичала). Горе тем, которые, не выдержав хладнокровно их натиска, покажут тыл, тогда жестокость кровопролития бесконечна» (Отечественные записки, 1830, с. 175, 176; Левшин, 1996, с. 324; История Казахстана..., 2007, с. 437). Если в момент боевого соприкосновения противник начинал паниковать, то атака казахов нередко оказывалась успешной. Однако если первый натиск кочевников удавалось сдержать, то последние предпочитали отойти (Левшин, 1996, с. 324; История Казахстана..., 2007, с. 437). Повторные атаки, по единодушному мнению современников, были менее опасны для обороняющихся.

Осознавая тактические преимущества массированного конного удара, казахские полководцы нередко выстраивали план сражения, делая акцент на рукопашной схватке. Особенно часто этот прием применялся в ходе боевых столкновений с армиями среднеазиатских государств. Показательна битва казахских войск султана Садыка и армии бухарского эмира на переправе Узулус на р. Заравшан: «Султан Садык выстроил свое войско в боевой порядок на расстоянии таша [8 верст, примерно 8,5 км] от переправы. Эмир сначала переправил свою конницу, удержав при себе пеших сарбазов и туркмен. Когда бухарская конница приблизилась к расположению войск Садыка, он *быстро атаковал ее всю массою своей конницы, получившей приказ завязать рукопашный бой.* Конный отряд эмира, после слабого сопротивления, обратился в бегство и обратно переправился через реку. Видя это, эмир сам задумал бежать и сел уже на лошадь, но, для удержания Садыка, выслал к реке сарбазов и туркмен, которые, стреляя из ружей в пытавшихся переправиться людей, заставили их отступить» (Султаны Кенесара и Садык..., 1889, с. 65).

Главная роль в ходе кавалерийской атаки отводилась копейщикам, которые должны были сломать вражеский строй и выбить противника с поля боя. Однако как минимум не меньшее значение уделялось взаимодействию копейщиков с пешими и конными стрелками из ружей и луков: «Потом они разделились на несколько куч. Одни из них, сойдя с лошадей, припали к винтовкам, другие стреляли из ружей верхами, некоторые пуцали на всем скаку стрелы, а *все прочие с пиками сделали опять удар,* но снова были отражены. После сего половина их спешилась и, будучи прикрываема конными, устремилась всею массою на один пункт. Причем им удалось ворваться между спутанными верблюдами, они произвели тогда сильнейшую сечу на саблях и копьях...» (История Казахстана..., 2007, с. 243, 244). От умения военачальников эффективно совмещать действия копейщиков и стрелков во многом зависел успех сражения.

Рассматривая тактический аспект применения копейщиков в ходе боя, нельзя не отметить еще одну новинку в военном деле номадов Центральной и Средней Азии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени – пеших пикинеров. Последние не составляли постоянных воинских подразделений, а представляли собой временно сошедших с коней копейщиков. Неизвестно точно, когда казахские военачальники стали применять спешенных пикинеров в ходе сражений. Большинство свидетельств относится к XVIII-XIX вв. Однако изображение колонны пеших пикинеров-кочевников (казахов?) на степном разделе карты Средней Азии А. Дженкинсона датируется второй половиной XVI в. Главная задача пеших пикинеров заключалась в защите ружейных стрелков и лучников от вражеских атак и контратак, а также штурме полевых укреплений противника. Судя по материалам письменных и изобразительных источников, пикинеры могли действовать вперемешку с ружейными стрелками либо сводиться в специальные ударные колонны (Бобров, 2012, с. 119-121). В обоих случаях воины обычно использовали «штыковой» (двуручный) или (значительно реже) «кистевой» (одноручный) хват пики. Причем последняя удерживалась примерно по центру древка (рис. 7).

Выводы. Подводя итог, необходимо отметить, что рост значения ближнего боя и распространение длиннодревкового оружия в войсках кочевников XVII-XIX вв. привели к изменениям конструкции традиционных степных копий и пик (распространение новых типов наконечников, подтоков, древковых усилителей, «отрезов» и т. д.). Этот же процесс стимулировал развитие техники копейного боя номадов. При этом ойраты, монголы, казахи, киргизы сохранили наиболее совершенные приемы копейного боя, характерные для степных воинов раннего и развитого Средневековья, но внесли в них ряд важных изменений. Последние были связаны с новым пониманием места пики в военной практике кочевников. Из оружия первого удара пики превратились в основной вид оружия ближнего боя, актуальность которого сохранялась на всех этапах сражения. Особо подчеркнем, что развитие длиннодревкового оружия и копейного боя было тесным образом связано с эволюцией комплекса защитного вооружения номадов. Так, распространение металлической и «мягкой» (из органических материалов) брони среди кочевников Центральной Азии XVII – первой половины XVIII вв. привело к доминированию «бронейных» пик с узким граненым пером и «таранного» удара («подмышечный» и нижний «штыковой» хват). Постепенное вытеснение защитного вооружения из широкого военного обихода во второй половине XVIII – первой половине XIX вв., напротив, способствовало росту популярности свободного (одноручного) способа удержания пики («кистевой» хват), распространению копейных «отрезов» и различных приемов фехтования древком. Высокий уровень мастерства казахских копейщиков являлся результатом богатой практики, полученной в ходе охоты, выступлений на народных празднествах и соревнованиях, во время барымты и, собственно, боевых столкновений. Копейный бой кочевников оказал существенное развитие на эволюцию военного дела российских казаков, которые продолжали применять и совершенствовать приемы владения пикой на протяжении всего XIX в. (Бобров, 2012 б, с. 62, 63). В тактическом плане довооружение легких стрелков копьями и пиками повысило устойчивость казахских войск в ближнем бою и оказало существенное влияние на эволюцию традиционной кавалерийской тактики кочевников Центральной и Средней Азии XVII-XIX вв. Длительность бытования «копийного напуска» в военном искусстве казахов была обусловлена тем фактом, что он эффективно дополнял действия ружейных стрелков, роль которых в казахских войсках на протяжении рассматриваемого периода неуклонно возрастала.

Литература

1. Аткинсон Т. Путешествие в Казахские степи / Простор, 1972, № 3. – С. 36-52.
2. Бекмаханов Е. Казахстан в 20-40-е годы XIX в. – Алма-Ата: «Казак университеті», 1992. – 400 с.
3. Бекмаханова Н.Е. Россия и Казахстан в освободительном движении. Последняя четверть XVIII – первая половина XIX века. – М., 1996. – 304 с.
4. Бобров Л.А. Вооружение и тактика восточных и западных монголов в эпоху позднего Средневековья (XVII в.) / Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 11–19;
5. Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX в. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии XV – первой половины XVIII вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Барнаул, 2011. – 54 с.
6. Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в пешем строю в последней трети XVI – середине XIX вв. / Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. I. – СПб: «ВИМАИВиВС», 2012 а. – С. 105-135.
7. Бобров Л.А. О казахском влиянии на комплекс вооружения российских казаков в XVII – середине XIX вв. / Наследие Л.Н. Гумилева и современная евразийская интеграция. – Астана, 2012 б. – С. 62-64.
8. Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV-XVI вв. / Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. I. – СПб: «ВИМАИВиВС», 2013 а. – С. 231-258
9. Бобров Л.А. Копейный «отрез» – оригинальный конструктивный элемент длиннодревкового оружия народов Великой степи и сопредельных территорий позднего Средневековья и раннего Нового времени / Вестник НГУ. – Сер.: История, филология, 2013 б (в печати).
10. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Учебное пособие. – Н.: Новосиб. Гос. Ун-т, 2010. – 288 с.
11. Бобров Л.А., Пастухов А.М. Ойратская артиллерия XVII–XVIII вв.: вопросы происхождения, конструкции и боевого применения / Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 2007. – С. 170-247
12. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 770 с.

13. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Огнестрельное оружие в войсках Джунгарского ханства (1635-1758 гг.) / Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. – Алматы: Print-S, 2010. – С. 204-217.
14. Валиханов Ч.Ч. Исторические предания о батырах XVIII в. Собр. соч.: в 5 т. – Алма-Ата: Наука, 1984. Т. 1. – С. 216-386.
15. Венков А.В. Казаки против Наполеона. От Дона до Парижа. – М.: «Вече», 2013. – 368 с.
16. Географические известия Русского географического общества. – СПб: Типография министерства внутренних дел, 1848. – 214 с.
17. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть I. Оборонительное вооружение (доспех). – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2003. – 174 с.
18. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть II. Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2006. – 232 с.
19. Железнов И. Очерки быта уральских казаков. Часть I. Картины казацкой жизни. – М.: «Типография Александра Семена», 1858. – 377 с.
20. История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005 б. Т. 2. Русские летописи и официальные материалы XVI-XVIII в. о народах Казахстана. – 445 с.
21. История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. Т. 5. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX в. – 620 с.
22. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (1771-1867 годы). Сборник документов и материалов. – Алма-Ата: Наука, 1964.
23. Кулинский А.Н. Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800-1917 годов. Определитель. – СПб.: «МАГИК-ПРЕСС», 1994. – 183 с.
24. Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 172 с.
25. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. – Алматы: «САНАТ», 1996. – 655 с.
26. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. – СПб: «Типографии Э. Веймара и Ф. Персона», 1865. – 288 с.
27. Михайлов А.А. Первый бросок на юг. – М.: «АСТ»; СПб: «Северо-Запад-Пресс», 2003. – 427 с.
28. Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова (Сборник документов). – Алматы: «Гылым», 1996. – 512 с.
29. Нефедкин А.К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 303 с.
30. Отечественные записки. Ч. 42. – СПб: «Департамент внешней торговли», 1830.
31. Сибирский Вестник, издаваемый Григорием Спасским. 1820 г. Ч. 9. – СПб: «Морская типография».
32. Симаков Г.Н. Народные развлечения и военное воспитание киргизов / Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып. 2. – Москва: Наука, 1990. – С. 48-74.
33. Соколов О.В. Битва двух империй. 1805-1812. – М.: «Астрель»; СПб.: «Астрель-СПб», 2012. – 730 с.
34. Султаны Кенесара и Садык. Биографические очерки султана Ахмета Кенесарина. Обработано для печати и снабжено примечаниями Е.Т. Смирновым. – Ташкент, 1889. – 131 с.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

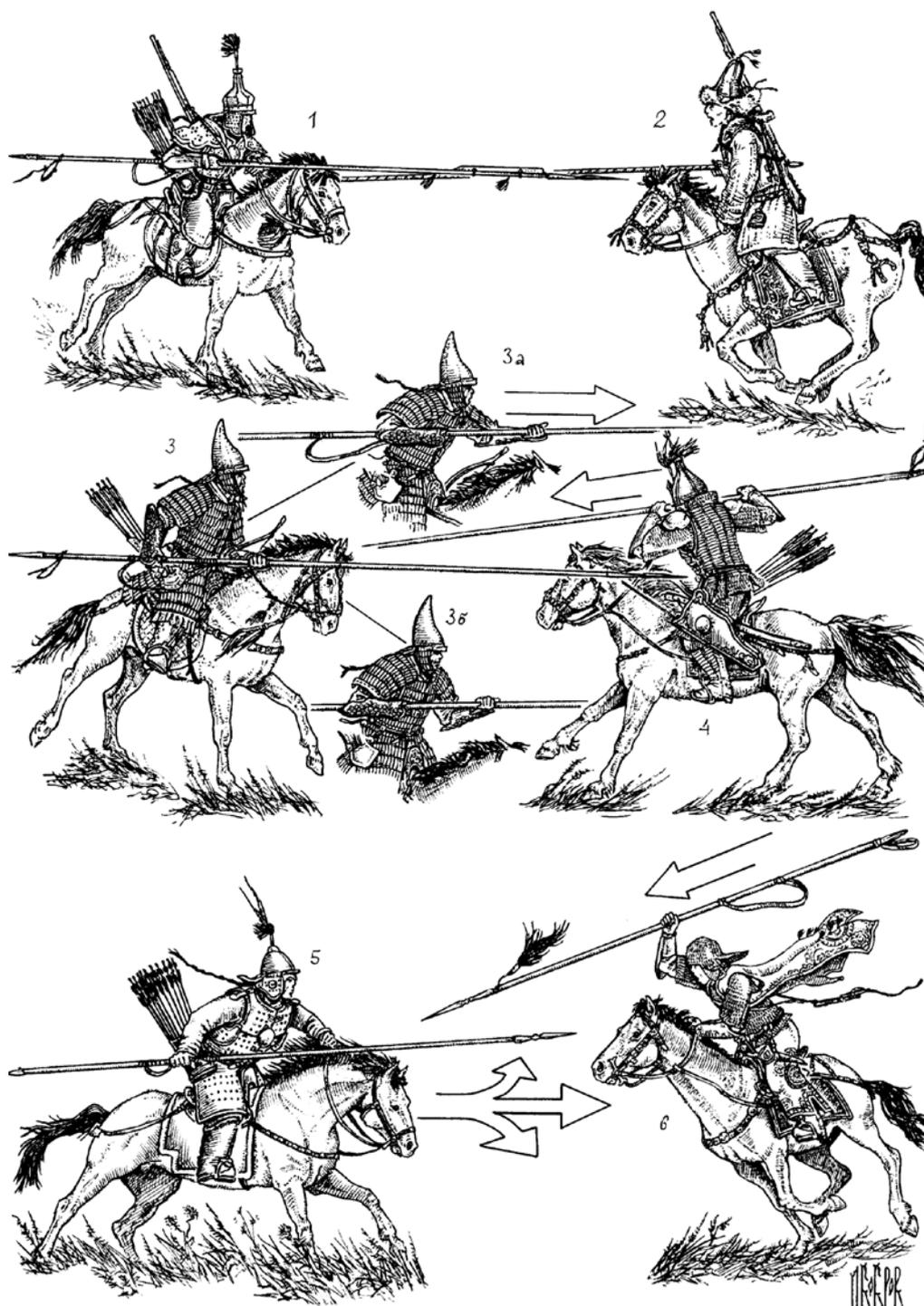
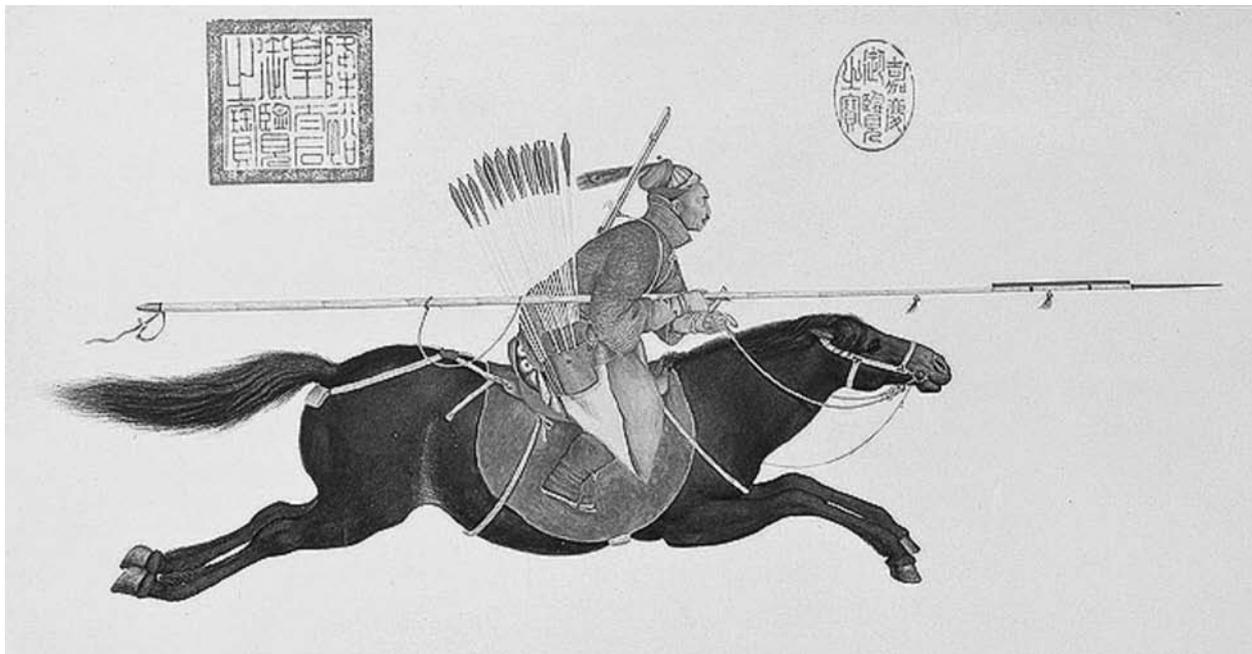

Рис. 1. Способы нанесения удара пикой кочевниками Центральной и Средней Азии XVII – первой половины XIX вв.

- 1, 2. Фиксированный способ удержания древка, «подмышечный» хват пикой для нанесения «таранного» удара (1 – «ойратский» вариант подмышечного хвата, 2 – «казахский» вариант подмышечного хвата).
3. Комбинированный способ удержания древка. Нижний «штыковой» хват пикой (3 а – свободный способ удержания древка, укол вперед, 3 б – фиксированный способ удержания древка, усиленный «подмышечный» хват для нанесения «таранного» удара).
4. Свободный способ удержания древка. Верхний «штыковой» хват пикой. Укол сверху вниз.
5. Свободный способ удержания древка пикой. Нижний («кистевой») хват. Возможны уколы в разных направлениях и фехтование древком.
6. Свободный способ удержания пикой. Верхний («дротиковый») хват. Укол сверху вниз.

Рис. 2. Пример «ойратского» варианта подмышечного хвата пики.

Обратите внимание на характерную посадку всадника и заточенный копейный «отрез» на древке у наконечника.
С портрета Аюши (ойратского воина на цинской службе), сер. XVIII в., Императорский музей, г. Тайбэй.

Рис. 3. «Таранный» удар, наносимый при помощи «ойратского» варианта подмышечного хвата пики.

Обратите внимание, что воин «таранит» противника не только пикой, но и грудью своего боевого коня.
С гравюры «Битва у Гэдэн-Ола», середина XVIII в.

Рис. 4. Примеры различных способов удержания пики перед боевым соприкосновением с противником:
подмышечный хват (слева и в центре внизу), кистевой хват (в центре вверху)
и нижний «штыковой» хват (справа).
Фрагмент свитка «Битва у Кара-усу», середина XVIII в.
Государственный Эрмитаж (кат. 195), г. Санкт-Петербург.

Рис. 5. Нижний «штыковой» (двуручный) хват пики в бою.
Пики всадников снабжены копейным «отрезом». Фрагмент гравюры «Битва при Курмэне», середина XVIII в.

Рис. 6. Удар пикой из положения «вправо-назад» с применением кистевого хвата древка.
Обратите также внимание на копейную атаку казахской конницы на заднем плане.
С гравюры «Первая встреча отряда барона Штемпеля с казахами. Западный Казахстан. 1869 г.».
Опубликована в журнале «Всемирная иллюстрация» в 1870 г., РНБ, г. Санкт-Петербург.

Рис. 7. Спешенные копейщики, использующие «штыковой» хват пики.
Фрагмент свитка «Битва у Кара-усу», середина XVIII в.
Государственный Эрмитаж (кат. 195), г. Санкт-Петербург.

Рис. 8. Схватка ойратских конных копейщиков.
Хорошо видны различные варианты ведения боя на пиках: захват вражеской пики при «кистевом» хвате древка (слева), нижний «штыковой» хват (слева вверху), подмышечный хват (в центре), верхний «штыковой» хват (справа вверху). С гравюры «Битва у Гэдэн-Ола», середина XVIII в.

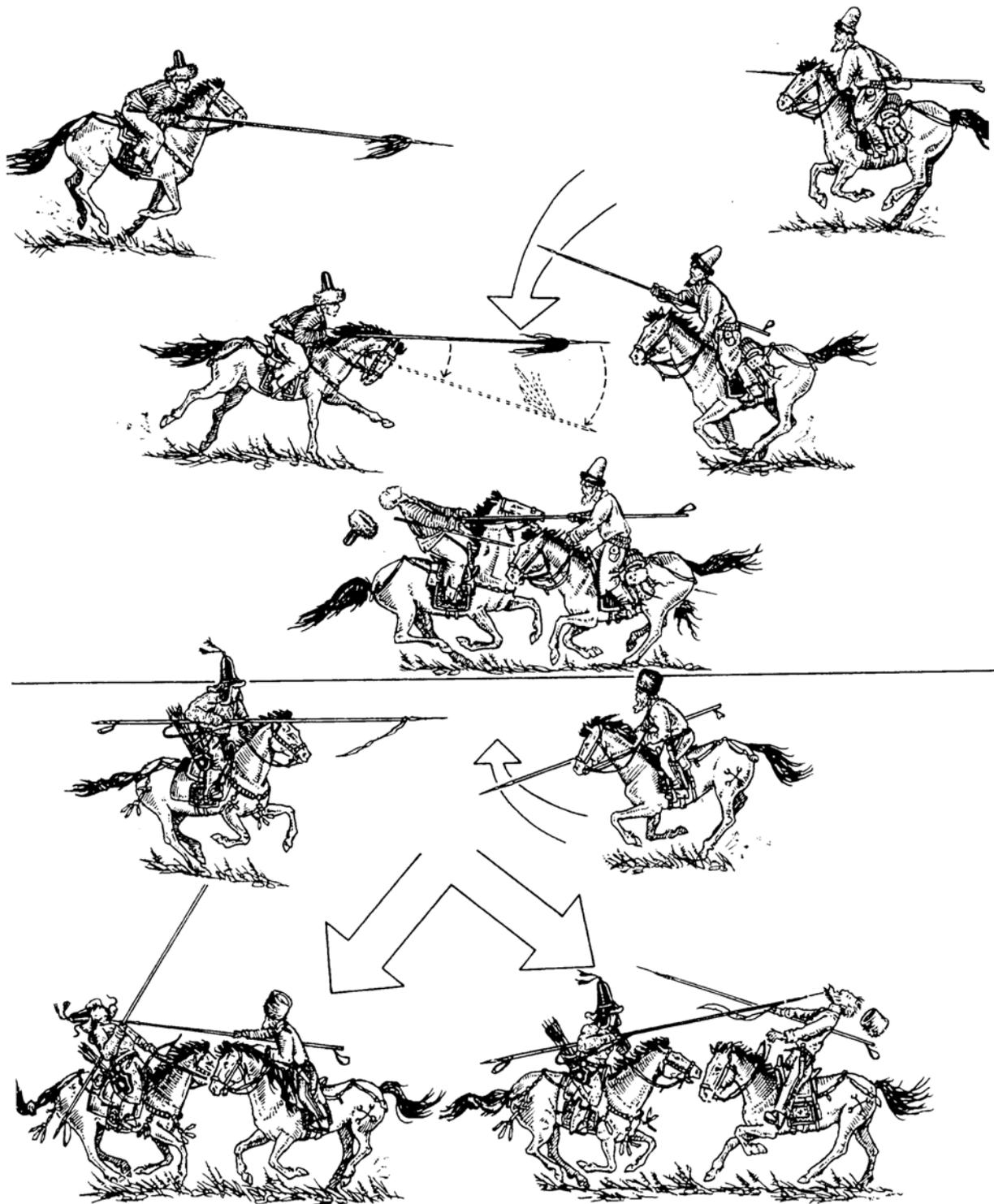

Рис. 9. Реконструкция фехтовальных приемов пикой на основе описаний И.И. Железнова (первая половина XIX в.).

ҚАЗАҚ ХАНДАРЫНАН ҚАЛҒАН ТУ МЕН ҚЫЛЫШ ХАҚЫНДА

2009 жылы Оңтүстік Қазақстан облысы, Ордабасы ауданы, Қараспандағы Төреарық елді мекенінде тұратын Үсенхан Жамалханұлы Тұрсынбаймен таныстым. Ол Тоғай ханның ұрпағы екен. Мені хандар ұрпағы қолында сақталып қалған жәдігерлер туралы әңгімесі, әсіресе бір отбасында ханның туы болғаны, өкінішке орай одан тек ту басы ғана жеткені туралы хабары қызықтырды.

Біз, археологтар, өткен тарихты негізінен заттай ескеркіштерді зерттеу арқылы танимыз. Сондықтан мені жігіттің ту басы туралы айтқандары ойландырды. Себебі, байырғы заманнан сақталып қалған ту басы тек бізде емес әлемде сирек кездесетін дүние. Қазақстанда тек Қожа Ахмет Ясауи ханакасында ғана Әмір Темірдің осы киелі орынға жасатқан ту басы сақтаулы. Ол XIV-XV ғасырлардың туындысы. Ал қазақ ханының ту басы деген жәдігер бар дегенді не ғылыми әдебиетте не музейлерде кездестірген емеспін.

Тудың бөлігін зерттеуші көзімен көру, қолымен ұстау, оның байырғы заман заты екеніне көз жеткізу керек болды. Алайда сол кезде мұның сәті келмеді. Археолог болған соң түрлі аймақтардағы қазба мен зерттеушілік жұмыстардан қол босамады. Бірақ телефон арқылы Үсенханмен үнемі хабарласып тұрдым.

Ақыры Үсенхан Жамалханұлы Тұрсынбай, Бекайдар Төлжанұлы Әміре және Жанысбек Оразханұлы Файзуллаев атты төре тұқымы алып келген сирек, һәм киелі затты тәуетіп қолға ұстау сәті 2012 жылдың маусым айына бұйырды. Мұндай мүмкіншілік туғызған осы азаматтарға ризашылығым шексіз. Құнды жәдігерді көру, оның өлшемдерін қағазға және фотоаппаратқа түсіріп, ол жөнінде зерттеп білгенімді зиялы қауымға жеткізу, ғылыми айналымға енгізу зерттеушінің бір міндеті.

Ту басы металдан жасалған зат, түсі қою қоңыр, кейбір қырларында сарғыш түсті болып келеді. Оның құрамын арнайы құралдармен анықтау қажет-ақ. Жалпы биіктігі 22,5 см. Жоғарғы, үстіңгі бөлігі күмбез үлгісінде жасалған. «Күмбездің» ең кеңейген жерінің диаметрі 10 см. «Күмбез» тарылып барып тудың ағаш сабына киілетін етіп жасалған ұңғыға отырғызылған. Осы арада жік те байқалады. Ұңғы пошымы цилиндрге немесе кесілген конусқа жақын, оның диаметрі 5,2-5,3 см. Ұңғының төменгі бөлігі деформацияланған. Ұңғының жиегі жуандатылған, ту басын ағаш сапқа шеге қағып бекітетін тесіктері бар. Бір тесіктің диаметрі 5-6 см. Одан басқа да майда тесіктері кездеседі (сурет 1).

Хан туының басы қазіргі таңда Әлекен ханның ұрпағы Әміре Бекайдар Төлжанұлының отбасында сақтаулы тұр. Кейбір кісілердің айтуынша тудың өзін кие тұтып, ауру-кеселден, жамандықтан қорғайды деп кейбір кісілер теберік ретінде бөліп алып отырғандықтан жойылып кеткен десе, кейбіреулер күйе жеп қойғаннан құрыған деседі. Әлекеннің ұрпағында мөр де болыпты. Қазір ол жоғалып кетіпті.

Хан туының басы сөз жоқ, аса қастерлі құнды тарихи мұра. Мен өзім осы уақытқа дейін ғылыми әдебиетте қазақ ханының туы деп аталатын мұндай жәдігерді көрген емеспін. Оның жалпы пошымы ортағасырдағы Орта Азия, Иран, Түркия патшаларында болған ту бастарына жақын. Әміре Бекайдар Төлжанұлының отбасында сақтаулы тұрған ту басын ертеректегі ту басылармен салыстырғанда ою-өрнегінің жоқтығымен ерекшеленеді. Осыған қарағанда ол кейінгі ортағасырда жасалған болса керек деп топшалаймын.

Ту басы бетіндегі айныған, майысқан бөліктерге қарағанда ол талай дүрбелеңді бастан кешірді, түрлі соққылар алды. Бұл туды ұстаған қазақтың Әлекен атты ханы туралы не білеміз? Білетініміз көп емес. Кеңестік дәуірде азаттық үшін күрескен хандардың қызметтері жасырылып есімдері көптомдық ғылыми басылымдарда да аталмады. Хандар туралы зерттеулер тек азаттық алған соң ғана қолға алына басталды. Сондықтан болар Әлекен туралы арнайы шағын болса да мақала таба алмадық. Кейбір қазақ хандарына арналған кітапшаларда, анықтамаларда бұл есім мүлде кезікпейді. Әлекен туралы шағын мәліметті біз тек белгілі зерттеуші И.В. Ерофееваның зерттеуінен ғана кезіктірдік.

Әлекен қазақ халқы үшін қиындығы мол XIX ғасырда өмір сүрді. Кейбір деректерде оның есімі Алиқабар, Джакелен деп те көрсетіледі. Оның әкесі XVIII ғасырдың соңғы ширегінде қоңырат тайпаларын

басқарған Қарабас сұлтан. Туған ағасы Тоғай Түркістан қаласында XIX ғасырдың басынан, яғни 1800 жылдардан бастап 1816 жылға дейін билік жүргізген соңғы қазақ ханы болды. Тоғай ханның билігі Түркістан қаласымен қатар оның айналасындағы елді мекендерге, Ұлы жүздің сарыүйсін тайпасының бір бөлігіне және Орта жүздің қоңыраттарына жүрді деп санайды кейбір тарихшылар.

Кенеттен соғыс бастаған Қоқан хандығының әскеріне Тоғай хан қатты қарсылық көрсетеді. Бұл жөнінде орыс тілінде басылған «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии» деген кітапта: «Түркістанды жаулап алуға қатысқан және бір кездері Ташкентті де билеген қазақ хандарының соңғы үрім-бұтақтарының бірі Тоғай төренің аса қажырлы және табанды қарсылығына қарамай, елінен кетуге мәжбүр болды» деп айтылады. Қоқандықтар Түркістанды жаулап алғанда қала қатты өртенген деген пікір әдебиетте кездеседі.

Тоғай хан Түркістан қаласын тастап кетсе де қоңыраттарға хан болып қала берген. XIX ғасырдың 20-шы жылдары қоқандықтар Тоғай ханның соңына түсіп алған соң ол Бұқара қаласына кетуге мәжбүр болыпты. 1826 жылы Бұқарада хан сарайы ішінде атыс барысында Тоғай төре оққа ұшып қайтыс болды деген пікір бар. Ұрпақтары арасынан алынған мәліметтерге қарағанда хан қазіргі Отырар ауданы Қарақоңыр ауылына жақын жерде, Шейбан тоғай деген жерде дүние салыпты.

XIX ғасырдың ортасында Мырзахмет деген әкім басқарған қоқандықтар жергілікті халықты аяусыз қанады. Зекет төлей алмаған қазақтардың балаларын тартып алып құлдыққа сатты. Мұсылмандыққа жат осындай езгіге шыдай алмаған халық көтеріліске шықты. Жергілікті халық, дәлірек айтсақ, Ұлы жүздің сарыүйсінінің кейбір топтары, Орта жүздің қоңыраты және қыпшақтардың бір бөлігі 1858 жылдың мамыр айында Тоғай ханның туған інісін – сұлтан Әлекенді хан етіп көтереді. Осылай Әлекен қоқандықтарға қарсы оңтүстік қазақтардың ұлт-азаттық көтерілісін басқарды.

Әлекен басқарған әскер қоқан әскерлерімен бірнеше мәрте соғысып 1858 жылы Түркістан қаласын қоқандықтардан азат етуге әрекет жасады. Жаңа сайланған хан өзінің туған ағасы Тоғайдың Түркістанда хан болғанын, қаланы 35 жыл бұрын қоқандықтар басып алып оның ағасынан тартып алғанын алға тартып Түркістан қаласын қазақтарға қайтаруды талап етеді. Алайда қаланы тіке басып алуға Түркістан ішінде қазақтың белгілі азаматтарын аманатқа алу да кедергі етті. Қоқандықтар Қожа Ахмет Ясауи басына зиярат жасауға келген қоңыраттың билері Қоңыс датқа мен Ақсақ датқаны, Ұлы жүзден келген Қарақұл датқаны, қыпшақтың Тубақабыл атты жақсыларын аманат ретінде ұстап отырды.

Әлекен басқарған көтерілісшілер 15 мамырда қала бекіністеріне шабуыл жасады. Алайда қоқандықтар әскери тұрғыдан басым болды. Зеңбіректерден от шашып көтерілісшілерді атқылап отырды. Қазақ әскері бір айдай Түркістанды қоршап тұрды. Бірақ оны басып ала алмады.

3 маусым күні Мырза Нияз басшылығымен Түркістандағы қоқан әскері қазақтарды жарып өтуге әрекет етеді. Алайда қоқандықтар үлкен шығынға ұшырайды. Кейбір мәліметтерге қарағанда қоқандықтар жағынан 500-800 дейін адам шығыны болады. 1858 жылғы 20 маусымдағы орыс хабарламасында «хан конградский с своим ополчением и стоит еще под стенами Туркестана», яғни «қоңырат ханы» Әлекен әлі де Түркістанды қоршап тұр деген хабар кездеседі.

Таяу арада қоқандықтарды жеңіп, олардың қамалдарын басып алуға мүмкіншілігі жоқ екенін түсінген Әлекен хан өзіне қарасты халықпен Сырдарияның төменгі ағысына көшіп барып одақтастар іздейді. Орыстың генерал-губернаторы М.А. Катенинмен келіссөздер жүргізеді. Ал 1858 жылдың тамыз айында Бұқара әмірі Насрулламен кездесіп одан көмек сұрады. Алайда Бұқара билеушісі көмек беремін дегенмен шектеледі. Өкінішке орай Әлекеннің кейінгі өмірі тарихшыларға беймәлім болып отыр. Кейбір тарихшылар ол бір-екі жылда дүние салды деп санайды. Қалай дегенде оның есімі 1859 жылдан кейінгі тарихи құжаттарда кездеспейді. Әлекен хронологиялық тұрғыдан алып қарағанда қазақ тайпаларының сайлаған ең соңғы ханы болып тұр.

Кейбір тарихшылардың пікірінше 1858 жылғы қозғалыс қоқандықтарға қарсы ең ірі көтеріліс болған. Көтерілісшілер хан етіп көтерген Әлекен қоқандықтарға қарсы күресті басқарған тарихи тұлға екені күмән тұғызбайды.

Әлекен ханның ту басына тіл бітсе Түркістан қаласы түбіндегі шайқастар туралы, қазақ хандары тарихы туралы сыр шертері күмәнсіз. Бұл ту басы Әлекен ханға Түркістанда біраз жыл билік еткен ағасы Тоғай ханнан немесе арғы бабаларынан мұра болып жетуі мүмкін. Хан сайланып қоқандықтарға қарсы ұрыстарға кірісіп кеткен Әлекен ту басын жасатуға да уақыты болмаса керек. Жалпы пошымына қарап хан туының басы шамамен XVIII-XIX ғасырларда жасалған деп болжауға болады. Ол қазірше бізге жеткен жалғыз хан туының басы болып тұр.

Кенесары хан тұтынған заттар жөнінде хабарлар ара-кідік кездесіп қалады. Кенесары әулетіне қатысты бұйым туралы Кеңес Одағы кезінде алғашғы мәліметті 1982 ж. Мәскеу қаласында шығатын

«Советская этнография» журналында «Жапонияның көрме залдарында Еуразия көшпелілерінің мәдениеті» атты мақаладан кездестірдік [1]. Онда 1981 ж. қараша айында Токио қаласындағы Сэйбу галереясында алғаш ашылған, ал 1982 ж. бойы Жапонияның 15 ірі қалаласында көрсетілген «Евразияның көшпелі халықтары» атты археологиялық-этнографиялық көрме хақында жазылыпты. Онда Кеңес Одағының ең байырғы музейлерінен алынған құнды заттар, археологиялық жаңа табылымдар қойылған екен. Қазақстанның Түгіскен, Тасмола, Есік обаларын қазғанда табылған тамаша сақскиф дүниелері де Жапонияға паш етілді. Көрме ашылар алдында көшпелілік тарихының мәселелеріне арналған симпозиум өтеді. Онда қазақтың тамаша ғалымы, археолог Кемел Ақышев сақтар мәдениеті турасында үлкен баяндама жасапты [2].

Көрмеге қойылған құнды дүниелерді сипаттау барысында Кенесары есімі аталады: «Большую роль в быту кочевников всегда играли мужские кожаные пояса, которые носили поверх халата. Их, как правило, украшали дорогими серебряными накладками со вставками из драгоценных и полудрагоценных камней. В этом отношении уникален экспонируемый в разделе «Изделия из кожи» казахский пояс, изготовленный в первой половине XVIII века (об этом свидетельствует арабская надпись на прикрепленных к поясу ножнах). Этот пояс неоднократно менял владельцев и в середине XIX в. принадлежал брату известного казахского султана Кенесары Касимова» [1, с. 95]. Журналдың 97 бетінде кісенің суреті басылған (сурет 2). Асыл тастармен көмкерілген, күмістелген кісенің XVIII ғасырдың бірінші жартысында жасалғаны жөнінде кісенің бір бөлігінде араб әріптерімен жазылған екен. Бұл экспонаттың аса құнды жәдігер екенін аңғару қиын емес. Кісе суреті астындағы түсініктемелерге қарағанда бұл зат сол кездегі Ленинградтың, қазіргі Санкт-Петербургтың Антропология мен этнография музейі қорында сақтаулы тұр.

Бұл кісе туралы екінші мәліметті «ҚР ҰҒА-ның хабарлары» атты журналдың 1993 ж., № 5 санында кездестірдік. Онда 1992 ж. Алматыдағы Ә.Қастеев атындағы музейінің көрме залында өткен Санкт-Петербургтың Антропология мен этнография музейінен қазақ этнографиясына байланысты әкелінген экспонаттар мен фотосуретер хақында баяндалады. Мақалада біздің тақырыбымызға қатысты мынадай мәліметтер бар: «Многие из экспонатов уникальны. В их числе женские головные уборы саукеле, кожаный мужской пояс, изготовленные в середине XVIII в. ... экспонаты, связанные с именами Кенесары Касимова, Аблай-хана» [3]. Өкінішке орай бұл көрме туралы уақытында естімегендіктен оны тамашалай алмадық. Алайда Алматыға ХХ ғ. 80-шы жылдары Жапонияға апарылған Кенесарыға қатысты кісе әкелінгені күмән тұғызбайды.

Бір таңғаларлығы «Қазақ әдебиеті» газетінің тілшісі Думан Рамазан арнайы сапармен Санкт-Петербургтың Антропология мен этнография музейінде болғанда аталған заттарды кездестірмепті. Керісінше, тілші осы қаладағы бұрынғы КСРО халықтарына арналған, қазіргі Ресей Этнография мұражайында болып, қазақтың тұрмыс-тіршілігіне қатысты заттардың тізімін тамашалағанда «Орта жүз ханының кісесі» атты ерекше зат көргенін атап өтеді [4]. Берік Әбдіғалидің мақаласында жарияланған фотосуретке қарағанда бұл Жапонияға көрмеге апарылған кісеге келмейді. Тарихшының пікіріне назар салсақ, оның иесі Орта жүздің соңғы ханы Уәли болған [5].

Кенесарының төл қару-жарағы туралы да біршама мәлімет бар. 2000 жылдың 4 тамызында басылған «Қазақ әдебиеті» газетінде ақын Ұлықбек Есдәулеттің «Кенесары мылтығы» атты мақаласы жариялады [6]. Кейін бұл мылтық хақында «Егемен Қазақстан» газетінде Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің әлем тарихы және археология кафедрасының меңгерушісі З. Қабылдиновтың «Хан Кененің қаруы» атты мақаласында атап өтіледі [7]. Осы мәліметтерге қарағанда қас шебердің қолынан шыққан ханның пілтелі мылтығы Омбы музейінде сақтаулы тұр екен.

Кенесары қылышы қайда деген сұраққа кейбір оқырмандар Шымкентте деп жауап береуі мүмкін. Өкінішке орай бұл қате. Өткен ғасырдың аяғында Оңтүстік Қазақстанның облыстық өлкетану музейінде Кенесарының қылышы бар екен деген хабарды естіген соң музейдің сол кездегі директоры Сара Қуандыққызының рұқсатымен музейдің білгір маманы Рыскүл Бекталиеваның келісімімен осы қылышқа қатысты барлық дерлік музейлік құжаттармен осы мақаланың авторы танысқан болатын. Музейдің экспонаттар келіп түсетін, тіркелетін кітабында 1931 жылдың 8 маусымында Кенесары Қасымовтың немересі Әзімхан Кенесарин тапсырды, бұл қылыш сұлтан Кенесары Қасымовтың қылышы деп орысша жазылыпты: «Подарок внука К. Касимова – Азымхана Кенесарина. Сабля, принадлежавшая султану Кенесары Касимову. Кривая с ножнами из кожи, рукоятка из кости. Материал – железо, длина лезвия – 70 см, длина рукояти – 15 см. Старая, ржавая. Стоимость 100 рубль». Оның тіркелген саны 152/380 деп белгіленіпті, кейбір тіркеу кітаптарда саны 380/430 деп берілген.

Кейін арнайы қор бөлімінде сақталатын қылышпен мұқият таныстық. Байқасақ, қылыштың сабы ағаштан жасалған, тым қарапайымдау көрінді. Бірден тіркеу кітабындағы қылыш сипаттамасында «рукоятка из кости» – сабы сүйектен жасалған деген жолдар есімізге түсті. Сосын қылышты өлшеу жұмыстары оның тіркеу кітабындағы Кенесары қылышының өлшемдеріне сай келмейтінін байқадық. Яғни бұл Хан Кененің қылышы емес. Ол ханның қылышы болса музейдің тіркеу кітабында жазылғандай сабы сүйектелген болуы тиіс еді. Біз жылдар бойы ауысып келген музей тіркеу кітаптырдың барлығын қарап шықтық. Барлығында сабы сүйектелген делінген. Сондықтан бұл қылышты Кенесары ханның қылышы деуге негіз жоқ. Думан Рамазанның Алматыда 2002 жылы жарияланған «Хан Кененің қазасы» атты кітабының 99 бетіндегі фотосуретте бейнеленген қылыштың ұлы ханымызға еш қатысы жоқ!

Мұндай қорытынды жасауға аталған қылышты қолға ұстап, оған қатысты музейлік құжаттармен танысу, бар мәліметтерді бір-бірімен салыстыру барысында алынған нәтижелер көрсетіп тұр. Д.Рамазанның тым асығыс, тексермей мұны Кенесары қылышы деп жар салуы көпшілікті шатастыру болды.

1931 жылдың 8 маусымында Кенесары Қасымовтың немересі Әзімхан Кенесарин тапсырған хан қылышы қайда? Осы музей қорында сақтаулы тұрған сабы өрнекті сүйекпен қапталған басқа номерлі қайқы қылыш бар. Алайда оның да өлшемдері Кенесары қылышының сипатталған өлшемдеріне дәл келмейді. Яғни ол да хан қылышы емес. Бір назар аударарлық жайт Кенесары қылышының Кеңес Одағы дәуірінде реставрацияға жіберілуі. Осы реставрацияға қылыш бара жатқанда немесе жөндеу шеберханасында ауысып кеткен жоқ па деген болжам мазалайды. Хан Кене қылышының жұмбағы әлі шешілер емес.

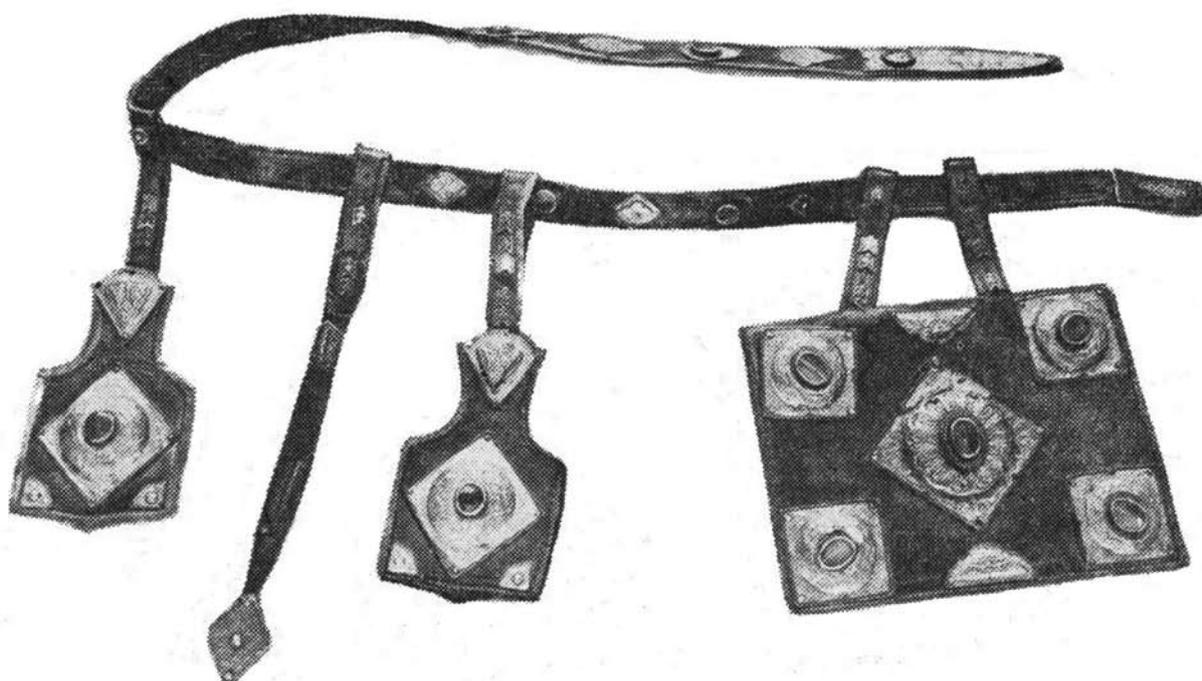
Әдебиеттер тізімі

1. Крюков М.В. Культура евразийских кочевников в выставочных залах Японии / Советская этнография, 1982, № 5. – С. 89-97.
2. Генинг В.Ф. Симпозиум по проблемам истории кочевничества (Токио, ноябрь 1981) / Советская этнография, 1983, № 3. – С. 276-281.
3. Прищепова В.А., Черманова М.Б. Из коллекции по этнографии казахов (Музей антропологии и этнографии РАН, С.-Петербург) / Известия НАН РК. 1993, № 5. – С. 69-76.
4. Рамазан Д. Кенесары бабамның басы қайда / Қазақ әдебиеті, 2000 ж., 25 тамыз, 4 б.
5. Әбдіғали Б. Санкт-Петербургтегі хан кісесі / Егемен Қазақстан, 2008 ж., 27 ақпан, 9 б.
6. Есдәулет Ұ. Кенесарының мылтығы / Қазақ әдебиеті, 2000, 4 тамыз.
7. Қабылдинов З. Хан Кененің қаруы / Егемен Қазақстан, 2008 ж., 19 наурыз.

СУРЕТТЕР

Сурет 1. Хан Әлекен туының басы
(Суретті түсірген М. Қожа)

Сурет 2. Хан кісесі.
(1982 ж. № 5 «Советская этнография» журналынан алынған сурет)

Д.К. Майхиев

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО КАЗАХСКИХ ХАНОВ

История, как способ сохранения памяти о прошлом и его познание, требует наличия большого количества разнообразных по своему характеру источников – письменных памятников, устных преданий, произведений материальной и духовной культуры.

Однако они не воссоздают прошлое как таковое, а их информация не является точной. Для потомков это лишь фрагменты исторического прошлого, сохраненные в исторической картине минувшего времени. Чтобы воссоздать исторические события, информацию о прошлом необходимо выявить, расшифровать, проанализировать и истолковать. Познание прошлого связано с процедурой его реконструкции [1, с. 9].

Военная история Казахстана всегда привлекала внимание исследователей. Существует большое количество исследований зарубежных и отечественных ученых, где отражены вопросы военной истории казахов. Однако фрагментарность многих научных трудов не в полной мере раскрывает вклад ханов и батыров в сохранение казахской государственности.

На территории Казахстана в период XVIII – первой половины XIX веков происходили события, которые имели огромное влияние на процесс укрепления национального самосознания, главная роль в котором принадлежит выдающимся сынам казахского народа: Абылай-хану и его известным потомкам – Кенесары Касымову и Чокану Валиханову.

На примере рода Абылай-хана рассмотрим становление военного искусства и зарождение военной истории как науки.

Абылай – хан Среднего жуза, один из наиболее авторитетных государственных деятелей своего времени.

Абылай-хан сыграл огромную роль в объединении всех трех казахских жузов в единое централизованное государство для борьбы против Джунгарского ханства и Манчжуро-Китайской империи, стремившихся в XVIII веке завоевать Казахстан. Он прославился как выдающийся государственный деятель и блестящий полководец.

Мощной опорой Абылай-хана, как в борьбе против внешнего врага, так и в проведении его внутренней политики, были видные батыры: Богембай, Кабанбай, Шакшак Жанибек, Баян, Утеген, Наурызбай и многие другие.

В эпоху Абылай-хана в число батыров стали входить лица не только знатного происхождения, но и профессионально занимающиеся военным делом. Они привлекались и для выполнения иных функций: сопровождали политического лидера в поездках к главам соседних государств, а иногда и сами выступали в роли политических представителей.

Абылай-хан был просвещенным человеком своего времени с большими духовными запросами, глубоко знавший историю казахского народа [2, с. 9-10].

Абылай-хан руководил государством с позиций централизованного подчинения: улусами правил через султанов, которые на местах полностью подчинялись центральной власти. Во внешней политике стремился сохранить независимость Казахского государства, укреплял его обороноспособность, сохранил многочисленное войско. Укрепил экономические связи и торговлю с соседними государствами. По инициативе Абылай-хана расширился товарообмен с Китаем. Хивинские ханства во времена Абылая поддерживали тесные связи с Казахским ханством.

В первой половине XIX века колониальная политика царской России начала существенно влиять на внутреннее политическое устройство казахского общества. В 1822 году был введен «Устав о сибирских киргизах» в Средней Орде, а в 1824 году подобный Устав был введен и в Младшем жузе.

Нарушение традиционной родовой системы земельных прав казахского народа и новое административно-территориальное деление территории привели к изменениям общественного строя казахского общества, а именно:

1. Была упразднена ханская власть.

Представителям правящей верхушки – султанам – представлялись незначительные полномочия в системе управления местным населением и во внутренней политике казахского общества в целом.

2. Была пересмотрена традиционная система власти биев.

Новые положения, введенные Уставом, ограничили их судебную власть, позволяя им разбирать исковые дела в масштабе аулов и волостей на основании местных действующих обычаев. Одновременно были введены в действие военные суды, тем самым царская администрация получила контроль над свершением правосудия в казахской степи.

3. Появились новые формы общественных отношений.

Территориальные ограничения отрицательно сказались на кочевом хозяйстве, и казахи были вынуждены переходить к оседлому образу жизни. Потеря пастбищ, ограниченные ресурсы воды не предвещали никаких перспектив для развития традиционного хозяйства [3, с. 121-124; 4, с. 156-161].

Создание царским правительством новой системы управления путем разрушения традиционных устоев казахского общества привело к противоречиям между колониальной властью и казахским народом. Основные причины противостояния были заложены в земельных вопросах, а также в налоговых обложениях населения, которые подняли народ на многолетнее противостояние [5, с. 190-191].

Вышеперечисленные искусственно созданные царизмом противоречия, нарушившие естественный кочевой образ жизни казахских ханств, могли быть разрешены только в освободительной борьбе.

И одним из ярчайших ответов казахского народа на колонизацию в отечественной истории является десятилетнее (1837-1847 гг.) народно-освободительное движение [6, с. 255-256]. В эти нелегкие годы в борьбе за сохранение государственности значимым событием стало оказанное народом политическое доверие Кенесары Касымову, внуку хана Абылая.

Внук Абылай-хана Кенесары Касымов – выдающийся государственный деятель, возглавил народно-освободительную борьбу за государственную независимость, сохранение территориальной целостности и политическое устройство государства, стремясь сохранить Казахское ханство – государство, основанное на национальной культуре, обычаях и традициях казахского народа.

Представители Среднего и Младшего жузов, непосредственные участники освободительного движения, выражая волю народа и поддержку Кенесары Касымову, по древней традиции в сентябре 1841 года на белой кошке подняли его на ханский трон, вручив ему тем самым соответствующие титулу полномочия [7, с. 191; 3, с. 254-255].

В казахской степи издревле ханы обладали и, соответственно, обеспечивали исполнение основных ветвей власти – исполнительной, законодательной и судебной, а именно:

- распоряжаться всей территорией ханства и всеми землями, принадлежавшими улусам;
- определять внешнеполитический курс государства;
- быть верховным руководителем войск, осуществляющих вооруженную охрану страны от внешних врагов;
- издавать законы, обязательные для всех членов общества;
- быть верховным судьей.

Осуществляя свои ханские полномочия, хан Кенесары строил возрожденное казахское государство на принципах традиционной системы степного государственного образования [8, с. 51; 9, с. 39-44].

Хан Кенесары – умный и тонкий политик, применяя различные методы борьбы с колониальной властью, требовал от них возвращения захваченных земель, разрушения построенных на родовых кочевьях казахов укреплений. Выступая против возведения новых укреплений, настаивал на отмене налоговых обложений и ведения поборов с коренного населения. Возражал против жестких территориальных ограничений по границам созданных округов и формированию волостей по родовому признаку под главенством султанов, приведших к созданию окружных центров (приказов под охраной казачьего отряда), где заседали старшие султаны и заседатели.

Осознавал, что нововведения, направленные на переустройство казахского общества и раскрывающие цели и задачи колониальной политики, прогнозируют следующий результат:

- вначале – фактический захват управления кочевым хозяйством казахов;
- следствие – потеря казахским народом государственного суверенитета.

Подводя итог вышесказанному можно утверждать, что требования хана Кенесары, предъявляемые российскому правительству, отвечали национальным интересам казахского народа.

В многочисленных публикациях исследователи истории Казахстана обращают внимание на политические и социально-экономические аспекты народно-освободительных движений, и в том числе на антиколониальное движение, возглавляемое детьми султана Касыма, внуками Абылай-хана, против колониальной политики царской России.

Вместе с тем не разработан ряд актуальных вопросов военной науки, требующих научного поиска, по изучению военного опыта хана Кенесары:

- в организации народно-освободительного движения (отрядов народного ополчения);
- в вопросах тактики ведения боевых действий;
- в применении методов ведения боевых действий в условиях степной (открытой) местности;
- в изучении и выявлении особенностей характера ведения маневренного боя казахскими воинами в исследуемый период.

Военный опыт Кенесары, сына султана Касыма, возглавившего народно-освободительное движение казахского народа в период усиления колониальной политики царизма и агрессии со стороны Хивинского и Кокандского ханств, позволил более десяти лет вести успешные боевые действия против них, одновременно сохраняя и обеспечивая жизнедеятельность своего ханства и боевой дух воинов.

Российское царское правительство хорошо понимало суть происходящих военных событий и предвидело, что политическая цель возглавляемого ханом Кенесары народного движения – восстановление прежней независимости казахского государства.

Результаты и размах национально-освободительного движения в казахской степи заставили царское правительство принимать всевозможные меры для борьбы с ханом Кенесары. В связи с этим «...29 марта 1843 года по докладу сибирского генерал-губернатора состоялось высочайшее повеление о посылке в степь против Кенесары военных отрядов» [10, с. 13]. Однако указание российского императора не было выполнено в силу успешности действий Кенесары-хана в степи против отрядов колониальных властей.

«...27 июля вице-канцлер уведомил военного губернатора, что государь повелел для прекращения мятежных действий Кенесары в степи снарядить отряд и выслать его совместно с отрядом султанов-правителей, составленным из отборных киргиз, известных преданностью России» [10, с. 14].

Таким образом, царское правительство с одобрения высочайшего повеления в 1843-1844 годы регулярно направляло вооруженные отряды в степь с целью «...истребления хищных толп султана Кенесары, стараясь захватить его самого». При этом за поимку султана Кенесары было назначено денежное вознаграждение в размере 3 000 рублей [10, с. 14].

Однако всю «...зиму 1843-1844 годы Кенесары все время проявлял активность... Кенесары, находясь в центре района действий, действовал по внутренним операционным линиям, которые были одинаково доступны по всем направлениям и, будучи прекрасно осведомлен о всех движениях отряда сочувствующим ему населением степи, легко ускользал от нападающих врагов... Летняя кампания 1844 года закончилась материальной победой Кенесары. Закончив свои операции против русской границы, Кенесары возвратился на свои зимовки в пески Кара-Кум. Все отряды, высланные против него в течение лета: Лебедева, Жемчужникова, Дуниковского, наконец, отряды султанов-правителей – возвратились на линию, не только не выполнив свои задачи – уничтожить Кенесары, но даже не могли прикрыть линию и защитить от мести султана приверженцев России» [10, с. 15,17].

В борьбе с ханом Кенесары царское правительство широко использовало лазутчиков, которые регулярно предоставляли сведения, но «по ним было трудно составить понятие о военной организации Кенесары...». [10, с. 25].

Для достижения цели колониальные власти в 1844 году разработали план, в котором было предложено хану Кенесары принять присягу на верность подданства. Для приведения его к присяге направлялся офицер генерального штаба поручик Герн. Одновременно ему поручалось провести разведку, собрать информацию по «...образу вооружения и состояние его приверженцев, кочующих с ним, дознав, кто из них пользуется доверенностью и приблизительная численность его аулов» [10, с. 25].

Хан Кенесары отказался от предложения царских властей принять присягу на верность и подданство. Однако поручику Герну удалось собрать требуемые сведения, согласно которым стало известно, что хан Кенесары для борьбы с отрядами колониальных властей и войсками среднеазиатских ханств создал собственную структуру военных формирований.

Военные формирования состояли из числа преданных хану Кенесары казахских родов, а временно примкнувшие роды оказывали всестороннюю помощь.

Ядро военного формирования составляли:

- во-первых, вооруженные отряды, сформированные из джигитов – представителей родов, непосредственно подчиненных родственникам хана Кенесары, во главе всех их стоял его младший брат, батыр Наурызбай;
- во-вторых, толенгуты, доставшиеся по наследству от деда – хана Абылая. Они постоянно находились рядом с султаном, их численность составляла около 1 000 кибиток. Султан Кенесары лично занимался вопросами обеспечения оружием и содержанием их семей. Толенгуты за выполнение военных обязанностей получали 1/10 часть добычи в виде награды;
- в-третьих, из храбрых джигитов, примкнувших к народно-освободительному движению, сформированы военные отряды. В основном они являлись представителями разных родов, во главе их стояли родовые батыры.

Военное формирование хана Кенесары было четко организовано, действовала система единоначалия, соблюдалась строгая воинская дисциплина. Строгость дисциплины просматривалась в том, что малейшие преступления карались сурово.

Хан Кенесары в воинах ценил не их происхождение, а личные качества. Наказывая изменников, сам был непреклонным защитником преданных ему воинов, подвиги и заслуги их высоко ценил. По свидетельству поручика царской колониальной администрации Герна, военная организация хана Кенесары состояла в общем количестве в разные годы от 2 тысяч до 6-10 тыс. джигитов, при этом лично при нем всегда было до 500 отборных воинов [10, с. 26; 11, с. 246].

Анализ сообщений поручика Герна дал заслуживающую внимания информацию, по ним стало возможно оценить организацию и правила внутренней службы хана Кенесары:

- оружие, лошади и конская сбруя называются казенными, на набег выезжают на казенных лошадях. Казенное оружие и лошади выдавались есаулам и людям, выказавшим уже свою ловкость в действиях. Возвратившиеся из набега лошади сдавались в табун, а оружие свозилось в кибитки, называемые кунак-хан (оружейные хана), во время опасности кибитки обращались в гостиницы;

- в оружейных кибитках жила вся лучшая молодежь, охраняющая ханскую ставку, они находились на полном довольствии хана. В течение дня им отпускались вдоволь мясо и кумыс, днем они спали, но зато ночью бодрствовали и объезжали вокруг ставки и табунов; составляли разъезды, высылали людей для осмотра ночлегов неприятеля (проводили разведку противника – М.Д.) и т. д.;

- новички на набег выезжали на простых лошадях, им выдавались только укрюк или пика, да и та на первый раз без железного наконечника. За отличия в действиях первой наградой была выдача казенного оружия, вместо укрюка или обыкновенной древки выдавалась пика с наконечником. Затем большой прямой нож, потом кривая сабля. В последующих этапах жаловали в есаулы с соответствующими знаками отличия (пришивались на верхнюю одежду на плечи и на грудь лоскутки материи с отличающимся цветом), у почетных людей ножны сабель были в чехлах из красного сукна [10, с. 27-28].

Имя Кенесары-хана неразрывно связано с защитой казахской государственности против активных действий Российской империи на территории Казахстана и ведения ею политики колонизации.

Кенесары Касымов в борьбе с колонизаторской властью за сохранность казахской государственности возрождал военные силы, как выдающийся полководец своего времени, создав вооруженное формирование по принципу регулярной армии.

Значимость научных работ правнука Абылай-хана Чокана Валиханова и его деятельность в качестве исследователя получила высокую оценку зарубежных, российских ученых, его современников.

Наследие Ч.Ч. Валиханова является достоянием мировой науки. Ценность научных изысканий Ч.Ч. Валиханова состоит в том, что методы передачи информации включают в себя разные направления (жанры) творческой деятельности человека и представляют огромный интерес для изучения.

Знания Ч.Ч. Валихановым вопросов военной стратегии и тактики позволили ему уделить внимание военному делу казахов. Его труды: «Исторические предания о батырах XVIII века», «Песня об Аблае», «О киргиз-кайсацкой большой орде» и др. – являются бесценными источниками для исследователей военной истории, которые позволяют изучать тактические приемы ведения военных действий казахами-кочевниками в указанный период.

Для формирования исторических знаний о военном деле казахов значимы сведения, содержащиеся в вышеперечисленных работах, которые указывают, что структура войска хана Аблая формировалась по родовому признаку, существовал совещательный орган хана, куда входили батыры, возглавлявшие родовые ополчения, отличительными знаками командного состава были шлемы с перьями.

Для изучения противника и местности перед выступлением войска в обязательном порядке проводили разведку. С этой целью формировались специальные отряды разведчиков (караулы) из числа воинов-охотников, командовали ими батыры, назначаемые ханом. По мере необходимости создавалось несколько караулов, численность личного состава каждого из отрядов зависела от выполняемой задачи. Караулы на задания уходили по разным направлениям. Результаты разведки доводились только до хана.

Хан – верховный командующий, учитывая результаты разведки, планировал действия войск, которые выносил на совет, где принималось окончательное решение. Соответственно, хан мог принимать решение о сражении только в случае полной поддержки батыров.

Сбор совета начинался, когда хан выходил с шатра и на коне выезжал к видимому ориентиру на местности, войска группировались под своими знаками, батыры – командиры родовых ополчений – также выдвигались к хану и образовывали круг.

Следует обратить внимание, что батыры имели право на собственное мнение, не всегда поддерживали план хана, тогда обсуждение длилось до принятия окончательного решения. После совета самый почитаемый всеми батыр обращался с речью к войску, выражая поддержку хану.

По решению совета войска могли наступать и на превосходящего в силах противника, естественно, надо правильно понимать, что цели таких выступлений и тактика ведения боя заранее обговаривались, каждый отряд выполнял частную задачу в контексте общей. Например, навязывание боя превосходящему в силе противнику могло развиваться по следующему сценарию: противник, уверенный в своей силе, безрассудно наступал, отступающие войска, наоборот, маневрировали так, чтобы создать условия для контратаки. Выжидая, когда войска неприятеля нарушат свой боевой порядок и потеряют управление.

В ходе боя тактика действия войск, в зависимости от обстановки, менялась быстро, из наступательного боя войско переходило в отступление, создавая при этом бреши в рядах наступающего противника. Заметив несогласованность в действиях, замешательство или уязвимость наступающих, казахи быстро переходили в контратаку и добивались победы.

«Скоро хан снялся с поля, и каждый род сгруппировался под своим значком, выехали вперед батыры в кольчугах, в шлемах с перьями, с луками и стрелами, подошли к хану и образовали тоже кружок. Так вели совет: решено сделать нападение на неприятеля, хотя и в превосходном числе. Для расследования решено было послать караул, вызывали охотников... Бой начался, калмыков было 10 тысяч; киргизы потерпели ужасный урон, наконец не выдержали и бросились бежать. Впереди всех один высокий калмык на черной, как ночь, лошади с знаменем в руке вбивался в ряды киргиз, сбросил многих с седла... Тогда наш знакомец, тот молодой человек, о котором мы уже говорили (речь ведется о Байгозы-батыре – М.Д.), выехал вперед, обернулся, натянул стрелу; тетива взвизгнула, калмык закачался на лошади и упал, стрела завязла в шелку и пошла зигзагами... Смерть знаменосца произвела смятение в рядах неприятеля. Киргизы воспользовались, ударили назад и обратили калмыков в бегство и, таким образом, вырвали победу из рук неприятеля» [12, с. 218].

В работах Ч.Ч. Валиханова особенно интересен тот факт, что батыры действовали, руководствуясь тактическими знаниями: оценивали обстановку боя, учитывали психологию поведения противника, учитывали боевые свойства и технические характеристики огнестрельного оружия своего времени.

Данное положение нами рассматривается в следующих сведениях: «В одной из пещер в степи засели калмыки. У входа сидел один стрелок со знаменитым тогда корамом черным ружьем (калмык из него стрелял саиг через Иртыш); после смерти нескольких смельчаков никто из батыров не смел идти. Вдруг выезжает на буланой лошадке Ильчибек-батыр и направился на калмыка мелкой рысцой. Все ожидают с трепетом, что он сейчас падет. Ильчибек, доехав таким образом довольно близко, вдруг устремился, калмык приложил фитиль – осечка и не успел приложить еще раз, как был изрублен батыром.

Когда его спрашивали о причине того, что он ехал все рысью, он отвечал: «Калмык хотел моей лошади и дожидался, чтобы я подъехал ближе, я же рассчитывал, что пока я буду ехать, на фитиле обрывается большой нагар и после даст осечку» [12, с. 219].

Одним из ярчайших произведений Ч.Ч. Валиханова, дошедшим до наших дней, является «Песня об Аблае», где исторические события раскрывают нам сложные политические взаимоотношения казахов с соседним народом – киргизами.

Вместе с тем в рамках рассматриваемого вопроса интерес представляет факт использования Аблай-ханом фитильного огнестрельного оружия. В истории известно, что султан Жангир применил

огнестрельное оружие в Орбулакской битве 1643 года в горных условиях местности. В результате 600 воинов султана Жангира, используя свойства местности, сумели противостоять 50 000-тысячному войску джунгар [13, с. 116-119].

Тактика применения стрелкового оружия стрелками (мергенами) Аблай-хана была адаптирована к открытой местности. Следовательно, мы можем утверждать, что хан Аблай использовал и усовершенствовал опыт своих предшественников, это является свидетельством того, что военные знания полководцев, батыров передавались из поколения в поколение.

В войске Аблай-хана были специально подготовленные отряды мергенов, которые, вероятнее всего, подчинялись только хану, он лично ими командовал. Очевидно, стрелки рассматривались как боевая единица, имеющая стратегическое значение в боевой обстановке. Отряд формировался из воинов одного рода, учитывалась кровно-родственная связь, что имело большое значение в боевой обстановке. Можем также утверждать о существовании специальной методики по подготовке мергенов, а также их боевых коней.

Вступление в бой отряда мергенов происходило по команде хана. По знаку хана вверх бросали две горсти земли, сопровождая криком «Кидаю!», мергены сходили с боевых коней, их использовали как щит. Из положения «с колена» заряжали фитильные огнестрельные оружия и вели огонь по целям.

(И, сказав: «Кидаю!»,
Бросил две горсти земли).
Многочисленные кунгратские мергены,
Все они быстро и ловко
Установили на коленях фитильные ружья,
Зарядили их пулями,
Устроили защиту из коней,
Вытряхнули патронные сумки.
И вот началась пальба [14, с. 271].

Учитывая то обстоятельство, что с фитильного огнестрельного оружия сложно вести прицельный огонь, казахи-кочевники полагались на свое отличное зрение. Это подтверждается в трудах А.И. Левшина «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей», где автор обращает внимание на физические свойства казахов-кочевников: «Близкий к природе образ жизни, простота пищи, безопасность, невредный климат и свежий воздух, которым дышат киргизы, делают их здоровыми, долговыми, сильными и крепкими к перенесению голода, жажды и стужи. Солнечный жар не изнуряет их... Зрение их достойно удивления: стоя на ровном месте, они видят небольшие предметы верст за 10 и более: где европеец с острыми глазами усматривает только неясные точки, там они различают очертания предметов и цвет» [15, с. 301].

В трудах Ч.Ч. Валиханова указаны районы и даны наименования мест, где проходили военные действия, определение и описание которых имеет актуальное значение для изучения военной истории Казахстана. Знание тактических свойств местности, на наш взгляд, будет способствовать осознанию того, какими методами боя батыры-полководцы приводили свои войска к победе.

Ссылаясь на Ч.Ч. Валиханова, авторы 3-го тома книги «История Казахстана (с древнейших времен до наших дней)» описывают события в Жетысу в 20-е гг. XIX века, где переломное событие происходило в урочище Тирен-Узек [5, с. 292].

Подробнее Ч.Ч. Валиханов написал об этом событии следующее: «Большая орда, кочевавшая по Таласу и далее к Ташкенту, под начальством Абылай-хана двинулась на восток и после удачной и продолжительной борьбы вытеснила их за Малый Алатау и заняла свои давние места. Итак, эти места, по сказаниям кайсаков, вновь заняты Большою ордою у калмыков, и, следовательно, притязания китайцев на эту страну несправедливы, [так как] с появлением исконных жителей она стала независимою. Хотя до появления русских войск в этой части степи Большая орда и считалась под покровительством России с 1824 года, но китайцы не переставали посылать в Заилийский край свои отряды для сбора ничтожной дани до 1840 г., когда они потерпели горестное и плачевное поражение от здешних чапраштов при урочище Тирен-Узек.

Отряд состоял из трех тысяч китайцев и, собирая ясак, намеревался пробраться к ташкентскому аксакалу для переговоров» [16, с. 181].

Поиск более обширной информации о данном историческом событии позволил выяснить, что данный материал еще недостаточно изучен, в связи с чем нами изучены топографические карты и установлено географическое положение урочища Тирен-Узек.

Населенный пункт Теренозек (Тирен-Узек) расположен на расстоянии 2,5 км от железнодорожной станции Акыртобе. В западном направлении от станции, на удалении 55 км по железной дороге, находится г. Тараз, а в восточную сторону – населенный пункт Луговая. Местность представляется как узкий проход по подножию горы с Семиречья в сторону Каратау.

Тактические свойства местности в районе населенного пункта Теренозек позволяли казахскому отряду с небольшой численностью из выгодных условий эффективно провести боевую операцию. Можно было организовать засаду, окружить противника и т. д., так как по северной окраине станции проходит южная граница – пески Мойынкум, по южной стороне – на удалении 10 км – горы Кунгей Алатау.

С вершины горы стекается множество речек, которые текут по лощинам, пологие скаты и слабый уклон подножия горы образуют естественную систему орошения долины. Более крупные речки: Мамай койынды, Шолак кайынды, Макбель, Шыбынды – текут к населенным пунктам: Мамай-Каинды, Чулак-Каинды, далее – Кок-Арык и Теренозек, Бирлес, Орнек.

Эти населенные пункты расположены южнее станции Акыртобе, отдалены на незначительном (примерно на 1,5-3,0 км) расстоянии друг от друга. Обилие водного ресурса в долине вполне обеспечивает хороший рост травянистой растительности, что могло быть причиной того, что Ч.Ч. Валихановым данная местность названа «урочищем», то есть на казахском языке «тоғай».

Характерным признаком долговременного пребывания людей на данной местности является и то, что населенные пункты на небольшом участке близко расположены, территории кладбищ занимают большие площади.

По нашему мнению, характер тактического свойства местности населенного пункта Теренозек требует от исследователей более подробного изучения данного вопроса.

Таким образом, краткий анализ работ Ч.Ч. Валиханова, потомка Абылай-хана, доказывает, что дальнейшее изучение его трудов со временем позволит раскрыть новые страницы в военной истории Казахстана, а для многих поколений исследователей его труды будут являться источниками изучения военного дела казахского народа.

Накопленные знания и опыт позволяли казахам успешно отстаивать свои национальные интересы в самые сложные периоды истории. Казахско-джунгарские войны, продолжавшиеся около двухсот лет, позволили казахским батырам-полководцам привнести в тактику ведения военных действий казахов новые виды оружия и методы их применения.

Четкая организация войск и военных действий, знание особенностей противника, умение использовать тактические свойства местности говорят о том, что казахи в период XVIII – первой половины XIX веков были в военном отношении подготовленными, их воинский дух был на высоком уровне.

Возрождение духовности, знание военной истории являются необходимым условием формирования патриотизма подрастающего поколения казахстанцев.

Одним из основных путей формирования патриотизма средствами военной истории своего народа будет проведение научных работ силами общеобразовательных школ, учебных заведений и других молодежных организаций по поиску материалов о жизнедеятельности казахского общества и батыров-полководцев.

Проведение целенаправленных исследований по возрождению имен батыров, по восстановлению картины военных действий, установление памятников на малой родине и в местах бывших сражений и т.д. позволит сохранить в военной истории и в народной памяти подвиги героев, боровшихся за территориальную независимость и государственность Казахстана.

Литература

1. Репина Л.П. История исторического знания: пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. 2-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2006. – 288 с.
2. Военная энциклопедия Казахстана. Том 1. – Алматы: Изд. «Білім». 2005. – 512 с.
3. Бекмаханов Е. Қазақстан XIX ғасырдың 20-40-жылдарында (оқу құралы). – Алматы, «Санат», 1994. – 416 бет.
4. История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том III. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979. – 544 с.
5. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том 3. – Алматы: «Атамұра», 2000. – 768 с., илл., карты.
6. История колонизации Казахстана в 20-60-х годах XIX века / Под ред. Галиева В.З., Мажитова С.Ф. – Алматы: Изд-во «Мектеп», 2009. – 328 с.

7. Кенесарин А. Султаны Кенесары и Сыздык: Биограф. очерки / Обраб. и примеч. Е.Т. Смирнова. – Алма-Ата: Жалын, 1992. – 144 с., илл.
8. Тасбулатов А., Аманжолов К. Военная история Казахстана: Очерки. – Алматы: Рауан, 1998. – 176 с., илл.
9. Валиханов Э. Государственность Казахстана в XVIII-XIX вв. / Отан тарихы: ғылыми журнал. 2006, № 1. – С. 39-44.
10. Рязанов А.Ф. Восстание Кенесары Касымова (1837-1847 гг.): Исторический очерк. Алма-Ата; Малое издательство “Айкап”, 1992. 32 с.
11. Стеблин-Каменская М.И. К истории восстания султана Кенесары Касымова. Исторические записки № 13. Отв. редактор акад. Б.Д. Греков. – Издательство Академии наук СССР, 1942. – 324 с.
12. Валиханов Ч.Ч. Исторические предания о батырах XVIII века. / Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. – Алма-Ата: Главная редакция Казахстанской советской энциклопедии, 1984. – С. 432.
13. Тасбулатов А.Б., Майжиев Д.К. «Орбұлақ шайқасы және оның әскери-патриоттық тәрбиелік мәні». – Алматы: Вестник КазНГУ, Серия историческая, № 4 (39). 2005 г.
14. Валиханов Ч.Ч. Песня об Аблае. / Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. – Алма-Ата: Главная редакция Казахстанской советской энциклопедии, 1984. – С. 432.
15. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей (под общей редакцией академика М.К. Козыбаева). – Алматы, «Санат», 1996. – С. 656.
16. Валиханов Ч.Ч. О киргиз-кайсацкой большой орде / Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. – Алма-Ата: Главная редакция Казахстанской советской энциклопедии, 1984. – С. 432.

Л.А. Бобров

ПЕРЕДВИЖНЫЕ ПОЛЕВЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ В ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ КАЗАХОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ – СЕРЕДИНЕ XIX В. ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ, ЭВОЛЮЦИИ И БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ¹

«Пороховая революция», прокатившаяся по Евразии в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени, не миновала и Великую степь.² Представители кочевых этносов с большим или меньшим успехом осваивали инновационные виды вооружения и тактические схемы оседло-земледельческих народов, основанные на массовом применении огнестрельного оружия. В большинстве случаев эти заимствования производились не механически, а с учетом местных географических, природно-климатических, экономических, политических и, собственно, военных условий. В результате синтеза иностранных оружейных технологий и местных военных традиций формировались оригинальные тактические приемы, оптимально соответствующие ведению боя на степном театре боевых действий. Наибольших успехов на данном направлении добились восточные ойраты (джунгары), создавшие сильное централизованное государство, занимавшее территорию нынешней Западной Монголии, Горного Алтая, Синцзяно-Уйгурского автономного района КНР и Юго-Восточного Казахстана. Правители этой «последней Кочевой империи» не только массово закупали ручное огнестрельное оружие в Средней Азии, но и организовали собственное производство фитильных ружей, пушек и боеприпасов. Триумфальные военные успехи джунгар в последней трети XVII – первой половине XVIII вв., показали, что кочевники могут вполне успешно использовать инновационные элементы военного искусства оседло-земледельческих народов. Массовое применение ручного огнестрельного оружия (а со второй половины 20-х гг. XVIII в. и легких пушек), комбинация действий панцирной копейной конницы с отрядами пеших ружейных стрелков и копейщиков превратили джунгарскую армию в мощную военную силу, с которой были вынуждены считаться правители всех соседних государств (Бобров, 2001, с. 11-19; Бобров, Борисенко, Худяков, 2010; Бобров, Пастухов, 2007, с. 170-247; Бобров, Худяков, 2008; Бобров, Худяков, 2010, с. 204-217).

Однако джунгары не были единственным народом Великой степи, адаптировавшим традиционное военное искусство кочевников к меняющимся военно-политическим реалиям Нового времени. Другим ярким примером данного процесса стала эволюция вооружения и тактики тюркских кочевников Казахстана последней трети XVI – середины XIX вв.

Перевооружению казахских войск огнестрельным оружием и внедрению новых тактических схем посвящена специальная работа (Бобров, 2012). Здесь же отметим, что казахские номады первыми среди кочевых народов Центральной и Средней Азии стали массово применять ручное огнестрельное оружие, основная часть которого приобреталась в городах Мавераннахра. Распространение фитильных и, в меньшей степени, кремневых ружей в казахских войсках привело к значительным изменениям традиционной воинской тактики кочевников Дашт-и Кипчак. В частности, резко возросло значение боя в пеших порядках. Интересно, что казахи достаточно быстро приобрели у своих степных соседей имидж мастеров пешего боя. Так, например, калмыцкий тайша Доржи Назаров писал в 1724 г. «...киргиз-касаки, на лошадях биться плохи, а пеши-крепки» (там же, с. 109). В то же время распространение пехотной тактики не привело к появлению у казахов пехоты как отдельного и самостоятельного рода войск. Как и прежде, вся армия номадов состояла исключительно из всадников. Однако часть из них спешивалась непосредственно перед началом сражения и вела его в пехотном строю. Сочетание мобильности и умения вести бой в пехотных порядках делало казахские войска опасным противником для их соседей в Средней Азии.

Казахские военачальники активно экспериментировали с различными типами боевых построений, применяя к местным военным реалиям и степному театру боевых действий тактические новинки оседлых народов. Некоторые из них, в силу различных причин, не прошли проверку временем и

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации МК-4281.2012.6.

² О «Пороховой (огнестрельной) революции» в военном деле народов Европы и Османской империи см. Пенской В.В., 2010.

боевой практикой («вагенбург», развернутые линейные построения). Другие получили ограниченное распространение (окопная тактика, применение отрядов спешенных копейщиков и др.).

К началу XVIII в. сложились основные тактические схемы ведения пешего боя, оптимально соответствующие оружейному комплексу и военной организации казахов. К их числу можно отнести ведение оборонительного боя мобильными отрядами пеших ружейных стрелков, использующими в качестве защиты естественные складки местности, а также применение «живых крепостей» из положенных на землю коней и верблюдов. В ходе боя казахские мушкетеры предпочитали разряженный строй. При необходимости применялась шереножная стрельба залпами и «караколе». Главным партнером ружейных стрелков-туфакандазов выступали конные отряды лучников и копейщиков. Данные тактические схемы в целом соответствовали общему уровню развития военного искусства народов Центральной и Средней Азии последней трети XVI-XVIII вв. и позволяли казахам одерживать победы над своими кочевыми и оседлыми соседями. Применение казахами огнестрельного оружия и новой военной тактики стимулировало развитие военного искусства других народов Великой степи: джунгар, волжских калмыков, киргизов, башкир, каракалпаков. Некоторые элементы казахского оружейного комплекса и тактики были заимствованы яицкими (уральскими) казаками (стрельба с применением сошек, «живые крепости» и т. д.).

Если при ведении оборонительного сражения казахи XVIII-XIX вв. спешивались относительно охотно, то атака в пешем строю применялась значительно реже. Сходить с коней степняков вынуждала все возрастающая мощь огнестрельного оружия. В отличие от своих европейских и китайских современников спешенные казахские стрелки XVIII – первой половины XIX вв. предпочитали наступать не в плотных шереножных, а в разряженных построениях, напоминавших цепи европейской пехоты конца XIX-XX вв. Движение осуществлялось перебежками, от укрытия к укрытию. Упав на землю, казахский воин перезаряжал ружье и совершал выстрел из положения лежа или с колена. Ставка обычно делалась не на скорострельность, а на точность попадания. Таким образом, тактика казахских стрелков в наступлении, по европейской классификации XIX в., напоминала, скорее, приемы снайперов-егерей, чем традиционный развернутый строй линейной пехоты. В ходе атаки степняки пытались охватить построения противника и нанести максимальный урон его живой силе с помощью ружейной стрельбы, не доводя сражение до рукопашной схватки. Такой прием ведения боя был максимально эффективен в столкновении с противником, придерживающимся сугубо оборонительной тактики. Неожиданная контратака конницы или пехоты противника представляла значительную угрозу для пеших казахских стрелков. Поэтому в сражении наступающих туфакандазов прикрывали спешенные копейщики и большие массы конницы.

На протяжении XVIII – первой половины XIX вв. роль огнестрельного оружия в сражениях на среднеазиатском театре боевых действий постепенно возрастала. Однако настоящим потрясением для военачальников региона стало знакомство с боевой практикой европейского образца, которая была привнесена в Дашт-и Кипчак и Мавераннахр армией Российской империи. Выдержать «огневой вал» регулярной пехоты и слаженную интенсивную стрельбу спешенных казаков среднеазиатской коннице было крайне сложно. Это придало дополнительный импульс развитию пехотной тактики в казахской армии, а в кокандских и бухарских войсках стимулировало бурное развитие отрядов сарбазов.

Серьезным вызовом для среднеазиатских противников России стало распространение в имперских войсках нарезного оружия. Если эффективная стрельба из гладкоствольных ружей на протяжении большей части XVIII в. была сопоставима с дальностью стрельбы из сложносоставных луков (около 100 м), то уже гладкоствольное кремневое ружье образца 1839 г. имело прицельную дальность 300 м, а 6-линейной винтовки образца 1856 г. – 840 м (Леонов, Ульянов, 1995, с. 34, 139; Шестрем, 2009, с. 122; Энглунд, 2009, с. 148; Михайлов, 2003). Сочетание высокой боевой выучки, богатого военного опыта и передового вооружения превращало российские отряды в опасного противника даже для больших среднеазиатских армий. В случае нападения превосходящих сил кочевников российские солдаты и казаки быстро возводили стационарные полевые укрепления³ и срывали вражеские атаки меткой стрельбой из огнестрельного оружия. Традиционных способов для быстрого захвата таких «огневых точек» было недостаточно, поэтому степные военачальники начали поиски новых тактических приемов, позволяющих преодолеть простреливаемое пространство с минимальными потерями. Боевая практика показала, что наиболее эффективным способом борьбы с окопавшимися стрелками являются передвижные полевые укрепления, которые сами русские офицеры именовали на европейских манер «турами» и «мантелетами». Данный военный феномен уже был кратко рассмотрен нами (Бобров, 2012, с. 121). В настоящей статье мы подробно проанализируем конструкцию передвижных

³ Обычно оборудовался бруствер из поклажи, земляных насыпей, стреноженных лошадей, трупов лошадей и верблюдов.

казахских полевых укреплений и особенности их боевого применения на примере военных кампаний первой половины – середины XIX в.

Вероятно, первым сражением XIX в., в котором казахские войска применили «туры», было боевое столкновение в урочище Ходжаберген в пустыне Музбиль (Западный Казахстан). В сентябре 1803 г. большой российский торговый караван (55 верблюдов), с которым двигалось российское посольство в Бухару, был блокирован и атакован казахскими воинами племени шекты, поколения алимулы Младшего жуза во главе с ханом Абулгазы Каиповым, биями Жаназаром, Жанузаком и др. Их отряды⁴ окружили караван и пресекли попытки лояльных России казахов – «чумекейцев» (до 300 чел.) деблокировать российское посольство. Казаки из сопровождения российского посла Я.П. Гавердовского (50 чел.) укрылись в импровизированном укреплении, составленном из тюков с товарами, снятых с верблюдов. Метким ружейным огнем и умелыми контратаками они отбили несколько казахских атак. Тогда кочевники и начали «вязать туры», укрывшись за которыми они стали приближаться к позициям казаков: «Бесперывное стечение киргизцев увеличилось, наконец, до того, что могли они в сажнях в 100 от редута сделать неразрывный круг и облечь нас отовсюду. *Некоторые рубили по песках растущий кустарник и сваживая оный в кучи, делали в рост человеческий связки, засыпая их песком наподобие тур, по-киргизски называемые аратура*» (здесь и далее курсив наш – Л.Б.) (История Казахстана..., 2007, с. 245).

Судя по записям Гавердовского, этот тактический прием (наряду с жаждой) стал одной из ключевых причин, побудивших его начать переговоры со степными военачальниками: «Утомленные люди, будучи от безводной степи и не пившие двое суток в жар, увеличивающийся до 24 градусов, требовали решительно или выдать им нападающим бесперывно киргизцам, или напоить их. Не имея сил воспротивиться сему требованию, *а более потому, что киргизцы, навязав из прутнику круглые туры в рост человека, пешие подкатывали оные к нашей защите и стреляли из-под оных*, не щадя кровь свою, или желая нас обмануть, все еще предлагали договоры, а, напоследок, с согласия отставших купцов и всего общества, я решился принять оные»... (История Казахстана..., 2007, Т. 5, с. 519). В другом своем произведении Гавердовский дал более подробное описание особенностей боевого применения казахских «туров»: «К вечеру, по бесперывным стечениям злых партий, скопище неприятелей сделалось несравненно более; *они стали рубить по пескам растущий кустарник, потом, связав кучу, делали в рост человеческий связки и засыпали оные песком, уподобляя военным турам*, с которыми вместе в сумерки в сажнях в 80 от нашего укрепления встали все в круговой около нас караул. Целую ночь, с ужасным шумом, имели они переключку один к другому сими словами: «Никого из городка, ниже в городок не пропускать!» ...Хотя в силу мирных переговоров и положено было вчера не начинать воинского действия, но *киргизцы между тем пользуясь тишиною, подкатывали к нам ближе сделанные ими туры с намерением, дабы удобнее и безопаснее к нам делать из ружей залп*. Часть их, будучи пешими, облегла таким образом весь стан наш и готовилась уже к перестрелке, а другие, сидя на лошадях, готовы были к соделанию атаки... *подкатывали к нам сделанные туры и приготавливались к сильнейшему удару...*» (История Казахстана..., 2007, Т. 5, с. 137-140, 142, 246).

Согласно данным Я.П. Гавердовского, передвижные казахские укрепления в Ходжабергенском сражении представляли собой большие (в рост человека) плетеные из кустарника корзины («связки»), в которые засыпался песок. То, что поручик именует их «турами», далеко не случайно. В начале XIX в. в европейской военной науке под этим термином понималась: «...плетеная из прутьев цилиндрическая корзина без дна, заполненная землей», которая, в зависимости от вида (саперная или батарейная), имела в высоту 1,3 м, диаметр до 1 м и массу до 62 кг (Краткий артиллерийский..., 2006, с. 175). В военной практике Европы они использовались «...для устройства укрытий для пуль и снарядов, а также для укрепления крутых земляных насыпей» (там же). Таким образом, по своей конструкции казахские туры отличались от европейских аналогов большими размерами и наполнением (песок вместо земли). Более существенными были отличия в системе боевого применения туров солдатами регулярных армий и кочевниками. И те, и другие использовали туры как защиту от пуль. Однако номады воспринимали их не как стационарное оборонительное, а как подвижное полевое укрепление, применяемое для штурма вражеских позиций. Степные стрелки, укрывшись за турами, постепенно передвигали их все ближе и ближе к российским позициям и параллельно вели огонь по казакам (рис. 1, 1). К сожалению, из описания Гавердовского не очень понятен механизм передвижения казахских туров, т. к. колесная база, как на позднейших мантелетах (см. ниже), российским офицером не упомянута. Если туры не укладывались на повозки, то их могли либо перетаскивать с места на место в вертикальном положе-

⁴ Первоначальная численность нападающих (по оценке Я.П. Гавердовского) составляла около 800 всадников, а затем возросла до 1 500 и более чел. (История Казахстана..., 2007, с. 10, 243, 245).

нии (рис. 1, 3), либо перекачивать, положив на бок (рис. 1, 4). Первый вариант представляется более предпочтительным, так как при перекатке из туры неизбежно высыпался бы песок, что снижало бы ее защитные функции. Интересно, что российский офицер пишет о том, что казахи: «пешие подкатывали оные [туры] к нашей защите и *стреляли из-под оных*». Это позволяет предположить, что укрывшиеся за турами степные стрелки вели огонь из положения лежа.

Нельзя не отметить и еще одно характерное назначение «туров» в военной практике казахов. Как отмечает Я.П. Гавердовский, ночью кочевники соорудили из них некое подобие охраняемых осадных укреплений, которое, вероятно, должно было помешать казакам совершить неожиданное ночное нападение на военный лагерь кочевников.

Применение казахами туров в Ходжабергенском сражении не привело к разгрому российского отряда, но стало одной из ключевых причин, вынудивших казаков идти на прорыв, бросив многочисленные товары (на общую сумму 260 тыс. руб.), которые и являлись главной целью кочевников. Таким образом, применение туров против окопавшихся ружейных стрелков оказалось достаточно эффективным тактическим приемом. Судя по данным Гавердовского, главной проблемой для степняков было перетаскивание туров с места на место, что требовало много времени и сил, а также длительность изготовления плетеных корзин. Данные сложности были с успехом разрешены казахскими военачальниками 30-х гг. XIX в.

Во второй половине 30-х – середине 40-х гг. XIX в. Казахская степь стала центром мощного повстанческого движения во главе с султаном (впоследствии ханом) Кенесары Касымовым. Этому правителю удалось установить в своих отрядах суровую дисциплину, что сразу повысило их боеспособность. Уже в первых сражениях с российскими войсками воины Кенесары применили против них передвижные полевые укрепления нового образца.

В конце 1837 г. казахские кочевники совершили нападение на казачий отряд, охранявший караван, направлявшийся в Ташкент (Национально-освободительная борьба..., 1996, с. 68). Охрана каравана состояла из 48 казаков и 6 урядников под командованием хорунжего Рытова. Последний недальновидно разделил своих подчиненных на две группы, одна из которых (20 казаков и 3 хорунжих) подверглась неожиданному нападению кочевников и была полностью уничтожена. Вторая группа во главе с самым Рытовым была блокирована в районе Актауского укрепления отрядами Кенесары Касымова, которые (по российским данным) насчитывали 800 всадников. Люди Рытова успели выбрать «удобнейшее к защите место», спешиться и встретить огнем лавину наступающей степной конницы. О дальнейших событиях мы узнаем из рапорта коменданта Актауского укрепления войскового старшины Симонова (записанного со слов пробившихся из окружения казаков) и донесения начальника Сибирского таможенного округа министру финансов (от 20 марта 1838 г.). После того, как казаки «сделали сильный отпор из карабинов» (там же, с. 59), К. Касымов приказал своим воинам спешиться и начать обстрел российских позиций из ружей. Чтобы отрезать казакам пути к отступлению, степные стрелки вели огонь по казачьим лошадям, убив и ранив большинство из них: «Киргизы с криком бросились на казаков, но, встретив залп из карабинов, отступили и начали издали стрелять из винтовок. Эти выстрелы делали много вреда казакам, так что лошади были почти все переранены, а некоторые и убиты» (Национально-освободительная борьба..., 1996, с. 68, 69). Однако, даже лишившись лошадей, казаки продолжали вести активный огонь, не подпуская кочевников к своим позициям. Именно тогда К. Касымов выложил свой главный тактический козырь: «Предводитель разбойников, видя ущерб своих сообщников, распорядился *сделать наскоро из мелкого полевого растения (карагана) укрепление*. Это было сделано тогда, когда уже у казаков лошади были пристрелены, а потому и полагали киргизцы их уже побежденными», «...в следующий день киргизы *начали вязать фашинник из кустарника и этот фашинник, положив на арбы (телеги о 2-х колесах), составили, таким образом, подвижное укрепление и, быв защищены от выстрелов, начали подступать к отряду казаков*» (там же, с. 59, 68, 69).

Рытов сразу оценил грозившую его отряду опасность и принял, вероятно, единственно возможное в данной ситуации решение: подпустив арбы с фашинником на минимальное расстояние, атаковать и захватить вражеские передвижные укрепления. Неожиданная контратака казаков с последующей рукопашной увенчалась успехом, но в ходе нее небольшой отряд понес значительные потери, причем погиб и сам хорунжий Рыков: «По благоразумному распоряжению г-на хорунжего Рытова в крайнем сем случае казаки взяли штурмом сделанное киргизами укрепление с приобретением одного знамени, 33 пик, 9 ружей, 5 сабель и 10 ятаганов (или айбалтов).⁵ Донося о происшествии этом Вашему высокоблагородию, с прискорбием моим осмелюсь доложить, что приобретением таких ничтожных

⁵ Имеются в виду казахские топоры с «луновидным» лезвием (казахск. «айбалта»).

трофеев оценено потерей хорунжего Рытова, 4 урядников, 22 казаков и одного фельдшера»⁶, «...офицер Рытов видя опасность, решился отнять у киргиз сделанное ими укрепление и, подпустивши их на близкое расстояние к себе, бросился со всеми людьми и вытеснил киргиз. Но при этой схватке убит был сам Рытов, получив удар топором в голову, убиты также два урядника и несколько казаков» (Национально-освободительная борьба..., 1996, с. 59, 68, 69).

Оставшиеся в живых казаки не рискнули пробиваться к своим, не имея лошадей, и «остались в отнятом у киргизов временном укреплении в ожидании помощи от отряда через посланных в Актав отважных казаков...» (Национально-освободительная борьба..., 1996, с. 59). Интересно, что захваченные казаками арбы кочевников оказались весьма надежным укрытием и позволили отбивать атаки противника на протяжении нескольких последующих дней: «Прочие же казаки, оставшиеся живыми, засевши в отнятом у киргиз укреплении, с большим успехом начали отражать киргиз, делая выстрелы весьма удачные, и в этом укреплении пробыли 5 суток, оставаясь там и тогда, когда уже киргизы удалились от них. Наконец, они, не могши дожидаться никакой помощи из Актау, решились сами идти туда и, прошедши верст 5, были встречены войсковым старшиной Симоновым с отрядом казаков» (Национально-освободительная борьба..., 1996, с. 68, 69).

Анализируя события данного боевого столкновения, можно отметить, что применение передвижных укреплений для штурма позиций российских казаков вновь (как и в Ходжабергенском сражении) оказалось весьма успешным. Приближающиеся арбы вынудили казаков оставить свое «удобнейшее к защите место». Если бы не отчаянная контратака людей Рытова, в ходе которой русские отбили арбы у степняков, то вторая часть отряда вполне могла разделить участь своих погибших товарищей. Ход сражения продемонстрировал Кенесары Касымову как эффективность применения передвижных укреплений, так и необходимость их защиты от встречных атак противника.

Уже в следующем 1838 г. казахи попытались применить «вагенбург» из нагруженных арб в оборонительном бою. Однако подобный способ обороны оказался не слишком эффективным перед картечным ударом русских пушек и атакой спешенных казаков. Ход этого боевого столкновения подробно описан начальником заграничного военного отряда войсковым старшиной Карбышевым: «Я послал сотника Лебедева и хорунжего Швабского с 4 взводами казаков, чтобы до стемнения вечера поспешнее из аулов оных захватить почетных людей. Но с приступлением к исполнению посланными киргизы, пользуясь гористою местностью, стемнеющим вечером *из свернутых в виде защиты тарнтаек своих с тяжестью, с легко поставленными кошами оказали упорство свое, с открытием ружейных выстрелов*, застрелив под казаком 2-го полка Файлиевым строевую лошадь, и приготовились к рукопашной драке с дубьем. Как с прибытием моим доложил мне хорунжий Швабский, киргизы на несколько сделанных по ним из пехотных ружей выстрелов по распоряжению офицеров сих, остаются неприклонными. Чтобы не промедлить до совершенной темноты ночной, я приказал усеять их двумя картечными выстрелами из орудий. Затем посланным мною сотником Лебедевым с 4 урядниками и 48 казаками пешими захвачено несколько киргизов. С возвращением ко мне доложил, что часть упорствовавших истреблена на месте и часть, пользуясь стемнением вечера, на неровной местности скрылась бегством, доставя при том от первых 4 турки⁷» (Национально-освободительная борьба..., 1996, с. 89-90).

Тактика применения груженных арб для защиты наступающих стрелков от огня обороняющихся российских войск не была забыта и преемниками Кенесары. Причем враждебные России казахские военачальники пытались научить ей своих узбекских союзников. Так, например, сын Кенесары султан Садык инициировал применение данной тактики в знаменитом сражении под Иканом в 1864 г., когда небольшой отряд российских казаков был атакован армией Кокандского ханства.⁸

Интересно, что этот эпизод получил двустороннее освещение. Он описан как самим султаном Садыком, так и его противником есаулом Серовым. По словам Садыка, когда он со своим отрядом подошел к Икану, то: «...узнал, что русские все еще не разбиты, а продолжают отстреливаться. Тогда султан Садык сказал Алимкулу⁹: *«Этих русских таким порядком разбить нельзя, сколько бы вы ни напали на них. Мой отец, Кенесара-хан, при нападении на таких, остановившихся и засевших, русских обыкновенно атаковал их, защищаясь от пуль толстым, непроницаемым валом травы»*. Потом он приказал войску

6 В докладе старшины Симонова, составленного по горячим следам, к числу потерь при атаке казахских передвижных укреплений были отнесены и погибшие в первом казачьем отряде (23 чел.). Более точные сведения о потерях приведены в донесении начальника Сибирского таможенного округа министру финансов от 20 марта 1838 г. (см. ниже). Казахов (по российским сведениям) было убито около 60 чел. (Национально-освободительная борьба..., 1996, с. 60).

7 «Турка» – ружье с фитильным замком.

8 Российский отряд состоял из 114 уральских казаков, вооруженных нарезными ружьями. К отряду было приписано и оружие «единорог». Кокандская армия насчитывала около 10 тыс. воинов при нескольких пушках (Султаны Кенесара и Садык..., 1889. Приложения, с. 31, Михайлов, 2003, с. 269, 270).

9 Командующий кокандской армии.

нарезать камыша и нарвать полыни и сделать большия связки. Эти связки (мантелеты) покатили к русским, при чем для каждой было назначено по ста человек. Подкативши связки к русским возможно близко, нападавшие выскочили из-за них и бросились; в это время главное войско подскочило сзади; русские были разрознены, частью убиты, а частью взяты в плен и увезены. Начальник русских казаков, есаул Серов, пробился чрез кокандское войско и с 30 казаками стал отступать к Туркестану» (Султаны Кенесара и Садык..., 1889, с. 43).

Этот же эпизод в изложении есаула Серова в донесении коменданту г. Туркестан 08.12.1864 г.: «Видя совершенную невозможность подойти ближе к нашему отряду, без всякого прикрытия, *неприятель начал подвозить камыш и разный мелкий лес для устройства мантелетов и каких-то щитов на двухколесных арбах... Рано утром 6-го декабря, заметивши, что у неприятеля были уже готовы мантелеты и щиты с разных сторон нашей позиции, числом 16, видя более чем критическое положение своего отряда и в ожидании помощи из Туркестана, чтобы как-нибудь оттянуть время, предупредив казаков, я вышел вперед на несколько шагов из занятой позиции, махнул к неприятелю рукой, показывая этим, что хочу иметь переговоры... Заметивши в это время, что мантелеты и щиты начали подкатывать к отряду, я упрекнул кокандца, что при переговорах наступление никогда не делается, и тотчас же вернулся на позицию. Выиграл времени более, чем на два часа. Снова началась стрельба и началась прежде из моего отряда, чтобы не дать неприятелю подойти ближе, что и продолжалось с 7 утра до часу пополудни. Ожесточенный неприятель стрелял чрезвычайно часто и метко, раза четыре кидался из-за мантелетов, но был отбиваем нашими выстрелами, причем окончательно были перебиты все лошади и убито наших 3 урядника, 33 казака и 1 фурштат, ранено 4 артиллериста и несколько человек казаков.... Не находя решительно никакой возможности держаться более на своей позиции при такой сильной стрельбе и натиске тысячной кавалерии неприятеля, живо заклепали единорог и с криком «ура!» кинулись отступать, выстрелами пролагая дорогу, решившись пасть или пробраться к своему отряду...» (Султаны Кенесара и Садык..., 1889, Приложение, с. 34-37).*

Таким образом, оба участника сражения сходятся в том, что главной причиной ухода казаков с занимаемых позиций стала комбинированная атака пеших стрелков, укрывавшихся за 16 «мантелетами», и натиск многочисленной конницы. Данный эпизод весьма интересен еще и тем, что, приблизившись к российским позициям, среднеазиатские воины не только вели обстрел, но и «кидались» из-за своих передвижных укрытий в атаку.

Надо сказать, что практика использования казаками и кокандцами передвижных «мантелетов» привлекла внимание российского командования и военных теоретиков. Известный исследователь генерал М.А. Терентьев особо отметил роль передвижных укреплений в событиях 1864 г.: «Боясь атаковать лагерь [русский] открытой силой, они [кокандцы] принялись свозить камыш и колючку, из которых устроили что-то вроде мантелетов и щитов на двухколесных арбах и, подкатывая эти подвижные блиндажи, безопасно приближались к осажденному отряду... Уральцам приходилось плохо: утром 6 декабря неприятель имел уже до 16 щитов, под прикрытием которых он, по-видимому, готовился окончательно атаковать лагерь. Что это за щиты? Официальное донесение называло их и мантелетами, очевидцы уверяли, что это просто вязанки сена, подвязанные и снизу, и сверху арбы, которую и катили к казакам, закрываясь ею от выстрелов» (Терентьев, 1906, с. 301, 303). Несмотря на весь скепсис по отношению к «подвижным блиндажам», офицеры императорской армии не могли не отметить эффективность таких укрытий для атакующих пеших стрелков. Идея применения передвижных щитов (но уже из металла) для защиты наступающей пехоты периодически будоражила умы российских военных теоретиков вплоть до Первой мировой войны. Дело дошло даже до полевых испытаний экспериментальных образцов, которые неплохо себя зарекомендовали. Однако вернемся к классическим казахским «мантелетам» середины XIX в.

Через два года после Иканской битвы султан Садык снова применил «мантелеты» против российских казаков. По данным султана, в столкновении у источника Сары-булак в 1866 г. его отряду (800 чел.) противостояло 200 казаков: «Сто сорок казаков, оставшиеся на песчаном холме, еще не успели узнать об этом [разгроме кочевниками российского конвоя в 60 чел. – Л.Б.], султан Садык приказал собрать саксаулу, джынгылу и других кустарников, связать из них связки, непроницаемые для пуль, и подкатил их к холму с трех сторон. Увидя это, казаки тоже укрепились, сделав насыпи из песка. Киргизы, подкатывая связки и стреляя из-за них, продолжали нападение три дня. Русские были в весьма тяжелом положении: без воды между раскаленным солнцем песком. Не вынося безводия (жажды) и жары песка, они три раза делали вылазки с холма к подкатываемым связкам. Однажды, когда они, стреляя из ружей, подбежали к связкам на длину веревки, вдруг появились лазутчики с известиями, ходившие в сторону Перов-

ска. Джигиты Садыка, набранные им из ташкентских киргизов, все стали проситься домой. Не находя возможности отказать им в этой просьбе, султан Садык отступил, захватив с собой отбитых у русских лошадей и верблюдов» (Султаны Кенесара и Садык..., 1889, с. 56, 57).

Таким образом, по мнению Садыка, его атака у Сары-булак была весьма успешной. Ему удалось взять в кольцо российский отряд, отразить контратаки казаков, пытавшихся отбить «мантелеты» и захватить коней и верблюдов. По версии султана, его отступление было вызвано не ожесточенным сопротивлением блокированных русских, а уходом «ташкентских» казахов, составлявших значительную часть его корпуса. В сражении отряд Садыка потерял 22 чел. убитыми и 40 ранеными. Потери русских Садыку известны не были. По его предположению русские потеряли более 60 чел. (Султаны Кенесара и Садык..., 1889, с. 57).

Подробные описания современников, многочисленные рисунки, фотографии и этнографические материалы позволяют реконструировать устройство казахских «штурмовых повозок» и особенности их боевого применения.

Столкнувшийся под Иканом с казахскими передвижными укреплениями есаул Серов обозначил их, как «мантелеты». В европейской военной практике XIX в. мантелетом назывался «...большой тур длиной до 230 см и диаметром до 120 см, заполнявшийся 25 фашинами до 25 см каждая, связанными в 4-5 колец» (Краткий артиллерийский..., 2006, с. 103). Принципиальное отличие казахского «мантелета» от своего европейского аналога заключалось в том, что он имел колесную базу, то есть был передвижным.

Основными компонентами казахского «мантелета» были арба и заполняющие ее фашины. Классический вариант «туркестанской» или «бухарской» арбы XIX в. представлял собой одноосную повозку с парой больших колес и длинными массивными оглоблями (рис. 2-4). По данным авторов российской «Военной энциклопедии» начала XX в. выделялись два типа повозок: «одноконная» и «пароконная». Они имели идентичную конструкцию и отличались только размерами. К деревянной оси арбы крепились две «дрожины», их передние концы составляли оглобли, в которые впрягалась лошадь. У парной арбы вторая лошадь припрягалась сбоку с помощью веревочных постромков. Кузов повозки мог иметь от 1 до 4 вертикальных или наклонных бортов.¹⁰ Характерной особенностью узбекских арб были огромные (до 2 м в диаметре) колеса, позволявшие повозке преодолевать арыки, не замочив лежащего в кузове груза (рис. 2, 3). Судя по изображениям, казахские арбы имели колеса меньшего диаметра (рис. 4). При движении погонщик находился не в самой повозке, а верхом на впряженном в нее коне (рис. 2-4). Фашинник для наполнения арб изготовлялся из связок собранных на поле боя растений – травы и кустарников. В числе прочих современниками упомянуты караган, саксаул, полынь, джидгылу, камыш.

Перед атакой лошадь выпрягалась из арбы. Повозка разворачивалась оглоблями назад, задним бортом вперед. Возможно, что борта телеги, а также пространство между высокими колесами арбы могли дополнительно прикрываться деревянными щитами. В кузов загружали связки травы и кустарников с таким расчетом, что за повозкой с фашинником могли укрыться следующие за арбой стрелки, построенные в колонну. Численность такой колонны могла насчитывать несколько десятков человек.¹¹ «Мантелет» приводился в движение мускульной силой воинов, ухватившихся за оглобли повозки и упершихся руками в ее борт (борта) (рис. 1).

Принцип применения казахских «мантелетов» на поле боя отдаленно напоминал танковую атаку. Грузенные фашинником арбы медленно двигались в сторону позиций противника, укрывая за своими щитами и бортами пеших кочевников, практически неуязвимых для легкого стрелкового оружия противника (рис. 1). Даже если пуля и пробивала деревянные борта повозки, то она вязла в связках травы и кустарника, заполнявших кузов. В свою очередь укрывшиеся за арбами кочевники вели активную стрельбу по вражеским позициям, а приблизившись на минимальное расстояние, выскакивали из-за мантелетов и бросались в атаку (рис. 1). Если осажденным удавалось отбить натиск, то номады возвращались под защиту мантелетов, чтобы через некоторое время повторить атаку. Можно предполагать, что для повышения защитных свойств передвижных укреплений (особенно при использовании колонн воинов большой численности) арбы могли располагаться вплотную друг к другу, формируя своеобразную «стену щитов». Судя по описаниям современников, применялся и принцип одновременной атаки под прикрытием «мантелетов» с разных сторон. Партнером пеших стрелков наступавших под прикрытием повозок была многочисленная конница, которая страховала и поддерживала пехотинцев.

¹⁰ Однако часто встречались арбы, вовсе не имевшие бортов.

¹¹ В сражении под Иканом за каждым мантелетом следовало около 100 воинов (Султаны Кенесара и Садык..., 1889, с. 43).

При всей своей простоте казахская тактика атак в пешем строю под прикрытием туров и мантилетов оказалась весьма эффективной в столкновении с противником, вооруженным ручным огнестрельным оружием. Заполненные песком туры и прикрытые щитами повозки лишали российских казаков их главного преимущества в дистанционном бою – способности быстро и метко поражать противника на максимальном расстоянии. В течение первой половины XIX в. изначальная практика применения плетеных туров была усовершенствована за счет добавления колесной базы в виде арбы с высокими бортами. Подобные изменения позволили существенно повысить скорость передвижения полевых укреплений, а также сэкономить время на их изготовление (трудоемкая плетеная «корзина» тура была заменена связками травы и кустарника в кузове арбы). Эффективность действий «боевых повозок» была особенно высока при поддержке артиллерии и конницы. Атака под прикрытием мантилетов позволяла решить главную тактическую задачу – преодолеть простреливаемое из винтовок пространство, подойти вплотную к вражеским позициям и заставить обороняющихся оставить укрытия. Приближение «боевых повозок» вынуждало российских казаков покидать свое укрепление и проводить контратаку с целью захвата мантилетов (столкновение у Актауского укрепления и у Сары-булак), либо начать отступление с позиций (Иканское сражение).

Отмечая общую эффективность применения «боевых повозок», нельзя не отметить и слабые стороны данной тактики. Так, например, казахские повозки часто были малоэффективны при ведении оборонительного боя, так как «вагенбург», составленный из легких арб, был уязвим для огня российской артиллерии. Пушки вообще оказались главным «противоядием» против степных мантилетов. В наступательном бою борты и щиты повозок, защищавшие от ружейных пуль, легко разбивались ядрами и гранатами.¹² Многое зависело и от поведения противника. Приблизившиеся вплотную к вражеским позициям мантилеты могли стать жертвой стремительной контратаки противника (см. выше). Наконец, следует учитывать еще один немаловажный фактор. Если траву и кустарник для изготовления фашин можно было собрать непосредственно на поле сражения, то за арбами надо было, как правило, отправляться в ближайшее кочевье или иной населенный пункт. Подобная временная отсрочка могла дорого стоить кочевникам.

Вопрос о времени появления тактики передвижных туров и мантилетов у казахов остается открытым. Сплетенные из прутьев или сбитые из деревянных досок станковые щиты для прикрытия спешенных лучников и копейщиков активно использовались кочевниками еще в период Средневековья (Бобров, Худяков, 2008, с. 500-503). На вооружении среднеазиатской армии 1486 г. упомянуты некие передвижные укрепления, которые Мухаммад Шейбани-хан именует «араба-тура» (досл. «повозка-щит»). В ходе битвы они служили основой строя хорасанско-хорезмийской армии, а вечером, после сражения, среднеазиатские воины «составили араба-тура как крепость» (Материалы по истории..., 1969, с. 24, 499). Интересно, что термин «араба-тура» применялся казахами для обозначения своих полевых укреплений даже в начале XIX в.¹³ Ретранслированная турками на восток гуситская тактика вагенбургов получила известное распространение в Мавераннахре XVI в. и эффективно применялась Бабуром в Индии (Бобров, 2012, с. 113). «Вагенбурги» из сцепленных телег для прикрытия ружейных стрелков и лучников использовались кочевниками из Дашт-и Кипчак в последней трети XVI в. (Бобров, 2012, с. 113). Однако в этот период, в силу различных причин, тактика «вагенбургов» не получила широкого распространения среди номадов (Бобров, 2012, с. 114). На наш взгляд, рост популярности мантилетов был связан с распространением в регионе огнестрельного оружия в XVIII – первой половине XIX вв. Необходимость защиты от огня ойратов и узбеков привело к распространению среди казахов тактики «живых крепостей», составленных из положенных на землю верблюдов и коней. Однако такие «живые щиты» были эффективны при ведении оборонительного боя, в то время как в наступлении более действенными оказались передвижные туры и мантилеты. Бурное развитие передвижных укреплений в первой половине XIX в. было вызвано, в первую очередь, необходимостью защиты стрелков от дальнобойных российских ружей. Мантилеты не стали панацеей от «огневого вала», но существенно повысили боеспособность казахских войск на поле боя. Тактика передвижных укреплений стала интересным оригинальным примером адаптации военного искусства номадов к военным реалиям Нового времени.

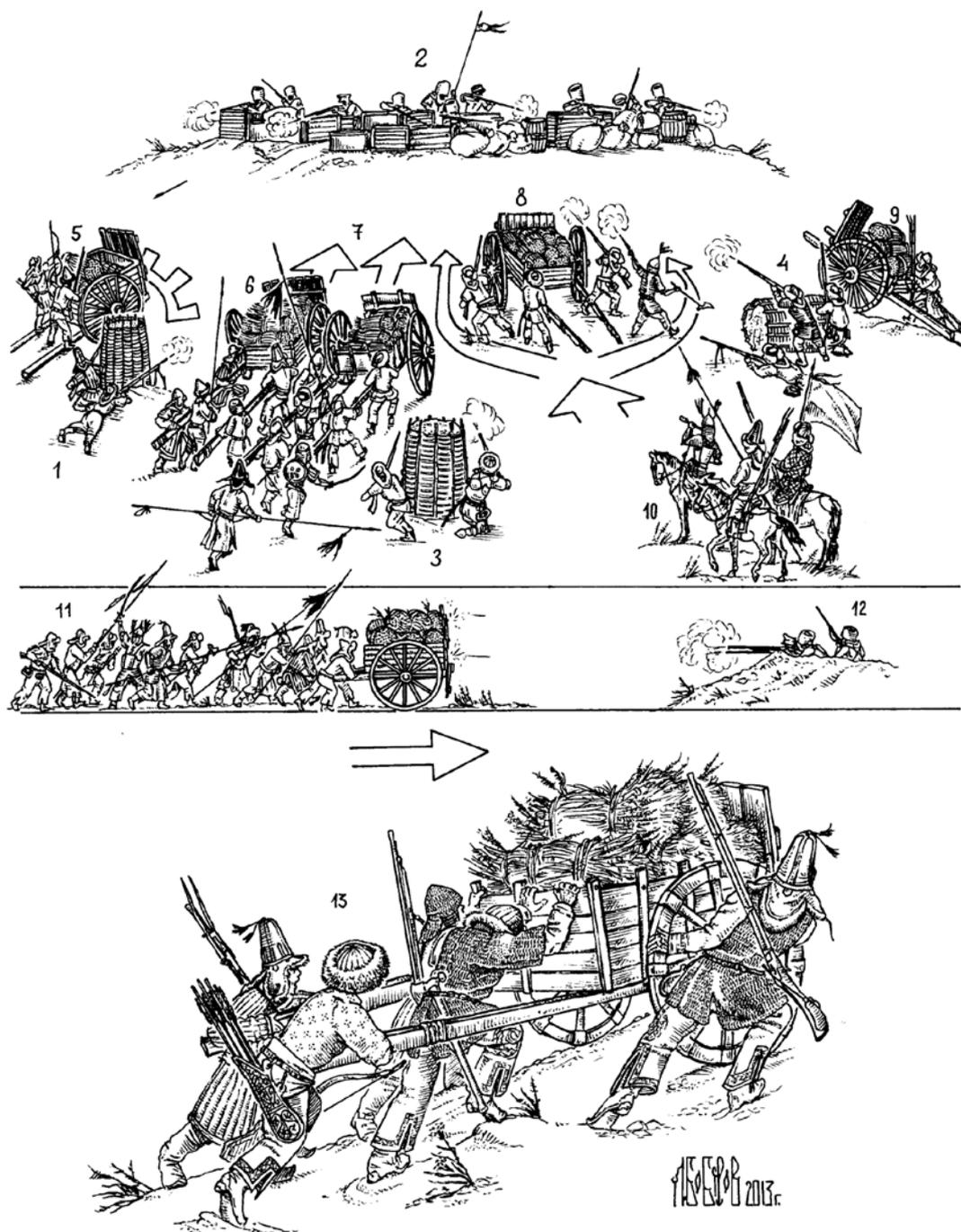
12 Исключение составила Иканская битва, где против одного русского орудия-«единорога» действовала многочисленная кокандской артиллерии, прикрывавшая наступление 16 мантилетов.

13 В изложении Я.П. Гавердовского, «араба-тура» звучала, как «аратура»: «Некоторые рубили по пескам растущий кустарник и сваживая оный в кучи, делали в рост человеческий связки, засыпая их песком наподобие тур, по-киргизски называемые аратура». (История Казахстана..., 2007, с. 245).

Литература

1. Бобров Л.А. Вооружение и тактика восточных и западных монголов в эпоху позднего Средневековья (XVII в.) / Историко-культурное наследие Северной Азии: Сб. науч. тр. / Под ред. А. А. Тишкина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 11-19.
2. Бобров Л.А. Вооружение и тактика монгольских кочевников эпохи позднего Средневековья / Para-Bellum: военно-ист. журнал. Спец. вып. – СПб., 2002 а. № 13. – С. 93-98.
3. Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в пешем строю в последней трети XVI – середине XIX вв. / Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. I. – СПб: «ВИМАИВиВС», 2012. – С. 105-135.
4. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Учебное пособие. – Н.: Новосиб. Гос. Ун-т, 2010. – 288 с.
5. Бобров Л.А., Пастухов А.М. Ойратская артиллерия XVII-XVIII вв.: вопросы происхождения, конструкции и боевого применения / Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 2007. – С. 170-247.
6. Бобров Л. А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). – СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 770 с.
7. Бобров Л. А., Худяков Ю.С. Огнестрельное оружие в войсках Джунгарского ханства (1635-1758 гг.) / Роль nomadов в формировании культурного наследия Казахстана. – Алматы: Print-S, 2010. – С. 204-217.
8. Краткий артиллерийский военно-исторический лексикон, или терминологический словарь всего, преимущественно до русской полевой артиллерии начала XIX столетия касаемого. – М., 2006: «Государственный исторический музей». – 232 с.
9. Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Регулярная пехота: 1698-1801. История Российских войск. – М.: ТКО «АСТ», 1995. – 296 с.
10. Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата: Изд-во «Наука», 1969. – 540 с.
11. Михайлов А.А. Первый бросок на юг. – М.: «АСТ»; СПб: «Северо-Запад-Пресс», 2003. – 427 с.
12. Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова (Сборник документов). – Алматы: «Гылым», 1996. – 512 с.
13. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. – М.: «Яуза», «Эксмо», 2010. – 448 с.
14. Султаны Кенесара и Садык. Биографические очерки султана Ахмета Кенесарина. Обработано для печати и снабжено примечаниями Е.Т. Смирновым. – Ташкент, 1889.
15. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами. – СПб., 1906. Т. I. – 510 с.
16. Шестрем О. Шведская тактика на поле боя в эпоху Карла XII. 1700-1709 / Военно-исторический журнал; Старый Цейхгауз. Совместный выпуск, посвященный 300-летию юбилею Полтавского сражения, 2009. – С. 121-128.
17. Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. – М.: «Новое литературное обозрение», 2009. – 340 с.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Применение казахских «туров» (1, 3, 4) и «мантелетов» (5-9, 11, 13) в бою. Схемы (1-12) и художественная научно-историческая реконструкция (13).

- 1,3,4. Стрельба из-под прикрытия туров.
2. Стрельба казаков из-за «баррикад», составленных из товаров, снятых с верблюдов.
- 5,9. Стрельба из-за мантелетов.
- 6,7. Движение пеших казахских воинов под прикрытием мантелетов.
8. Атака из-за мантелетов.
10. Конница, прикрывающая атаку пеших воинов.
11. Колонна пеших воинов, наступающих под прикрытием мантелетов.
12. Стрельба казаков из-за земляной насыпи.
13. Казахские воины первой половины XIX в., катящие «мантелет», представляющий собой арбу, усиленную деревянным щитом и заполненную связками травы и кустарника.

Рис. 2. Среднеазиатская («бухарская») арба XIX в.

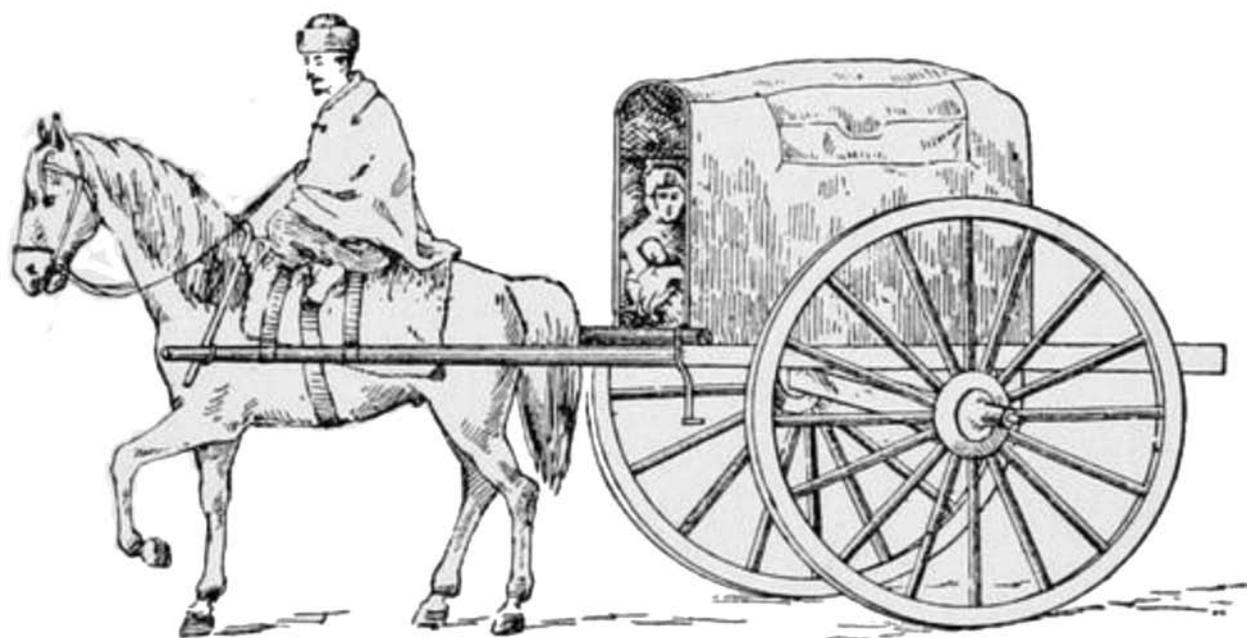
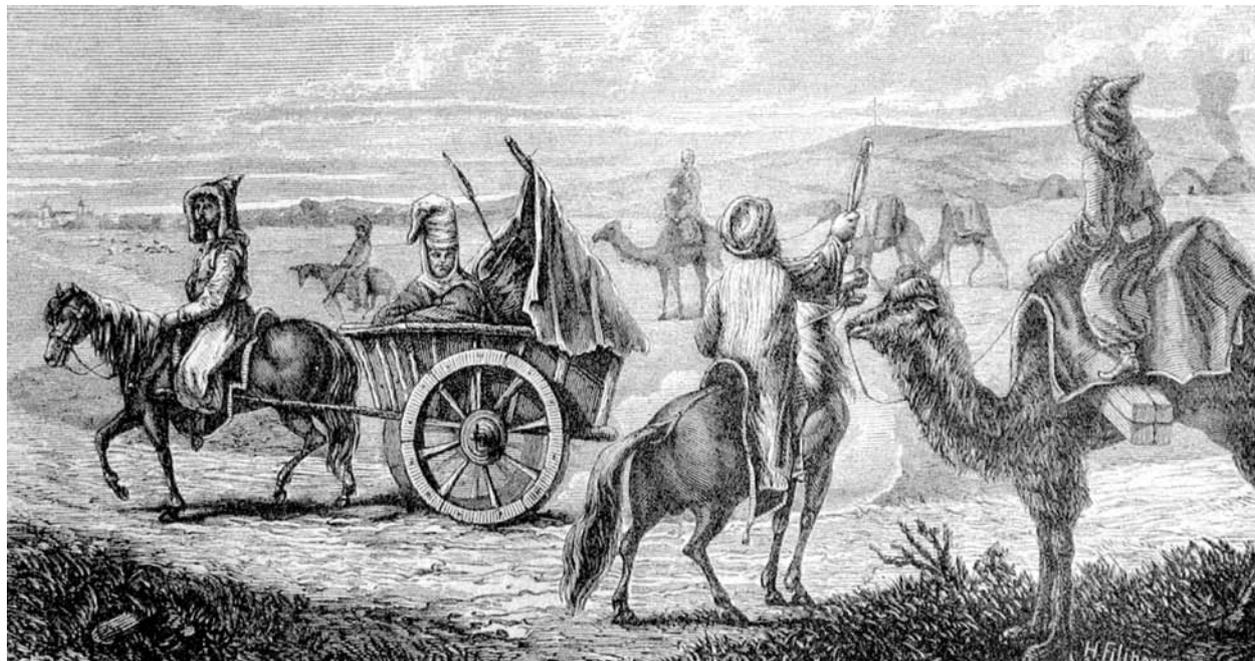

Рис. 3. Изображение среднеазиатской («бухарской») арбы XIX в.

Рис. 4. Изображение казахской арбы XIX в.

С гравюры «Казахи во время кочевки» из еженедельного иллюстрированного журнала «Всемирная иллюстрация», СПб., 1875 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Кушкумбаев А.К., Бобров Л.А. МОНГОЛЬСКАЯ ТАКТИКА ВЕДЕНИЯ СТЕПНОГО БОЯ.....	5
Имре Пачаи ТЮРКСКИЕ КОРНИ ЭТИМОЛОГИИ ВЕНГЕРСКИХ СЛОВ SEB, SEBES, SEBESEN	48
Кушкумбаев А.К. КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ ВОИНОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: МЕЧИ, ПАЛАШИ, САБЛИ, КИНЖАЛЫ, НОЖИ (ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ).....	55
Пилипчук Я.В. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ КЫПЧАКОВ В ИНДИИ В XIII В.	70
Кушкумбаев А.К. СОДЕРЖАНИЕ ДЕСЯТИЧНОЙ СИСТЕМЫ В ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МОНГОЛЬСКОЙ ЭПОХИ	80
Сабитов Ж.М. МОНГОЛЬСКАЯ АРМИЯ В 1206-1259 ГОДАХ.....	96
Парунин А.В. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ ЧЕКРЕ – ХАНА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НАЧАЛА XV ВЕКА	114
Хафизова К.Ш. ЦИНСКИЕ СТРАТЕГИ О ВОЙНЕ С КОЧЕВНИКАМИ	120
Худяков Ю.С. ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ У КЫРГЫЗОВ ТЯНЬ-ШАНЯ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ.....	125
Бобров Л.А. «СБИЛ С КОНЯ, КАК ТЮБЕТЕЙКУ...» КОННЫЙ КОПЕЙНЫЙ БОЙ КАЗАХОВ И ИХ СОСЕДЕЙ XVII – СЕРЕДИНЫ XIX ВВ.	132
Қожа М.Б. ҚАЗАҚ ХАНДАРЫНАН ҚАЛҒАН ТУ МЕН ҚЫЛЫШ ХАҚЫНДА	154
Майхиев Д.К. ВОЕННОЕ ИСКУССТВО КАЗАХСКИХ ХАНОВ.....	159
Бобров Л.А. ПЕРЕДВИЖНЫЕ ПОЛЕВЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ В ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ КАЗАХОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ – СЕРЕДИНЕ XIX В. ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ, ЭВОЛЮЦИИ И БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ.....	167

Научное издание

**ВОЕННОЕ ДЕЛО КОЧЕВНИКОВ КАЗАХСТАНА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН
ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Сборник научных статей

На титульном листе:

Рисунок 1. Казахские воины на боевом марше.

Автор – А.О. Орловский (1777-1832 гг.)

На оборотной стороне:

Рисунок 2. Шлем монгольского типа.

Из фонда Акмолинского областного историко-краеведческого музея (г. Кокшетау).

Карта 1. (с внутренней стороны). Западные улусы Монгольской империи в 1242-1265 годах.

Автор карты – А.А. Астайкин.

Карта 2. (с оборотной стороны). Большая Орда (Ұлы Ұлыс) в 1396-1437 годы.

Автор карты – А.А. Астайкин.

Статьи печатаются в авторской редакции.

Корректор М. Петровская
Дизайн, верстка А. Утемисова

Подписано в печать 18.12.2013 г. Формат 60x84/8.
Объем 22,5 п.л. Гарнитура PT Sans. Тираж 250 экз. Заказ № 109.

Отпечатано ИП «BG-PRINT»
г. Астана, ул. Бараева, 13, оф. 2
тел. (7172) 56-75-63, 56-75-62
e-mail: bg-rk@yandex.ru